ВОПРОСЫ ДНЯ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.
В. Мироновъ. Изъ области арестовъ.
Н. Рожковъ. Теоретическія предпосылки рѣшенія аграрнаго вопроса.
А. Блюмъ. Объ отношеніи с.-д—іи къ либераламъ.
М. Таганскій. Война правящей касты съ народомъ.
В. Я. Канель. Самодержавіе и народное хозяйство.
М. Покровскій. Побѣдители.
К. Левинъ. Земство и революція.
И. Степановъ. Изъ текущей жизни.
В. Фриче, Обостреніе классовыхъ противорѣчій на Западѣ.
С М—ичъ. Государственная дума и кадеты.
И. Михайловъ. О временномъ правительствѣ и о диктатурѣ пролетаріата.
С. Цейтлинъ. Русская «конституція».
З. Антоновъ. Вопросъ о свободѣ совѣсти въ партійныхъ программахъ.
И. Наумовъ. Два проекта соціалъ-демократической аграрной программы.

МОСКВА,
—
1906.

ВОПРОСЫ ДНЯ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

В74

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.
В. Мироновъ. Изъ области арестовъ.
Н. Рожковъ. Теоретическія предпосылки рѣшенія аграрнаго вопроса.
А. Блюмъ. Объ отношеніи с.-д—іи къ либераламъ.
М. Таганскій. Война правящей касты съ народомъ.
В. Я. Канель. Самодержавіе и народное хозяйство.
М. Покровскій. Побѣдители.
К. Левинъ. Земство и революція.
И. Степановъ. Изъ текущей жизни.
В. Фриче, Обостреніе классовыхъ противорѣчій на Западѣ.
С. М—ичъ. Государственная дума и кадеты.
И. Михайловъ. О временномъ правительствѣ и о диктатурѣ пролетаріата.
С. Цейтлинъ. Русская «конституція».
З. Антоновъ. Вопросъ о свободѣ совѣсти въ партійныхъ программахъ.
И. Наумовъ. Два проекта соціалъ-демократической аграрной программы.

Библіотека
Социально-Экономической
Академіи.

МОСКВА,
Типографія И. Н. Холчевъ и К°, Тверской бульваръ, д. № 105.
1906.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По независящимъ отъ составителей настоящаго сборника обстоятельствамъ сборникъ сильно запаздываетъ выходомъ въ свѣтъ. Тѣмъ не менѣе составители рѣшили его выпустить, тѣмъ болѣе, что многія изъ помѣщенныхъ въ немъ статей имѣютъ значеніе не только для текущаго момента, но и болѣе длительное.

Изъ области арестовъ.

Когда въ памятные октябрьскіе дни выходили изъ тюремъ снова бодрые и радостные люди, то всѣмъ казалось, и имъ въ томъ числѣ, что тяжелыя тюремныя двери для нихъ уже не откроются.

Немного понадобилось времени для того, чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ ноябрѣ начались уже новые аресты, а въ концѣ этого мѣсяца Дурново, тогда еще не министръ, разослалъ губернаторамъ циркуляръ, предписывающій арестовывать «агитаторовъ и подстрекателей». Развивавшіяся событія привели къ декабрьскому возстанію, послѣ котораго тюрьма стала уже совсѣмъ заурядным явленіемъ даже въ обывательской жизни, не говоря о такъ или иначе прикосновенныхъ къ освободительному движенію: для нихъ она сдѣлалась какъ бы штабъ-квартирой.

Въ дѣятельности правительства тюрьма тоже занимаетъ центральное мѣсто. Большинство засѣданій Совѣта Министровъ посвящается обсужденію проектовъ и предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ; а вся работа послѣдняго сосредоточена исключительно на тюремной и, вспомогательной къ ней, полицейской части. Выработка всевозможныхъ мѣропріятій, къ борьбѣ съ крамолой относящихся, не захватываетъ только министра финансовъ и морского: первый занятъ займомъ, второй, по сообщенію газетъ, подсчетомъ погибшихъ на дальнемъ востокѣ судовъ; всѣ другіе министерства принимаютъ характеръ какъ-бы приватныхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отдѣленій. За мѣсяцъ напр. (20 февраля—20 марта),

	Мин. Нар. Пр.	Мин. Юстиц.	Мин. Вн. Дѣлъ
Газетн. сообщ. о творческой работѣ	11	12	40
Въ томъ числѣ проект. полиц. характера	7	8	40

Все, что связано съ тюрьмой—полиція, жандармы, шпіоны—выросло, расцвѣло и размножилось до небывалыхъ размѣровъ.

Газеты говорили сначала о 72 тыс. арестованныхъ, потомъ о 77 тыс. Дурново въ Госуд. Сов. сознался въ 22 тыс., но тутъ же былъ уличенъ въ томъ, что у него нѣтъ свѣдѣній о тѣхъ многочисленныхъ «плѣненіяхъ», которыя чинятъ боевые генералы. Исходя изъ данныхъ о 31 тюрьмѣ, опубликованныхъ на дняхъ правительствомъ, можно съ увѣренностью

утверждать, что, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, количество политическихъ заключенныхъ въ настоящее время ни въ какомъ случаѣ не менѣе 50 тыс. Во всякомъ случаѣ, оно настолько огромно, что даже сама администрація, десятками лѣтъ спеціализировавшаяся на полицейскихъ функціяхъ, временами теряется: или какъ угорѣлая бросается забирать безъ нужды и правыхъ и виноватыхъ, или освобождаетъ тоже безъ видимыхъ основаній—хотя это послѣднее, къ чести администраціи нужно добавить, случается рѣдко и не въ такихъ размѣрахъ, какъ первое. Но можно утверждать, что администрація теперь *не знаетъ, что дѣлать съ арестованными.*

То, что передаютъ газеты, есть лишь слабое отраженіе дѣйствительности. Но приходится пока довольствоваться этимъ малымъ въ надеждѣ, что въ весьма недалекомъ будущемъ все это *будетъ учтено* полностью.

Въ декабрѣ полиція работала съ небывалой энергіей и ожесточеніемъ, и къ новому году во многихъ губернскихъ городахъ тюрьмы были переполнены. Тогда газеты сообщали съ восклицательными знаками о 14 такихъ городахъ; теперь это сообщеніе кажется такимъ маленькимъ, такимъ далекимъ, «такъ много пережито»...

Оправдывая свои дѣйствія передъ буржуазными классами необходимостью *ликвидировать бывшее* возстаніе и *предупредить будущее*, конституціонное министерство въ своей растерянности дошло до утраты и политическаго и всякаго другого чутья. Можно, пожалуй, сомнѣваться даже въ томъ, было ли когда-нибудь у него какое-либо чутье; вѣрнѣе всего, что оно давно уже атрофировалось, уступивъ мѣсто чувству простого животнаго самосохраненія. И въ силу этого послѣдняго совершались и еще совершаются всѣ окружающіе насъ ужасы. По отношенію къ тюрьмамъ, чувство мѣры утрачено было русскимъ самодержавіемъ еще во времена блаженной памяти царя Ивана Васильевича Грознаго, и съ тѣхъ поръ до нашихъ дней принципы этого вѣнценоснаго предка-деспота существуютъ во всей своей полнотѣ и неприкосновенности. Нелогично поэтому было бы ждать, а тѣмъ болѣе требовать, чтобы Дурново, достойный и любимый сынъ режима, внесъ въ свою дѣятельность что-либо иное. Когда въ серединѣ февраля къ нему обратились провинціальныя жандармскія управленія съ вопросомъ, что дѣлать съ арестованными, противъ которыхъ нѣтъ достаточныхъ обвиненій, онъ все-таки отвѣтилъ: «продлить срокъ ареста въ административномъ порядкѣ», — хотя сажать было уже некуда. Наконецъ, повидимому даже и жандармамъ стало не въ моготу, и они взмолились, ходатайствуя у департамента полиціи разрѣшенія «выпускать *за переполненіемъ тюремъ* арестованныхъ за храненіе литературы»; въ отвѣтъ на это разослано 20 февраля 200 телеграфныхъ приказаній: — «отыскать новыя мѣста». Въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и т. д. и т. д. еще въ январѣ были переполнены не только тюрьмы, но и участки. Въ январѣ же передѣланы въ Петербургѣ для тюрьмы Дерябинскія казармы, а въ Москвѣ заботами почтеннаго Гучкова приспособлены участковые сараи и конюшни; въ Екатеринодарѣ ассигновано 9.000 руб. на устройство временной тюрьмы. Въ Томскѣ, за неимѣніемъ мѣста въ тюрьмѣ, сажали въ лѣтніе бараки. Сейчасъ тюремное управленіе проситъ 80.000 руб. на больничную пищу для политическихъ арестованныхъ, въ

виду ихъ «громаднаго количества». А съ мая мѣсяца, какъ слышала «Русь», въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ кареты для арестованныхъ будутъ замѣнены автомобилями, которые заказаны одной германской фабрикѣ.

Въ какой цифрѣ выразится къ концу года тюремный бюджетъ—трудно сказать, какъ трудно угадать и то, *кто* будетъ сводить балансъ этого бюджета.

Никогда со временъ Рюрика и Синеуса русская администрація не проявляла такой трудоспособности, какъ въ мѣсяцы послѣ возстанія и по причинѣ этого возстанія; но этимъ-то самымъ она и доказала даже наивнымъ и невдумчивымъ людямъ свою совершенную негодность ни на что иное кромѣ разбойничьей ухватки, бить, брать за шиворотъ и тащить въ каралку.

Въ теченіе марта мѣсяца арестовано въ

I-ю полов. мѣсяца въ 30 гор.	575	чел.
II » » » 31 »	1052	»
	1627	чел.

Кромѣ того, изъ 13 городовъ сообщаютъ о «массовыхъ» и «многочисленныхъ» арестахъ, безъ обозначенія количества; по скромному разсчету это будетъ человѣкъ 300. При томъ въ эти цифры не вошли еще окраины, гдѣ дѣйствуютъ орлы-генералы...

Газетныя свѣдѣнія всегда случайны и, конечно, не могутъ дать полной картины и точной цифры; но могутъ въ извѣстной степени быть показателемъ тенденціи. Въ то время какъ въ первой половинѣ мѣсяца, судя по числу сообщеній, каждая «выемка» захватывала въ среднемъ 10—12 человѣкъ, во вторую половину аресты становятся болѣе массовыми и въ среднемъ каждый разъ забирается 25 человѣкъ. Объясняется это тѣмъ, что первая половина мѣсяца характеризуется въ связи съ неоконченной ликвидаціей возстанія арестами въ болѣе значительномъ процентѣ интелигенціи и городской буржуазіи, во второй же половинѣ мѣсяца выборовъ въ Государственную Думу козлищами отпущенія стали рабочіе и крестьяне.

	I полов. %	II полов. %
Рабочихъ	23	46
Крестьянъ	21	42
Интелигенціи . . .	42	12
Солдатъ	14	—

Въ связи съ бойкотомъ Думы и ожиданіемъ аграрныхъ волненій процентъ рабочихъ и крестьянъ среди арестованныхъ съ 44-хъ повысился до 88.

Кстати—объ арестѣ какого-нибудь профессора, земца, или иного «уважаемаго общественнаго дѣятеля» трубятъ на всѣ лады и всѣ газеты, а арестъ десятка рабочихъ или крестьянъ не всегда будетъ и отмѣченъ. Это, конечно, характерное свойство буржуазнаго общества и его печати

Кадетскій «Путь», напр., не находитъ нужнымъ иногда соблюдать даже простое приличіе: надоѣдая съ лейтенантомъ Шмидтомъ, онъ ни словомъ не обмолвился о его товарищахъ по казни, какъ будто ихъ совсѣмъ и не было. Но это въ скобкахъ.

Въ Екатеринодарѣ политическихъ проводятъ сквозь строй и избиваютъ прикладами и нагайками. Въ Петербургѣ везутъ на допросъ здоровую женщину и привозятъ въ глубокомъ обморокѣ прямо въ тюремную больницу. Принуждаютъ позировать предъ фотографическимъ аппаратомъ, держа за волосы...

Вотъ письмо изъ Варшавы «Викентій Сѣчка и Эдмунди Кенскій страшно избиты въ сыскномъ отдѣленіи. Въ теченіе 4-хъ ночей биты палками. У насъ знаки на спинѣ отъ ударовъ палками. Сѣчку ударили палкой по уху такъ, что онъ не слышитъ. Вслѣдствіе этого съ нимъ случаются припадки, конвульсіи, судороги и онъ лишается сознанія. Мы умирали отъ жажды, а воды намъ не хотѣли дать, чтобы заставить сознаться въ винѣ, въ которой мы вовсе не чувствуемъ себя виновными. Принудили насъ пить водку, а когда мы были безъ сознанія, принудили насъ подъ угрозою палки подтверждать ихъ слова и подписывать протоколы, угрожая намъ вырываньемъ зубовъ. Вырывали намъ волосы изъ головы, скакали со стола на грудь и животъ, ударяли палками по икрамъ и голяшкамъ, царапали подошвы, и мучили ужаснѣйшимъ образомъ и, лишенныхъ сознанія и избитыхъ, принуждали подписывать протоколы». Таковы пытки.

А Воробьевъ, Спиридонова, варшавскіе засмоленные трупы...

Нѣтъ имени этимъ преступленіямъ! И нѣтъ казни, которая была бы достойна ихъ!

За мѣсяцъ газеты сообщаютъ только о *нѣсколькихъ* случаяхъ сумасшествія и нервно-психическихъ разстройствъ. Ихъ, разумѣется, несравненно больше. Въ Псковской тюрьмѣ заключенный, въ припадкѣ острого помѣшательства, облилъ себя керосиномъ и зажегъ. Въ Московской тюрьмѣ Красниковъ разбилъ себѣ голову объ стѣну. Въ Петербургѣ Мякотинъ перерѣзалъ себѣ горло краями коробки отъ сардинъ...

У кого искать защиты? Предъ кѣмъ протестовать?!

Протестовали харьковскіе врачи противъ поступка съ Селивановымъ; протестовали екатеринодарскіе адвокаты по поводу приведеннаго избіенія. Негодовала вся печать по поводу ареста присяжнаго повѣреннаго Кальмановича въ Тамбовѣ въ залѣ суда, и по поводу преступленія, совершеннаго надъ Спиридоновой. Негодовала и негодуетъ по поводу неистовствъ Орловыхъ, Алихановыхъ, Ренненкампфовъ...

Ничего, конечно, изъ этихъ протестовъ и негодованій не вышло и не могло выйти. И это пора понять нашимъ буржуазнымъ свободолюбамъ: свойственные имъ *культурные* способы борьбы и обороны—печать, резолюціи, петиціи—всегда имѣли слишкомъ мало цѣны въ глазахъ самодержавнаго правительства. Оно привыкло уважать исключительно одну физическую силу, и по скольку данныя общественныя группы ею не обладали, по столько самодержавіе ихъ всегда неукоснительно третировало. Примѣровъ въ послѣдніе дни слишкомъ много: десятки тысячъ подписей подъ (съ позволенія сказать) требованіемъ свободы проф. Гредскулу,

жизни лейт. Шмидту, суда надъ Ждановымъ и Абрамовымъ... Право, иной разъ не лишне было бы нашей либеральной буржуазіи имѣть немного обыкновеннаго человѣческаго самолюбія.

66 человѣкъ изъ Воронежской тюрьмы телеграфируютъ Витте: «Арестованы неправильно. Требуемъ судебнаго разслѣдованія». Только тюрьма можетъ довести умныхъ людей до такого требованія. Вѣдь и жандармы, и прокуроры, и суды—только старшіе братья казаковъ и вмѣстѣ съ ними дѣти одного и того же режима; и указывать одному изъ нихъ на «беззаконія» другого по меньшей мѣрѣ наивно, если не разсчитывать на ихъ наивность.

И въ лучшемъ случаѣ всѣ эти протесты и ходатайства касаются отдѣльныхъ личностей, и притомъ людей болѣе или менѣе привилегированныхъ, такъ назыв. «общественныхъ дѣятелей»; что же касается главной массы заключенныхъ—рабочихъ и крестьянъ—, то о нихъ мало кто думаетъ и мало кто заботится. И въ этомъ опять таки характерная особенность буржуазнаго общества—принимать въ разсчетъ «верхи», но не «массу».—Это классовая особенность. И этой самой массѣ, въ силу необходимости, всегда приходится самой на себя разсчитывать и самой себя отстаивать; и отстаивая *сама себя,* она тѣмъ самымъ отстаиваетъ всѣхъ безъ исключенія. Это тоже классовая особенность, но уже другого класса, который по природѣ своей долженъ быть (и не можетъ не быть) и наиболѣе революціоннымъ и наиболѣе соціалистичнымъ. Единственнымъ средствомъ самообороны въ тюрьмѣ противъ режима и безправія служила раньше и служитъ до сихъ поръ — голодовка. Это способъ борьбы, унижающій самихъ борцовъ и въ тоже время наименѣе дѣйствительный, но до сихъ поръ примѣняется почти исключительно только онъ одинъ. Происходитъ это потому, что другіе способы — жалобы, заявленія, петиціи—давно потеряли всякое значеніе, въ виду ихъ полной безсмыслицы: нельзя жаловаться пойнтеру на лягаша. Революціонные способы—обструкція, деструкція—всегда ведутъ къ еще большимъ униженіямъ до избіеній включительно; остается одна голодовка — униженіе добровольное и «самостоятельное», дающее выходъ скопившейся нервной напряженности, которую заключенные уже не въ силахъ бываютъ сдерживать. Такъ что голодовку слѣдуетъ разсматривать не какъ боевое средство—въ этомъ смыслѣ она уже достаточно доказала свою полную непригодность,—а какъ способъ разряженія невыносимаго нервнаго раздраженія, которое иначе можетъ окончиться сумасшествіемъ или самоубійствомъ.

По заявленію Дурново, дававшаго въ послѣдніе дни инструкціи на мѣста по поводу голодовокъ, послѣднія приняли эпидемическій характеръ. О массовыхъ голодовкахъ въ февралѣ—мартѣ въ теченіе мѣсяца сообщаютъ изъ 17 городовъ—около 800 человѣкъ; а въ послѣдніе дни эти сообщенія стали ежедневными. Относительно удовлетворенія предъявленныхъ требованій извѣстно только изъ 3-хъ городовъ, причемъ требованія эти были не *общаго* характера, а частнаго: освобожденіе больного товарища, освобожденіе изъ карцеровъ и т. п. Можно съ увѣренностью сказать, что никакихъ другихъ, болѣе существенныхъ, уступокъ и улучшеній добиваться почти никогда не удается, кромѣ исключительныхъ

случаевъ. Ужасно не самое голоданье; оно чувствительно только первые 2—3 дня, а дальше чувствительность эта притупляется; ужасно то медленное разложеніе, которое наблюдаешь самъ надъ собою. На 3-й—4-й день на прогулкахъ появляются уже не всѣ, да и тѣ выходятъ на дворъ съ одѣялами и подушками, чтобы лежать. Нѣтъ ни споровъ, ни оживленія; администрація перестаетъ проявлять даже и формальныя по положенію заботы (люди сидятъ смирно и заботъ не спрашиваютъ), и въ этомъ заключается унизительность голодовки. Администрація доложила о ней высшему начальству и тѣмъ самымъ сложила съ себя всякую «моральную» отвѣтственность за послѣдствія; ей лучше, когда голодаютъ: изъ камеръ не выходятъ, безпорядковъ не производятъ и отъ текущихъ дѣлъ ее не отрываютъ; жандармы на дежурствѣ высыпаются и тоже довольны.

На 5-й—6-й день лежатъ уже больше половины; остальные «ползаютъ» съ видимымъ усиліемъ, стараясь казаться бодрыми; на женскомъ отдѣленіи начинаются обмороки... Дальше начинается искусственное кормленіе, отступленіе голодающихъ небольшими группами, голодная смерть. Въ февралѣ въ тифлисской тюрьмѣ умеръ отъ голода заключенный Рубинъ. Когда на волѣ люди умираютъ десятками и сотнями, и это уже перестаетъ производить впечатлѣніе, тогда единичныя смерти отъ голода въ тюрьмѣ совершенно не обращаютъ на себя вниманія.

Изъ другихъ способовъ протеста самымъ дѣйствительнымъ, въ смыслѣ «неудобствъ» для администраціи, являются обструкція и деструкція, онѣ всегда оканчиваются не къ выгодѣ заключенныхъ: администрація ставитъ тройныя цѣны за поврежденные предметы и умѣетъ изъ этого случая извлечь даже матеріальную для себя выгоду. А заключенные часто подвергаются избіенію.

Профессора, генералы, земцы, судьи, офицеры, священники, даже прокуроры, а можетъ быть и начальники жандармскихъ и охранныхъ отдѣленій—арестуются теперь если и въ меньшемъ, сравнительно съ рабочими и крестьянами, процентѣ, то, во всякомъ случаѣ, сейчасъ такіе аресты не считаются исключеніемъ, какъ это было годъ назадъ. Въ Ростовѣ на Дону арестовано нѣсколько мировыхъ судей; въ Пятигорскѣ нѣсколько врачей; въ Москвѣ нѣсколько инженеровъ; въ Томскѣ—профессоровъ. Въ петербургской предварилкѣ сидитъ 40 учителей; въ харьковской тюрьмѣ сидятъ священники. Въ Козловѣ арестованъ полицеймейстеръ.

Расправившись съ пролетаріатомъ, правительство дѣйствительно не остановилась и предъ расправой съ буржуазными элементами, не смотря на то, что буржуазія «принципіально» противъ возстанія; такъ ужъ, за одно, чтобъ неповадно было. И нужно отдать справедливость Дурново,—въ этомъ случаѣ онъ не остановился передъ средствами, или виднымъ общественнымъ положеніемъ: и предсѣдатели военныхъ судовъ, какъ въ Томскѣ, и племянники графовъ Сольскихъ, какъ въ Кіевѣ,—не избѣгли общей участи. Относительно рабочихъ и крестьянъ нечего, конечно, и говорить—ихъ забираютъ сотнями. Но въ общемъ уравненіе сословій, провозглашенное пресловутымъ манифестомъ 17 окт., проводится пока *только* однимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и то въ предѣлахъ, обнесенныхъ крѣпкими каменными стѣнами. Но это присказка, —могъ

бы успокоительно замѣтить Сергѣй Юльевичъ, — а сказка еще впереди. Съ своей стороны мы можемъ ему пожелать самому дослушать оную сказку.. И хотя жандармерія, и полиція, и отдохнувшіе немного охранники весьма охотно и добросовѣстно проводятъ уравнительныя директивы центральной власти, но приходится все же бояться, что они не успѣютъ выполнить свою задачу полностію: тюрьмы, къ сожалѣнію, не резиновыя, а каменныя, и потому имѣютъ предѣлъ, его же не прейдеши.

Не смотря на все нежеланіе освобождать, все же, скрѣпя сердце, приходится это дѣлать. За тотъ же періодъ времени освобождено:

I — въ 18 город. 240 чел.
II — » 8 » 169 чел.

Цифры совсѣмъ не такія внушительныя, какъ въ отношеніи арестовъ. Очевидно, тюрьма не такъ охотно открываетъ свои двери для выхода, какъ открываетъ ихъ для входа. Можно сказать, что въ первомъ случаѣ она дѣлаетъ это въ 5 разъ охотнѣе, чѣмъ во второмъ.

Арестовано..... 1927 чел.
Освобождено..... 409 »
Сослано на сѣверъ и въ Сибирь 1421 » *)

«Неосторожно арестованныхъ нужно освобождать съ осторожностью»,—таковы директивы министра внутр. дѣлъ, преподанныя мѣстной администраціи еще въ началѣ февраля. Директивы, какъ видно, совсѣмъ недвусмысленнаго свойства, какъ и вообще всѣ директивы Дурново, и мѣстная администрація выполняетъ ихъ чрезвычайно точно. Но такъ какъ, съ одной стороны, таже мѣстная администрація сажать арестованныхъ въ свои карманы не можетъ, а тюремъ не хватаетъ, то приходится вносить какую-нибудь къ данному обстоятельству поправку. Строить новыя тюрьмы — и долго, и дорого; арендовать — кстати много фабричныхъ корпусовъ пустуетъ—тѣ же нежелательные расходы, да и не всегда сдаютъ. А тутъ еще военное министерство требуетъ обратно дерябинскія казармы и вообще крѣпости для своихъ военныхъ нуждъ и, вѣроятно въ видѣ утѣшенія, предлагаетъ, взамѣнъ отнимаемыхъ дерябинскихъ казармъ, ремонтировать Шлиссельбургъ!

Такъ говорятъ газеты; и скрытая въ ихъ сообщеніяхъ иронія грозитъ обратиться противъ нихъ: Шлиссельбургъ можетъ оказаться не позади, а впереди..

Въ силу необходимости, въ качествѣ корректива къ недостатку помѣщеній для арестованныхъ, заводится старая пѣсня — административная ссылка. Высылаются огуломъ, не только безъ такъ называемыхъ дѣлъ, а даже безъ допросовъ; огуломъ же назначаются и сроки и мѣсто ссылки. Повидимому, совершенно не важно, кто, куда и на сколько ссылается,— не можетъ же правительство разсчитывать еще на цѣлыя годы своего существованія,—а важно для него подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ локализировать возможно большее количество оппозиціонно настроенныхъ людей; важно задержать ихъ въ заключеніи. Для этого создаются

*) Кромѣ того 5 партій, неизв. числомъ.

экстренныя тюрьмы-вагоны и растягиваются во всѣхъ направленіяхъ по желѣзнодорожнымъ рельсамъ. При такой постановкѣ вопроса получается двойная, а то и тройная выгода: неподвижныя тюрьмы освобождаются для новыхъ арестовъ; люди въ подвижныхъ тюрьмахъ начинаютъ чувствовать себя спокойнѣе, получивъ наконецъ «опредѣленное назначеніе»; и, наконецъ, постоянное теченіе чрезъ тюрьмы пересылаемыхъ вноситъ нѣкоторое разнообразіе въ жизнь заключенныхъ и способствуетъ болѣе спокойному ожиданію. Если же партіи ссыльныхъ, дошедши до мѣста назначенія разбѣгутся — это, мнѣ кажется, тоже для правительства не важно: это будетъ *завтра*, тогда и можно объ этомъ думать, а *сегодня* думать *некогда*, а высылать *необходимо*.

II.

Такимъ образомъ, вопросъ освобожденія и ссылки для правительства имѣетъ только утилитарное значеніе, безъ всякой примѣси какихъ бы то ни было «законныхъ» или тѣмъ болѣе гуманныхъ соображеній. Но насколько этотъ коррективъ оказывается дѣйствительнымъ, видно изъ такого сопоставленія:

Въ январѣ переполнено было 14 тюр.
Въ февралѣ » » 31 »
Въ мартѣ » » 48 » *).

Но это только по оффиціальнымъ и газетнымъ сообщеніямъ; въ дѣйствительности же гораздо больше. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ Вильнѣ, Саратовѣ, Севастополѣ, Харьковѣ, Черниговѣ и 15 уѣздахъ Черниговской губ. тюрьмы переполнены на 100%.

Въ Верхнеднѣпровскѣ тюрьма переполнена крестьянами; въ Харьковѣ рабочими и интелигенціей; въ Екатеринославѣ и Екатеринбургѣ — рабочими и учащимися среднихъ учебныхъ заведеній.

Изъ Умани сообщаютъ, что половина заключенныхъ должна спать на голомъ полу, за отсутствіемъ кроватей; а въ Маріуполѣ даже сидѣть на голомъ полу приходится: очевидно не умѣщаются на имѣющихся кроватяхъ даже сидя.

Переполненіе съ одной стороны и неопредѣленность положенія, и отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ «законности», или хотя бы «нормы» — съ другой, вносятъ массу осложненій въ безотрадную и безъ того обстановку тюремной жизни. Тѣснота помѣщеній, грязь, отсутствіе свѣжаго воздуха и движенія разстраиваютъ даже крѣпкіе организмы. По свидѣтельству санитарныхъ врачей, тюрьмы въ настоящее время служатъ разсадниками многихъ болѣзней. Съ другой стороны и моральное состояніе заключенныхъ тоже въ свою очередь способствуетъ и содѣйствуетъ развитію заболѣваній и уже не только физическихъ, но и нервно-

*) Баку, Богородскъ, Варшава, Верхнеднѣпровскъ, Вильна, Воронежъ, Екатеринославъ, Иркутскъ, Казань, Ковно, Курскъ, Камен.-Подольскъ, Крапивна, Кострома, Кутаисъ, Митава, Москва, Маріуполь, Новгородъ, Одесса, Петропавловскъ, Полтава, Псковъ, Прилуки, Саратовъ, Севастополь, Самара, Умань, Харьковъ, Царское Село, Черниговъ, Ялта и уѣзды Черниговской губ.

психическихъ. Арестъ безъ доказательствъ, заключеніе безъ допросовъ и выясненій, отсутствіе всякой гарантіи, даже физической неприкосновенности—отражаются гибельнымъ образомъ на психологіи заключенныхъ. Человѣка отрываютъ отъ семьи и близкихъ, которые часто остаются на произволъ судьбы, и бросаютъ въ тюрьму тоже на произволъ цѣпной своры надзирателей и даже не считаютъ нужнымъ сказать за что. Кто испыталъ это удовольствіе, тотъ пойметъ, что выразить словами все униженіе, которое въ этомъ случаѣ переживается, никто не въ силахъ: оно скажется потомъ, при разсчетѣ. Вспомнятся и причтутся и всѣ тѣ случаи, которые непосредственно связаны съ тюрьмою. Въ Харьковѣ Селиванова тащатъ въ тюрьму изъ больницы при температурѣ 40° и въ тюрьмѣ у него открывается брюшной тифъ.

III.

Единственная выгода, которую заключенные могутъ извлекать изъ переполненія тюремъ и вытекающей отсюда дезорганизаціи внутреннихъ распорядковъ тюремъ,—это побѣги. И сама тюремная администрація и полиція оказывается уже не въ состояніи принимать противъ нихъ мѣры: она уже махнула на это рукою, лишь отписываясь передъ начальствомъ: это все равно какъ рыбакъ, при большомъ уловѣ, перестаетъ обращать вниманіе на отдѣльные бреши въ сѣти, чинить которыя онъ не въ состояніи вплоть до того момента, пока не порвется вся сѣть.

Въ теченіи разсматриваемаго мѣсяца сообщаютъ изъ 8 городовъ о 32 побѣгахъ. Сравнительно съ арестами, конечно, въ этой области остается желать очень многаго. Утѣшительно по крайней мѣрѣ то, что изъ бѣжавшихъ 9 человѣкъ уже приговорены были къ смертной казни, а двое ждали военнаго суда, т.-е, тоже чего-нибудь, вродѣ петли. Въ послѣднее время побѣги стали чаще и удачнѣе, но и аресты въ то же время также усилились.

Въ заключеніе приведемъ данныя о судѣ надъ политическими *врагами* правительства.

Число:	Воен. С.	Суд. Пал.
Городовъ.....	23.	11.
Процессовъ.....	57.	20.
Приговоровъ.....	46.	18.
Подсудимыхъ.....	109.	31.

И по количеству процессовъ, и по количеству подсудимыхъ ясно, что правительство въ своей борьбѣ съ революціей охотнѣе прибѣгаетъ къ суду военному, чѣмъ гражданскому. И это понятно. Оно бы, пожалуй, и совсѣмъ хотѣло расправиться безъ суда и старается, гдѣ только возможно, обходиться безъ онаго; но провести это въ жизнь въ такъ называемое «мирное» время довольно всетаки трудно. Не говоря уже о томъ, что это было бы слишкомъ неприкрытое разбойничество, — могло бы попросту не оказаться даже палачей: вѣдь принуждены же теперь сзади разстрѣливающей цѣпи солдатъ ставить еще цѣпь, или откладывать казнь за ненахожденіемъ палача, какъ было въ Тифлисѣ съ Джіошвили...

А, между тѣмъ, правительству желательно возможно болѣе глубокое искорененіе крамолы, нужны сильныя, но въ то же время и съ признаками «законности» средства. Такимъ именно и является военный судъ, особенно если въ число судей назначить личныхъ враговъ подсудимыхъ, какъ это было въ Прибалтійскомъ краѣ съ мѣстными баронами, въ Очаковскомъ процессѣ, въ Сибири... Такой судъ ничѣмъ, разумѣется, отъ обыкновеннаго, да еще и застѣночнаго убійства не отличается, но правительство настолько уже напугано революціей, что не въ состояніи, да и не имѣетъ желанія, объективно оцѣнивать свои дѣйствія.

Число приговореннныхъ:	Воен. С.	Суд. Пал.
Къ смертной казни	35.	—
» безср. кат.	13.	—
» катор. бол. 10 л.....	40.	1.
» » мен. 10 л.....	2.	9.
» тюр., крѣп.	9.	16.
» ссылкѣ	3.	1.
» оправд.....	7.	4.
Лицъ о смягченіи наказан. котор. постан. ходатайств.	8.	—
	109.	31.

Отсюда видно насколько дѣйствительно удобнѣе для правительства примѣненіе именно военнаго суда. Большинство подсудимыхъ, приговоренныхъ судебной палатой, приговорено къ средней мѣрѣ наказанія. Правда, характеръ дѣлъ судебной палаты нѣсколько иной, но всетаки, еслибы она дѣйствовала въ духѣ военнаго суда, то приговорила бы къ десятилѣтней каторгѣ не одного, а 10 человѣкъ (10 : 31 = 35 : 109).

Правительство знаетъ военный Судъ и военный Судъ понимаетъ правительство: 35 смертныхъ приговоровъ изъ 109 и 53, т.-е. почти половина подсудимыхъ,—долголѣтняя каторга. И «правосудіе» удовлетворено, и врагъ уничтоженъ. Игра вѣрная.

Какъ бы то ни было общая тенденція тюремной политики ясна: тюрьмы, не смотря на всевозможные коррективы—освобожденія, высылки, мелкія амнистіи не только не освобождаются, а наоборотъ загромождаются. И конца этому загроможденію, собственно говоря, не предвидится, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Разговоры и слухи объ амнистіи поднимаются всегда, когда министерство внутреннихъ дѣлъ начинаетъ ощущать нѣкоторую неловкость, не моральную, конечно, а нѣсколько иного, шкурнаго свойства; на основаніи этихъ слуховъ ожидать чего бы то ни было въ этой области не приходится. Чтобы амнистія была осуществима, необходимо, чтобы правительство вынуждено было капитулировать предъ революціей хотя бы такъ же, какъ это случилось 17 октября. Въ данный моментъ, судя не по разговорамъ и слухамъ, а по мѣропріятіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ оно еще не думаетъ уступать, по крайней мѣрѣ въ области квалификаціи политическихъ преступленій. Ассигновки на полицію, жандармерію, охранныя отдѣленія, тюрьмы не уменьшаются, а увеличиваются, что не имѣло бы мѣста,

еслибы правительство не чувствовало нѣкоторой увѣренности въ будущемъ. Повидимому, въ этомъ вопросѣ правительство думаетъ достигнуть солидарности съ Думой; и вѣроятность такого соглашенія, болѣе или менѣе замаскированнаго, конечно, вполнѣ возможна. Можно не сомнѣваться въ томъ, что буржуазная Дума, а она, въ лучшемъ случаѣ, должна быть именно такою, потребуетъ «амнистіи», такъ какъ ей необходимо сохранить за собою ореолъ оппозиціи; и правительство сможетъ пойти ей навстрѣчу: уже и теперь оно изъявляетъ желаніе даже до открытія Думы примѣнить «широкую» амнистію, которая распространится «на 6.000 человѣкъ»; въ будущемъ мы можемъ пожелать правительству такой же «широкой» амнистіи. Арестованные безъ предъявленія обвиненія амнистируются и сейчасъ, ввиду «свѣтлаго праздника». Но освобожденные вчера, сегодня вновь арестуются и имъ уже предъявляется опредѣленное обвиненіе; и «широкая» амнистія, несомнѣно, можетъ кончиться такимъ же образомъ, какъ и предпраздничное освобожденіе. Важно въ данномъ случаѣ не столько фактическое освобожденіе того или иного количества арестованныхъ,—это требованіе для администраціи легко выполнимо безъ особыхъ хлопотъ,—важно уничтоженіе *законодательнымъ порядкомъ* самой возможности политическихъ арестовъ, уничтоженіе тѣхъ широкихъ полномочій, руководствуясь которыми администрація во всякій данный моментъ можетъ возвратить выпущенныхъ снова въ тѣ же злачныя мѣста. Можно быть увѣреннымъ, что, при наличности существующихъ «законовъ» и ихъ исполнителей, такіе казусы будутъ повторяться постоянно, какія бы обѣщанія ни давало правительство: оно ихъ будетъ нарушать, какъ только представится подходящій къ этому случай. Людей будутъ томить въ тюрьмахъ. Правительство вѣками спеціализировалось на крючкотворствѣ, и невозможность съ нимъ парламентской борьбы выяснится немедленно. Въ настоящій моментъ по отношенію къ возникновенію вопроса о политическихъ преступленіяхъ въ Государственной Думѣ—правительство уже подготовилось ко всѣмъ возможнымъ въ данномъ случаѣ «интерпелляціямъ» и заранѣе опредѣлило свои ходы. Ближайшее будущее покажетъ, что ходы эти все того же крючкотворнаго свойства, но на то, чтобы это выяснить «парламентскимъ» путемъ, уйдетъ масса времени, а это только и нужно правительству.

В. Мироновъ.

Теоретическія предпосылки рѣшенія аграрнаго вопроса.

I.

Къ чему сводятся теоретическіе исходные пункты для рѣшенія, такъ называемаго, аграрнаго вопроса? Говоря вообще, мы можемъ стать на прочную почву для рѣшенія этого вопроса, опредѣливъ *необходимыя* (а не случайныя и не временныя) тенденціи процесса сельско-хозяйственнаго развитія. Одной статистики здѣсь, очевидно, мало, какъ она ни важна сама по себѣ: нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что статистическія массовыя наблюденія имѣютъ въ данномъ случаѣ, какъ и вездѣ, первостепенное значеніе; но безъ внимательнаго *анализа* статистическаго матеріала не легко, даже совершенно невозможно отличить случайныя и временныя теченія отъ необходимыхъ и постоянныхъ. Надо, слѣдовательно, отыскать надлежащій теоретическій фундаментъ для такого анализа. Этотъ фундаментъ строится изъ трехъ элементовъ: 1) изъ общаго соціологическаго закона развитія формъ и размѣровъ землевладѣнія и сельско-хозяйственныхъ предпріятій, 2) изъ анализа смысла и значенія различій между сельскимъ хозяйствомъ и индустріей, 3) изъ сравнительнаго учета преимуществъ крупныхъ и мелкихъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ. Установивъ всѣ эти теоретическія предпосылки, мы можемъ смѣло и безъ опасенія ошибки перейти къ рѣшенію практическихъ задачъ.

Установить общій соціологическій законъ развитія формъ и размѣровъ землевладѣнія, а также и формъ и размѣровъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій—это значитъ изобразить хотя бы въ краткихъ чертахъ процессъ сельско-хозяйственной эволюціи. Такое изображеніе—надо прямо это сказать—блестящимъ образомъ подтверждаетъ извѣстное основное положеніе научной системы Маркса объ опредѣляющемъ значеніи производственныхъ и мѣновыхъ отношеній въ соціальной жизни. Подъ производственными и мѣновыми отношеніями, какъ это установлено Марксомъ, надо понимать, съ одной стороны, соотношеніе отдѣльныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности, съ другой—технику или систему хозяйства, т. е. степень затраты труда и капитала. Нетрудно однако понять,

что второй элементъ—техника—находится съ значительной зависимости отъ перваго—соотношенія отдѣльныхъ отраслей хозяйства. Оставаясь въ области сельско-хозяйственнаго производства, можно указать на экстенсивныя системы полевого хозяйства—подсѣчную и переложную,—свойственныя эпохѣ натуральнаго, безобмѣннаго хозяйства, на трехполье, распространившееся всюду въ періодъ денежнаго некапиталистическаго хозяйства, на плодосмѣнъ, выдвинувшійся на первый планъ тогда, когда восторжествовалъ капитализмъ съ сопровождающимъ его ростомъ индустріи. Въ конечномъ счетѣ, такимъ образомъ, приходится всегда имѣть дѣло съ соотношеніемъ главныхъ отраслей хозяйства, которыми и опредѣляются и формы и размѣры землевладѣнія, и формы и размѣры хозяйства.

Въ этомъ не трудно убѣдиться, анализируя процессъ измѣненія формъ и размѣровъ землевладѣнія и сельско-хозяйственныхъ предпріятій.

Въ самомъ дѣлѣ: съ торжествомъ земледѣлія, смѣнившаго первоначальную добывающую промышленность, мы наблюдаемъ присвоеніе всей земли тѣми слоями общества, которые обладали какимъ-либо капиталомъ, живымъ и мертвымъ инвентаремъ, потому что земледѣльческое хозяйство невозможно безъ капитала и безъ экономической поддержки его обладателей. Вотъ почему и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Англіи между VI и X вѣками крестьянство постепенно обезземеливается въ пользу дворянъ и духовенства. То же повторяется и въ Россіи между XIII и XVI столѣтіями. Но перемѣны въ формахъ землевладѣнія этимъ не ограничиваются. Крупные землевладѣльцы нуждаются въ хозяйственныхъ слугахъ—приказчикахъ или управляющихъ,—а также и въ слугахъ военныхъ. Они должны наградить тѣхъ и другихъ за ихъ службу и въ то-же время не могутъ давать имъ денежное жалованье, такъ какъ при господствѣ натуральнаго хозяйства количество денегъ въ странѣ бываетъ очень невелико. Остается одно: награждать за службу землей, не поступаясь въ то же время правами собственности на нее, а сдавая ее лишь во временное владѣніе подъ условіемъ службы и безъ права для временнаго владѣльца ее дарить, завѣщать, закладывать и продавать, вообще отчуждать въ другія руки какимъ бы то ни было способомъ. При полномъ почти отсутствіи товарнаго обращенія и земля не является товаромъ, обращающимся на рынкѣ. Такое временное и условное владѣніе землей и извѣстно на западѣ Европы подъ названіемъ бенефиція въ древней Россіи—подъ названіемъ помѣстья, въ мусульманскихъ странахъ оно называлось иктой, а въ Византійской имперіи ему соотвѣтствовали проніи и харистикіи. Помѣстье, бенефицій и соотвѣтствующія имъ формы земельнаго владѣнія удивительно гармонировали и съ переложной системой полевого хозяйства: временная, непродолжительная эксплоатація даннаго участка и замѣна его другимъ приводили и къ перемѣнѣ даннаго помѣстья на другое, къ временному пользованію даннымъ имѣніемъ.

Характерны и формы и размѣры земледѣльческаго хозяйства для этой эпохи. Это—мелкое, семейное, замкнутое хозяйство крестьянина-арендатора барской земли, отдающаго въ видѣ арендной платы часть производимаго имъ продукта натурой землевладѣльцу. Барской запашки

почти нѣтъ, потому что нѣтъ рынка для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ; слабо развита, слѣдовательно, и барщина. Такіе порядки и отношенія типичны для Россіи XIII—XV вѣковъ и для средневѣковой Европы.

Помѣстье, бенефицій и формы владѣнія землею, имъ подобныя, отличаются однимъ характернымъ признакомъ: это — формы владѣнія несвободныя, неспособныя къ гражданскому обороту, мѣшающія землѣ превратиться въ товаръ, обращающійся на рынкѣ. Поэтому съ появленіемъ и первоначальнымъ развитіемъ денежнаго, товарнаго, хотя и не капиталистическаго еще, а крѣпостного, полуфеодальнаго хозяйства бенефицій и помѣстье скоро становятся анахранизмомъ и превращаются въ дворянскую сословную, полусвободную земельную собственность, наслѣдственную и подлежащую отчужденію, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что она не выходитъ изъ рукъ дворянскаго сословія. Въ Россіи съ половины XVI до половины XIX в. и въ западной Европѣ съ половины среднихъ вѣковъ почти до конца XVIII в. наблюдаются именно такія явленія въ области землевладѣнія. Этимъ вопросъ однако не исчерпывается. Создаются особенныя формы отношенія крестьянъ къ землѣ, которая отдавалась имъ въ пользованіе помѣщиками. Отъ предшествующаго времени крестьяне унаслѣдовали неравномѣрность участковъ земли, какими пользовались отдѣльные изъ нихъ: у одного крестьянина - арендатора земли за натуральный оброкъ могло быть и дѣйствительно бывало много земли, у другого мало; такъ осталось и теперь, причемъ малоземелье еще обострилось, вслѣдствіе роста населенія и развитія товарнаго хозяйства. Малоземельныхъ было большинство, и это-то большинство потребовало передѣла земли, «земельнаго поравненія». Такъ какъ съ этимъ связана была платежеспособность и работоспособность отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ — малоземельный крестьянинъ былъ плохимъ работникомъ на барщинѣ и дурнымъ плательщикомъ господскихъ оброковъ и государственныхъ податей,—то землевладѣльцы - дворяне и государство пошли навстрѣчу желаніямъ крестьянской массы и установили періодическій передѣлъ земель, находившихся въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ. Передѣлъ, вслѣдствіе неодинаковаго качества земель, повелъ къ черезполосицѣ, а трехпольное хозяйство съ раздѣломъ полей на озимое, яровое и паровое и съ выгономъ скота на пастьбу по жнитву вызвало принудительный сѣвооборотъ, т.-е. обязательность для всѣхъ членовъ общины держаться одной системы полевого хозяйства. Такъ во всѣхъ странахъ произошла крѣпостная земельная община, такъ называемое мірское или общинное землепользованіе.

Не менѣе отчетливую печать налагаетъ денежное хозяйство въ томъ же первомъ, некапиталистическомъ періодѣ своего развитія и на формы хозяйства. Съ появленіемъ рыночнаго спроса на хлѣбъ, землевладѣльцы заводятъ и расширяютъ свою барскую пашню, хозяйство ихъ становится крупнымъ. Въ то же время оно дѣлается барщиннымъ, основаннымъ на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Рядомъ съ нимъ существуетъ мелкое хозяйство крестьянъ, почти всецѣло построенное еще на натурально-хозяйственной основѣ.

Та-же зависимость формъ и размѣровъ землевладѣнія и хозяйства отъ общихъ производственныхъ и мѣновыхъ условій наблюдается далѣе

и въ новѣйшій періодъ, въ XIX вѣкѣ, когда товарное хозяйство переходитъ въ капиталистическую стадію своего развитія. Англія вступила въ этотъ періодъ, характеризующійся небывалымъ ростомъ международнаго, мірового обмѣна, гигантскимъ развитіемъ индустріи и распространеніемъ интенсивной съ широкимъ примѣненіемъ машинъ техники, въ 60-хъ годахъ XVIII в., Франція—въ концѣ того-же столѣтія, Германія только въ XIX в., а Россія лишь съ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія.

Капиталистическое хозяйство обусловливаетъ необходимость вполнѣ свободнаго оборота цѣнностей въ странѣ, въ виду необходимости легкаго перелива капитала и земли изъ однѣхъ рукъ въ другія. Въ то-же время интенсификація хозяйства обостряетъ нужду въ капиталѣ и одновременно заставляетъ стремиться къ обезпеченію за руководителемъ хозяйства, вводящимъ улучшенія въ его веденіе, возможности вполнѣ воспользоваться плодами своихъ усилій. Изъ этихъ двухъ источниковъ, тѣсно связанныхъ между собою, проистекаютъ, съ одной стороны, уничтоженіе сословнаго характера земельной собственности, привилегіи дворянства, имѣвшаго исключительное право владѣть землей, и пріобрѣтеніе права владѣть земельной собственностью лицами всѣхъ званій и состояній, съ другой—разрушеніе крестьянской земельной общины, совершившееся всюду въ западной Европѣ и у насъ въ Россіи въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. Общинное землевладѣніе сохраняется лишь тамъ, гдѣ денежное хозяйство не захватило цѣликомъ земледѣлія. Да и въ этихъ мѣстахъ, помимо проникновенія денежно-хозяйственныхъ элементовъ, наблюдается послѣдовательный процессъ разложенія: не имѣя возможности продать или заложить свой надѣлъ, крестьянинъ-общинникъ начинаетъ отдавать его въ аренду богатому односельчанину на долгій срокъ за ничтожную плату, получаемую притомъ единовременно: это—не что иное, какъ замаскированная продажа, такъ что мірское землевладѣніе, поскольку оно перестаетъ соотвѣтствовать экономическимъ условіямъ, обращается въ юридическую фикцію, на дѣлѣ исчезаетъ.

Тѣ-же вліянія сказываются и на формахъ и размѣрахъ хозяйства. Вообще говоря, можно наблюдать, что чѣмъ сильнѣе развито капиталистическое сельское хозяйство, тѣмъ крупнѣе размѣры хозяйственныхъ предпріятій, и тѣмъ полнѣе господствуетъ въ нихъ наемный трудъ юридически-свободныхъ, полноправныхъ рабочихъ. Ростъ крупныхъ сельскохозяйственныхъ предпріятій и наемнаго батрацкаго труда наблюдается, напр., во Франціи между 1866 и 1896 годами. Въ Соединенныхъ Штатахъ средній размѣръ хозяйствъ непрерывно повышается, начиная съ 1880 года, причемъ въ десятилѣтіе съ 1890 по 1900 годъ онъ увеличился на 7%.

Наконецъ, даже изученіе того мірового сельско-хозяйственнаго кризиса, который въ послѣднія десятилѣтія задержалъ процессъ капитализаціи и концентраціи сельско-хозяйственнаго производства въ Европѣ, подтверждаетъ доказываемое здѣсь общее положеніе: вѣдь если капитализація и концентрація задержались, если мѣстами держится и даже развивается мелкое хозяйство, если иногда возраждаются полукрѣпостныя, кабальныя формы хозяйства, то это является прямымъ результатомъ того, что кризисъ отодвинулъ назадъ процессъ развитія производствен-

ныхъ и мѣновыхъ отношеній, съузивъ рынокъ, понизивъ цѣны и сдѣлавъ подчасъ невыгодными меліораціи.

Итакъ, *формы и размѣры землевладѣнія и формы и размѣры сельскохозяйственныхъ предпріятій находятся всегда въ тѣснѣйшей зависимости отъ производственныхъ и мѣновыхъ условій,—прежде всего отъ соотношенія отдѣльныхъ отраслей хозяйства, а затѣмъ также и отъ состоянія хозяйственной техники.* Это одно изъ основныхъ положеній, которое необходимо имѣть въ виду при рѣшеніи аграрнаго вопроса.

II.

Но если законъ, сейчасъ формулированный, справедливъ по отношенію къ прошлому и даже настоящему, то, быть можетъ, въ будущемъ развитіе сельскаго хозяйства отклонится отъ того направленія, какое свойственно индустріи и какого, въ общемъ, держалось прежде и сельское хозяйство, и пойдетъ по иному пути, вслѣдствіе тѣхъ глубокихъ, коренныхъ различій, какія существуютъ между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ. Изслѣдованіе смысла и значенія этихъ различій выдвигается такимъ образомъ, на первый планъ.

Въ литературѣ по аграрному вопросу, особенно въ трудахъ Каутскаго и Давида, различія между сельскимъ хозяйствомъ и индустріей установлены и перечислены съ исчерпывающей полнотой. Остается только ближе присмотрѣться къ нимъ, взвѣсить ихъ относительное значеніе и опредѣлить возможное вліяніе на ходъ сельско-хозяйственной эволюціи.

Въ качествѣ одного изъ основныхъ различій Каутскій отмѣчаетъ тотъ фактъ, что, тогда какъ въ индустріи крупный предприниматель—фабрикантъ или заводчикъ—устраивая новое предпріятіе, не имѣетъ никакой нужды скупать ремесленныя заведенія, съ которыми ему приходится конкурировать,—тотъ, кто хочетъ начать крупное сельскохозяйственное предпріятіе на собственной землѣ, не имѣя таковой, долженъ предварительно скупить мелкія крестьянскія или другія хозяйства, сосредоточить въ своихъ рукахъ извѣстную площадь земли. Такая задача, какъ разъясняетъ Каутскій въ другомъ мѣстѣ своей книги объ «Аграрномъ вопросѣ», сопряжена съ большими излишними затратами: въ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ $^3/_4$ затраты капитала, въ самомъ лучшемъ случаѣ не менѣе 40%, уходитъ на покупку земли.

Присмотримся поближе къ этому различію и оцѣнимъ его по достоинству.

Прежде всего нельзя не припомнить, что, если пріобрѣтеніе земли для сельскаго хозяйства требуетъ дополнительнаго расхода сравнительно съ устройствомъ фабрики, то земля при сельско-хозяйственномъ производствѣ является источникомъ и дополнительнаго дохода, не доставляемаго индустріей,—именно земельной ренты. Этимъ сглаживается уже въ значительной степени разсматриваемое различіе. Оно почти совершенно уничтожается, если мы припомнимъ одно совершенно-справедливое замѣчаніе Давида. Онъ говоритъ, что «почва отдаетъ часть своей субстанціи для взращенія растительнаго продукта; въ связи съ употребленнымъ удобреніемъ ее можно считать столько-же сырымъ матеріаломъ, сколько

и орудіемъ труда». Если это такъ, то часть расхода на покупку земли при устройствѣ новаго сельско-хозяйственнаго предпріятія должна быть поставлена на одну доску съ затратами на покупку сырья при основаніи новой фабрики. Въ результатѣ мы видимъ, что разбираемая разница между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ очень невелика, мало существенна. Она, какъ справедливо отмѣчаетъ Каутскій, можетъ лишь задержать капитализацію и концентрацію сельско-хозяйственныхъ предпріятій, да и то—прибавимъ мы отъ себя—ненадолго. Уничтожить процессъ капитализаціи и концентраціи, сдѣлать его невозможнымъ въ данной отрасли производства она не въ состояніи.

Второе отличіе сельскаго хозяйства отъ индустріи, отмѣчаемое Каутскимъ, состоитъ въ томъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ самымъ раціональнымъ является не самое крупное хозяйство, потому что большую важность имѣетъ разстояніе периферіи хозяйства отъ главнаго двора; это отличіе формулируется Давидомъ нѣсколько иначе, безъ измѣненія однако его смысла: Давидъ указываетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ не продуктъ перемѣщается къ машинѣ, а машина къ продукту, вслѣдствіе чего тратится много лишняго времени и добавочнаго труда.

Можно прежде всего замѣтить, что и размѣры фабрики не безпредѣльны, и никто еще до сихъ поръ не доказалъ, что максимальные размѣры фабрики въ наше время выше максимальныхъ размѣровъ сельскохозяйственнаго предпріятія. Затѣмъ время и трудъ при перевозкѣ машинъ въ большихъ хозяйствахъ уже теперь можно сберечь путемъ устройства конно-желѣзной дороги и тѣмъ расширить размѣры хозяйства. Наконецъ,—и это главное,—если бы даже и оказалось, что въ данномъ отношеніи сельское хозяйство отстаетъ отъ индустріи, то возводить это въ вѣчный законъ невозможно: самъ Давидъ признаетъ, что электричеству —электрическому двигателю и свѣту—предначертана въ будущемъ великая роль въ сельскомъ хозяйствѣ, а Каутскій, разсказывая объ одномъ французскомъ имѣніи, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ было примѣнено электричество, даетъ возможность этимъ опровергнуть и утвержденіе Давида, будто въ сельскомъ хозяйствѣ немыслимъ одинъ центральный двигатель. Такимъ образомъ, если за первымъ различіемъ мы признали нѣкоторое небольшое значеніе, то за вторымъ и этого признать нельзя.

Но—говорятъ намъ—сельское хозяйство отличается еще отъ индустріи тѣмъ, что въ послѣдней работа идетъ постоянно, непрерывно, тогда какъ въ первомъ она прерывается на большую часть года. Правда, мы можемъ отвѣтить на это, что сельское хозяйство можетъ индустріализироваться, можетъ принимать промышленный характеръ, перерабатывая хлѣбъ и картофель въ спиртъ, свекловицу въ сахаръ, вырабатывая крахмалъ, масло и т. д. и, такимъ образомъ, предпріятіе будетъ дѣйствовать непрерывно. Но у Давида на это готовъ побѣдоносный, повидимому, отвѣтъ: въ Германіи такія промышленныя предпріятія отдѣляются отъ сельскаго хозяйства, индустріализаціи сельскаго хозяйства нѣтъ. Правда, у насъ въ Россіи такого отдѣленія не замѣчается, правда и то, что можно объяснить развитіе сельскаго хозяйства промышленнаго типа теоретически, условіями рынка: такія хозяйства, не продающіе зерновой хлѣбъ, не страдаютъ отъ кризиса, — но примѣръ Германіи все-таки остается. Такъ ли,

однако, онъ побѣдоносенъ, какъ кажется съ перваго взгляда? Самъ Давидъ помимо своей воли, свидѣтельствуетъ, что не такъ. Въ самомъ дѣлѣ: онъ признаетъ, что въ крахмальномъ и въ винокуренномъ производствахъ нерѣдки случаи соединенія индустріи съ сельскимъ хозяйствомъ, признаетъ и то, что «при выработкѣ сахара, чаще соединяется еще въ одномъ лицѣ владѣлецъ завода и производитель сырья, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ мукомольныхъ и пивоваренныхъ заводахъ», а это все, что для насъ требуется. Но, кромѣ того, его статистика страдаетъ въ данномъ случаѣ однимъ крупнымъ недостаткомъ: онъ приводитъ данныя о количествѣ имѣній разнаго размѣра, связанныхъ съ промышленными предпріятіями, но умалчиваетъ о томъ, какой процентъ *крупныхъ* имѣній (свыше 100 гектаровъ), оказывается въ такомъ положеніи, и каковы общіе размѣры площади этихъ имѣній сравнительно съ площадями имѣній другихъ разрядовъ. Каутскій въ этомъ отношеніи, отчасти его дополняетъ: по той же переписи 1895 г., которою пользуется и Давидъ, крупныхъ имѣній (свыше 100 гектаровъ) числилось 25061; изъ нихъ связаны были съ индустріей 3997, т. е. около 16%. Не подлежитъ сомнѣнію, что и площадь крупныхъ имѣній, втянутыхъ въ индустрію, весьма значительна и превосходитъ своими размѣрами площадь имѣній среднихъ и мелкихъ. Такимъ образомъ, даже и германскія цифры говорятъ не за Давида, подтверждаютъ фактъ связи крупныхъ земледѣльческихъ предпріятій съ индустріей, развитіе въ нихъ непрерывности производства. Уменьшается, такимъ образомъ, и третье отличіе сельскаго хозяйства отъ индустріи.

Четвертымъ отличіемъ является отмѣчаемое Давидомъ отсутствіе внутренняго контроля рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ другъ за другомъ,—контроля, обычнаго въ индустріи, гдѣ результаты работы одного рабочаго поступаютъ для дальнѣйшей переработки въ руки другого, такъ, что степень ихъ доброкачественности сразу обнаруживается. Давидъ не можетъ, конечно, отрицать, что этотъ «внутренній контроль» и въ индустріи играетъ второстепенную роль сравнительно съ контролемъ внѣшнимъ: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, рисовать себѣ фабричную идиллію съ рабочими, внутренно-контролирующими другъ друга для выгодъ хозяина, безъ всякаго внѣшняго надзора. Это во-первыхъ. А затѣмъ и въ земледѣліи внутренній контроль, вопреки Давиду, существуетъ: при посѣвѣ опытный работникъ всегда замѣтитъ недостатки пахоты и вообще всѣхъ работъ, подготовляющихъ почву къ посѣву. Ясно, что разсматриваемое отличіе уменьшается до совершенно минимальныхъ размѣровъ, что о немъ прямо не стоитъ и говорить.

Но у Давида есть еще тяжелая артиллерія: устанавливаемое имъ различіе между органическимъ и механическимъ производствами и законъ убывающаго плодородія почвы. Давидъ называетъ сельское хозяйство органическимъ производствомъ, а индустрію—механическимъ, потому что въ послѣдней важнѣйшую роль играетъ человѣческій трудъ, имѣющій дѣло съ мертвымъ матеріаломъ, механически измѣняемымъ въ производствѣ, а въ первомъ «сѣмя функціонируетъ, какъ живой организмъ», природа здѣсь является «непосредственной производительницей», «человѣческій трудъ стоитъ только на второмъ планѣ, ему приходится приспособляться къ законамъ и капризамъ природы, онъ лишь посредственно уча-

ствуетъ въ процессѣ образованія продуктовъ». Въ этомъ опредѣленіи различія между органическимъ и механическимъ производствомъ есть нѣкоторые недостатки: нельзя, конечно, утверждать, что только въ сельскомъ хозяйствѣ приходится «приспособляться къ законамъ природы»: съ законами природы необходимо считается и индустрія. Сущность дѣла не въ этомъ заключается, а въ томъ, конечно, что въ сельскомъ хозяйствѣ человѣку приходится ждать, пока выполнитъ извѣстную работу природа, причемъ ускорить ходъ этой работы природы онъ почти не въ состояніи. Различіе, безъ сомнѣнія, имѣющееся на лицо, не лишенное значенія, но слишкомъ преувеличиваемое Давидомъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, несмотря на его наличность, труду вовсе нельзя отводить въ сельско-хозяйственномъ производствѣ второстепенной роли: и здѣсь онъ является творческой силой, и здѣсь безъ него невозможно было бы и самое производство, и здѣсь онъ отличается крайней напряженностью и многообразіемъ, растущими по мѣрѣ развитія техники, и здѣсь только имъ создается прибавочная стоимость; во-вторыхъ, съ органическими процессами, подобными тому, который совершается въ земледѣліи, сопряжены и многія отрасли обрабатывающей промышленности: такова сушка дерева при производствѣ изъ него издѣлій, броженіе въ пивоваренномъ производствѣ и винодѣліи. Можно согласиться только съ однимъ: различіе между органическимъ и механическимъ производствами приводитъ къ задержкѣ въ капитализаціи и концентраціи сельско-хозяйственнаго производства, но исключить эти процесеы совершенно и оно не въ состояніи.

Но законъ убывающаго плодородія почвы—скажутъ намъ—не имѣетъ уже рѣшительно ничего себѣ подобнаго въ индустріи. Посмотримъ же, что это за законъ.

Законъ этотъ формулируется Давидомъ такъ: «при каждомъ данномъ уровнѣ науки и техники для каждой данной культурной породы существуетъ извѣстная степень интенсивности, за предѣлами которой каждое новое усиленіе производства не приноситъ уже прибавочнаго дохода, соотвѣтствующаго прежней интенсивности производства».

Въ этой формулѣ вызываетъ вниманіе прежде всего выраженіе «усиленіе производства». Что обозначается этимъ выраженіемъ? Если говорить о раціональномъ усиленіи производства, то оно означаетъ не что иное, какъ улучшеніе техники производства, поднятіе производительности машинъ, меліораціи и т. д. Тогда съ выраженіемъ «усиленіе производства» совершенно несовмѣстимо выраженіе «при данномъ уровнѣ науки и техники»: вѣдь для раціональнаго, плодотворнаго «усиленія производства, какъ разъ и необходимо измѣненіе въ «данномъ уровнѣ науки и техники». Если это такъ—а отвергнуть это невозможно, — то приходится признать, что подъ «усиленіемъ производства» разумѣются дополнительныя затраты капитала и труда безъ повышенія техники, т. е.,—это надо прямо сказать — непроизводительныя затраты или растрата, расточеніе производительныхъ силъ, совершенно ирраціональное, безсмысленное. Пониженіе производительности почвы при такихъ дополнительныхъ ирраціональныхъ затратахъ доказываетъ, очевидно, лишь устарѣлость старой техники, необходимость при данныхъ хозяйственныхъ условіяхъ перейти

къ высшей ступени техническаго развитія. Законъ убывающаго плодородія почвы въ формулировкѣ Давида имѣетъ, значитъ, только одинъ смыслъ: не слѣдуетъ оставаться при устарѣлой техникѣ сельско-хозяйственнаго производства, такъ какъ результатомъ ея при дополнительныхъ затратахъ капитала и труда, совершенно безсмысленныхъ при ея сохраненіи, является относительное пониженіе производительности почвы сравнительно съ этими затратами. Спрашивается: неужели же это составляетъ отличіе сельскаго хозяйства отъ индустріи? Вѣдь совершенно очевидно, что во всѣхъ отрасляхъ хозяйства при безсмысленной растратѣ капитала и труда эффектъ получается одинаково неблагопріятный. Центральный пунктъ всей аргументаціи Давида обращается такимъ образомъ въ совершенный пуфъ.

Но, можетъ быть, правы тѣ экономисты, которые, какъ Мальтусъ и Рикардо, признаютъ вѣрнымъ законъ убывающаго плодородія почвы въ другой формулировкѣ, смыслъ которой сводится къ тому, что по достиженіи извѣстной высоты техническаго развитія всякое дальнѣйшее повышеніе техники сопровождается относительнымъ пониженіемъ урожайности или плодородія почвы. Положимъ, мы имѣли сельскохозяйственное предпріятіе, дававшее при извѣстной системѣ хозяйства опредѣленный урожай; при улучшеніи техники, при затратѣ капитала, напр., вдвое большей, чѣмъ прежняя, получается однако урожай не вдвое большій, чѣмъ прежде, а только въ $1^1/_2$ раза. Вотъ наглядная иллюстрація закона убывающаго плодородія почвы въ смыслѣ, принимаемомъ Мальтусомъ и Рикардо.

Допустимъ, что этотъ законъ, въ этомъ именно смыслѣ понимаемый, доказанъ статистически (на самомъ дѣлѣ онъ статистически не доказанъ). Можетъ быть, въ такомъ случаѣ, придется признать, что онъ составляетъ особенность сельскаго хозяйства сравнительно съ индустріей?

Присмотримся внимательнѣе къ дѣлу. Въ чемъ состоитъ всегда повышеніе техники въ данной отрасли производства? Въ дополнительныхъ затратахъ *постояннаго* (по терминологіи Маркса) капитала, чѣмъ уменьшается *перемѣнный* капиталъ. Само собою разумѣется—и это превосходно разъяснено Марксомъ въ III томѣ «Капитала»—возможно повышеніе техники и тогда, когда перемѣнный капиталъ абсолютно увеличивается; необходимо только въ этомъ случаѣ, чтобы онъ уменьшался относительно, сравнительно съ постояннымъ капиталомъ. Очевидно, что и въ земледѣліи повышеніе техники состоитъ въ томъ, что постоянный капиталъ увеличивается не только абсолютно, но и относительно, сравнительно съ перемѣннымъ капиталомъ, который, напротивъ, относительно уменьшается. Другими словами: затраты на машины, орудія, рабочій скотъ, постройки, мелioраціи всякаго рода и т. д. дѣлаются все болѣе крупными сравнительно съ затратами на живую рабочую силу. Давидъ, правда, скажетъ и это, что въ земледѣліи тенденція складывается какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ, въ смыслѣ затраты относительно и абсолютно бо́льшаго количества не постояннаго, а перемѣннаго капитала, и побѣдоносно укажетъ на Китай и Японію съ ихъ огородническимъ хозяйствомъ. Но мы отвѣтимъ на это, что огородничество—особая отрасль сельскаго хозяйства, которую нельзя смѣшивать съ земледѣліемъ, тѣмъ болѣе, что она

имѣетъ дѣло и съ особыми видами растеній. Не мѣшаетъ припомнить при этомъ замѣчаніе Маркса, что при японской и китайской системѣ «производительность земледѣлія покупается цѣной чрезмѣрной растраты человѣческой рабочей силы, отвлекаемой отъ другихъ отраслей производства».

Но если законъ убывающаго плодородія почвы въ формулировкѣ Мальтуса и Рикардо сводится къ тому, что плодородіе почвы уменьшается съ относительнымъ ростомъ постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ, то не ясно-ли, что этотъ законъ—не что иное, какъ извѣстный законъ паденія нормы прибыли, превосходно разъясненный Марксомъ въ III томѣ «Капитала»? Марксъ выяснилъ, что паденіе нормы прибыли является слѣдствіемъ тѣхъ измѣненій въ строеніи капитала, о которыхъ мы только что говорили, т.-е. относительнаго роста постояннаго капитала. Могутъ замѣтить, что между паденіемъ нормы прибыли и относительнымъ пониженіемъ плодородія почвы существуетъ то коренное различіе, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ чисто-экономическимъ, во второмъ—съ явленіемъ естественнымъ, съ фактомъ въ жизни природы. Но это возраженіе неосновательно: отчего зависитъ плодородіе почвы въ данномъ случаѣ, какъ не отъ дополнительныхъ затратъ капитала? предполагать тутъ какую-то иную, скрытую движущую силу значитъ усвоивать совершенно не научную виталистическую точку зрѣнія.

Расматривая законъ убывающаго плодородія почвы, мы убѣждаемся такимъ образомъ, что онъ не только не доказываетъ какого-либо коренного отличія сельскаго хозяйства отъ индустріи, но, напротивъ, убѣждаетъ насъ въ полномъ въ данномъ отношеніи сходствѣ между ними.

Мы подвергли тщательному разсмотрѣнію всѣ отмѣчаемыя обыкновенно различія между сельскимъ хозяйствомъ и индустріей. Мы видѣли, что многія изъ этихъ различій преувеличены и нѣтъ ни одного такого, которое вырывало бы между сельскимъ хозяйствомъ и индустріей непроходимую пропасть. Всѣ дѣйствительно существующія различія объясняютъ намъ менѣе быстрый темпъ капиталистическаго развитія сельскаго хозяйства сравнительно съ темпомъ капиталистическаго развитія индустріи, но ни въ какомъ случаѣ не оправдываютъ того положенія, что сельское хозяйство и индустрія — двѣ отрасли хозяйства, прямо противоположныя одна другой.

III.

Предшествующее изложеніе даетъ уже намъ прочное теоретическое основаніе для рѣшенія вопроса объ относительныхъ преимуществахъ крупнаго и мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ, въ частности въ земледѣліи. Мы знаемъ теперь, что общее, абсолютное рѣшеніе этого вопроса, независимое отъ характера производственныхъ и мѣновыхъ отношеній въ данной странѣ въ данное время,—несостоятельно и неправильно, и что тенденціи въ развитіи производственныхъ и мѣновыхъ отношеній направлены въ сторону капитализма, которымъ, вообще говоря, обусловливается крупное производство. Мы знаемъ также, что существующія

между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ различія могутъ задержать процессъ капиталистическаго развитія сельскаго хозяйства, но не въ силахъ его уничтожить. При такихъ исходныхъ пунктахъ ясенъ отвѣтъ на вопросъ о сравнительномъ учетѣ преимуществъ крупнаго и мелкаго сельскохозяйственнаго производства: очевидно, первое обладаетъ въ условіяхъ капиталистическаго развитія бо́льшими преимущеетвами; чѣмъ второе.

Однако для полной убѣдительности этого вывода необходимо разсмотрѣть особо всѣ отдѣльные аргументы и соображенія, касающіеся преимуществъ крупныхъ и мелкихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій. Это и дѣлаетъ Давидъ, распредѣляя всѣ соображенія, по тремъ основнымъ рубрикамъ: 1) съ точки зрѣнія простой кооперації, 2) съ точки зрѣнія раздѣленія труда, 3) съ точки зрѣнія примѣненія машинъ. По мнѣнію Маркса, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ крупное прозводство имѣетъ существенныя преимущества передъ мелкимъ. Давидъ старается ослабить этотъ выводъ, уменьшить его значеніе и доказываетъ, что большее усердіе крестьянина и его семьи, работающихъ на собственной землѣ, ведетъ къ большей производительности труда, чѣмъ и создается особое преимущество мелкаго крестьянскаго сельскаго хозяйства надъ крупнымъ капиталистическимъ, причемъ это преимущество имѣетъ гораздо большій удѣльный вѣсъ, чѣмъ отмѣчаемыя Марксомъ преимущества крупнаго хозяйства надъ мелкимъ. Разсмотримъ подробно отдѣльные аргументы Давида.

Прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые касаются примѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ простой кооперації, соединенія производительныхъ силъ въ крупныхъ размѣрахъ. Можно вполнѣ согласиться съ Давидомъ, когда онъ говоритъ, что простое соединеніе большихъ массъ рабочихъ для производства какой-либо тяжелой операції путемъ простого сотрудничества въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ не имѣетъ значенія. Запомнимъ только, что это соображеніе не говоритъ ни за, ни противъ крупнаго и мелкаго производства, что оно не можетъ быть включено въ активъ или пассивъ котораго-либо изъ нихъ и должно быть просто списано со счета.

У Давида есть однако два соображенія, говорящія за преимущества мелкаго хозяйства передъ крупнымъ: это, во-первыхъ, психологическій факторъ производства, во-вторыхъ, дружная работа всѣхъ членовъ крестьянской семьи въ критическіе моменты сельско-хозяйственнаго производства, когда нельзя терять время. Психологическій факторъ состоитъ въ томъ, что крестьяне, помимо общности работы, заражающей ихъ, какъ и рабочихъ въ крупныхъ имѣніяхъ, чувствомъ соревнованія, подчиняются силѣ деревенскаго общественнаго мнѣнія, чего не бываетъ въ крупныхъ хозяйствахъ; съ другой стороны въ крупныхъ имѣніяхъ невозможна и сдѣльная плата, какъ средство, побуждающее рабочаго быть энергичнѣе: сдѣльная плата немыслима, потому что въ сельскомъ хозяйствѣ невозможенъ внутренній контроль.

Считать сколько-нибудь серьезнымъ преимуществомъ мелкаго хозяйства благотворное вліяніе на крестьянскій трудъ деревенскаго общественнаго мнѣнія совершенно не приходится тѣмъ болѣе, что ему можетъ быть противопоставлено естественное чувство самолюбія хорошаго наемнаго рабочаго, мастера своего дѣла, профессіональная честь котораго

допускаетъ небрежности и упущеній. Что касается сдѣльной платы, то, не признавая правильнымъ, какъ было уже указано выше, мнѣніе Давида о полномъ отсутствіи внутренняго контроля въ сельскомъ хозяйствѣ, мы однако не будемъ защищать сдѣльную оплату труда, какъ одинъ изъ видовъ сильнѣйшей эксплоатаціи, и предоставимъ сомнительную честь такой защиты Бернштейну и его единомышленникамъ. Нельзя однако отрицать, что хорошій сельско-хозяйственный рабочій, какъ и рабочій фабричный, получаетъ всегда высшее вознагражденіе, чѣмъ плохой, и это сопровождается извѣстными психологическими послѣдствіями. Ясно, такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ, что, вопреки Давиду, психологическій факторъ не составляетъ никакого преимущества мелкаго производства передъ крупнымъ.

Но какъ-же быть съ дружной работой всѣхъ членовъ крестьянской семьи въ критическіе моменты сельско-хозяйственнаго производства? Давидъ съ торжествомъ указываетъ на то, что крупное предпріятіе испытываетъ острую нужду въ рабочихъ рукахъ во время уборки хлѣба, когда нельзя терять ни минуты, тогда какъ крестьянинъ въ это время дѣйствительно безъ труда добываетъ потребныя рабочія руки, поднимая на ноги всю семью, отъ малаго до стараго. Читая относящіяся сюда страницы книги Давида, невольно вспоминаешь замѣчаніе Каутскаго, что такая картина усиленныхъ трудовъ всей крестьянской семьи производитъ *сильное* впечатлѣніе, но едва-ли это впечатлѣніе можно назвать *возвышеннымъ*. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ не является отвратительной маниловщиной идиллическая картина трудолюбивыхъ мужичковъ съ ихъ дѣтками съ одной стороны и со старичками съ другой, которые надрываютъ послѣднія силы, чтобы во время убрать жатву и тѣмъ обезпечить себѣ полуголодное существованіе? Само собою разумѣется также, что правильно-поставленное капиталистическое сельско-хозяйственное предпріятіе не остановится передъ обезпеченіемъ себя въ горячую пору достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ, какъ передъ неразрѣшимой задачей. Очевидно, мы опять имѣемъ дѣло съ мнимымъ, несуществующимъ на дѣлѣ, преимуществомъ мелкаго хозяйства передъ крупнымъ.

Всѣ остальныя соображенія Давида, касающіяся простой коопераціи, имѣютъ болѣе скромную цѣль, чѣмъ только что разобранныя: онъ не стремится, приводя ихъ, доказать, что мелкое производство имѣетъ въ данныхъ отношеніяхъ преимущества передъ крупнымъ, напротивъ признаетъ даже, что крупныя предпріятія больше, чѣмъ мелкія, сберегаютъ мѣста и денегъ на постройки, мертвый и живой инвентарь, меньше тратятъ земли на дороги и межи; Давидъ стремится только ослабить значеніе этихъ преимуществъ крупнаго хозяйства. Въ этомъ стремленіи онъ нерѣдко хватаетъ черезъ край, теряетъ чувство мѣры, утрачиваетъ перспективу, но, конечно, никто не будетъ отрицать, что въ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство обладаетъ сравнительно съ мелкимъ меньшими преимуществами, чѣмъ то можно сказать объ индустріи. Это опять возвращаетъ насъ къ тому общему положенію, что капитализація и концентрація сельско-хозяйственныхъ предпріятій совершается медленнѣе, чѣмъ капиталистическое развитіе предпріятій фабрично-заводскихъ,

но вовсе не исключаетъ самой возможности капиталистической эволюціи сельскаго хозяйства.

Всего этого однако недостаточно для надлежащей оцѣнки простой кооперації въ сельскомъ хозяйствѣ. Подъ понятіе простой кооперації можетъ и должно быть подведено не только соединеніе въ одномъ предпріятіи большихъ массъ труда, но и соединеніе большихъ массъ капитала. Въ этомъ отношеніи крупныя сельско-хозяйственныя предпріятія, безъ сомнѣнія, далеко выше мелкихъ, что превосходно доказано Каутскимъ. Превосходство ихъ заключается въ кредитѣ—крупный предприниматель кредитоспособнѣе мелкаго,—и въ торговлѣ—крупный предприниматель получаетъ большія выгоды оттого, что продаетъ и покупаетъ оптомъ, а не по мелочамъ. Давидъ совершенно игнорируетъ это важное обстоятельство, которое, наряду съ другими, сейчасъ отмѣченными, фактами, показываетъ, что крупное сельско-хозяйственное предпріятіе въ качествѣ простой кооперації, т.-е. вслѣдствіе соединенія большихъ массъ труда и капитала, имѣетъ, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, несомнѣнныя и весьма важныя преимущества передъ предпріятіемъ мелкимъ, хотя эти преимущества въ сельскомъ хозяйствѣ и меньше, чѣмъ въ индустріи.

Но, быть можетъ, разборъ вопроса о сложной кооперації или, что то же, о раздѣленіи труда въ сельскомъ хозяйствѣ даетъ возможность Давиду провести болѣе рѣзкую разграничительную грань между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ, чѣмъ ему это удавалось въ другихъ отношеніяхъ? Посмотримъ.

Центръ тяжести всѣхъ разсужденій Давида о раздѣленіи труда въ сельскомъ хозяйствѣ лежитъ въ томъ соображеніи, что въ сельскомъ хозяйствѣ вообще происходитъ не спеціализація, не обособленіе отдѣльныхъ отраслей, а усложненіе производства: напримѣръ, въ земледѣліи наблюдается постепенное умноженіе породъ разводимыхъ въ предѣлахъ одного хозяйства растеній, усложненіе дѣла; невозможно и отдѣленіе земледѣлія отъ скотоводства, которыя идутъ рука объ руку, взаимно другъ другу помогаютъ, дѣлаютъ непрерывнымъ сельско-хозяйственное производство. Если такъ, то значитъ раздѣленіе труда не приводитъ въ сельскомъ хозяйствѣ къ тѣмъ благотворнымъ въ техническомъ отношенія послѣдствіямъ, которыя съ такой рельефностью и силой обнаруживаются въ индустріи.

Оцѣнивая по достоинству всю эту аргументацію, нельзя прежде всего не отмѣтить того обстоятельства, что Давидъ утрируетъ понятіе о техническомъ раздѣленіи труда въ индустріи: вѣдь и въ этой отрасли хозяйства одинъ рабочій не непремѣнно всю жизнь долженъ сидѣть надъ одной операціей; технически отъ него требуется только одно: умѣніе наивозможно болѣе быстро исполнять операцію, въ которой онъ участвуетъ, а достигнуть этого максимума умѣлости и быстроты при простотѣ отдѣльныхъ операцій не трудно, не спеціализируясь въ какой-либо одной изъ нихъ, а занимаясь нѣсколькими. Пользуясь классическимъ примѣромъ булавочнаго производства, можно сказать, что всѣ 18 операцій, изъ которыхъ оно слагается, могутъ быть въ совершенствѣ изучены однимъ рабочимъ безъ ущерба для техники: давно и справедливо указано, что чрезвычайная простота такихъ операцій, какъ вытяги-

ваніе проволоки, распрямленіе ея, рѣзка, заостреніе отрѣзковъ, сплющиваніе ихъ для насаживанія головокъ и т. д. вплоть до вкалыванія готовыхъ булавокъ въ бумагу,—дѣлаетъ совершенно ненужной то утрированное техническое раздѣленіе труда, съ требованіемъ котораго, какъ необходимаго условія экономическаго прогресса, желаетъ совершенно напрасно считаться Давидъ. По стольку же, по скольку это дѣйствительно технически необходимо, раздѣленіе труда между отдѣльными рабочими существуетъ, несомнѣнно, и въ сельскомъ хозяйствѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь, какъ справедливо замѣчаетъ самъ Давидъ, требуется болѣе квалифицированный трудъ, чѣмъ въ индустріи. Но Давидъ идетъ дальше: онъ указываетъ, что техническое раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ даже вредно, и доказательство этого усматриваетъ въ печальныхъ для населенія культурныхъ послѣдствіяхъ того, что крестьянинъ, превращаясь въ батрака, лишается «богатаго духовнаго содержанія» своей работы,—содержанія, отходящаго къ директору или управляющему: «сравненіе общаго духовнаго и культурнаго уровня сельскаго батрака съ такимъ же уровнемъ мелкаго самостоятельнаго крестьянина, работающаго такую же суровую работу, наглядно показываетъ», по словамъ Давида, «что значитъ лишенье сельско-хозяйственной работы ея духовнаго содержанія». Не будемъ останавливаться на послѣдней тирадѣ, которая для насъ, русскихъ, звучитъ горькой ироніей и которая и у Давида ничѣмъ не доказана по отношенію къ западной Европѣ; отмѣтимъ только, что здѣсь рѣчь идетъ уже не объ экономическихъ явленіяхъ, а объ общекультурныхъ, которыя, конечно, находятся въ тѣсной генетической связи съ экономическимъ базисомъ, но связь эта должна трактоваться глубже и основательнѣе. Отмѣтимъ также и то, что Давидъ, отрицательно относящійся къ техническому раздѣленію труда въ сельскомъ хозяйствѣ, долженъ, однако, признать, что спеціализація «умственной работы» въ этой сферѣ производства—явленіе, достаточно рѣзко выраженное и сопровождающееся повышеніемъ производительности.

Что касается общественнаго раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ, то самъ Давидъ въ одномъ мѣстѣ своей книги справедливо указываетъ его разумную мѣру, исключающую всякую излишнюю утрировку, оправдывающуюся экономически и выражающую тотъ же принципъ, который лежитъ въ основѣ общественнаго раздѣленія труда вообще, въ какомъ бы то ни было производствѣ: принципъ этотъ — спеціализація хозяйственной цѣли производства. Сюда относятся, напр., спеціализація скотоводства въ смыслѣ организаціи молочнаго или мясного хозяйства, указываемая и Давидомъ; къ этому надо прибавить и спеціализацію растеніеводства или земледѣлія въ смыслѣ оранизаціи зернового хозяйства или хозяйства промышленнаго (свекловичныя плантаціи, хмѣлеводство, льноводство, виноградарство, садоводство, огородничество и т. д.). Въ общемъ, надо признать, что если въ чемъ-либо сельское хозяйство мало отстаетъ отъ индустріи, то именно въ раздѣленіи труда, какъ техническомъ, такъ и общественномъ, если, разумѣется, не представлять себѣ этого раздѣленія въ преувеличенныхъ, уродливыхъ формахъ.

Переходя, наконецъ, къ анализу значенія сельско-хозяйственныхъ машинъ, Давидъ въ сущности, все время не отрицаетъ преимуществъ

машиннаго производства, но старается свести эти преимущества къ минимуму, внушить убѣжденіе, что машины въ сельскомъ хозяйствѣ не такъ важны, какъ кажется съ перваго взгляда. Здѣсь опять фигурируетъ прерывистость сельско-хозяйственнаго производства, какъ доводъ, говорящій противъ первостепенной важности машинъ. При этомъ Давидъ, во что бы то ни стало, совершенно безъ достаточныхъ основаній, старается заподозрѣть точность приводимыхъ имъ самимъ статистическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что примѣненіе американскаго парового плуга сократило стоимость труда вчетверо, и не обращаетъ никакого вниманія на статистически-обоснованный Каутскимъ выводъ о большей быстротѣ роста примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ сравнительно съ индустріей: въ Пруссіи въ періодъ времени между 1879 и 1897 годами число машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ возросло на 470% (а число лошадиныхъ силъ въ нихъ на 546%), а въ другихъ отрасляхъ только на 209% (число лошадиныхъ силъ на 302%). Если машины въ сельскомъ хозяйствѣ мало значатъ, почему же ихъ примѣненіе растетъ быстрѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было? И неужели пониженіе вчетверо расходовъ на трудъ свидѣтельствуетъ о слабомъ значеніи машинъ?

Напрасно также Давидъ указываетъ на невозможность единаго двигателя въ сельскомъ хозяйствѣ. У Каутскаго приведенъ примѣръ одного французскаго имѣнія, въ которомъ электричество въ качествѣ единаго центральнаго мотора нашло себѣ весьма плодотворное примѣненіе уже въ настоящемъ, что открываетъ еще болѣе широкіе виды на будущее, когда электрическая энергія, съ чѣмъ согласенъ и Давидъ, будетъ играть весьма видную роль въ сельско-хозяйственномъ производствѣ.

Мы не будемъ останавливаться на отдѣльныхъ замѣчаніяхъ Давида, направленныхъ къ ослабленію техническаго значенія парового плуга и паровой молотилки: по мнѣнію Давида, паровая молотилка не очень важна, потому что для молотьбы зимой всегда найдутся рабочія руки, а паровой плугъ можетъ примѣняться лишь на почвѣ, отличающейся ровностью и влажностью. На этомъ долго останавливаться не приходится, потому что статистическія данныя и здѣсь находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ Давидомъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить цифры Каутскаго о ростѣ употребленія машинъ въ разныхъ странахъ; что касается въ частности молотилокъ, то онѣ распространяются даже и въ тѣхъ мелкихъ хозяйствахъ, однимъ изъ преимуществъ которыхъ Давидъ признаетъ постоянное обиліе рабочихъ рукъ: очевидно, это обиліе вовсе не мѣшаетъ распространенію молотилокъ.

Послѣ того, что сказано выше объ огородничествой и садоводственной японской и китайской культурѣ, составляющей особую отрасль производства сравнительно съ земледѣліемъ, нѣтъ нужды разбирать совершенно невѣрное положеніе Давида о томъ, будто бы съ развитіемъ сельскаго хозяйства ручной трудъ въ немъ усиливается въ ущербъ машинному.

Что же еще остается? Остается сантиментальная картина «благопріятныхъ условій» для женскаго и дѣтскаго труда въ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь есть всѣ элементы, необходимыя для мелкобуржуазной идилліи: и «чувство привязанности къ родному дѣтищу въ

родительскихъ сердцахъ», и «здоровые крестьянскіе парнишки», которые «не даютъ себя въ обиду» и «не производятъ такого впечатлѣнія, какъ если бы они страдали отъ чрезмѣрнаго труда, и утопіи «Руссо, Фихте, Гёте и другихъ педагоговъ-идеалистовъ», и, наконецъ, даже удивительное для соціалъ-демократа заявленіе, что «устраненіе дѣтскаго труда противорѣчитъ идеѣ соціалистическаго воспитанія». Достаточно отмѣтить все это, чтобы избавить себя отъ обязанности возражать по данному пункту.

Читатель самъ можетъ теперь судить, поскольку правъ Давидъ, утверждая, что «ни крупная кооперація, ни раздѣленіе труда, ни машина не даютъ крупному сельскому хозяину даже приблизительно такого экономическаго преобладанія надъ его мелкимъ конкурентомъ, какое индустріальное крупное производство имѣетъ надъ конкурирующимъ ремесленнымъ мастеромъ». Мы думаемъ, что приведенныя выше соображенія уже сами по себѣ оправдываютъ именно тотъ выводъ, что и въ сельскомъ хозяйствѣ и въ индустріи экономическое преобладаніе крупнаго производства надъ мелкимъ приблизительно одинаково: разница—только количественная, и при томъ она далеко не такъ велика, какъ представляетъ себѣ Давидъ.

Въ сущности черезъ всѣ разсужденія Давида красной нитью проходитъ одна основная мысль: преимущества крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ не идутъ ни въ какое сравненіе съ заинтересованностью мелкаго крестьянина-землевладѣльца въ результатахъ его труда: производительное значеніе послѣдней гораздо выше производительныхъ результатовъ перваго. Какъ можно провѣрить этотъ сравнительный учетъ плодотворности того и другого? Только при помощи массовыхъ статистическихъ наблюденій. Къ ихъ оцѣнкѣ и необходимо теперь обратиться.

IV.

Каутскій въ своемъ «Аграрномъ вопросѣ» произвелъ превосходный и никѣмъ до сихъ поръ не опровергнутый анализъ относящагося къ вопросу статистическаго матеріала. Этотъ анализъ далъ рядъ общихъ выводовъ первостепенной важности. О нихъ необходимо сейчасъ напомнить, прежде чѣмъ указать, что даетъ намъ новѣйшій статистическій матеріалъ, вошедшій въ общій оборотъ послѣ выхода въ свѣтъ книги Каутскаго.

Отмѣчено, прежде всего, сильное вліяніе міроваго сельско-хозяйственнаго кризиса, созданнаго заатлантической конкуренціей: онъ задержалъ капиталистическое развитіе европейскаго земледѣлія и, создавъ тяжелыя условія рынка, менѣе чувствительныя для мелкаго хозяйства, чѣмъ для крупнаго, тѣмъ самымъ поддержалъ мелкое производство въ земледѣліи. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что этимъ какъ будто констатируется наличность глубокаго различія между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ: вѣдь извѣстно что въ индустріи кризисы вызываютъ исчезновеніе мелкихъ предпріятій, а теперь выходитъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ наоборотъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи различіе, однако, и здѣсь оказывается фиктивнымъ, на дѣлѣ не существующимъ: во-первыхъ, и въ индустріи во время кризиса крупныя предпріятія ста-

новятся мельче, потому что сокращаютъ производство, а во-вторыхъ, при сравненіи надо брать соизмѣримыя явленія, имѣющія одинъ основной общій признакъ,— въ данномъ случаѣ сравнивать съ индустріальными предпріятіями можно только тѣ изъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, которыя работаютъ исключительно, или почти исключительно, для рынка, а не для собственнаго потребленія; тогда мы увидимъ, что изъ числа такихъ предпріятій и въ сельскомъ хозяйствѣ во время кризиса выживаютъ только болѣе крупныя. На нашъ взглядъ, Каутскій въ вопросѣ о вліяніи кризиса хватилъ даже черезъ край, преувеличилъ это вліяніе и—главное—не въ мѣру расширилъ кризисъ хронологически, объявивъ его вѣчнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ продолжаться вплоть до торжества соціализма. Основаніе для этого взгляда — наличность обширныхъ, нетронутыхъ еще прерій въ Америкѣ — не выдерживаетъ критики уже потому, что, какъ скоро увидимъ, ихъ сосѣдство не мѣшаетъ развиваться американскому капиталистическому земледѣлію. Къ тому-же заключенію о несостоятельности вывода Каутскаго приводитъ и теоретическое его разсмотрѣніе: въ сущности, это—формула, по смыслу своему прямо противоположная знаменитому закону Мальтуса, гласящая, что средства продовольствія всегда растутъ быстрѣе населенія; какъ несостоятеленъ оказался законъ Мальтуса, такъ же несостоятельна и противоположная ему формула въ силу полной ея необоснованности и свойственнаго ей абсолютнаго характера, не считающагося съ тѣми измѣненіями, какія вносятся хозяйственнымъ развитіемъ и въ ростъ населенія, и въ производство средствъ продовольствія.

Второй важный выводъ, сдѣланный Каутскимъ, состоитъ въ указаніи на то, какъ мелкое, парцеллярное хозяйство, обладателемъ котораго является въ сущности полупролетарій, создается и поддерживается крупными, капиталистическими сельско-хозяйственными предпріятіями, которыя нуждаются въ постоянномъ, устойчивомъ рабочемъ контингентѣ. Парцеллы, привязывая ихъ владѣльцевъ къ опредѣленной мѣстности, доставляютъ въ ихъ лицѣ крупнымъ хозяйствамъ достаточное количество постоянныхъ рабочихъ.

То-же парцеллярное, мелкое крестьянское землевладѣніе и хозяйство растетъ или, по крайней мѣрѣ, сохраняется и подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ и посторонніхъ заработковъ, создаваемыхъ процессомъ капиталистическаго развитія и дающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность крестьянину, кое-какъ сводить концы съ концами въ своемъ хозяйствѣ паупера при помощи пролетарской заработной платы. Таковъ третій выводъ Каутскаго.

Четвертый заключается въ томъ, что при оцѣнкѣ того или другого хозяйства съ точки зрѣнія степени капиталистическаго развитія надо считаться не только съ размѣрами площади, имъ занимаемой, но и съ той затратой капитала и труда, которая на него сдѣлана. Мы выразили бы это такъ: въ процессѣ капиталистическаго развитія надо различать два элемента, не всегда равномѣрно и одновременно прогрессирующихъ: первый элементъ — капитализація, второй — концентрація производства. Капитализація начинается раньше капиталистической концентраціи и сплошь и рядомъ сопровождается сначала уменьшеніемъ размѣровъ хо-

зяйства при усиленныхъ затратахъ капитала на усовершенствованныя орудія, машины, сѣмена, племенной скотъ, удобреніе и мелiораціи. Когда она достигаетъ извѣстнаго уровня, къ ней присоединяется концентрація, и тогда оба элемента капитализма развиваются уже одновременно.

Обосновавъ эти важные теоретическіе выводы, Каутскій, опираясь на нихъ, произвелъ блестящій анализъ статистическаго матеріала и показалъ, что процессъ капиталистическаго развитія совершается и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Этотъ процессъ тѣмъ менѣе подлежитъ сомнѣнію, что ипотечная задолженность землевладѣнія сосредоточиваетъ громадныя площади земли въ рукахъ кредитныхъ учрежденій. Правда, Герцъ въ отвѣтъ на это указываетъ, что въ Германіи обладателями ипотекъ являются въ значительной степени (на 22%) сберегательныя кассы, вкладчики которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, не капиталисты, а мелкіе буржуа, рабочіе и крестьяне. Но, во-первыхъ, 22%—меньшая часть всѣхъ ипотекъ, во-вторыхъ, обладателями ипотекъ вѣдь являются, конечно, не вкладчики, а сберегательныя кассы: только послѣднія имѣютъ достаточную экономическую возможность принимать въ залогъ землю въ силу соединенія мелкихъ сбереженій; существенную роль тутъ играютъ, конечно, не отдѣльныя сбереженія, а фактъ ихъ соединенія въ единое экономическое цѣлое.

Спрашивается теперь: что же даетъ позднѣйшій статистическій матеріалъ? Подтверждаетъ онъ выводы Каутскаго, заставляетъ сдѣлать къ нимъ поправки и дополненія, или, наконецъ, совершенно ихъ уничтожаетъ?

Возьмемъ прежде всего Францію. Тамъ давно уже началась и постепенно все усиливается капитализація сельскаго хозяйства, особенно ярко обнаружившаяся на сельско-хозяйственной выставкѣ въ Ліонѣ въ 1905 году, показавшей, что и въ крупномъ, и въ среднемъ, и въ мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ интенсификація послѣдовательно растетъ и развивается. Но на ряду съ этимъ, какъ то показываютъ статистическія данныя, начинается уже и процессъ капиталистической концентраціи, причемъ многочисленныя парцеллярныя хозяйства самостоятельнаго значенія совершенно не имѣютъ, являются по преимуществу огородническими, служатъ подспорьямъ для полупролетарской массы, отправляющейся на заработки въ крупныя имѣнія. Вотъ цифры. Въ 1866 г. во Франціи считалось 6 мил. 196 тысячъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ 3 мил. 266 тысячахъ хозяйствъ, такъ что въ среднемъ приходилось менѣе 2-хъ рабочихъ на хозяйство. Въ 1896 году было уже 8 мил. 421 тыс. рабочихъ, занятыхъ въ 1 мил. 967 тысячахъ хозяйствъ, т. е. на хозяйство въ среднемъ приходилось уже болѣе четырехъ рабочихъ. Но и этотъ выводъ нуждается еще въ существенной поправкѣ; изъ 1 мил. 967 тыс. хозяйствъ 1 мил. 187 тыс. карликовыя имѣнія, парцеллы, не имѣющія самостоятельнаго экономическаго значенія, такъ что ихъ надо отбросить при вычисленіи среднихъ размѣровъ хозяйствъ, тогда какъ ихъ обладатели должны остаться въ числѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, потому что они дѣйствительно работаютъ въ чужихъ имѣніяхъ. Тогда получится 8 мил. 421 тыс. рабочихъ на 780 тыс. хозяйствъ, т. е. почти по 11-ти рабочихъ на хозяйство.

Въ Соединенныхъ Штатахъ капитализація, и раньше весьма сильная, продолжается: въ десятилѣтіе съ 1890 по 1900 годъ цѣнность примѣняющихся въ сельскомъ хозяйствѣ машинъ увеличилась на 51, 5%, а стоимость рабочаго скота на 34,8%. Но затѣмъ замѣчается также и концентрація сельско-хозяйственнаго производства: уже между 1880 и 1890 г. средніе размѣры фермъ увеличились на $2^1/_2$ акра—со 134-хъ до $136^1/_2$ акровъ. Въ 1900 г. средніе размѣры фермъ достигли 146,2 акра, т.-е. въ десятилѣтіе увеличились на 7, 13%. При этомъ нельзя примѣнить то объясненіе, которое предлагалъ въ свое время Герцъ, по мнѣнію котораго обширность американскихъ фермъ объясняется экстенсивной земледѣльческой техникой въ западныхъ штатахъ: дѣло въ томъ, что какъ разъ во многихъ западныхъ штатахъ подъ вліяніемъ капитализаціи и сопровождающей ее интенсификаціи производства средніе размѣры фермъ понижаются (такъ, напримѣръ, въ Невадѣ), а съ другой стороны фермы увеличиваются въ размѣрахъ въ тѣхъ штатахъ, гдѣ давно утвердилось интенсивное земледѣліе.

Такова новѣйшая статистика. Она не только не колеблетъ,—она вполнѣ подтверждаетъ и укрѣпляетъ выводы Каутскаго. Если и можно сдѣлать поправку къ послѣднимъ, то въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ мы высказались выше по поводу теоріи вѣчнаго кризиса: новѣйшія статистическія данныя ставятъ внѣ сомнѣнія процессъ концентраціи сельско-хозяйственнаго производства и отодвигаютъ вліяніе кризиса на второй планъ.

Мы не можемъ, конечно, предсказать всѣ частности дальнѣйшей эволюціи сельскаго хозяйства. Пертурбаціонныя явленія въ процессѣ развитія сельскохозяйственнаго капитализма возможны и въ будущемъ. Но смѣло можно сказать, что, во-первыхъ, всѣ они поддаются объясненію съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя установлены Каутскимъ, и во-вторыхъ, общія тенденціи сельскохозяйственнаго развитія въ сторону капитализаціи и концентраціи сохранятся и въ будущемъ.

Понятно, какой живой интересъ имѣютъ статистическія изслѣдованія, какъ важны будутъ, напримѣръ, результаты американскаго ценза 1910 года, какъ необходимо у насъ въ Россіи поставить статистическія работы на такую-же высоту, направить ихъ на изученіе тѣхъ-же вопросовъ первостепенной теоретической и практической важности.

V.

Нашъ этюдъ посвященъ теоретическимъ предпосылкамъ рѣшенія аграрнаго вопроса. Но мы сочли бы свою задачу нерѣшенной до конца, если бы остались въ области одной лишь теоріи. Партія, основывающая свою практическую дѣятельность—программу и тактику—на научной теоріи, до такой степени связываетъ теорію и практику въ единое органическое цѣлое, что отдѣлить послѣднюю отъ первой невозможно. И потому необходимо, въ связи съ намѣченными теоретическими предпосылками, установить и практическіе выводы, опредѣлить задачи соціалъ-демократической аграрной политики и способы ихъ рѣшенія.

Предшествующее изложеніе имѣло цѣлью обосновать два общихъ положенія: 1) формы и размѣры землевладѣнія и хозяйства опредѣляются общей организаціей производственныхъ и мѣновыхъ отношеній, 2) въ процессѣ развитія сельскаго хозяйства наблюдаются капитализація и концентрація производства, совершающіяся только болѣе медленно, чѣмъ въ индустріи.

Этими двумя основными теоретическими положеніями опредѣляется тотъ принципъ, которымъ должна быть одушевлена соціалъ-демократическая аграрная политика, т.-е. и программа и тактика соціалъ-демократіи въ аграрномъ вопросѣ. Прежде всего въ задачи этой политики должно входить устраненіе всѣхъ тѣхъ отжившихъ, устарѣлыхъ хозяйственныхъ порядковъ, которые, являясь наслѣдіемъ прошлаго, обломкомъ старины, не соотвѣтствуютъ господствующимъ въ народнохозяйственной жизни общимъ производственнымъ и мѣновымъ условіямъ. Сюда относятся многочисленные остатки феодальнаго, докапиталистическаго сельскаго хозяйства, вродѣ отработочной аренды, испольщины, поссесіоннаго права, хизанскихъ земель и т. д. Всѣ тѣ случаи, когда землевладѣлецъ является совершеннымъ паразитомъ, когда онъ не вноситъ въ сельско-хозяйственное предпріятіе ни своей личной энергіи и предпріимчивости, ни капитала, когда онъ сдаетъ крестьянамъ «землю, а не фермы», когда его земля обрабатывается крестьянскимъ инвентаремъ,—всѣ эти случаи подходятъ подъ категорію остатковъ докапиталистическаго хозяйства, уродливо выступающихъ на видъ среди общихъ капиталистическихъ отношеній, которыя господствуютъ въ индустріи и постепенно проникаютъ въ сельское хозяйство. Рано или поздно эти пережитки прошлаго погибнутъ. Здоровая политика заключается въ томъ, чтобы ускорить эту гибель, облегчить ее, сдѣлать по возможности безболѣзненной для всего народнохозяйственнаго организма, хотя бы цѣною жертвъ со стороны паразитическихъ элементовъ общества. На этомъ и основывается требованіе уничтоженія кабальнаго хозяйства путемъ передачи крестьянству всѣхъ земель, эксплоатируемыхъ крѣпостнически.

Само собою разумѣется, что наряду съ уничтоженіемъ устарѣлыхъ хозяйственныхъ формъ и отношеній должно происходить и уничтоженіе юридическихъ надстроекъ, ихъ поддерживающихъ. Капиталистическое хозяйство основано на обращеніи всѣхъ цѣнностей на рынкѣ въ видѣ товара, и потому тѣ формы землевладѣнія, которыя исключаютъ возможность такого обращенія земли, осуждены въ процессѣ капиталистическаго развитія на уничтоженіе. Сюда относится, напримѣръ, общинное землевладѣніе. Разумѣется, отсюда не вытекаетъ необходимости уничтожить его законодательнымъ путемъ,—это значило-бы насиловать жизнь, производить слишкомъ болѣзненую операцію безъ всякой нужды; надо только уничтожить всѣ тѣ юридическія препятствія, которыя задерживаютъ вліяніе экономическаго базиса, заставляютъ это вліяніе принимать ненормальныя формы. Съ этою цѣлью необходимо установить свободный выходъ изъ общины каждаго ея члена съ правомъ требовать или денежнаго вознагражденія за покидаемый надѣлъ или выдѣла участка земли, экономически-равнаго этому надѣлу. Къ числу юридическихъ надстроекъ, несоотвѣтствующихъ существующимъ хозяйственнымъ условіямъ, при-

надлежатъ также земли удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя и т. д.; эти виды земельнаго владѣнія подлежатъ поэтому также уничтоженію въ формѣ передачи ихъ въ руки государства, которое часть изъ нихъ можетъ ликвидировать путемъ продажи.

Принципъ уничтоженія паразитическихъ формъ хозяйства и связанныхъ съ ними юридическихъ надстроекъ сохраняетъ свое значеніе въ аграрной политикѣ соціалъ-демократіи и для послѣдующаго времени. Вѣдь капиталистическое хозяйство не остается все время неподвижнымъ, переживаетъ разные моменты развитія, и въ процессѣ этого развитія отживаютъ однѣ формы, болѣе примитивныя, и зараждаются и распространяются другія, прогрессивныя. Первыя, когда-то игравшія извѣстную роль въ процессѣ хозяйственнаго развитія, становятся паразитическими, ненужными, даже вредными и потому подлежатъ уничтоженію. На этомъ покоятся, между прочимъ, требованіе муниципализаціи или націонализаціи городской земли и городскихъ домовъ, необходимыхъ также и въ смыслѣ удовлетворительнаго рѣшенія жилищнаго вопроса съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, и требованіе націонализаціи всей вообще земли. По поводу того и другого требованія необходимо войти въ нѣкоторыя подробности.

Безъ сомнѣнія, муниципализація или націонализація городскихъ земель и домовъ должна стать лозунгомъ практической политики текущаго дня раньше, чѣмъ націонализація земли вообще. За это говорятъ три важныхъ соображенія: во-первыхъ, владѣльцы городскихъ земель и домовъ скорѣе превращаются въ экономическихъ паразитовъ, чѣмъ землевладѣльцы вообще: землевладѣлецъ въ настоящее время очень часто не является еще не нужнымъ для предпріятія: пока сельско-хозяйственная техника не дошла еще до такой высоты, чтобы дѣлать излишней или маловліятельной хозяйственную энергію и предпріимчивость, землевладѣлецъ, если онъ самъ ведетъ хозяйство на своей землѣ, не является совершенно лишней спицей въ колесницѣ; то же самое нерѣдко бываетъ и тогда, когда землевладѣлецъ сдаетъ въ аренду землю,—если только онъ самъ при этомъ принимаетъ мѣры къ повышенію ея производительности, затрачивая отчасти и свой капиталъ на меліораціи, племенной скотъ, улучшенныя сѣмена, машины или постройки; во-вторыхъ, въ городскомъ самоуправленіи пролетарскимъ элементамъ легче получить преобладаніе, чѣмъ въ государствѣ; въ-третьихъ, только путемъ муниципализаціи или націонализаціи городскихъ владѣній можно разрѣшить жилищный вопросъ.

Общая націонализація всѣхъ земель, какъ и ихъ муниципализація въ смыслѣ передачи крупнымъ самоуправляющимся областнымъ единицамъ, вызываютъ противъ себя, главнымъ образомъ, два возраженія: во первыхъ, они противорѣчатъ общей организаціи производственныхъ и мѣновыхъ отношеній въ товарномъ хозяйствѣ и потому осуществимы лишь наканунѣ перехода къ соціалистическому строю, когда капиталистическое хозяйство изживетъ себя и начнетъ клониться къ упадку, причемъ предпочтеніе, разумѣется, въ такомъ случаѣ надо отдать націонализаціи, потому что тогда уже поздно будетъ вводить промежуточное звено въ видѣ муниципализаціи; во-вторыхъ, въ буржуазномъ государствѣ,

хотя бы и демократическомъ, они опасны: буржуазія легко можетъ использовать ихъ во вредъ интересамъ пролетаріата.

Эти возраженія примѣнимы, конечно, и къ проекту муниципализаціи крупныхъ имѣній, выдвигаемому уже теперь въ качествѣ очередной практической мѣры; но помимо ихъ противъ этого проекта можно сдѣлать еще и другія замѣчанія: во-первыхъ, крестьянство и не думаетъ его выдвигать на очередь, что дѣлаетъ его совершенно неосуществимымъ; крестьянство добивается земли, но въ свою полную собственность и не устранитъ, а утвердитъ частную собственность на землю; во-вторыхъ, въ существующемъ проектѣ муниципализація распространяется только на крупныя имѣнія, такъ что рядомъ съ нею будутъ существовать мелкія частныя владѣнія, подлежащія отчужденію, если они достигаютъ извѣстнаго размѣра; эта нестройность, умѣстная и возможная только въ переходныя эпохи, на короткое время, осложняется еще сосредоточеніемъ, по проекту, въ рукахъ государства земель удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ, монастырскихъ, т. е. частичной національзаціей.

Національзація земли въ Россіи въ настоящее время могла бы быть признана, какъ практическая мѣра, лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что западная Европа находится наканунѣ соціальной революціи, что тамъ въ ближайшіе годы совершится соціалистическій переворотъ. Тогда отсталыя страны были бы, несомнѣнно, вовлечены въ общее движеніе и въ качествѣ подготовительной мѣры къ этому послужила бы національзація земли. Но нельзя не признать, что на западѣ Европы до сихъ поръ не имѣется на лицо ни объективной, ни субъективной предпосылокъ соціальной революціи: техника производства не достигла еще такой высоты, чтобы сдѣлать капиталистовъ совершенными паразитами и обезпечить осуществленіе принципа «отъ каждаго по его силамъ, каждому по его потребностямъ»; сознательность и единство рабочаго класса въ его стремленіяхъ также не дошли еще до уровня достаточно высокаго.

Но, быть можетъ, въ такомъ случаѣ надо направить всѣ усилія на политику основанія и развитія товариществъ, столь любезныхъ сердцу ревизіонистовъ вообще и Давида въ частности?

Давидъ, опираясь главнымъ образомъ на классическій примѣръ Даніи, набрасываетъ передъ нами идиллическую картину крестьянскихъ товариществъ, представляющихъ собою, по словамъ Гёрца, соединеніе психологическихъ мотивовъ, получающихся при работѣ на себя, и техническихъ выгодъ, создаваемыхъ крупнымъ производствомъ. Въ этихъ товариществахъ ревизіонисты провидятъ зародыши будущаго соціалистическаго общества, которое путемъ распространенія и умноженія ихъ можетъ, пожалуй, посредствомъ мирной эволюціи, лишенной революціоннаго, критическаго момента, выйти изъ нѣдръ капиталистическаго строя. Умилительность этой идилліи однако уничтожается фактами, сообщаемыми самимъ Давидомъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что къ товариществамъ прививается и въ нихъ неудержимо развивается капитализмъ: «техническая и коммерческая части переходятъ въ руки профессіональныхъ служащихъ товарищества, а непосредственное производство по обработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ руки наемныхъ рабочихъ. Сами сельскіе хозяева въ роли членовъ правленія и общихъ со-

браній исполняютъ лишь функціи надзора и пропаганды»; въ Даніи и помѣщичьи хозяева «вступаютъ въ качествѣ соучастниковъ въ товарищескія фермы», точь въ точь, какъ у насъ Верещагинъ и Бландовъ вступили въ знаменитыя «артельныя сыроварни» и превратили ихъ, въ концѣ концовъ, въ крупное капиталистическое предпріятіе.

Что же получается въ результатѣ? Какъ разъ то, о чемъ говоритъ Каутскій, указывающій, что товарищества вообще возникаютъ съ большимъ трудомъ, что они часто фиктивны, такъ какъ находятся подъ экономическимъ давленіемъ одного или нѣсколькихъ капиталистовъ, въ нихъ входящихъ, что для товариществъ менѣе доступенъ, чѣмъ для предпринимателя, кредитъ, что вообще производительныхъ товариществъ немного, а чаще встрѣчаются ссудосберегательныя и товарищества для покупки машинъ и совмѣстнаго пользованія ими, что, наконецъ, всѣ товарищества представляютъ собою переходную ступень къ капитализму, а не къ соціализму.

Къ этому можно прибавить еще кое-что. Можно, напр., замѣтить, что соціалъ-демократія отнюдь не враждебно относится къ товариществамъ, напротивъ, можетъ даже ихъ поддерживать, памятуя, что они, не знаменуя собою перехода къ новому обществу, могутъ до нѣкоторой степени служить показателемъ того, насколько капиталистическое общество созрѣло технически и психологически для воспріятія нѣкоторыхъ чертъ коллективистскаго производства: если бы мы убѣдились, что производительныя ассоціаціи идутъ въ данную эпоху технически и экономически впереди крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, мы могли бы смѣло сдѣлать выводъ о близости соціальнаго переворота. Этого однако до сихъ поръ не наблюдается. Впрочемъ и здѣсь необходима оговорка, очень важная для пониманія экономической природы товариществъ: какъ бы ни развивалось товарищество, какъ бы оно ни прогрессировало, оно все таки не въ силахъ отвлечься отъ условій капиталистическаго строя, со всѣхъ сторонъ на него давящихъ; оно все-таки останется однимъ изъ составныхъ элементовъ *товарнаго* хозяйства и уже по тому одному не можетъ играть роли прототипа будущаго планомѣрно-организованнаго въ хозяйственномъ отношеніи общества. Приближеніе къ такому прототипу было бы возможно лишь въ одномъ случаѣ,—именно, если бы возникла демократически—организованная обширная *система* товариществъ, обладающая общей землей и общимъ капиталомъ, основанная на общемъ трудѣ и планомѣрно—организованныхъ производствѣ, распредѣленіи и потребленіи хозяйственныхъ благъ и совершенно не принимающая никакого участія въ капиталистическомъ обмѣнѣ. Но совершенно очевидно, что такая система товариществъ означала бы не что иное, какъ соціальную, революцію, соціалистическій переворотъ. Поэтому надо навсегда бросить праздныя, крайне-вредныя мысли о какомъ бы то ни было реформизмѣ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что, хотя послѣ уничтоженія остатковъ крѣпостного хозяйства въ деревнѣ соціалъ-демократія можетъ поддерживать товарищескія предпріятія, можетъ и должна проводить планы муниципализаціи или націонализаціи земель въ городахъ и даже подъ конецъ капиталистическаго развитія націонализаціи всѣхъ вообще земель, но не въ этомъ долженъ лежать центръ тяжести ея политики въ деревнѣ. Если

въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ индустріи, развивается и будетъ развиваться капитализмъ, то политика соціалъ-демократіи ясна: она должна заключаться вездѣ—и въ деревнѣ, и въ городѣ, и въ сельскомъ хозяйствѣ и въ индустріи—въ защитѣ пролетарскихъ интересовъ.

Само собою разумѣется, соціалистическій переворотъ наступитъ гораздо раньше того, какъ пролетаризируется все сельское и городское населеніе, за исключеніемъ немногихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и богатыхъ капиталистовъ. Равновѣсіе и устойчивость капиталистическаго общества будутъ уничтожены уже тогда, когда, при высокомъ развитіи техники, сознательный и объединенный пролетаріатъ окажется въ силахъ захватить въ свои руки власть. Онъ экспропріируетъ тогда экспропріаторовъ, предоставивъ мелкимъ ремесленникамъ и крестьянамъ добровольно присоединиться къ движенію со временемъ или въ самый моментъ соціальной революціи и воспринять основы новаго экономическаго и соціальнаго строя, благотворныя физическія, моральныя и интеллектуальныя послѣдствія котораго будутъ слишкомъ очевидны, что-бы была возможна сколько-нибудь долговременная задержка такого присоединенія.

Н. Рожковъ.

Объ отношеніи с.-д–іи къ либераламъ.

(По поводу «Полярной Звѣзды» и «проекта резолюцій къ объединительному съѣзду», выработаннаго группой товарищей изъ «меньшинства»).

«Въ томъ фазисѣ политической борьбы, въ которомъ находится теперь Россія, люди, находящіеся въ рядахъ партіи народной свободы или близкіе къ ея программѣ, съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ чисто «пролетарскія» партіи (?!) могутъ отстаивать интересы рабочаго класса».

Такъ говоритъ либеральная профессорская газета *). «Съ не меньшимъ правомъ», и въ полномъ согласіи съ рѣшеніями самой партіи к.-д., она могла бы, конечно, сказать то же самое и относительно интересовъ крестьянства, интересовъ окраинъ и пр. Стремленіе сгруппировать вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ, всю «оппозицію» и даже «революцію» чрезвычайно усилилось въ рядахъ кадетовъ послѣ побѣды на выборахъ.

Да и могло-ли бы быть иначе? Если раньше собирались «стереть главу бюрократическаго змія» одними избирательными бюллетенями, то этого оказалось совершенно недостаточно. Если раньше расчитывали работать въ государственной думѣ, какъ въ конституціонномъ учрежденіи, хотя и лишенномъ права *называться* нормальнымъ, но все-таки жизнеспособномъ и цѣлесообразномъ,—то теперь ясно, что именно конституціоннымъ то учрежденіемъ дума и не можетъ быть.

Партіи к.-д. опять приходится подумывать о «внѣ-парламентскихъ» средствахъ—пропагандѣ и агитаціи—съ цѣлью «организаціи общественнаго мнѣнія» въ направленіи поддержки хилаго дѣтища бюрократіи — «непокорной» (!) государственной думы. Не избирательные бюллетени, а только «дружное и мудрое (?!) взаимодѣйствіе оппозиціонной думы съ оппозиціоннымъ большинствомъ народа» можетъ теперь «побороть и начисто смести старый бюрократическій порядокъ». **) «То, что будетъ говорить дума, должно быть подхвачено, подчеркнуто, усиленно дружнымъ хоромъ (!) народныхъ голосовъ, поддерживающихъ думу въ борьбѣ за народную свободу».

Къ такому взаимодѣйствію приглашаются «всѣ лѣвыя партіи».

---

*) «Р. В.» № 92. 1906 г.

**) П. Струве. Выборы и что же дальше? «П. З.» № 14.

Въ томъ же смыслѣ, въ той же «Полярной Звѣздѣ» высказался г. Изгоевъ, «с.-д. по убѣжденію, примкнувшій къ партіи к.-д.», какъ его «съ удовольствіемъ» отрекомендовалъ г. Струве. На г. Изгоева угнетающе подѣйствовали результаты тактики т. наз. «русскихъ соц.-дем.». Оттолкнувъ отъ себя и крупную и мелкую буржуазію, «русскіе с.-д.» подготовили полицейскій разгромъ, отъ котораго одинаково страдаютъ теперь и с.-д. и к.-д. «Полиція въ тонкостяхъ (!) не разбирается», сообщаетъ г. Изгоевъ и рекомендуетъ «русскимъ с.- д-амъ» и пролетаріату слѣдовать ея примѣру. «Пролетаріатъ, ясно сознавъ положеніе дѣлъ, твердо уяснивъ себѣ, что происходитъ только демократическая и политическая революція, долженъ былъ всей своей силой и всѣмъ своимъ вліяніемъ поддержать тѣ слои, въ руки которыхъ могла быть передана власть». Слои эти—«земцы и третій элементъ, объединившіеся сначала въ союзъ освобожденія, родившій и (?) конст.- дем. партію». «Видя единодушіе оппозиціи, видя, что вожди «земцевъ» имѣютъ дѣйствительную опору въ массахъ, правительство, послѣ колебаній и контрреволюціонныхъ попытокъ вынуждено было бы отступить и сдать хотя бы нѣкоторыя (!?) позиціи». «Пролетаріатъ получилъ бы надлежащія гарантіи (чего?), прежде всего свободу профессіональныхъ союзовъ и печати, безъ чего для рабочихъ немыслима сколько-нибудь широкая и планомѣрная борьба» *). Г. Изгоевъ поясняетъ, что онъ далекъ отъ мысли «посягать на индивидуальность пролетаріата и вести его къ *сліянію* съ другими классами и партіями, онъ настаиваетъ лишь на необходимости «сознательнаго *союза*» пролетаріата съ земцами. Не будемъ вдаваться въ подробную критику приведенныхъ разсужденій г. Изгоева,—это будетъ сдѣлано въ другой статьѣ другимъ авторомъ. Для насъ важно отмѣтить лишь одно. Въ области тактическихъ вопросовъ г. с.-д. Изгоевъ становится на точку зрѣнія к.-д. По его мнѣнію, такъ же какъ и по мнѣнію г. Струве, «политическая дѣятельность пролетаріата,... должна сосредоточиться въ настоящее время возлѣ государственной думы». «Пролетаріатъ, какъ и крестьянство... должны дружно поддержать будущую думскую оппозицію»...

Не заключается ли доля истины въ этихъ словахъ гг. Изгоева, Струве и К°? Не слѣдуетъ ли, дѣйствительно, «рус. с.-д.» перемѣнить свою тактику, подчинивъ пролетаріатъ «оппозиціонной» гегемоніи крупныхъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ?.. Вотъ вопросъ, который ставится намъ.

Если формулировать точнѣе сущность кадетской точки зрѣнія на задачи революціи вообще и роль пролетаріата въ революціонномъ движеніи въ частности, то дѣло сводится къ слѣдующему: пролетаріатъ и с.-д-ія должны отказаться въ ближайшее время отъ борьбы съ *монархіей*, чтобы объединить свои силы съ силами «всей оппозиціи» для борьбы съ *бюрократіей*. Лишь по достиженіи этой общей цѣли или говоря языкомъ г. Изгоева, только послѣ установленія «основныхъ конституціонныхъ гарантій» «каждая партія возвращаетъ себѣ полную свободу дѣйствій»... Только тогда пролетаріатъ можетъ выступать *противъ* партіи к.-д. и другихъ, только тогда онъ можетъ дѣйствовать на свой собственный страхъ и рискъ...

*) г. А. Изгоевъ. «Диктатура пролетаріата» «Пол. Зв.» № 10.

Уже одна такая постановка вопроса внушаетъ сильныя подозрѣнія. Въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы, пролетаріату предлагается, странно сказать, прежде всего забыть объ этой самой борьбѣ. Пролетаріатъ долженъ помочь крупной буржуазіи укрѣпить ея политическое господство, чтобы затѣмъ пользоваться для борьбы съ ней тѣми «гарантіями», какія она заблагоразсудитъ ему предоставить. Этотъ мудрый совѣтъ можетъ даваться, конечно, только въ расчетѣ на самое примитивное сознаніе рабочихъ массъ. И для насъ совершенно непонятно, какъ онъ рекомендуется вниманію «русскихъ» соціалъ-демократовъ. Если союзъ, то значитъ выгоды должны быть обоюдны. Если пролетаріатъ долженъ поддерживать программу партіи к.-д., то эта послѣдняя должна поддерживать программу партіи пролетаріата. Если по обстоятельствамъ дѣла необходимо сначала осуществить первую, то это казалось бы значитъ только, что вторую надо проводить въ жизнь второю. Но это отнюдь не можетъ значить, что отъ осуществленія ея одного изъ «союзниковъ» можно совершенно *освободить*.

Понимая всю нелѣпость такого рода «договора», г. Струве доводитъ свои мысли до ихъ логическаго конца. Онъ предлагаетъ пролетаріату просто отказаться отъ своей особой—соціалъ-демократической, конечно,—программы и цѣликомъ перейти на почву платформы к.-д. Г. Изгоевъ не такъ послѣдователенъ: онъ, какъ мы видѣли, призываетъ къ охраненію политической «самостоятельности рабочаго класса» и не согласенъ на «сліяніе» пролетарской партіи съ партіей к.-д.

И, вѣроятно, поэтому—онъ, «с.-д. по убѣжденію», примкнулъ къ партіи конст.-демократической.

Но оставимъ гг. Изгоева и Струве. Ихъ взгляды интересуютъ насъ лишь потому, что внутри нашей партіи образовалось теченіе, дающее поводъ думать, будто соц.-демократія способна раздѣлять ихъ точку зрѣнія на отношеніе пролетаріата къ буржуазіи въ данный моментъ. Мы разумѣемъ теченіе, которое выразилось въ «проектѣ резолюцій» по тактическимъ вопросамъ, выработанныхъ къ объединительному съѣзду группой товарищей изъ такъ назыв. «меньшинства». По существу, гг. Струве, Изгоеву и К°, нечего, конечно, радоваться появленію этихъ резолюцій: с.-д. «меньшевики», какъ и с.-д. «большевики» одинаково организуютъ пролетаріатъ для непримиримой классовой борьбы съ буржуазіей. Но что справедливо съ нашей точки зрѣнія: авторы проекта резолюцій неясностью своихъ формулировокъ *создаютъ возможность* крупной тактической ошибки въ связи съ вопросомъ объ отношеніи соц.-демократіи къ непролетарскимъ партіямъ.

Товарищи—меньшевки исходятъ изъ двухъ положеній: 1) что совершающаяся на нашихъ глазахъ революція есть буржуазная революція; 2) что соціалъ-демократія всегда признавала и признаетъ необходимость поддержки всякой оппозиціи противъ теперешняго режима.

Выводы, какіе они дѣлаютъ отсюда, примѣнительно къ вопросу «объ отношеніи къ либерально-демократическимъ партіямъ», гласятъ:

1) «на всемъ протяженіи революціи соціалъ-демократія должна стремиться оградить программную, тактическую и организаціонную самостоятельность рабочаго класса». (г. Изгоевъ только перефразируетъ: «вожди

пролетаріата не должны ни на одну минуту посягать на индивидуальность пролетаріата и вести его къ сліянію съ другими классами и партіями).

2) «критикуя ограниченность программъ и тактики всѣхъ буржуазныхъ партій, настаивая передъ всѣмъ народомъ на необходимости встать на революціонный путь для завоеванія свободы и разоблачая соціалистическую фразеологію, которой нѣкоторыя фракціи прикрываютъ свою буржуазно-демократическую сущность (Изгоевская «охрана индивидуальности пролетаріата»), соціалъ-демократія и руководимый ею рабочій классъ должны поддерживать *всякій протестъ, всякое дѣйствіе, изъ какихъ бы рядовъ оппозиціи они ни исходили,* если только они направлены противъ существующаго режима, не противорѣчатъ интересамъ пролетаріата и направленіе ихъ лежитъ на общей линіи освободительнаго процесса». (Гг. же Струве и Изгоевъ предлагаютъ: «всей своей силой и всѣмъ своимъ вліяніемъ поддержать» оппозицію «земцевъ» и третьяго элемента, такъ какъ оппозиція эта «направлена противъ существующаго режима» и не только «не противорѣчитъ интересамъ пролетаріата», но прямо выгодна ему).

3) «Ставя себѣ во всемъ ходѣ революціи самостоятельныя цѣли соціалъ-демократія должна для опредѣленныхъ выступленій и дѣйствій вступать въ соглашеніе съ тѣми демократическими партіями, которыя готовы и могутъ съ пользой для дѣла принять активное участіе въ этихъ дѣйствіяхъ и выступленіяхъ». (Г. Изгоевъ, какъ мы видѣли, готовъ возвратить «с.-д. полную свободу дѣйствій» и соглашеній.. «по установленіи основныхъ конституціонныхъ гарантій»!)

Такимъ образомъ, гг. Струве и Изгоевъ могутъ, повидимому, съ полнымъ основаніемъ претендовать на одобреніе своихъ тактическихъ проектовъ русской с.-д-іей, которая, конечно, сдѣлается послѣ этого въ ихъ глазахъ «истинной» «въ германскомъ смыслѣ». Источникъ такого недоразумѣнія заключается, какъ мы уже сказали, въ невозможной широтѣ и расплывчатости приведенной резолюціи. Ограничиваться въ области тактики *однимъ общимъ положеніями* въ настоящее время уже нельзя. Вопросъ стоитъ теперь не такъ, какъ онъ стоялъ ко времени второго съѣзда. Если въ 1903 г. наша партія могла объявить, что она «поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное *движеніе,* направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка», то теперь задача сводится къ тому, чтобы установить свое отношеніе къ вполнѣ оформленнымъ *организаціямъ*—партіямъ, выросшимъ изъ прежнихъ движеній и выработавшимъ опредѣленныя программы и тактику.

Говорить же въ настоящее время о поддержкѣ «протестовъ» или отдѣльныхъ «дѣйствій»—значитъ ничего не говорить, не давать партіи *никакихъ руководящихъ указаній,* обрекать ее на скитаніе въ потемкахъ, значитъ даже идти назадъ. Ибо замѣна «поддержки движеній» «поддержкою дѣйствій или протестовъ» несомнѣнно ухудшаетъ дѣло, вноситъ полную безпринципность и шатаніе туда, гдѣ раньше была или, по крайней мѣрѣ, предполагалась опредѣленность и устойчивость.

Товарищи-меньшевики не только, слѣдов., не использовали второго изъ двухъ указанныхъ выше основныхъ своихъ тактическихъ положеній, примѣнительно къ условіямъ современнаго момента революціи,—но

даже извратили его. Они безъ разбора смѣшали въ одну кучу всѣ классы, кромѣ рабочаго, всѣ партіи, кромѣ соціалъ-демократической. Этимъ они придали метафизическій характеръ другому своему основному положенію—о «буржуазности» происходящей революціи. Революція буржуазна—спору нѣтъ. Но что это значитъ? Это можетъ имѣть только одинъ смыслъ: революція обезпечитъ свободное развитіе буржуазнымъ отношеніямъ, укрѣпитъ политическое и экономическое господство буржуазіи. За чей счетъ? За счетъ феодальныхъ классовъ, феодальныхъ отношеній. Но значитъ ли это, что революція ослабитъ или ничего не сдѣлаетъ для укрѣпленія классовой позиціи пролетаріата? Конечно, не значитъ: пролетаріатъ, какъ и буржуазія, *выйдетъ изъ революціи политически и экономически окрѣпшимъ.*

Иными словами, революція не только передаетъ власть въ руки буржуазіи, но и приближаетъ моментъ грядущаго торжества пролетаріата, какъ носителя соціалистическаго идеала. Вотъ о чемъ забываютъ товарищи-меньшевики. Правда, въ другомъ мѣстѣ авторы резолюцій говорятъ о борьбѣ пролетаріата, какъ о «главномъ двигателѣ современной революціи» говорятъ о «сообразованіи всей тактики с.-д-іи въ настоящій историческій моментъ съ необходимостью расширять и укрѣплять организацію пролетарскихъ массъ *на почвѣ* политической и экономической *борьбы*». Но нигдѣ, ни въ резолюціи «о современномъ моментѣ революціи и задачахъ пролетаріата», ни въ резолюціи «объ отношеніи къ либеральнодемократическимъ партіямъ», они прямо и опредѣленно не говорятъ, что эта пролетарская борьба ведется и *должна вестись* не только противъ феодально-крѣпостного государства, но и *противъ либеральной крупной буржуазіи.* Не *за* соціализмъ, если угодно, а *въ интересахъ* соціализма!

Затушевывая классовыя противорѣчія внутри самой буржуазіи, товарищи фактически направляютъ силы пролетаріата («массовый напоръ»!) исключительно на «поддержку» «протестовъ» и оппозиціи либеральной буржуазіи противъ «самодержавно-бюрократическаго» режима. Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ второй пунктъ вышеприведенной резолюціи. Согласно тексту его, с.-д-ія должна: въ интересахъ пролетарской программы—«критиковать ограниченность программъ и тактики всѣхъ буржуазныхъ партій», «настаивать передъ всѣмъ народомъ на необходимости встать на революціонный путь для завоеванія свободы» (!) и «разоблачать соціалистическую фразеологію»...; въ интересахъ же развитія революціи «вообще», т.-е. по просту говоря, укрѣпленія буржуазной оппозиція она «должна» «поддерживать» всякій протестъ, направленный и т. д., хотя бы онъ только «не противорѣчилъ» интересамъ пролетаріата.

Чьи же интересы и какую тактику въ концѣ концовъ будетъ защищать с.-д.-ія.? Мы знаемъ, что въ настоящее время наиболѣе дѣятельной и организованной партіей, кромѣ с.-д., является партія к.-д. И вотъ кадеты открываютъ газетныя кампаніи: одну — противъ смертной казни, другую—въ пользу преданія суду истязателей Спиридоновой. Какъ должны отнестись къ этому с. д-ія и руководимый ею пролетаріатъ, по мнѣнію меньшевиковъ? Они прежде всего должны подвергнуть безпощадной критикѣ «ограниченность» такого «буржуазнаго» тактическаго пріема, затѣмъ они громко «настаиваютъ передъ всѣмъ народомъ» (что за стран-

ная формула: «пролетаріатъ и народъ»!) и т. д., но, наконецъ, убѣдившись, что буржуазный «протестъ» «направленъ, какъ никакъ, противъ существующаго режима», что «направленіе его», по всѣмъ признакамъ, «лежитъ на общей линіи освободительнаго процесса», и что онъ во всякомъ случаѣ «не противорѣчитъ» и т. д, они объявляютъ о своей готовности «поддержать» и что же?.. начинаютъ, надо полагать, собирать промежъ себя подписи для присоединенія ихъ къ собраннымъ кадетами и опубликованія... въ «Русск. Вѣд.» *) Развѣ не думаютъ товарищи-меньшевики, что при такомъ способѣ дѣйствій у с.-д.-іи, для защиты классовыхъ интересовъ пролетаріата, совсѣмъ мало останется и времени и силъ, и что стремленіе «оградить программную, тактическую и организаціонную самостоятельность рабочаго класса» будетъ красоваться только на бумагѣ?!..

Въ другихъ мѣстахъ авторы резолюцій усиленно подчеркиваютъ, что «дальнѣйшее сохраненіе самодержавно-бюрократическаго режима абсолютно несовмѣстимо съ интересами всѣхъ классовъ, такъ или иначе связанныхъ положительно съ капиталистическимъ развитіемъ страны», что «какъ бы эти классы ни были контрреволюціонны, они не могутъ окончательно примириться съ существующимъ правительствомъ» и т. п.

Выводъ изъ этихъ положеній самъ собой напрашивающійся, могъ бы быть только одинъ: пролетаріату не за чѣмъ тратить свои силы на «поддержку» «оппозиціонныхъ шаговъ» и безъ него «твердыхъ», а нужно въ защиту своихъ интересовъ вести смѣлую и рѣшительную борьбу противъ *«контрреволюціонныхъ попытокъ»* буржуазіи. Но этого-то меньшевики и не хотятъ сказать, этого-то вывода они и не дѣлаютъ.

А между тѣмъ, сами авторы резолюцій высказали одну очень цѣнную мысль: «классовыя противорѣчія и особенно классовая борьба пролетаріата, при наличныхъ историческихъ условіяхъ, является главнымъ двигателемъ буржуазной революціи въ Россіи».

Какъ понимать эти слова? Для уясненія вопроса мы приведемъ одну любопытную цитату изъ разсужденій газеты «Русское Государство». «Нужно думать, писалъ въ началѣ апрѣля этотъ почтенный оффиціозъ, что та разноголосица, которая является отличительной чертой нашихъ крайнихъ лѣвыхъ (сюда газета относитъ и большую часть конституціоналистовъ-демократовъ) не можетъ не вызвать и ихъ ослабленія. Партія, у которой нѣтъ внутренняго единства, не можетъ быть сильна: *нужно надѣяться*, что и наши крайніе лѣвые, благодаря своей разноголосицѣ *дадутъ возможность сплотиться представителямъ народа, желающимъ серьезно дѣлать свое дѣло*» **).

Мы видимъ, что классовыя противорѣчія въ средѣ «крайнихъ лѣ-

---

*) Въ другомъ мѣстѣ, ту же свою мысль авторы «проекта резолюцій» формулируютъ нѣсколько иначе: «слѣдуетъ массовымъ напоромъ, говорятъ они, поддерживать тѣ оппозиціонные шаги буржуазной демократіи, которые не противорѣчатъ нашимъ программнымъ требованіямъ, могутъ содѣйствовать ихъ достиженію и стать *исходной точкой для дальнѣйшаго движенія революціи впередъ*»... Это болѣе точно и болѣе *крупно*. Но и такая формулировка, какъ видно изъ текста, нисколько не ограждаетъ пролетаріатъ и с.-д-ію отъ уклоненій въ сторону, отъ увлеченій чуждыми ей задачами, такъ какъ авторы проекта резолюцій допускаютъ возможность какого-то такого движенія революціи впередъ, которое совершается не по линіи «нашихъ программныхъ требованій»...

**) Цитир. по «Р. В.» № 92.

выхъ» («разноголосица»!) окрыляютъ надежды г.г. Витте—Дурново на усиленіе правительственной партіи и тѣмъ заставляютъ ихъ *уклоняться отъ непріятной сдѣлки съ либералами*. Такой результатъ можно считать *только выоднымъ* съ точки зрѣнія «интересовъ развитія революціи», доведенія революціи до ея логическаго конца. Препятствовать своей критикой сдѣлкамъ либеральной буржуазіи съ правительствомъ и составляетъ именно главную тактическую задачу пролетаріата въ настоящій историческій моментъ, и не такимъ ли только единственнымъ путемъ пролетаріатъ можетъ дѣйствительно стать «главнымъ двигателемъ буржуазной революціи въ Россіи?»

Авторы, разбираемыхъ нами резолюцій смотрятъ на дѣло иначе. «Въ условіяхъ буржуазной революціи, говорятъ они, собрать демократическую часть буржуазіи непосредственно подъ свое соціалистическое знамя пролетаріатъ не можетъ, не складывая этого знамени, не умаляя своей классовой борьбы и не нанося тѣмъ ущерба одновременно и собственнымъ классовымъ интересамъ и интересамъ революціоннаго освобожденія буржуазнаго общества въ цѣломъ (!)». Въ общемъ, это справедливая мысль. Но выводъ? Выводъ гласитъ: «Поэтому главнымъ двигателемъ буржуазной революціи пролетаріатъ является лишь постольку, поскольку своей революціонной борьбой приковываетъ къ себѣ вниманіе и симпатіи всѣхъ демократическихъ и революціонныхъ элементовъ націи, вовлекаетъ въ революціонную борьбу все новые слои городской буржуазіи и крестьянства, толкаетъ ихъ къ самостоятельной классовой организаціи, вмѣшивается во всѣ конфликты буржуазнаго общества съ самодержавно-бюрократическимъ правительствомъ и использываетъ эти конфликты въ интересахъ дальнѣйшаго развитія революціи».

Вотъ ужъ поистинѣ «ничего не поймешь»! «Умалять свою классовую соціалистическую борьбу» не слѣдуетъ, поэтому... «нужно приковывать къ себѣ вниманіе и симпатіи» ... чѣмъ?—«революціонной борьбой»! Соціализмъ и «революціонная борьба» какъ будто бы оказываются для авторовъ резолюціи понятіями, лежащими въ двухъ совершенно различныхъ плоскостяхъ! Соціализмъ, это пугало для буржуазіи, мѣшающее ей собраться подъ знаменемъ пролетаріата и, такимъ образомъ, «усиливающее» классовыя противорѣчія. «Революціонная борьба» это средство укрѣпленія господства буржуазіи, призванное «приковать» къ пролетаріату «вниманіе и симпатіи», «демократическихъ и революціонныхъ элементовъ націи»!... Развѣ же мы не правы были, говоря о метафизическомъ пониманіи товарищами-меньшевиками «буржуазности» современной революціи?!

А какой смыслъ заключается въ этомъ сочетаніи: *«главнымъ двигателемъ* буржуазной революціи пролетаріатъ является лишь постольку, поскольку *использываетъ* конфликты буржуазнаго общества съ самодержавно-бюрократическимъ правительствомъ въ *интересахъ дальнѣйшаго развитія революціи...»?!*

Въ нашу задачу не входитъ однако детально критиковать проекты меньшевистскихъ резолюцій. Намъ важно было лишь выяснить основную точку зрѣнія товарищей изъ меньшинства на отношеніе соціалъ-демократіи къ либерально-демократическимъ партіямъ. И мы видѣли, что точка зрѣнія эта чрезвычайно противорѣчива: на словахъ она сводится къ «ограж-

денію классовой самостоятельности пролетаріата», на дѣлѣ же къ игнорированію борьбы за соціализмъ и, какъ слѣдствіе этого, къ безсознательному подчиненію пролетаріата политической гегемоніи крупной либеральной буржуазіи. Чтобы въ справедливости нашего вывода не оставалось рѣшительно никакихъ сомнѣній, мы процитируемъ изъ резолюцій «о современномъ моментѣ революціи и задачахъ пролетаріата» еще одно необычайное мѣсто, о которомъ мы до сихъ поръ не упоминали. Формулируя цѣли, «которыя рабочій классъ ставитъ себѣ въ процессѣ буржуазной революціи», товарищи-меньшевики къ числу такихъ цѣлей между прочимъ относятъ... «б) организоваться въ самомъ ходѣ революціи въ силу, способную немедленно начать *въ свободной* Россіи непосредственную борьбу за соціализмъ»... Т. е.. пока Россія не освободится отъ политическаго гнета, «непосредственной (?!) борьбы за соціализмъ» рабочему классу вести не подобаетъ. Мы положительно не можемъ понять, что же тогда означаетъ «выступать въ ходѣ буржуазной революціи и на *всѣхъ* этапахъ ея въ качествѣ самостоятельной классовой силы»? Или можетъ быть все дѣло здѣсь въ дѣленіи борьбы за соціализмъ на «непосредственную» и «посредственную?». Если подъ первой понимать борьбу за *немедленное* осуществленіе соціализма—а такое пониманіе, повидимому, единственно вообще правильно—то, по толкованію самихъ же меньшевиковъ, нужно быть заранѣе увѣреннымъ въ неудачѣ подобнаго предпріятія, такъ какъ современная революція призвана *укрѣпить* буржуазный порядокъ. Но товарищи меньшевики въ данномъ случаѣ не противорѣчатъ сами себѣ. Послѣ «освобожденія Россіи» (?!) они предполагаютъ немедленно только *начать* «непосредственную» борьбу за соціализмъ. Немедленно же *довести* эту борьбу *до конца* они не расчитываютъ, отодвигая «конецъ» въ область неизвѣстнаго будущаго. При такихъ условіяхъ подъ «непосредственной» борьбой остается разумѣть только «открытую, рѣшительную или исключительную» борьбу за соціализмъ, а это подтверждаетъ нашу мысль, что «въ условіяхъ буржуазной революціи» товарищи меньшевики фактически заставляютъ соціалъ-демократію *совсѣмъ отказаться* отъ соціализма.

Мы полагаемъ, что пролетаріату не слѣдуетъ свертывать своего соціалистическаго знамени не только для того, чтобы носить ярлыкъ, который *отпугивалъ* бы буржуазію, но и для того, чтобы сообразно конечной своей цѣли строить свою тактику «во всемъ ходѣ буржуазной революціи» и опредѣлять свое отношеніе къ буржуазнымъ партіямъ. Мы полагаемъ, что *всякая* борьба пролетаріата по существу есть борьба соціалистическая, потому что съ одной стороны способствуетъ созданію объективныхъ предпосылокъ соціализма (гибель мелкихъ предпріятій, концентра производства и т. д.), съ другой вырабатываетъ субъективныя условія, необходимыя для торжества соціализма, пробуждая и закаляя классовое самосознаніе пролетарта. И соціалдемократіи, какъ передовому отряду всемірной арміи рабочаго класса, отнюдь не слѣдуетъ какъ-нибудь умалять или затушевывать этотъ истинный смыслъ пролетарской борьбы. Наоборотъ, она должна всячески способствовать раскрытію его передъ глазами всѣхъ рабочихъ, чтобы придать самой борьбѣ болѣе планомѣрный и послѣдовательный характеръ.

Съ этой единственно допустимой точки зрѣнія недостаточно только указывать русскому пролетаріату, что современная революція укрѣпляетъ господство буржуазныхъ отношеній. Слѣдуетъ наоборотъ подчеркивать, выдвигать впередъ другую сторону дѣла, именно: что *несмотря* на «буржуазность» совершающагося переворота, или вѣрнѣе даже *вслѣдствіе* его буржуазности, пролетаріату крайне выгодно, необходимо возможно полное использованіе его въ своихъ *самостоятельныхъ* интересахъ, въ интересахъ *борьбы съ буржуазіей.*

Какъ это возможно? Плохъ былъ бы тотъ соціалъ-демократъ, который забылъ бы разъяснить пролетаріату, что есть буржуазія и буржуазія. Нельзя ограничиваться только тѣмъ, чтобы, объединяя подъ именемъ буржуазіи всѣ непролетарскіе элементы населенія, приглашать пролетаріатъ къ «огражденію» своей классовой самостоятельности. Пролетаріатъ, конечно, не можетъ спрятаться въ укромное мѣстечко, гдѣ бы можно было переждать «буржуазную» бурю, во избѣжаніе «заразы». А если борьба, такъ борьба *съ раскрытыми глазами!*

Товарищи - меньшевики въ своемъ «проектѣ резолюцій» хотя и говорятъ о «городской буржуазіи» и крестьянствѣ, но *нигдѣ ни разу* не ставятъ вопроса такъ, что и *крестьянство и мелкая городская буржуазія, въ противоположность землевладѣльцамъ и крупной городской буржуазіи* являются политически и экономически *угнетаемыми* классами въ современномъ феодально-буржуазномъ обществѣ. И крестьянство, и мелкая городская буржуазія, въ противоположность землевладѣльцамъ и крупной городской буржуазіи, заинтересованы въ возможно болѣе полной демократизаціи политическаго строя и государственнаго хозяйства. Въ этомъ ихъ стремленія потенціально совпадаютъ съ стремленіями пролетаріата. Съ другой стороны, не имѣющее собственныхъ наемныхъ рабочихъ крестьянство («трудовое») и мелкая городская буржуазія (часть) могутъ оказать значительную поддержку пролетаріату въ его борьбѣ за осуществленіе такъ называемой рабочей программы (8 часовой рабочій день, фабричная инспекція и т. д.). Соціалъ-демократія, ясно сознающая эти противорѣчія классовыхъ интересовъ *въ рядахъ буржуазіи,* только въ соотвѣтствіи съ ними можетъ опредѣлять свое отношеніе къ различнымъ буржуазнымъ партіямъ. Съ партіями и организаціями, выражающими интересы крестьянства и мелкой городской буржуазіи, с.-д-ія должна стремиться теперь же заключать союзы, развивая демократизмъ ихъ требованій до его логическаго конца и придавая рѣшительность всѣмъ ихъ политическимъ и экономическимъ выступленіямъ. Крестьянство и мелкая городская буржуазія, это—естественные, такъ сказать, союзники пролетаріата на всемъ протяженіи революціи, съ которыми пролетаріатъ *только и могъ бы* осуществить свои ближайшія цѣли (программу—минимумъ). Партіи крупной городской буржуазіи и землевладѣльцевъ наоборотъ—*завѣдомые враги* пролетаріата, которые всегда будутъ противодѣйствовать стремленіямъ его довести революцію до конца. Крестьянство и мелкую городскую буржуазію пролетаріату, конечно, нужно еще завоевать, но какъ показываетъ опытъ, эта задача сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего утопическаго. Крупную городскую буржуазію и землевладѣльцевъ пролетаріатъ *никогда не* завоюетъ. Онъ можетъ ихъ только *побѣдить*,—если союзъ

его съ революціонной буржуазной демократіей окажется для этого достаточно крѣпкимъ и сильнымъ. Возможно, конечно, что обстоятельства въ процессѣ развитія революціи сложатся неблагопріятно для пролетаріата и с.-д-іи. Но изъ этого могло бы только слѣдовать, что с.-д-ія и пролетаріатъ должны сообразовать свою тактику съ необходимостью устраненія этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но отнюдь не слѣдуетъ, что они должны подчинить себя революціонной гегемоніи либеральной буржуазіи, какъ это предлагаютъ сдѣлать гг. Изгоевъ, Струве, и къ чему фактически приводятъ партію товарищи-меньшевики.

Впрочемъ, въ проектѣ резолюціи «о временномъ правительствѣ и революціонномъ самоуправленіи» товарищи изъ меньшинства, — вопреки своей готовности поддерживать «всякое дѣйствіе, всякій протестъ»... и т. д., лишь бы они *не противорѣчили* интересамъ пролетаріата, — говорятъ, что с.-д-ія должна «*революціонизировать* тѣ буржуазныя партіи, которыя группируютъ вокругъ себя разнообразные элементы буржуазнаго общества и являются ближайшими кандидатами на власть», чтобы такимъ образомъ «не дать ни единой буржуазной партіи подняться на спинѣ пролетаріата къ власти, *не обезпечивши ему наибольшаго простора* для борьбы за соціализмъ... «Значитъ, тутъ уже идетъ рѣчь объ условіяхъ «поддержки». Но мы видѣли, что «обезпечить» пролетаріату «наибольшій» просторъ для борьбы за соціализмъ могло бы *только* крестьянство, *только* мелкая городская буржуазія. И могли бы они это сдѣлать, *лишь побѣдивъ, подъ руководствомъ пролетаріата,* сопротивленіе землевладѣльцевъ и крупной городской буржуазіи. Такимъ образомъ, борьба съ либерально-оппозиціонной крупной буржуазіей неизмѣнно диктуется пролетаріату какъ необходимое условіе «доведенія буржуазной революціи до ея логическаго конца».

Но можетъ быть эту борьбу слѣдовало бы отложить до того времени, когда будетъ низвергнутъ самодержавно-бюрократическій режимъ? Можетъ быть *теперь* для пролетаріата дѣйствительно было бы гораздо выгоднѣе «поддержать» либерально-оппозиціонную буржуазію или заключить съ нею союзъ?

Это и было бы можетъ быть такъ, если бы либералы.. перестали быть либералами. Мы уже говорили выше, что сущность тактики либерализма сводится къ тому, чтобы, опираясь на движеніе массъ, вступить въ сдѣлку съ монархіей. Уже одно это дѣлаетъ невозможнымъ для с.-д-іи соглашеніе съ нимъ. Но кромѣ того самые методы борьбы либеральной буржуазіи совершенно для насъ непріемлемы. Конституціоналисты-демократы всячески *распространяютъ и поддерживаютъ* въ народѣ конституціонныя иллюзіи, с.-д. употребляютъ всѣ усилія *на борьбу* съ такими иллюзіями. Либералы «глубоко вѣрятъ» въ силу общественнаго *мнѣнія* и отказываются отъ общественныхъ *дѣйствій.* Соціалъ-демократы и самому общественному мнѣнію придаютъ цѣну лишь по стольку, по скольку оно стремится перейти въ дѣйствіе... Это противопоставленіе можно было бы продолжать до безконечности. Гдѣ же при такихъ условіяхъ почва для соглашенія?

Соціалъ-демократія должна же однако «поддерживать всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существую-

щаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка»? Да, но прежде всего нужно установить содержаніе термина «поддерживать».—Вѣдь «поддерживать» не значитъ просто *повторять* чужіе лозунги безъ всякой критики. Цѣль «поддержки» сводится къ тому, чтобы укрѣплять духъ «оппозиціонныхъ и революціонныхъ движеній», направлять эти движенія въ надлежащія русла, способствовать правильной постановкѣ ими разныхъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ, однимъ словомъ, пріобщать ихъ къ общему революціонно-демократическому потоку. С.-д-ія отнюдь, не собирается при этомъ *благодѣтельствовать* всѣмъ и всякому. Какъ партія пролетарская, она предпринимаетъ только такія дѣйствія, которыя полезны пролетаріату. Она поддерживаетъ «всякое оппозиціонное и революціонное движеніе» *исключительно лишь* «въ стремленіи къ достиженію *своихъ* ближайшихъ цѣлей». Въ этомъ смыслѣ товарищи изъ меньшинства, говорящіе о поддержкѣ «всякихъ протестовъ и дѣйствій»... лишь бы только они «*не противорѣчили* интересамъ пролетаріата», прямо *отступаютъ отъ нашей программы!*..

Но далѣе. С.-д.-ія не можетъ поддерживать лозунговъ, *противорѣчащихъ* ея собственнымъ лозунгамъ. Если ея лозунгомъ является низверженіе самодержавія и созывъ «учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія», то она *должна* критиковать и разоблачать конкуррирующій лозунгъ либерализма: «работа въ государственной думѣ 11-го декабря съ цѣлью, «*успокоенія* страны» т.-е. прекращенія *демократической* революціи *). Эти лозунги прямо *исключаютъ* другъ друга и с.-д.-ія должна была бы раньше отказаться отъ самой себя, чтобы затѣмъ уже только имѣть возможность «поддерживать» кадетскую оппозицію въ государственной думѣ.

Но не рискуемъ ли мы остаться одни съ нашей тактикой при настоящихъ именно условіяхъ? Такъ могли бы думать только тѣ, кто рѣшилъ, что кадеты дѣйствительно стали центромъ освободительнаго движенія, что въ ихъ программѣ получили свое полное выраженіе—не интересы, конечно, а взгляды подавляющей массы населенія. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ утверждать однако нельзя. Мы знаемъ, что кромѣ с.-д.-іи на крайнемъ лѣвомъ флангѣ демократическаго движенія стоитъ крестьянскій союзъ, хотя и разгромленный въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ жизнеспособный и обѣщающій возродиться. Тактика этой организаціи гораздо больше приближается къ тактикѣ с.-д.-іи, чѣмъ къ тактикѣ к.-д., а между тѣмъ ее то именно мы и могли бы только считать выразительницей взглядовъ «трудового» крестьянства. Мы знаемъ далѣе о существованіи партіи соціалистовъ-революціонеровъ, союза союзовъ и нѣкоторыхъ другихъ организацій, безусловно стоящихъ лѣвѣе к.-д. и по своей программѣ и по своей тактикѣ. Только малодушные или близорукіе могутъ думать, подобно г. Изгоеву, что режимъ военныхъ репрессій окончательно задавилъ или обезсилилъ нашу революціонную демократію. Мы переживаемъ эпоху не конституціи, а кон-

*) Мы не касаемся здѣсь вопроса о томъ, нужно ли было или нѣтъ самой с.-д-іи идти въ думу. Если [illegible] горые товарищи-меньшевики и полагаютъ теперь, что нужно, то конечно, они имѣютъ въ [illegible] прекращеніе, а *развитіе* революціи.

ституціонныхъ иллюзій. Новая стадія въ развитіи революціи, новый подъемъ революціонной волны не за горами. И тогда кадеты съ ихъ дряблой тактикой опять окажутся «не у дѣлъ»...

Только увидѣвъ, что настала пора «парламентской» дѣятельности, что революція переживаетъ сама себя,—только тогда мы должны были бы измѣнить нашу тактику, только тогда, можетъ быть, мы должны были бы иначе построить и наше отношеніе къ различнымъ буржуазнымъ партіямъ.

А пока этого нѣтъ, будемъ вѣрны своей теперешней тактикѣ, будемъ попрежнему—не «поддерживать», а разоблачать маклерскій характеръ программы и тактики к.-д., «настаивая передъ всѣмъ народомъ на необходимости вступить на революціонный путь»!... Будемъ стремиться къ тому, чтобы превратить рабочее и крестьянское движеніе въ одинъ могучій демократическій потокъ, который съ корнемъ вырветъ всѣ пережитки феодализма, и на развалинахъ теперешняго крѣпостного государства воздвигнетъ новое, способное обезпечить «наибольшій просторъ» для классовой борьбы пролетаріата за соціализмъ!...

Какой же однако тактики должны мы держаться по отношенію къ кадетской оппозиціи *въ думѣ?* Давать какія нибудь точныя инструкціи на этотъ счетъ въ настоящее время, разумѣется, невозможно. Но можно высказать нѣсколько общихъ соображеній. Мы, конечно, не будемъ отказываться отъ «куцыхъ» свободъ, если получимъ ихъ черезъ думу, какъ не отказываемся принимать ихъ изъ рукъ полицейскихъ министровъ. Но каждую новую «возможность» мы будемъ употреблять на расширеніе и укрѣпленіе своей организаціи, на пропаганду и агитацію въ пользу своей точки зрѣнія. Мы будемъ стремиться собрать и увеличить свои силы для отстаиванія своей позиціи, для проведенія въ жизни своей тактики, своихъ лозунговъ... Но—sapienti sat! Qui vivra, verra... «Verra»—мы убѣждены въ этомъ, торжество именно нашей тактики, правильность именно нашего отношенія къ либерализму.

А. Блюмъ.

14-го апрѣля
1906.

Война правящей касты съ народомъ.

«У правительства два выхода въ настоящее время,—говорилъ графъ Витте депутаціи желѣзнодорожниковъ 11 октября 1905 г.,—первый, это призвать военныя силы для подавленія движенія, но при этомъ неминуемо кровопролитіе; второй, это голодающая уже Москва, а съ ней вмѣстѣ и другіе города сами нападутъ на забастовщиковъ, что вызоветъ еще большее кровопролитіе».

Вторая альтернатива, какъ извѣстно, оказалась совершенно безнадежной; несмотря на всѣ усилія правительства вызвать и поддержать «нападеніе на забастовщиковъ», на его призывъ отозвались только подонки городовъ, только отребье городского населенія, профессіальные воры, наемные убійцы, всегда готовые безнаказанно пограбить и за сходную плату убить, кого укажутъ. Къ нимъ присоединялись сыщики, полицейскіе, наемные писаки, дворники и т. п., мелкій людъ, зависимый отъ участка или связанный въ своемъ существованіи съ двухмилліардным бюджетомъ. Правда, въ составъ «черной сотни» входили и нѣкоторые, очень немногочисленные отсталые слои пролетаріата и мѣщанства; ей симпатизировали видные представители купечества и дворянства, заинтересованные въ сохраненіи стараго безправія. Но большинство городского населенія съ ужасомъ и негодованіемъ отвернулось отъ той бездны кровавыхъ преступленій, на которыя толкало его правительство.

Освободительное движеніе, ставшее движеніемъ широкихъ массъ, побѣдоносно шло впередъ подъ краснымъ знаменемъ пролетаріата; надежды правительства на «города» не оправдались; при всеобщемъ сочувствіи этому движенію «призвать военныя силы» казалось рискованнымъ тѣмъ болѣе, что сами эти силы то тутъ, то тамъ заявляли о своей солидарности съ народомъ. Чтобы предотвратить ударъ, графъ Витте, искусившійся въ биржевыхъ подвохахъ, рѣшилъ продѣлать ловкій и смѣлый фокусъ; 17 октября появился манифестъ о «дарованіи незыблемыхъ основъ», тотъ самый манифестъ, который въ Нижнемъ-Новгородѣ отбирается теперь полиціей, какъ напечатанный безъ цензуры, и о которомъ борисовскій исправникъ (Минской губ.) «не допустилъ разговоровъ» на съѣздѣ мѣстнаго духовенства.

Своимъ фокусомъ графъ Витте не распуталъ, а только еще болѣе затянулъ узелъ политическихъ противорѣчій, но тѣмъ не менѣе этотъ фо-

кусъ имѣлъ для правительства одинъ весьма положительный результатъ, онъ раскололъ и тѣмъ ослабилъ оппозицію. Въ то время, какъ революціонный народъ потребовалъ гарантій конституціонныхъ обѣщаній въ видѣ созыва Учредительнаго Собранія для выработки основныхъ законовъ, большая часть имущихъ классовъ рѣшила воспользоваться манифестомъ 17 октября, какъ почвой для соглашенія съ правительствомъ. Послѣднее не замедлило извлечь для себя всю возможную выгоду изъ этого разногласія.

Конституціонными уступками развязавъ себѣ руки въ Финдляндіи, правительство дешевыми подачками постаралось склонить на свою сторону армію и быстро мобилизовало всѣ силы реакціи на борьбу съ революціей. Заявивъ устами монарха, что «самодержавіе останется такимъ, какимъ было встарь», оно сбросило съ себя маску и объявило открытую войну народу. Центральное правительство въ сознаніи своего безсилія рѣшило «развязать реакцію» и предоставило въ войнѣ съ народомъ полную свободу дѣйствій всѣмъ общественнымъ силамъ и отдѣльнымъ лицамъ, заинтересованнымъ въ сохраненіи самодержавія. Оно какъ бы говорило имъ: мое господство есть вмѣстѣ съ тѣмъ и ваше господство, побѣда народа грозитъ разрушить тронъ, но она же грозитъ лишить дворянство земли и всѣхъ его привиллегій, у капиталистовъ она отниметъ власть надъ рабочими, у генераловъ—огромные оклады, у администраціи—ея произволъ и незаконные поборы съ беззащитнаго обывателя, у поповъ—ихъ вліяніе и богатства, поэтому, fara da se, помогай себѣ самъ, «боязни отвѣтственности нѣтъ мѣста».

И началась война. Въ этой войнѣ съ собственнымъ народомъ русская армія обнаружила несравненно большую боевую готовность, чѣмъ на поляхъ Манчжуріи; тамъ она позорно бѣжала, здѣсь она почти всюду одерживала побѣды; тамъ она оказывалась недостаточно подвижной, дѣйствовала вяло и нерѣшительно; у себя на родинѣ карательные отряды вихремъ носились изъ конца въ конецъ страны, всюду оставляя за собой смерть и ужасъ разрушенія; въ Манчжуріи армія страдала отъ недостатка продовольствія и снаряженія, отъ несовершенства артиллеріи; для дѣйствій противъ народа интендантство заботливо снабдило ее теплой одеждой, въ ея распоряженіе были предоставлены блиндированные поѣзда и даже автомобили съ пулеметами; въ Манчжуріи войска не рѣдко являлись слишкомъ поздно къ мѣсту боя, здѣсь они всегда поспѣвали во время; тамъ «коварный» врагъ часто обрушивался на нихъ врасплохъ, здѣсь они сами нерѣдко нападали врасплохъ на крестьянъ и рабочихъ; *) въ Манчжуріи офицеры, по словамъ Немировича-Данченко, передъ боемъ въ смертельномъ страхѣ бѣжали въ тылъ арміи, прячась

*) «Русскій Инвалидъ" посвятилъ цѣлый фельетонъ вопросамъ стратегіи и тактики „при усмиреніи вооруженной смуты". Мы читаемъ въ немъ между прочимъ: „Прежде всего и на всякомъ мѣстѣ необходимо, чтобы войска имѣли возможность дѣйствовать активно. Необходимо, чтобы они могли нападать болѣе или менѣе неожиданно, помня основное правило борьбы, что неожиданность есть лучшій способъ подготовки побѣды. Соблюденіе этихъ правилъ несомнѣнно уменьшитъ потери въ войскахъ и, мы думаемъ, уменьшитъ ихъ и у бунтарей. Кромѣ того, неожиданный разгромъ сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе массы и вселяетъ спасительный страхъ въ силу побѣдите

даже въ паровозныя трубы, въ родной странѣ они проявляютъ невѣроятную энергію и безстрашіе. «Гг. лейтенанты, корнеты и подпоручики словно соперничаютъ между собой, кто больше сжегъ»,—передаетъ г. Климковъ въ «Руси» слова одного командующаго генерала изъ Прибалтійскаго края. Въ Манчжуріи русскіе генералы явились «неподготовленными», ихъ стратегическія способности оказались ниже всякой критики; за исключеніемъ знаменитаго «плана» Куропаткина, проведеннаго такъ блестяще, у нихъ не было никакой руководящей нити. Наоборотъ, въ Россіи армія проявила такую согласованность въ дѣйствіяхъ, какой могъ бы позавидовать самъ Оаяма. Войска всѣхъ родовъ оружія покрыли себя неизгладимымъ позоромъ въ этой безславной войнѣ.

Было бы неправильно относить всѣ эти преступленія на счетъ одного лица; было бы ошибочно дѣлать отвѣтственнымъ за нихъ только Дурново, Витте, Дубасова и другихъ «руководителей».

Когда въ октябрѣ появился приказъ Трепова «патроновъ не жалѣть и холостыхъ залповъ не давать», многіе наивные люди думали, что удаленіе этого генерала положитъ конецъ кровопролитіямъ. Теперь стало вполнѣ очевиднымъ, что для упроченія конституціоннаго режима необходима смѣна всего современнаго правительства съ верху до низу, потому что всѣ его агенты проявили полную солидарность въ своемъ отношеніи къ освободительному движенію и въ методахъ его подавленія. В. Г. Короленко, бичуя статскаго совѣтника Филонова за его расправу съ полтавскими крестьянами, справедливо отмѣтилъ, что дѣйствія покойника носили характеръ «кастовой мести со стороны чиновничества всему населенію». Дѣйствительно, событія послѣдняго времени представляютъ собой войну сплоченной, прекрасно организованной и еще очень могущественной касты противъ всего народа, и самое печальное въ этой войнѣ то, что орудіемъ, въ рукахъ касты служитъ армія, состоящая изъ сыновъ того же народа.

Упомянутый приказъ Трепова не былъ явленіемъ единичнымъ или исключительнымъ. Еще 27-го іюля гомельскій полицеймейстеръ объявлялъ: «всякаго еврея, принадлежащаго къ отбросамъ еврейскаго общества и называющаго себя демократомъ, на пути моего слѣдованія по городу будутъ разстрѣливать на разстояніи 50 шаговъ впереди моего экипажа сопровождающіе меня казаки» .Въ декабрѣ подполковникъ Яблонскій вывѣсилъ объявленіе на ст. Сарны: «пуля и штыкъ должны быть въ полномъ ходу и не стѣсняться послѣдствіями... Машинистамъ предложить 3 раза ѣхать на паровозѣ и послѣ отказа перваго, открывшаго ротъ для возраженія, убить на мѣстѣ». Въ январѣ бахмутскій генералъ-губернаторъ и почти одновременно съ нимъ тифлисскій объявили, что «сборища на улицахъ будутъ разсѣиваться силой огнестрѣльнаго оружія безъ предупрежденія». Эти разрозненныя дѣйствія получили санкцію верховной власти въ Высочайше утвержденномъ 7-го февраля 1906 г. мнѣніи государственнаго совѣта, согласно которому при подавленіи безпорядковъ «ни стрѣльба вверхъ, ни стрѣльба холостыми патронами не должны быть допускаемы». Практиковавшіеся пріемы усмиренія пріобрѣли такимъ образомъ общеобязательное значеніе.

Въ итересахъ справедливости необходимо замѣтить, что массовые

разстрѣлы, разгромъ и выжиганіе селеній стали примѣняться въ большомъ масштабѣ лишь послѣ того, какъ старое, испытанное средство,—аресты и высылки безъ суда и слѣдствія,—оказалось не достигающимъ цѣли. Циркуляромъ Министра В. Д. отъ 30-го ноября предписывалось «всѣхъ подстрекателей, зачинщиковъ и агитаторовъ, которые не арестованы судебной властью, арестовать, никакихъ особыхъ дознаній по сему предмету, а равно вопросовъ не производить». Черезъ 3 мѣсяца г. Дурново въ циркулярѣ кіевскому генералъ-губернатору писалъ уже такъ: «настойчиво предлагаю немедленно истребить силой оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія сжигать ихъ жилища... Аресты теперь не достигаютъ цѣли, судить сотни и тысячи людей невозможно».

Для того, чтобы пуля и штыкъ были въ полномъ ходу, верховная власть предоставила генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ право собственной властью объявлять «ввѣренныя имъ» мѣстности на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны. Почти всѣ эти господа пожелали быть самодержцами. 39 губерній и областей Россіи объявлены на военномъ положеніи, 20 на положеніи усиленной и 25—чрезвычайной охраны; въ этихъ областяхъ отмѣнены обычные законы; честь, свобода, имущество и самая жизнь гражданъ поставлены въ зависимость отъ милостиваго усмотрѣнія россійскихъ мандариновъ. Страна какъ бы распалась на множество отдѣльныхъ, независимыхъ монархій съ своеобразными законами, учрежденіями и пріемами управленія; то, что считалось дозволеннымъ, и законнымъ въ одной мѣстности, сурово преслѣдовалось въ другой; маленькіе самодержцы, копировавшіе большого, облагали жителей данью, собирали контрибуцію, вводили новые налоги; нерѣдко они отказывались подчиняться распоряженіямъ центральнаго правительства. Политическое расчлененіе страны, разъ начавшись, все болѣе углублялось; благодать самодержавной власти, осѣнившая губернаторовъ и командующихъ войсками, быстро перешла отъ нихъ на исправниковъ, становыхъ, урядниковъ и участковыхъ приставовъ *). Они законодательствовали, творили судъ и расправу, вмѣшивались въ общественную и частную жизнь гражданъ, формировали политическія партіи, опекали школу, стремились давать направленіе литературѣ. Но прежде всего они были воинами, главной задачей ихъ дѣятельности было покореніе страны.

Разсказы историковъ о казняхъ Грознаго и владычествѣ татаръ блѣднѣютъ передъ тѣми событіями, свидѣтелями и очевидцами которыхъ мы являемся въ настоящее время; кровавый туманъ застилаетъ глаза, когда видишь передъ собой картину этихъ событій, и вся русская дѣйствительность кажется леденящимъ душу кошмаромъ. Но это не кошмаръ, это реальная политика самодержавія, опирающагося на силу арміи, полиціи и финансовъ и рѣшившаго съ помощью этой силы сохранить за собой власть. Эта сила можетъ быть сломлена только другой,

*) Такъ напримѣръ, жандармскій ротмистръ Бѣлоручевъ, объявившій себя генералъ-губернаторомъ посада Грязи и селеній, расположенныхъ въ 15 верстномъ разстояніи, разсылалъ жителямъ окладные листы и собиралъ налоги въ свою пользу по собственному усмотрѣнію.

не менѣе реальной силой, силой давленія массъ, взрывомъ ихъ негодованія, неодолимымъ, какъ стихія. Нѣтъ и не можетъ быть иного пути къ избавленію отъ давящаго ига; всѣ ламентаціи вождей такъ называющейся «партіи народной свободы» о «длительномъ и спокойномъ конфликтѣ», который якобы приведетъ къ этому избавленію, свидѣтельствуютъ только о низменности ихъ политическихъ стремленій, объ отсутствіи въ нихъ гражданскаго мужества и о скрытомъ страхѣ ихъ передъ тѣми народными массами, противъ которыхъ главнымъ образомъ направлены удары правящей касты.

Въ своей борьбѣ съ крестьянами и рабочими правительство находитъ поддержку въ верхнихъ слояхъ буржуазіи и полукрѣпостническаго дворянства. Остзейскіе бароны, кавказскіе князья и ханы, россійскіе предводители дворянства играютъ не послѣднюю роль въ подавленіи смуты. Земскія собранія и городскія думы, — органы мѣстнаго представительства тѣхъ же общественныхъ слоевъ, — въ послѣдніе мѣсяцы высказывали свое сочувствіе правительству и не разъ показали на дѣлѣ свою готовность содѣйствовать ему. Могущественной силѣ этого союза, партія «народной свободы» рѣшила противопоставить только моральную силу общественнаго мнѣнія, не смотря на то, что правительство открыто плевало въ лицо обществу въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій и продолжаетъ дѣлать это теперь. Намъ неизвѣстно, предпочтетъ ли «всеевропейскій жандармъ» вышвырнуть эту партію пинкомъ своего сапога изъ стѣнъ таврическаго дворца или оставить ее въ этихъ стѣнахъ, чтобы сдѣлать посмѣшищемъ въ глазахъ всего міра и прежде всего собственной страны. Безсиліе партіи «народной свободы», какъ результатъ ея лойяльности, прекрасно иллюстрировалось ея «побѣдой» 26 марта; когда въ октябрѣ прошлаго года побѣдилъ революціонный народъ, онъ бросился къ тюрьмамъ и подъ залпами казацкихъ винтовокъ освободилъ политическихъ; конституціоналисты-демократы послѣ своей побѣды не могли освободить изъ подъ ареста даже депутатовъ Ширкова и Меркулова, и покалякавъ объ амнистіи, объявили въ московской газетѣ «Путь» подписку на куличи политическимъ заключеннымъ. Не думаемъ, чтобы эти куличи пришлись особенно по вкусу нашимъ товарищамъ.

Особенную свирѣпость проявила правящая клика при усмиреніи окраинъ, но не потому, что эти окраины населены «инородцами», — кавказскіе ханы и остзейскіе бароны оказались не менѣе истинно русскими людьми, чѣмъ самъ Карлъ-Амалія Грингмутъ; но рабочіе и крестьяне грузинской, армянской и латышской народностей примкнули къ революціонному движенію русскихъ крестьянъ и рабочихъ, а во многихъ случаяхъ шли даже впереди его; благодаря болѣе развитымъ общественнымъ отношеніямъ на окраинахъ пролетаріатъ и крестьянство рѣшительнѣе, настойчивѣе и дружнѣе стремились тамъ осуществить программу минимальныхъ требованій соціалъ-демократіи; поэтому правительство и обрушилось на нихъ съ особенной яростью.

Приводя ниже перечень фактовъ изъ жизни Грузіи, достовѣрность которыхъ подтверждена оффиціальными документами, мы приподнимаемъ только маленькій уголокъ завѣсы, скрывающей за собой то, что творится теперь на Кавказѣ

«Въ концѣ декабря изъ Тифлиса были отправлены въ западную Грузію солдаты, пластуны и артиллерія.

1) 1 января передовой отрядъ прибылъ въ м. Михайлово. 1 и 2 января половина Михайлова была разрушена и уничтожена огнемъ; магазины и частныя квартиры разгромлены.
2) 7 января сгорѣла деревня Бѣлогоры.
3) 8, 9 и 10 января $^{3}/_{4}$ мѣстечка Квирилы сгорѣло; многіе богачи совершенно обнищали. Подожгли банкъ и типографію.
4) Между ст. Аджаметы и Свиры были разстрѣляны нѣсколько делегатовъ.
5) 9 января въ Кутаисѣ подожгли 30 магазиновъ.
6) 16 и 17 января въ м. Самтреди сгорѣло и разгромлено 30 магазиновъ.
7) Отрядъ полковника Крылова 12 января вступилъ въ гор. Озургеты, и въ ту же ночь сгорѣлъ весь базаръ (магазины).
8) 14 января сгорѣлъ городъ Поти.
9) 10 января въ с. Богдады подожгли 37 домовъ.
10) 23 января сгорѣлъ базаръ (магазины) въ мѣстечкѣ Чіатуры.
11) 28 января подожгли въ м. Ново-Сенакахъ два длинныхъ ряда магазиновъ.
12) 28 января въ д. Акети подожгли 60 домовъ.
13) 31 января въ м. Нагомари сгорѣло 15 домовъ.
14) 2 февраля въ д. Хванчкари (Рачин. у.) подожгли 48 домовъ.
15) 20 февраля въ д. Диликаури (Шаран. у.) сгорѣло 7 домовъ.
16) 2 марта въ м. Чохатаури сожгли и разрушили 14 домовъ.
17) 12 января въ д. Хаулипаури (Шаран. у.) подожгли 12 домовъ.
18) 12 января въ м. Сачхере сгорѣло 22 дома.
19) 26 января въ д. Чаквинджи (Мингрелія) подожгли 50 домовъ.
20) 1 марта въ Лечхумскомъ уѣздѣ подожгли 19 домовъ и 3 магазина и т. д. *).

Кутаисскій полицеймейстеръ рапортомъ на имя губернатора отъ 1 февраля 1906 г. доноситъ о разгромѣ 35 магазиновъ, потерпѣвшихъ убытки на 244 тысячи руб., при чемъ по 8 магазинамъ убытокъ не показанъ. Полицеймейстеръ прибавляетъ:

«Всѣ означенные дома и магазины раньше разгромили, а потомъ подожгли. Послѣ допроса установлено, что разгромъ и поджоги устраивались солдатами, главнымъ образомъ казаками и солдатами съ бѣлымъ околышемъ. О чемъ сообщено слѣдователю 1-го участка и прокурору. О вышеизложенномъ доношу вашему превосходительству» **).

Въ томъ же номерѣ «Двадцатаго вѣка» приводится еще 15 донесеній полицеймейстеровъ и уѣздныхъ начальниковъ и 7 сообщеній за подписями гражданъ различныхъ мѣстностей Грузіи о поджогахъ, грабежахъ и насиліяхъ, чинимыхъ войсками. Вотъ типичное изъ нихъ, — рапортъ сенакскаго уѣзднаго начальника губернатору отъ 6 февраля 1906 г., № 12.

«28 января въ Ново-Сенакахъ сгорѣло 45 магазиновъ... магазины разгромили и подожгли казаки Лабинскаго полка и солдаты 4 Кавказскаго стрѣлковаго батальона. Это подтверждается показаніями другихъ лицъ. Показаніе полковника Живописцева: 27 января ночью разгромили и подожгли магазины. Виновники — казаки и солдаты — не позволяли тушить огонь».

Можно ли обвинять казаковъ и солдатовъ, когда нѣкій Бауеръ, генералъ-губернаторъ Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ, отдалъ слѣдующій приказъ:

---

*) „XX вѣкъ", № 8.
**) Тамъ же.

«Въ селеніи, въ которомъ послѣ объявленія сего приказа, окажется невыданнымъ добровольно хотя бы одно ружье, револьверъ, кинжалъ и прочее оружіе, хотя бы одинъ преступникъ, хотя бы одинъ неявившійся своевременно новобранецъ, хотя бы одна неисполненная повинность, хотя бы одна не признанная закономъ власть и т. д.,—въ такое селеніе мной будутъ присланы войска, но не для экзекуцій, отобранія оружія и пр., а съ единственною цѣлью разрушить до основанія все селеніе. Предупреждаю, что каждую букву, мной въ этомъ приказѣ подписанную, приведу въ исполненіе безъ всякихъ отступленій...» *)

«Ни одинъ врагъ, ни одна персидская армія не причиняли Грузіи столько бѣдствій и ужаса...

Огнемъ уничтожаются цѣлые города, деревни... Народъ бѣжитъ въ лѣсъ и горы, мужчинъ разстрѣливаютъ, женщинъ подвергаютъ гнусному изнасилованію» **)...

Это заявилъ на собраніи кутаисскихъ дворянъ князь Давидъ Михеладзе.

Такимъ же сплошнымъ моремъ дымящейся крови, представляется въ настоящее время и Прибалтійскій край. Въ каждомъ номерѣ газеты, въ каждой книжкѣ журнала приводится длинный списокъ сожженныхъ селеній и разстрѣлянныхъ безъ суда людей; это только единичные разстрѣлы безъ суда и слѣдствія, сюда не входятъ массовыя бойни при уличныхъ и другихъ столкновеніяхъ съ войсками. Чаще всѣ люди приговариваются къ смертной казни безъ всякой мотивировки, а если она и приводится, то поражаетъ циничной безчеловѣчностью; поводомъ къ разстрѣлу выставляется, напримѣръ, браконьерство. Приказы остзейскихъ самодержцевъ, проникнуты не меньшимъ остервененіемъ, чѣмъ кавказскихъ. «Если въ имѣніи, — грозитъ истинно русскій человѣкъ изъ остзейскихъ бароновъ,—будетъ произведено что-либо преступное, всѣ крестьянскія усадьбы на 10 верстъ вокругъ будутъ сожжены» или (приказъ въ другой волости) «будетъ застрѣленъ каждый 5-й человѣкъ». Митавскій генералъ-губернаторъ «за укрывательство мятежниковъ» предаетъ военно-полевому суду и сжигаетъ дома заподозрѣнныхъ въ такомъ укрывательствѣ. Рижскій губернаторъ искореняетъ забастовки слѣдующими мѣрами.

„Виновные въ прекращеніи работъ, рабочіе за каждый день забастовки въ административномъ порядкѣ, будутъ штрафоваться въ размѣрѣ отъ одного до пяти рублей. Служащіе трамваевъ, легковые и ломовые извозчики, бастующіе съ цѣлью устроить политическую демонстрацію, наказываются штрафомъ въ 500 рублей и арестомъ на три мѣсяца. Торговцы, приказчики и сидѣльцы, закрывающіе торговыя заведенія, редакторы и издатели, не выпускающіе очередныхъ нумеровъ газетъ, виновные въ подстрекательствѣ къ забастовкамъ для политической демонстраціи, всѣ наказываются штрафомъ въ 3000 руб., и тюрьмой на три мѣсяца. Виновные въ насиліи съ цѣлью вызвать забастовку, независимо отъ штрафа 3000 рублей, будутъ предаваемы суду по закону военнаго времени“ ***).

Дѣянія курляндскаго генералъ-губернатора описалъ въ открытомъ письмѣ къ нему, опубликованномъ въ № 5 «Права», высланный въ Оло-

*) «Русск. Вѣд.» № 31.

**) „XX вѣкъ“ № 8.

***) „Русскія Вѣдомости“ № 12. Начальникъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, полк. Нейгебауръ болѣе лакониченъ; онъ приказалъ: „Въ случаѣ предъявленія скопомъ какихъ-либо требованій, арестовать зачинщиковъ для преданія военно-полевому суду“.

нецкую губ. преподаватель либавскаго коммерческаго училища Ягодовскій. Онъ, между прочимъ, говоритъ:

„Приказомъ повѣсить виновнаго (Штрауса) на телефонномъ столбѣ и не снимать въ теченіе семи дней, вы вселили не столько страхъ и ужасъ, сколько омерзѣніе къ такого рода ненужной и деморализующей жестокости.

„Хорошо оплачивая доносъ и поощряя всѣми мѣрами шпіонство, вы развращаете населеніе".

„Вы сжигаете все достояніе человѣка и разоряете его за то, что онъ въ невѣдѣніи своемъ протянулъ кусокъ хлѣба голодному или пріютилъ загнаннаговъ морозъ и непогоду бѣглеца, не подозрѣвая въ немъ „крамольника".

„Вопреки законамъ всѣхъ странъ, вы казните плѣнныхъ, бросившихъ оружіе и отдавшихся въ вашу власть, вы разстрѣливаете людей, не понимающихъ по русски (въ Дурбенѣ убитъ четырьмя залпами мальчикъ, не остановившійся на крикъ „стой".)

„Вы заставляете быть сыноубійцами. Въ серединѣ января былъ такой случай въ вашей губерніи: когда отца повели на казнь, за нимъ бѣжалъ его восьмилѣтній сынъ. На просьбу отца проститься со своимъ сыномъ единственнымъ ребенкомъ—сиротой, послѣдовало согласіе; тогда отецъ, въ то время, какъ сынъ бросился ему въ объятія, ударомъ кулака въ голову убилъ мальчика и, обратившись затѣмъ къ ожидавшимъ его, раскрылъ свою грудь для пуль. „Теперь я спокоенъ, что мой сынъ не попадетъ къ вамъ въ руки,—стрѣляйте! "

Курляндскій самодержецъ, повидимому, превзошелъ даже своего кіевскаго собрата; въ Кіевѣ былъ приговоренъ къ смертной казни 16-ти лѣтній Заставскій за то, что пригрозилъ кулакомъ городовому, сопровождавшему арестованнаго.

Съ неменьшей жестокостью подавляется движеніе польскаго пролетаріата. Еще передъ 17-го октября генералъ Скалонъ стяжалъ себѣ лавры своимъ приказомъ, въ которомъ читаемъ такія строки.

«Гражданскія власти вызываютъ войска по пустому... ...Такому порядку пора положить конецъ. ...при неповиновеніи толпы не достаточно сдерживать ее, а надо самыми энергичными дѣйствіями искоренить, убить этотъ опасный зародышъ всякаго возможнаго насилія. Въ этомъ то и должно выражаться предупрежденіе безпорядковъ... Предупреждаю о томъ, какъ начальниковъ частей и командъ, такъ и чиновъ гражданской администраціи по званію генералъ-губернатора. Боязни отвѣтственности мѣста нѣтъ» *).

Послѣ 17-го октября генералъ Скалонъ тѣми же репрессивными мѣрами старался втолковать полякамъ, что манифестъ обязываетъ ихъ славословить самодержавное правительство и отнюдь не допускаетъ критики его или противодѣйствія его видамъ. Приказомъ 25-го октября онъ объявилъ.

«Населеніе, легкомысленно оставивъ трудовую жизнь, толпами слѣдуетъ за вожаками, увлекающими его, по большей части, революціонными пѣснями, флагами, эмблемами ради своихъ партійныхъ цѣлей... Не отдавая себѣ отчета, въ какую пропасть толкаютъ ее лукавыя или экзальтированныя рѣчи этихъ демагоговъ, толпа въ ослѣпленіи имъ рукоплещетъ...

...Если на первомъ же, начиная съ завтрашняго дня, митингѣ, устроенномъ съ разрѣшенія надлежащей власти, въ закрытомъ помѣщеніи, будетъ произнесена рѣчь противъ существующаго государственнаго или общественнаго строя, то впредь, до успокоенія мѣстнаго населенія, ни одно собраніе вслѣдъ за симъ допущено не будетъ. Съ собраніями же неразрѣшенными будетъ поступлено такъ же, какъ съ митингами подъ открытымъ небомъ» **).

Генералу не нравилось и образованіе политическихъ партій, онъ допускаетъ существованіе только правительственныхъ партій; находя, что

*) «Право» № 37.
**) «Право» № 43.

дѣятельность конституціонно-католической партіи (антисемитской!) «не отвѣчаетъ интересамъ государственной политики въ краѣ», онъ запретилъ ея собранія и заставилъ ее прекратить свое существованіе. Успѣхи генерала Скалона вызвали подражаніе сосѣднихъ монарховъ. Виленскій самодержецъ Крживицкій также приказалъ своимъ подчиненнымъ разстрѣливать народъ, не боясь отвѣтственности. Келецкій же генералъ-губернаторъ Бобылевъ, вассалъ Скалона, дошелъ въ своемъ рвеніи до того, что издалъ обязательное постановленіе, согласно которому «лица, не сдавшія въ трехдневный срокъ имѣющагося у нихъ оружія, подвергаются смертной казни, которая угрожаетъ также и родителямъ, у несовершеннолѣтнихъ дѣтей, которыхъ будетъ найдено оружіе» *). Но даже его сюзеренъ нашелъ, что вассалъ хватилъ нѣсколько черезъ край.

Не была пощажена и Сибирь. «Ренненкампфъ прибылъ въ Читу, все обошлось безъ кровопролитія», телеграфировалъ генералъ Линевичъ. «Генералъ Ренненкампфъ творитъ невиданные ужасы,—телеграфировали въ тоже время «Вечернему Голосу»,—въ Забайкальской области ежедневно по нѣсколько человѣкъ подвергаются разстрѣлу». Эти разстрѣлы генералъ Линевичъ не считаетъ кровопролитіемъ, что, впрочемъ, совершенно понятно въ человѣкѣ, привыкшемъ посылать людей на бойню цѣлыми тысячами. Кромѣ извѣстія о Читинскихъ казняхъ имѣются и другія свѣдѣнія о лихомъ кавалеристѣ. Вотъ, напримѣръ, приказъ военнаго губернатора Забайкальской области.

«Генералъ-лейтенантъ Ренненкампфъ, телеграммою отъ 19 сего января, сообщая мнѣ, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ революціонеры собираются взорвать его поѣздъ, проситъ объявить населенію, что при малѣйшей подобной попыткѣ всѣ арестованные, какъ заложники, не взирая на степень ихъ виновности, немедленно будутъ разстрѣляны. Это будетъ приведено въ исполненіе не только относительно арестованныхъ въ его поѣздѣ, но переданныхъ и въ другіе эшелоны.

Объ этомъ объявляю во всеобщее свѣдѣніе. Военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ *Холщевниковъ*. 20 января 1906 г.» **).

«У Меллеръ-Закомельскаго и Ренненкампфа,—пишетъ корреспондентъ Руси,—допросъ и экзекуція производились въ самыхъ вагонахъ, люди нещадно сѣклись и разстрѣливались на ходу поѣзда».

Та же газета даетъ потрясающую картину казней въ Верхне-Удинскѣ.

...„12-го февраля, въ лѣсъ около вокзала повели подъ сильнымъ конвоемъ пять осужденныхъ: завѣдующаго матерьяльнымъ складомъ Гольцсобеля, рабочаго слесаря Гордѣева, начальника депо Медвѣдникова, Шульца и машиниста Малютинскаго. Всѣ были бодры и повидимому спокойны, а Гольцсобель даже нашелъ силы сказать, обращаясь къ толпѣ: „я погибаю за васъ, за вашу свободу,—отомстите имъ!“... Исполненіе казни возложено было на штабъ-офицера Верхнеудинскаго полка Галуба, а самое большое вниманіе, такъ сказать, техникѣ казни, удѣлилъ офицеръ Гулевичъ (изъ гвардейцевъ) завязывавшій петли на веревкахъ, пробовавшій ихъ прочность и т. п. Онъ въ штабѣ Ренненкампфа...

...Первымъ былъ повѣшенъ Гордѣевъ, но веревка была слишкомъ длинна и казненный касался ногами земли, корчась въ страшныхъ судорогахъ; пришлось его пристрѣлить, а остальные осужденные все это видѣли... Ихъ вѣшали другимъ способомъ: солдаты поднимали несчастныхъ на рукахъ до петли, а палачъ стоя на табуреткѣ, накладывалъ петлю и затѣмъ нажималъ на туловище. Гольцсобель самъ давалъ указанія палачу, какъ именно нужно наложить петлю, чтобы скорѣй задушить человѣка. Инженеръ-технологъ Медвѣдниковъ долго

*) «Русь» № 6.
**) «Русь» № 58.

мучился въ судорогахъ, пока солдатъ не выстрѣлилъ ему въ високъ. Малютинскій, машинистъ, сорвался съ веревки; толпа, какъ одинъ человѣкъ закричала: «нельзя вѣшать, нельзя!—самъ Богъ за него», въ отвѣтъ на этотъ крикъ по приказу начальства послѣдовали два залпа солдатъ уже по толпѣ; къ счастью стрѣляли вверхъ, толпа разбѣжалась въ страшной паникѣ, опрокидывая и давя одинъ другого, оказалось только трое раненыхъ. Малютинскаго все-таки повѣсили... Семьямъ убитыхъ приказано было ген. Ренненкампфомъ выѣхать изъ предѣловъ Забайкалья въ 24 часа... За что же эти люди были убиты?! Гольцсобель за «революціонныя» рѣчи, участіе во всѣхъ митингахъ, «агитацію и призывъ къ вооруженному возстанію среди рабочихъ и войскъ», Медвѣдниковъ же за то, что будучи начальникомъ депо, да еще выбраннымъ самими рабочими (это былъ очень кроткій и тихій человѣкъ), онъ зналъ о вооруженіяхъ рабочихъ, ихъ приготовленіяхъ и не донесъ по начальству... Въ этой ужасной исторіи позорную роль шпіона и доносчика сыграла „Верхнеудинская конституціонная газета“; она чуть не въ каждомъ номерѣ требовала крови „революціонеровъ“ и оглашала проекрипціонные списки» *).

Ренненкампфъ приказалъ арестовывать всѣхъ лицъ, ѣдущихъ въ Россію безъ свидѣтельства о благонадежности. Не менѣе ревностно дѣйствовалъ Меллеръ-Закомельскій. 17 января на ст. Мысовая (на берегу Байкала).

„Поѣзда осматривались, производились аресты, отбиралось и конфисковалось огнестрѣльное и холодное оружіе. Вагоны товарныхъ поѣздовъ вскрывались и грузъ провѣрялся. Было вскрыто нѣсколько вагоновъ съ почтой, слѣдовавшей въ Читу. Всѣ крытые вагоны приказывалось запломбировать и безъ всякихъ актовъ отправлять далѣе... Передъ отъѣздомъ ген. Меллеръ-Закомельскій позвалъ къ себѣ въ вагонъ начальника депо Кизерицкаго, начальника участка пути Рѣзникова и замѣстителя начальника II отдѣленія Краевскаго, заявивъ имъ, что если съ поѣздами случится малѣйшее несчастіе, то они будутъ разстрѣляны и, обращаясь къ г. Кизерицкому, добавилъ, что если къ обратному проѣзду не будутъ найдены ружья, то изъ служащихъ депо десятый будетъ разстрѣлянъ“ **).

То же самое происходило и въ самой Россіи. Если бы миръ съ Японіей былъ заключенъ въ Токіо, какъ это обѣщалъ Куропаткинъ, то безъ сомнѣнія русскіе генералы не посмѣли бы обращаться съ побѣжденнымъ народомъ такъ, какъ они обращаются теперь съ нашими рабочими и крестьянами. Ихъ дѣйствія напоминаютъ нашествіе варварскихъ племенъ древности, предававшихъ огню и мечу все, что встрѣчалось имъ на пути въ завоеванной ими странѣ. Всѣмъ памятны усмиренія крестьянъ въ Саратовской, Тамбовской, Полтавской и др. губерніяхъ; не забудется и покореніе Москвы адмираломъ Дубасовымъ и полковникомъ Миномъ. «Арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно. Каждый домъ, изъ котораго будетъ произведенъ выстрѣлъ, уничтожать огнемъ или артиллеріей»—таковы были «общія указанія», данныя въ приказѣ по лейбъ-гвардіи Семеновскому полку отъ 15 декабря 1905 г. ***) Они были исполнены въ точности; по спискамъ, составленнымъ становымъ приставомъ княземъ Вадбольскимъ и жандарскимъ подполк. Смирницкимъ было разстрѣляно безъ всякаго допроса нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Тотъ же самый Высочайше утвержденный способъ дѣйствій практиковался во всей странѣ. Въ № 4 «Права» опубликовано письмо коровинскаго крестьянина:

---

*) Тамъ же.
**) „Русь № 54.
***) «Право» № 5.

„Дорогой братецъ! увѣдомляемъ васъ нерадостною вѣстью, что у насъ 4 января въ нашемъ коровинскомъ обществѣ бѣда случилась такая, братецъ, что за слезами не могу вамъ всего разъяснить и разсказать. Въ поляковской конторѣ были наняты стражники-солдаты, человѣкъ 30, и они ѣздили по деревнямъ и отбирали экономическій лѣсъ. Поляковскіе приказчики нанимали возчиковъ, они ѣздили не одни, ѣздилъ съ ними становой приставъ и также урядники. То вотъ пріѣхали 4 января въ нашу деревню, то становой и солдаты остановились въ концѣ деревни, около гамазеи.

А у насъ въ это время была сходка, то пробѣгаетъ волостной старшина на сходку и говорятъ на сельскаго: „Тебя приставъ требуетъ“, то онъ побоялся одинъ идти, взялъ съ собою нашего батьку, еще Андрея Никонова свекра, и когда подошли они къ приставу, стали на колѣни и сказали: „Что вамъ надо“? Въ это время наши шли всѣ со сходки послушать, что будутъ говорить, то становой, когда увидѣлъ народъ, закричалъ „нейдите вблизь“! но наши шли послушать, то онъ обратился къ солдатамъ и скомандовалъ: „Бить съ боевыхъ патроновъ“! Тогда, дорогой братецъ, зазвенѣли пули, какъ градъ. Въ одну минуту убили 11 человѣкъ и 12 ранено. Первымъ убитъ Кузьма Ник., Филиппъ Васильевъ, Андрей Никоноровъ, Семенъ Андреевъ и Матвѣй Андреевъ и сватъ нашъ Петръ Григорьевъ и братеника нашего убили, Ивана Осипова и съ женою, и съ мачехою убили, и у отца вашего крестнаго, но сейчасъ еще живъ, ногу совсѣмъ отбили, и пуля прошла изо рта въ шею, но насъ Господь сберегъ, въ самомъ огню были.

Раненъ у насъ Ульянъ Сергѣевъ, Михайла Сергѣевъ, Семенъ Осиповъ и жена его и Иванъ Матвѣевъ, Данилъ Андреевъ, Егоръ Никоноровъ и сынъ его, отецъ вашъ крестовый и жена его сильно ранены и Иванъ Кузьминъ—эти всѣ сильно ранены, кто въ ногу, кто въ руку.

Такъ, дорогой братецъ, не прогнѣвайся на насъ, что мы не скоро письмо писали, пять день тѣла лежали непохорененными. Когда было слѣдствіе, то пригнали 3 роты солдатъ и казаковъ и сѣкли насъ розгами отъ 15 лѣтъ и даже отца нашего сѣкли (25 розогъ) затѣмъ досвиданья, остаемся“ и пр.

Въ Путивльскомъ уѣздѣ, Курской губ. казаки грабятъ имущество крестьянъ, насилуютъ женщинъ, убиваютъ, истязаютъ нагайками по указанію исправника, таскаютъ на арканахъ.*)

Всѣ подобныя дѣйствія считаются правомѣрными. Виновники ихъ получаютъ награды и благодарности. Манифестъ 17 октября порадилъ было нѣсколько недоразумѣній въ этомъ смыслѣ, но правительствующій сенатъ оправданіемъ Нейгардта и Курлова поспѣшилъ разъяснить ихъ всѣмъ и каждому. Допущенныя ошибки были немедленно исправлены. Такъ, напримѣръ, полицеймейстеръ г. Севастополя, уволенный было отъ должности за стрѣльбу въ безоружную толпу, нынѣ вновь назначенъ на такую же должность въ Ѳеодосіи. Нижнимъ чинамъ также всячески разъясняется, что имъ нечего бояться отвѣтственности за грабежи и убійства. Побилъ рекордъ въ этомъ случаѣ командиръ Гроховскаго полка, отдавшій 25 февраля слѣдующій приказъ**):

„25-го февраля 1905 г. № 56 § 22. Съ заключеніемъ прокурорскаго надзора о преданіи суду по 1455 ст. Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ рядоваго 14-й роты ввѣреннаго мнѣ полка Павлова, убившаго лакея Дынду за то, что послѣдній позволилъ себѣ въ его присутствіи поносить особу Государя Императора,—я не согласился и въ порядкѣ статьи 558 п. 2-го Устава военно-судебнаго дѣло было направлено по начальству. Послѣднее согласилось съ моимъ мнѣніемъ и довело это до свѣдѣнія Государя Императора. Его Императорскому Величеству благоугодно было 6-го февраля освободить Павлова отъ всякой отвѣтственности. Съ чувствомъ глубокой радости спѣшу подѣлиться этою Царскою милостью. Вотъ, братцы, съ кого примѣръ надо брать, съ молодца Сергѣя Павлова, въ коемъ чувство преданности Царю, вѣрность присягѣ говсрило сильнѣе опасности за отвѣтственность. Спа-

*) Право № 9.
**) Русск. Вѣд. № 87.

сибо рядовому Сергѣю Павлову за его честныя, русскія убѣжденія, за то, что не посрамилъ нашего Грѣховскаго полка. Поздравляю рядоваго Павлова ефрейторомъ, выдать ему въ награду 10 р., отпустить въ двухмѣсячный отпускъ. Приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ и командахъ и прокричать отъ русскаго сердца „ура“ молодому ефрейтору Павлову. Подлинный подписалъ: командиръ полка полковникъ Бончъ-Богдановскій. Вѣрно: полковой адъютантъ-поручикъ Эфенбахъ“.

Начальники частей, командируемыхъ на усмиреніе народа, защищая интересы своей касты, извлекаютъ изъ этого и личныя выгоды. Оставляя въ сторонѣ «случайные доходы», о которыхъ, конечно, не проникаютъ свѣдѣнія въ печать, но за которые говоритъ общая репутація нашихъ генераловъ, мы укажемъ только, что въ такихъ командировкахъ генералъ-лейтенанты получаютъ сверхъ обычнаго содержанія 25 руб. въ сутки, ген.-маіоры 15 руб., подполковники 10 руб. и всѣ вообще офицеры—единовременно четырехмѣсячный окладъ жалованья въ видѣ пособія. Огромные расходы, вызываемые этимъ, заставляютъ принимать суровыя мѣры при сборѣ налоговъ съ населенія на содержаніе центральнаго правительства; татарскій правежъ, о которомъ читаемъ краснорѣчивыя страницы у Карамзина, кажется ангельски кроткимъ способомъ собирать дань по сравненію съ этими мѣрами. Вотъ, напримѣръ, какъ дѣйствуетъ Рыльскій исправникъ Заринъ *).

«Ночью, когда его никто не ждетъ, онъ вдругъ коршуномъ налетаетъ на спящую деревню съ пьяными стражниками и солдатами, и начинается дикая расправа надъ беззащитнымъ испуганнымъ населеніемъ. Плети свистятъ, кровь льется, подъ защитой закона производится грабежъ, и въ результатѣ — безумный ужасъ и полное разореніе. Бьютъ и праваго, и виноватаго, и грабятъ. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ рыльскій корреспондентъ въ «Курскомъ Эхѣ»:

«Отрядъ исправника остановился около избы крестьянина Емельяна Ходосова въ селѣ Толпино, имѣвшаго 1 р. 50 к. недоимки. „Денегъ сейчасъ нѣтъ; разживусь—отдамъ“,—сказалъ Ходосовъ. По распоряженію Зарина, онъ подвергся поркѣ стражниковъ. Въ это время подошелъ крестьянинъ Іосифъ Лобановъ съ сыномъ и предложилъ исправнику получить съ него недоимку (15 р.). Въ отвѣтъ на это Заринъ крикнулъ (при этомъ за каждымъ словомъ онъ неприлично ругался): „А, это богачъ пришелъ! Задать ему“. Плети стражниковъ засвистѣли и Лобанова стали немилосердно колотить. Отчаянный крикъ: „Разбой“ огласилъ деревню, пролетѣлъ по темнымъ улицамъ и заставилъ все живое забиться въ кутки и притихнуть. Сынъ взмолился не бить неповиннаго отца, но—увы!—и его постигла та же участь... Избитыхъ сына и отца „арестовали“.

Далѣе: „За 2 рубля податей брали самоваръ, стоющій 10 руб.; за 6 р. — 4 овцы по 4 р. каждая; у одного крестьянина за 12 р. взяли самоваръ и 2 лошади, стоимостью около 100 р... Въ деревнѣ Гавриловкѣ отрядъ Зарина избилъ крестьянъ: Петра Ананьева, Іосифа Пикина, Лукьяна Птушкина и Григорія Тесленко. Послѣднихъ двухъ возили по селу и „какъ болѣе неблагонадежныхъ“ били съ особенной безпощадностью, затѣмъ ихъ повезли въ Кореневское волостное правленіе для заключенія въ помѣщеніе арестуемыхъ. За санями, почти босая и раздѣтая, въ лохмотьяхъ бѣжала жена Лукьяна Птушкина и, рыдая, въ отчаяніи кричала: „Не бейте, не бейте его! онъ ничего не сдѣлалъ!“ А стражники похваляются: „Постой, вотъ выѣдемъ въ поле, мы имъ не такъ зададимъ“... И насильники помчались въ слѣдующую деревню“.

Иногда черезчуръ ретивые исполнители царской воли встрѣчаютъ отпоръ населенія или становятся жертвами народной немезиды. Въ Гомелѣ былъ убитъ приставъ; карой за это явился погромъ. Въ одинъ прекрасный день на улицахъ

*) «Русь» № 49.

„Появилось 10—15 человѣкъ съ ломами, пилами, топорами и кольями въ рукахъ. Вслѣдъ за ними показались полицейскіе—городовые и офицеры, которые шумно суетились, жестикулировали. Кромѣ полицейскихъ и этихъ хулигановъ, на улицѣ никого не было. Быстро поднимая шторы магазиновъ, хулиганы разбивали ломами, кольями и топорами стекла. Присутствіемъ полиціи не стѣснялись... Толпа хулигановъ начала постепенно увеличиваться. Ихъ было уже много, и среди нихъ мелькали фигуры казаковъ...

Когда полиція удалилась, на улицѣ остались „только громилы, казаки и патруль драгунъ“... Началась стрѣльба въ окна и поджоги домовъ.

Черныя фигуры мелькали то тамъ, то здѣсь и бросали какіе-то огненные шары въ зіяющія окна лавокъ. Это была пакля, пропитанная керосиномъ, которой громилы поджигали дома“ *).

Обороняться въ такихъ случаяхъ строжайше запрещено. Дружинники самообороны, пытавшіеся противодѣйствовать погрому въ Гомелѣ, были разсѣяны ружейными залпами пѣхоты и кавалеріи. Но само собой разумѣется, что самооборона фабрикантовъ и помѣщиковъ противъ справедливыхъ притязаній крестьянъ и рабочихъ покровительствуется правительствомъ. По сообщенію «Русскаго Слова» въ Тульской губ. слѣдующіе помѣщики на собственный счетъ содержатъ вооруженную стражу: въ Богородицкомъ уѣздѣ графы Владиміръ и Левъ Бобринскіе, баронесса Мейендорфъ и Штаденъ; въ Ефремовскомъ—князь Лобановъ-Ростовскій, князь Голицынъ; въ Одоевскомъ—Мосоловъ. Въ Курской губерніи помѣщики обложили себя сборомъ на самооборону по 5000 р. съ уѣзда; въ Одессѣ артиллерійское вѣдомство уступило кн. Трубецкому по казенной цѣнѣ 2 пулемета съ принадлежностями для охраны его имѣній въ Херсонской губ.

Чтобы быть справедливымъ, надо замѣтить, что иногда воюющая каста пыталась дѣйствовать и мирными стредствами. Такъ, по предложенію Министра В. Д. калужскій губернаторъ «разослалъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства циркуляръ съ просьбой организовать въ уѣздахъ особые комитеты для политической агитаціи въ духѣ, соотвѣтствующемъ видамъ правительства и для противодѣйствія революціонному движенію» **). Но чаще всего мѣры кротости сводились къ произнесенію маленькими монархами душеспасительныхъ рѣчей и увѣщаній—или опубликованію соотвѣтственныхъ возваній. Примѣръ этому подалъ графъ Витте. Принимая 22-го января депутацію екатеринодарскихъ мѣщанъ, онъ между прочимъ сказалъ имъ:

„Вѣдь у насъ, слава Богу, не такъ, какъ у другихъ. Во Франціи президентъ долженъ думать о томъ, выберутъ ли его, и зависитъ отъ избирателей; въ Англіи „король зависитъ отъ жидовскихъ банкировъ“, а у насъ Государь не зависитъ ни отъ кого. „А революціонеры хотятъ, чтобы Россіей правили поляки, армяне и жиды“. Но этого не будетъ.

„Вѣдь, тѣмъ величіемъ, которое пріобрѣла Россія, она обязана исключительно царямъ. Только цари создали ваше благополучіе; безъ нихъ вы до сихъ поръ были бы крестянами, а теперь вы вотъ, напримѣръ, ходите въ сюртукѣ“ ***).

Графъ Витте нашелъ многочисленныхъ подражателей. По словамъ «Новостей» начальникъ одной артиллерійской бригады обратился къ солдатамъ съ рѣчью:

---

*) „Русск. Вѣд.“ № 19.
**) «Русь» № 43.
***) „Право“ № 4.

«Не ваше дѣло,—говорилъ онъ,—разсуждать о томъ, что происходитъ въ настоящее время», и объяснялъ далѣе:

«Слово соціалъ-демократъ нѣмецкое, по-русски значитъ бунтовщикъ и разбойникъ, а по-китайски—хулиганъ. Хулиганы требовали отъ своего правительства тѣхъ же порядковъ и свободы, какъ и наши хулиганы, что немыслимо сдѣлать, и, не достигнувъ цѣли, они поплатились жизнью. Не миновать этого и нашимъ хулиганамъ, если только вы будете послушны своему начальству» *).

Херсонскій генералъ-губернаторъ опубликовалъ слѣдующее воззваніе къ крестьянамъ:

«Крестьяне! Послѣднее время люди, забывши Бога, стали жечь, грабить, убивать людей и даже мучить ни въ чемъ неповинную скотину; эти люди позволяютъ называть себя крестьянами, а они воры и грабители. Не давайте позорить крестьянскаго добраго имени, не приставайте къ грабителямъ, ловите ихъ и представляйте начальству. Я буду вашимъ защитникомъ; а если не послушаете меня и не обратитесь сейчасъ же къ вашимъ мирнымъ занятіямъ, прійду съ войсками, сильно накажу, не жалѣя никого. Пусть лучше вы погибните, чѣмъ будете сами и дѣти ваши бунтовщиками и грабителями.

«Царь нашъ требуетъ отъ васъ обратиться къ Богу, вѣрить царю, повиноваться законамъ и властямъ, а не слушать бунтовщиковъ. «Кто за Царя, свези все награбленное, куда укажутъ, а до этого сохраняй имущество и Боже сохрани—уничтожать: будетъ худо» **).

Болѣе лапидарнымъ стилемъ выражался въ своей публичной рѣчи передъ крестьянами фонъ-Сиверсъ:

«Крестьяне въ послѣднее время не давали помѣщикамъ пользоваться лѣсомъ, закрыли корчмы и проч.—все это противозаконно. Это наставленіе разныхъ смутьяновъ, мошенниковъ и воровъ. Если крестьяне сами не знаютъ, какъ поступать, то слѣдуетъ обращаться къ помѣщикамъ за совѣтомъ, которые всегда давали и дадутъ хорошіе совѣты. Здѣсь много разстрѣляно негодяевъ и я буду еще разстрѣливать... При встрѣчѣ съ помѣщикомъ крестьяне должны снимать шапку и кланяться, иначе буду пороть!»

Въ другой своей рѣчи фонъ-Сиверсъ запрещалъ крестьянамъ читать газеты, заявивъ, что «изъ газетъ они вычитаютъ себѣ только розги» ***).

Рѣшилъ испытать силу душеспасительнаго слова и наказной атаманъ кубанскаго казачьяго войска, когда Урупскій полкъ и 3 пластунскихъ батальона вернулись въ свои станицы съ дороги въ Закавказье, куда ихъ направили въ карательную экспедицію. «Казаки забыли и совѣсть, и честь, и завѣты предковъ, и свой святой долгъ передъ государевой волей и дорогой, многострадальной родиной Россіей», — укорялъ ихъ атаманъ. Но урупцы съ негодованіемъ отвергли навязываемую имъ честь палачей и совѣсть наемныхъ убійцъ. Въ своемъ заявленіи, опубликованномъ во всеобщее свѣдѣніе, они такъ объяснили свое поведеніе:

«...Рѣшили это мы сдѣлать потому, что не хотѣли крови, не хотѣли братоубійственной войны, которую хотѣло устроить наше начальство, направивъ солдата на казака, казака на солдата, казака на казака, брата на брата, чтобы потомъ покрѣпче сѣсть на нашу шею; мы же хотимъ мира и спокойствія, мы хотимъ счастья для всѣхъ гражданъ и, понявъ, наконецъ, поведеніе нашего начальства, которое заставляло насъ избивать нашъ народъ, жаждущій справедливости и свободы, мы присоединяемъ свой голосъ къ голосу всей Россіи».

Атаману пришлось таки усмирять урупцевъ съ помощью пулеметовъ.

*) «Русск. Вѣд.» № 16.
**) «Право» № 9.
***) „Русь“, № 27.

Не такъ, какъ это желательно всероссійскимъ атаманамъ, понимаютъ честь, совѣсть и долгъ передъ родиной и офицеры читинскаго гарнизона. Въ своемъ постановленіи за подписями 104 лицъ они заявили:

«Привѣтствуя резолюцію солдатъ читинскаго гарнизона и вновь прибывшихъ частей, выработанную на двухъ военныхъ митингахъ, мы, военнослужащіе читинскаго гарнизона, какъ истинные сыны Россіи, рѣшительно заявляемъ, что существующее самодержавное правительство, вся дѣятельность котораго направлена во вредъ народа, признаемъ лишеннымъ довѣрія страны и поэтому всѣ исходящіе отъ него приказы и распоряженія не подлежащими исполненію, если они идутъ во вредъ народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выражая твердую увѣренность, что установленіе правового порядка, въ странѣ и такой формы правленія, которая соотвѣтствовала бы интересамъ всего народа, можетъ быть выработано самимъ народомъ, требуемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. До созыва же учредительнаго собранія и установленнаго имъ законнаго правительства въ странѣ мы объявляемъ, что всѣми силами будемъ помогать борцамъ за народную свободу и наше оружіе будемъ употреблять только противъ враговъ освободительнаго движенія» *).

Но именно поэтому въ Читу и были посланы особые поѣзда съ карательными отрядами подъ начальствомъ Меллеръ-Закомельскаго и Ранненкампфа. Именно поэтому и арестованъ генералъ-лейтенантъ Холщевниковъ, военный губернаторъ Забайкальской области. Именно поэтому Чита содрогнулась отъ ужаса тѣхъ казней, которыя ген. Линевичъ не считаетъ кровопролитіемъ.

Молокососы политической мысли, изливая свое негодованіе по поводу этихъ казней, возмущаются въ особенности тѣмъ, что онѣ не предусмотрѣны закономъ. Мы, наоборотъ, готовы поставить въ заслугу правительству то, что имѣя полную возможность издать законъ, освящающій эти казни, оно не дѣлаетъ этого. Для насъ совершенно безразлично, имѣетъ ли оно *право* дѣйствовать такимъ образомъ, важно то, что оно обладаетъ полной *возможностью* къ этому, и безъ сомнѣнія, будетъ пользоваться ей всегда до тѣхъ поръ, пока состоящія въ его распоряженіи *силы* не будутъ вырваны у него путемъ открытой борьбы.

Памятники законодательнаго творчества губернскихъ и уѣздныхъ монарховъ при всемъ своемъ обиліи чрезвычайно скудны внутреннимъ содержаніемъ. Они пестрятъ выраженіями: «Строго приказываю», «не смѣть и думать», «твердо помнить», «буду безпощаденъ», «буду жестоко наказывать и т. п.» Особенную плодотворность, какъ законодатель, проявилъ кременчугскій ген.-губернаторъ. Убѣждая крестьянъ «приступить къ полевымъ работамъ, исполнять договоры съ помѣщиками, не снимать рабочихъ, внести платежи», онъ угрожалъ «принудительнымъ способомъ взысканія съ ликвидаціей крестьянскаго хозяйства»; за невзносъ налоговъ онъ обѣщалъ «жестокое наказаніе военной силой, какъ за открытое возстаніе», за составленіе общественныхъ приговоровъ, несогласныхъ съ закономъ—преданіе военному суду, за всякое посягательство на смѣщеніе законныхъ властей—разстрѣлы безъ суда, а въ случаѣ захвата частновладѣльческихъ земель—сожженіе крестьянскихъ усадебъ и хозяйства. Елисаветградскій губернаторъ запретилъ крестьянамъ собираться на сходъ безъ разрѣшенія земскаго начальника и наконецъ такъ далеко зашелъ

*) «Право» № 6.

въ своемъ рвеніи, что обязалъ хлѣботорговцевъ «представлять свидѣтельства о легальномъ происхожденіи хлѣба при погрузкѣ его на желѣзной дорогѣ».

Сдѣлавшись главнымъ правотворящимъ факторомъ въ странѣ, губернаторы не создали ничего новаго въ области публичнаго права, они только довели до его логическаго конца старое самодержавное право и въ своей правительственной дѣятельности придали ему вполнѣ законченное, совершенное выраженіе. Когда монархъ Каульбарсъ объявилъ, что за нѣкоторыя политическія преступленія онъ будетъ преслѣдовать въ административномъ порядкѣ съ примѣненіемъ смертной казни, или когда монархъ Чухнинъ воспретилъ давать такимъ же дѣламъ направленія въ кассаціонномъ порядкѣ, въ этомъ не было ничего новаго; оба они только воспользовались правомъ, искони присущимъ всероссійскому самодержцу, передавшему имъ свои полномочія въ предѣлахъ одесскаго округа.

Самодержавный режимъ ставитъ себѣ задачей имѣть безмолвныхъ и покорныхъ подданныхъ, которые вѣчно чувствовали бы, что снисходительное начальство терпитъ ихъ существованіе единственно по неизрѣченной добротѣ своего любвеобильнаго сердца. Средствомъ къ этому служитъ тщательная опека надъ обывателемъ, мелочный надзоръ полиціи за всѣмъ его поведеніемъ. Въ послѣдній годъ обыватель выросъ до гражданина, но маленькіе монархи получили миссіи привести его въ первобытное состояніе. Они разрѣшаютъ ему показываться на улицѣ только въ установленное время, опредѣляютъ, въ которомъ часу онъ долженъ запирать двери своего дома, позволяютъ издавать и читать только одобренныя ими книги и газеты, запрещаютъ публичныя собранія и даже частныя вечеринки, подъ угрозой наказанія навязываютъ ему роль шпіоновъ или заставляютъ на свой счетъ содержать таковыхъ для надзора за нимъ же, не позволяютъ заниматься благотворительностью, закрывая столовыя для голодающихъ крестьянъ и безработныхъ, обыскиваютъ его и на улицахъ, и на вокзалахъ, и дома, и въ гостяхъ, и въ публичныхъ собраніяхъ. Въ обращеніяхъ къ нему они берутъ только два тона: палача или опекуна. «Снисходя къ поступающимъ ко мнѣ заявленіямъ, нахожу возможнымъ разрѣшить свободное движеніе по улицамъ столицы во всякое время дня и ночи»,—такимъ языкомъ говоритъ съ русскими гражданами Дубасовъ.

Не миновала губернаторскаго воздѣйствія и школа. Чтобы искоренить крамолу среди учениковъ, маленькіе монархи рѣшили привлечь къ отвѣтственности родителей. Въ № 58 «Руси» опубликованъ слѣдующій интересный документъ:

„Кронштадтъ. 10 марта 1906 г. По распоряженію г. коменданта кронштадтской крѣпости симъ доводится до свѣдѣнія родителей учениковъ кронштадтской гимназіи, что въ случаѣ кто-либо изъ учениковъ гимназіи позволитъ себѣ осуждать, порицать или оказывать неповиновеніе власти какъ гимназической, такъ и всякой другой, какъ въ зданіи гимназіи, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, то тотъ классъ гимназіи, въ которомъ таковой ученикъ числится, будетъ немедленно закрытъ и ученики будутъ лишены права держать экзамены, родители же виновнаго ученика будутъ подлежать административной отвѣтственности. Директоръ гимназіи О. Клеменчичъ".

Тѣмъ же способомъ дѣйствуетъ и одесскій правитель:

„Въ случаѣ проявленія со стороны учащихся какихъ бы то ни было попытокъ къ нарушенію хода учебныхъ занятій, ... виновныя въ томъ лица будутъ исключены изъ учебныхъ заведеній и, кромѣ того, вмѣстѣ съ семьями будутъ выселяемы изъ города, такъ какъ несомнѣнно дѣйствія ихъ обусловливаются вліяніемъ семейной среды".

Въ Москвѣ Дубасовъ запретилъ родительскія собранія и обѣщалъ даже снестись съ министромъ В. Д. о запрещеніи ихъ вообще въ Россіи.

Въ Радомѣ генералъ-губернаторъ угрожаетъ заключеніемъ въ крѣпости или штрафомъ въ 3000 руб. устроителямъ школъ для тайнаго обученія дѣтей, а также учителямъ и родителямъ дѣтей, обучающихся въ такихъ школахъ.

Немалое вниманіе удѣлили губернаторы въ своей распорядительной дѣятельности періодической печати. Не довольствуясь закрытіемъ газетъ и арестомъ редакторовъ въ предѣлахъ своей монархіи, они стремятся прекратить доступъ въ нее газетамъ изъ другихъ городовъ, запрещаютъ ихъ продажу и прибѣгаютъ къ инымъ мѣрамъ, какъ это видно изъ слѣдующаго документа:

«Начальникъ Ростовской-на-Дону почтовой конторы. Вслѣдствіе заявленія вашего отъ 25 февраля имѣю честь сообщить, что несвоевременное полученіе вами газетъ или же вовсе неполученіе, происходитъ вслѣдствіе того, что, по распоряженію начальства, газеты: „Русь", „Наша Жизнь" и другія, при полученіи, посылаются для просмотра мѣстному цензору и только по полученіи отъ него разрѣшенія названныя газеты доставляются по адресу. Съ 20-го же января и по настоящее время цензоромъ арестованы и уничтожены слѣдующіе номера газетъ: „Русь" №№ 3, 8, 11, 12, 13, 18, 20, 27 и 33 и „Наша Жизнь" №№ 31, 351, 352, 354, 356, 359, 360, 362 и 371» *).

Черниговскій губернаторъ циркуляромъ предсѣдателямъ земскихъ управъ предложилъ изъять изъ народныхъ библіотекъ «газеты и журналы крайне революціоннаго направленія, напримѣръ, «Биржевыя Вѣдомости», «Русскія Вѣдомости», «Кіевскіе Отклики», замѣнивъ ихъ «патріотической прессой», грозя, въ противномъ случаѣ, закрытіемъ библіотекъ.

Иногда губернаторы пытаются измѣнить направленіе газетъ. Тифлисскій ген.-губернаторъ предложилъ редактору «На поворотѣ» «немедленно перемѣнить тонъ и направленіе газеты, въ противномъ случаѣ, помимо пріостановки газеты на все время военнаго положенія, къ нему будетъ примѣнена административная ссылка». Аналогичное «предложеніе» сдѣлалъ редактору-издателю «Двинскаго листка» мѣстный самодержецъ.

Въ Кіевѣ губернаторъ объявилъ малорусскому писателю Чикаленко, что ему:

«не могутъ быть выданы свидѣтельства на выпускъ въ свѣтъ проектируемыхъ имъ органовъ печати, такъ какъ... усматривается, что изданія сіи будутъ домогаться измѣненія существующаго государственнаго строя Россіи, образованія отдѣльныхъ автономныхъ областей на окраинахъ имперіи и переустройства ея на федеративныхъ началахъ, а также домогаться перехода всей земли въ собственность народа, каковыя дѣянія запрещаются уголовнымъ закономъ» **).

Не смотря на предоставленную имъ политическую автономію, губернаторы проявили замѣчательное единство дѣйствій въ борьбѣ со смутой

*) „Русь" № 53.
**) «Русск. Вѣд.» № 5.

Можно думать, что министер. В. Д. рекомендовало имъ въ руководство сочиненіе глуповскаго градоначальника Василиска Бородавкина: «Мысли о градоначальническомъ единомысліи».

«Первой мѣрой воздѣйствія должна быть мѣра кротости... Градоначальникъ долженъ прилежно смотрѣть, оказала ли она надлежащій плодъ; когда же увидитъ, что плода нѣтъ, то обязанъ, нимало не медля, приступить къ мѣрамъ послѣдующимъ. Первымъ дѣйствіемъ въ семъ смыслѣ долженъ быть суровый видъ, отъ коего обыватели мгновенно пали бы на колѣни. Но если и затѣмъ толпа будетъ продолжать упорствовать, то надлежитъ: набѣжавъ съ размаху, вырвать изъ оной одного или двухъ человѣкъ, подъ наименованіемъ зачинщиковъ, и, отступая отъ бунтовщиковъ на нѣкоторое разстояніе, немедля распорядиться. Если же и сего недостаточно, то надлежитъ: отдѣливъ изъ толпы десятыхъ и признавъ ихъ состоящими на правахъ зачинщиковъ распорядиться подобно, какъ съ первыми. По большей части сихъ мѣропріятій, особенно если они употреблены благовременно и быстро, бываетъ достаточно; однако можетъ случиться и такъ, что толпа, какъ бы окоченѣвъ въ своей грубости и закоренѣлости, коснѣетъ въ ожесточеніи. Тогда надлежитъ палить.

...Всякій обыватель, уразумѣвъ, что градоначальники: а) распоряжаются единомысленно, б) палятъ также единомысленно, будетъ единомысленно же изготовляться къ воспріятію сихъ мѣропріятій. Не будетъ, слѣдовательно, ни свары, ни розни, а будутъ распоряженія и пальба повсемѣстная» *).

Партія, объявившая себя защитницей народной свободы, рѣшила противопоставить этой повсемѣстной пальбѣ положительную работу въ Государственной Думѣ. «Политика мести,—повторяютъ «Русскія Вѣдомости» вслѣдъ за «Русскимъ Государствомъ»,—не должна входить въ задачи перваго народнаго представительства Россіи... У великой страны есть болѣе важныя и болѣе благородныя задачи: внести поскорѣй порядокъ, обезпечить странѣ свободу» и т. д. Конституціоналисты-демократы мечтаютъ «сразу же немедленно по открытіи Думы подвести подъ новый порядокъ прочный демократическій фундаментъ»**). «Твердо и рѣшительно заявленной народной волѣ противустоять трудно», вѣщаютъ «Русск. Вѣд.» въ № 89. Не смѣть и думать!—цикаетъ на нихъ «Рус. Государство». Называя депутатовъ «гостями» въ Думѣ, оно говоритъ: «посылая своихъ представителей въ Таврическій дворецъ, русскій народъ долженъ напомнить имъ, что невѣрно взятый тонъ можетъ испортить всю музыку. Малѣйшее уклоненіе отъ этой истины дѣйствительно «сорветъ Думу» и сорветъ ее на самомъ ничтожномъ вопросѣ». Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ правительственная газета выражается еще менѣе двусмысленно: «Штыки, которыми пришлось бы очистить отъ кадетовъ Думу, очистили бы въ то же время отъ нихъ передовыя позиціи общественнаго мнѣнія».

«Говорилъ я ему, какой вы, сударь, имѣете резонъ драться, а онъ только знай по зубамъ щелкаетъ: вотъ тебѣ резонъ, вотъ тебѣ резонъ»***). «Трудно разсчитывать, чтобы наши правители покорились даже ясно и опредѣленно выраженной народной волѣ», соглашаются «Русск. Вѣд.» въ № 92.

Но не смотря на то, что правительство продолжаетъ «щелкать ихъ по зубамъ», люди, облыжно написавшіе на своемъ знамени слова: «народная свобода», считаютъ необходимымъ и единственно для себя

*) Щедринъ. Исторія одного города.
**) «Русск. Вѣд.» № 88.
***) Щедринъ.

возможнымъ искать соглашенія съ нимъ. Г. Милюковъ въ «Рѣчи» напоминаетъ, что не слѣдуетъ пропускать, быть можетъ, послѣдней возможности взаимнаго пониманія. Въ передовой статьѣ отъ 30 марта «Русск Вѣд.» убѣждаютъ г.г. Витте, Дурново и К° «прекратить попытки осложнять положеніе путемъ интриги и обмана» и служить «одушевляющимъ русскій народъ идеямъ гуманности и освобожденія». Эта передовая статья преподносится читателямъ чуть ли не на другой день послѣ побѣды, одержанной конституціонно-демократической партіей на выборахъ, благодаря поддержкѣ тѣхъ демократическихъ слоевъ населенія, въ которыхъ мысль о проектируемомъ соглашеніи не можетъ вызвать иного чувства кромѣ отвращенія и презрѣнія къ людямъ, желающимъ обмануть ихъ довѣріе. Цинизмъ названной газеты усугубляется тѣмъ, что всего нѣсколькими строками ниже, хотя и въ другой статьѣ, она признаетъ, что «бюрократіи нашей также чужды интересы и нужды страны, какъ французскимъ банкирамъ».

Соціалъ-демократія не переставала повторять, что конституціонно-демократическая партія не заслуживаетъ довѣрія народа. Она обманула своихъ избирателей еще прежде, чѣмъ конструировалось ея парламентская фракція. До выборовъ она обѣщала прежде всего провести избирательную реформу въ цѣляхъ измѣненія основныхъ законовъ страны. Единственный путь къ этому—апелляція къ народу; опираясь на народныя массы, организуя ихъ для борьбы, она смогла бы противопоставить правящей кастѣ дѣйствительную силу. «Свести депутатовъ на роль простыхъ протестантовъ было бы смѣшнымъ и жалкимъ доктринерствомъ»,— заявляетъ теперь «Рѣчь». Конечно; но именно стремленіе «дорожить составомъ первой Русской Думы» обрекаетъ депутатовъ партіи на смѣшную и жалкую роль простыхъ протестантовъ. Правительство, безъ сомнѣнія, ничего не будетъ имѣть противъ попытки измѣнить государственный строй при помощи болтовни думскихъ ораторовъ. Пока въ рукахъ бюрократіи остается распоряженіе арміей, не имѣющей себѣ противовѣса въ соотвѣтствующей народной организаціи, вся правящая каста можетъ спать спокойно. Конституціонно-демократическая партія обманетъ довѣріе значительной части своихъ избирателей, если не откажется отъ попытокъ соглашенія съ правительствомъ и не измѣнитъ методовъ своихъ дѣйствій, потому что въ такомъ случаѣ она не будетъ въ состояніи осуществить и десятой доли своей программы. Довѣріе къ ней будетъ таять съ каждымъ днемъ, и мы убѣждены, исчезнетъ совершенно. Признаки этого уже имѣются на лицо.

Уполномоченный русскаго правительства, г. Коковцевъ, заявилъ въ Парижѣ при заключеніи послѣдняго займа:

«Внѣ компетенціи Думы и Государственнаго совѣта, остаются всѣ вопросы государственнаго кредита, конверсіи, консолидированія или погашенія займовъ, вопросы денежнаго обращенія, вообще все то, что касается финансовой политики.

Избиратели заволновались. Что дѣлаетъ наша партія, партія «Народной Свободы», для противодѣйствія этому глумленію? Пронесся слухъ, что она дѣлаетъ соотвѣтствующія представленія французскому правительству. Центральный Комитетъ партіи поспѣшилъ заявить, что онъ никакихъ

постановленій о новомъ займѣ не дѣлалъ. Чѣмъ объясняется это полное равнодушіе къ важнѣйшему праву народныхъ представителей? Объясненіе этому мы нашли въ нѣсколькихъ строкахъ, скромно пріютившихся на послѣдней страницѣ московской газеты «Путь», добросовѣстно обслуживающей партію «Народной Свободы». Въ номерѣ этой газеты отъ 29 марта въ отдѣлѣ «Биржи» мы читаемъ:

«*Мы все время вѣрили и неоднократно указывали, что интересы широкихъ биржевыхъ и торгово-промышленныхъ круговъ одинаковы съ интересами партіи народной свободы,* которая, въ наше время трудной экономической борьбы, въ состояніи будетъ вывести и нашу торговлю, и промышленность на дѣйствительный, а не кажущійся лишь путь экономическаго прогресса и т. д.».

Мы утверждаемъ поэтому, что партія «Народной Свободы» не только не сможетъ, но и не пожелаетъ выполнить обѣщанія, данныя ей своимъ избирателямъ.

М. Таганскій.

Самодержавіе и народное хозяйство.

«Настоящее тревожное состояніе страны и угнетенное положеніе промышленности заставило промышленниковъ заявить правительству, что настроеніе народныхъ массъ въ странѣ является грознымъ предостереженіемъ существующему режиму, что никакими репрессіями не остановить движенія, имѣющаго глубокіе корни въ народѣ, съ каждымъ днемъ дающаго все новые и новые ростки».

Изъ записки фабрикантовъ и заводчиковъ московскаго района.

I.

«Дѣйствія правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Императорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплоатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ-эксплоататоръ; самые возмутительные грабежи остаются безъ наказанія. Что же такое правительство, охраняющее подобный «порядокъ»? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи» *).

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, періодъ, въ теченіе котораго Россія успѣла преобразиться до неузнаваемости. Капитализмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо въ городѣ и деревнѣ, выросла крупная буржуазія, поднялся во весь свой исполинскій ростъ могучій пролетаріатъ, заговорило зычнымъ голосомъ революціонное крестьянство. Въ нѣдрахъ народныхъ накопилось достаточно недовольства для того, чтобы въ одинъ прекрасный день сокрушить весь

*) Изъ открытаго письма исполнительнаго комитета. См. Ю. Гарденинъ. Памяти Н. К. Михайловскаго С.П.-Б. 1906.

существующій порядокъ, съ его жестокостями и рабствомъ; тамъ разгоралось пламя протеста, которое вотъ вотъ обѣщаетъ вырваться изъ глубины и заревомъ пожара разсѣчь густую мглу, окутывающую нашу родину. Въ воздухѣ накопилось достаточно дѣятельнаго электричества; одинъ ударъ, и произойдетъ страшный разрядъ, отъ котораго содрогнется небо и земля.

Но правительство за все время ни на іоту себѣ не измѣнило. До сихъ поръ стоитъ оно на своемъ «славномъ посту», созда етъ вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ, до сихъ поръ онъ служитъ лишь хищникамъ-эксплоататорамъ. Глухой ропотъ толпы доносится до слуха жестокихъ правителей, но они гонятъ прочь грозныя видѣнія. Нужно только уничтожить «крамолу», нужно удалить нѣсколько десятковъ преступныхъ и злыхъ агитаторовъ, и тогда наступитъ рай на землѣ: правительство снова сумѣетъ безконтрольно распоряжаться народными деньгами, оно сумѣетъ во всю использовать свою политику хищеній, довести до конца начатое съ громаднымъ успѣхомъ дѣло разоренія богатой страны. Во всей Россіи установится тишина и спокойствіе могилы, народъ только безропотно будетъ смотрѣть, какъ безумно тратятся его кровныя сбереженія, а правительство будетъ пировать на развалинахъ народнаго благосостоянія, будетъ требовать каждый разъ новыхъ жертвъ...

Таковъ идеалъ самодержавной бюрократіи, которая до сихъ поръ мнитъ еще себя всесильной и разсчитываетъ заглушить и подавить голоса справедливаго протеста. Слуги самодержавія, его приказчики, безжалостно разоряли страну, ввергли ее въ омутъ крайней нищеты; они расточали народныя деньги, тратили огромныя суммы безотчетно, безцеремонно хозяйничали, точно въ завоеванной вражеской странѣ, и вовсе не хотѣли принимать во вниманіе наиболѣе насущныя нужды народа. Голодъ и безработица,—вотъ что оставалось на долю народа,—пролетаріата и крестьянства, угнетаемаго правительствомъ, эксплоатируемаго дворянствомъ и буржуазіей.

Правительство только и заботилось о томъ, чтобы созданный имъ порядокъ стоялъ незыблемо. Голодные люди слишкомъ сильно поглощены своей нуждой, имъ некогда заниматься политикой, некогда думать о своемъ безправіи. Правительство только и мечтало о томъ, какъ бы создать себѣ силу, на которой можно было бы опереться въ критическій моментъ, которую можно было бы пустить въ ходъ противъ народнаго гнѣва. Всероссійское разореніе шло бы своимъ путемъ, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи сдѣлано все, что можно было, и правительство достигло истинной виртуозности. Но рѣзкій окрикъ революціи заставилъ правительство одуматься, вызвалъ въ немъ стремленіе пересоздать систему хищеній, которая до сихъ поръ доставляла столько неисчислимыхъ благъ слугамъ самодержавія.

Никогда правительство не думало объ улучшеніи условій жизни народныхъ массъ. Во всѣхъ его мѣропріятіяхъ явно сквозило стремленіе отдать пролетаріатъ и крестьянство на служеніе дворянству и буржуазіи, добиваясь отъ этихъ классовъ лишь поддержки расшатаннаго государственнаго строя, а для себя свободы хищеній и казнокрадства. Освобожденіе крестьянъ, которое либерально-буржуазная печать привыкла и до

сихъ поръ представляетъ себѣ, какъ актъ необычайной гуманности, было лишь актомъ новаго и гораздо болѣе жестокаго закрѣпощенія народа. Надѣлы были настолько малы, что на нихъ совершенно нельзя было вести раціональное хозяйство, но за то крестьяне вынуждены были за эти ничтожные надѣлы уплатить «по справедливой оцѣнкѣ», т.-е. въ пять—шесть разъ больше стоимости земли. Объявленной волей былъ заложенъ фундаментъ новаго разоренія крестьянской Руси, разоренія, которое даетъ знать о себѣ мучительными голодовками, необычайной болѣзненностью, колоссальной, нигдѣ неизвѣстной смертностью населенія.

Недочеты реформы 1861 года сказались очень скоро послѣ проведенія ея въ жизнь. Объ этихъ недочетахъ не переставали говорить, указывались нужды народа, приводились соображенія въ пользу необходимости немедленнаго ихъ удовлетворенія. Но развѣ экономическая политика самодержавія считалась съ интересами крестьянства? Нужно было услужить помѣщикамъ, и эта задача была рѣшена какъ нельзя лучше. И вотъ теперь по прошествіи чуть ли не полувѣка со времени осуществленія «великой» реформы, намъ приходится читать слѣдующія строки *). «Привязанный къ своему надѣлу крестьянинъ не въ силахъ сносно существовать на немъ. Надѣлъ недостаточенъ: онъ разбросанъ между помѣщичьими землями такъ, что нѣтъ возможности пользоваться имъ независимо отъ сосѣда; въ составѣ надѣла нѣтъ угодій, безусловно необходимыхъ для хозяйства. Сплошь и рядомъ, въ силу этого, крестьянинъ и послѣ реформы остался во власти своего бывшаго барина; разница лишь въ томъ, что зависимость юридическая смѣнилась зависимостью экономической. На эксплоатаціи крестьянства, связаннаго экономически по рукамъ и по ногамъ, и покоится во многихъ случаяхъ все наше помѣщичье хозяйство. За отведенный надѣлъ крестьянинъ вноситъ выкупные платежи. Выкупается только земля,—гласила теорія,—личность раба освобождается безмездно. Но практика сумѣла ввести стоимость человѣка въ оцѣнку земли, и крестьянство оплатило помѣщикамъ не только отошедшіе отъ нихъ надѣлы, но и утраченную ими крѣпостную рабочую силу. Въ результатѣ, какъ печально призналъ Янсонъ, если стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обезпеченности, то едва ли не всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ (черноземной трехпольной полосы) было легче въ среднемъ выводѣ при крѣпостномъ правѣ».

Итакъ, дорогой цѣной купило крестьянство свою только видимую юридическую свободу: правительство заставило его много заплатить помѣщикамъ въ возмѣщеніе потерь, вызванныхъ гуманной реформой. Но и это показалось ему еще недостаточнымъ. Самодержавная бюрократія не переставала опасаться, что дворянство обижено реформой и постаралась загладить свою вину предъ падающимъ и выраждающимся классомъ. На смѣну феодаламъ, помѣщикамъ-дворянамъ, выдвигался новый классъ—промышленная буржуазія—которая предъявляла свои требованія на господство, вырывала у дворянства одну позицію за другой. И на помощь отжившему классу, безсильному въ борьбѣ противъ новыхъ условій жизни, созданныхъ капиталистическимъ хозяйствомъ, выступило само-

*) А. Чупровъ. Переселенія и аграрный вопросъ. Современность № 1.

державіе. Посыпалась безконечная масса щедротъ и милостей на служилое сословіе, оказавшее столько услугъ престолу. Нужды нѣтъ, что всѣ суммы, которыя шли на воспособленіе дворянамъ, брались изъ народнаго кармана и безъ того тощаго. Время ли было задумываться самодержавію надъ порядкомъ, при которомъ безумная роскошь, и расточительность одного класса покупалась цѣной лишеній народныхъ массъ? Вѣдь дворянство выполняло важныя функціи для охраны отжившихъ государственныхъ устоевъ; вѣдь оно приняло на себя обязанности полиціи и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы крестьяне не озирались по сторонамъ, чтобы они не искали источника своихъ бѣдъ, чтобы они были всегда безропотны, всегда платили по счету безъ разговоровъ, чтобы «крамола», словомъ, не свила себѣ прочнаго гнѣзда въ деревнѣ.

И слуги самодержавія въ данномъ случаѣ не поскупились. Они не задумались подорвать основы народнаго благосостоянія, нарушить правильный ходъ развитія народнаго хозяйства, но щедро заплатили дворянству за порученное ему новое дѣло. Дворянство тотчасъ же смекнуло, въ чемъ дѣло. Оно поняло, что престолу нужна опора, оно поняло, какая важная роль ему отводится, и поторопилось превратить въ золото милостивое отношеніе къ нему правящихъ. Пошли безконечныя ходатайства о субсидіяхъ и воспособленіяхъ, ходатайства, въ удовлетвореніи которыхъ почти никогда не было отказа. Точно чудовище, минотавръ, дворянство пожирало все, что ему бросалось и требовало еще и еще, эксплоатируя увѣренность, что правительству не выгодно порвать съ нимъ, остаться безъ необходимой поддержки. И правительство въ полной мѣрѣ оправдало надежды дворянъ. Были понижены размѣры пошлинъ на наслѣдства, отпускались крупныя суммы на воспитаніе крестьянскихъ дѣтей, пошли постоянныя сложенія недоимокъ и пониженіе «ссуднаго» процента, установлена была кабальная зависимость сельско-хозяйственныхъ рабочихъ отъ помѣщиковъ, угрожали рабочимъ арестомъ за самовольный уходъ, за одно лишь намѣреніе избавиться отъ тяжкихъ условій труда. И судебная, и исполнительная власть надъ деревней была вручена дворянамъ, земскимъ начальникамъ, которые и смотрѣли на крестьянъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ, и прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы создать возможно болѣе утонченные способы эксплоатаціи народа, превратить крестьянство въ слѣпое орудіе, служащее лишь для удовлетворенія прихоти помѣщиковъ. Земскій начальникъ подошелъ вплотную къ крестьянской избѣ, точно паукъ опуталъ ее своей паутиной заботливости и опеки, отъ которой не было силъ вырваться. Повсюду зоркій взглядъ начальства, повсюду его лапы «загребущія», готовыя опуститься на спину мужика, лишь только онъ обнаруживаетъ малѣйшее намѣреніе сбросить съ своихъ плечъ непосильное бремя.

Къ жизни призвано было спеціальное учрежденіе—дворянскій банкъ, все назначеніе котораго перекачивать деньги изъ государственнаго казначейства въ карманы дворянъ-помѣщиковъ. Открытъ былъ путь для еще болѣе усиленной эксплоатаціи крестьянъ,—созданъ былъ крестьянскій банкъ, о которомъ стоустая молва, руководимая правительствомъ, успѣла прокричать, что онъ сулитъ неисчислимыя блага народу. На дѣлѣ крестьянскій банкъ вышелъ дворянскимъ. За все время своего существованія

этотъ банкъ правильно рѣшилъ только одну задачу: поднялъ неимовѣрно цѣнность дворянскихъ земель, повысилъ арендную плату, т. е., въ сущности создалъ новыя цѣпи рабства для закабаленнаго и безъ того крестьянства. Какую роль сыгралъ крестьянскій банкъ въ борьбѣ съ малоземельемъ? Увеличивъ цѣны земельныхъ участковъ и положивъ въ карманъ дворянства не одну лишнюю сотню тысячъ, банкъ въ то же время сдѣлалъ невозможнымъ для бѣднѣйшей части крестьянства увеличеніе надѣловъ. Нужны были деньги на покупку дорогихъ дворянскихъ земель, нужна была, по крайней мѣрѣ, кредитоспособность. Но ни того, ни другого не было у деревенской бѣдноты, страдающей отъ кабалы, отъ эксплоатаціи своего труда. Выигрывали отъ крестьянскаго банка дворяне, отчасти выигрывали деревенскіе богатѣи, хозяйственные мужички, а пауперизація деревни шла своимъ чередомъ, экономическія силы народа подрывались все больше и больше. «Между правительствомъ и дворянствомъ, справедливо замѣчаетъ С. Елпатьевскій *), состоялась обыкновенная сдѣлка, гдѣ одна сторона откровенно покупала, уплачивая натурой и чистыми деньгами, а другая откровенно продавала... свою дворянскую честь и совѣсть».

Самодержавное правительство, оказывая поддержку дворянамъ-помѣщикамъ, стараясь всѣми силами перевести въ ихъ карманы народныя деньги, въ то же время не оставляло своими заботами и промышленную буржуазію, крупныхъ капиталистовъ, биржевиковъ, фабрикантовъ и заводчиковъ. Для этихъ послѣднихъ у правительства имѣлись свои щедроты на счетъ того же многострадальнаго народа. Нашъ государственный бюджетъ за послѣдніе 12 лѣтъ увеличился чуть ли не втрое, достигши $2^1/_2$ милліардовъ рублей. Но правительство, стоящее на стражѣ интересовъ буржуазіи, зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы бремя это главной своей частью упало на народныя массы. Капиталисты по мѣрѣ возможности и силъ избавлялись отъ несенія этихъ тяготъ.

Баснословный ростъ нашего бюджета почти не повлекъ за собой роста прямыхъ налоговъ. Обложеніе, напримѣръ, недвижимой собственности въ Россіи очень низко **). Нечего и говорить о томъ, что привилегированное дворянское владѣніе свободно отъ налоговъ. Мы уже достаточно выяснили, что дворяне обнаруживали большую склонность къ полученію подачекъ, чѣмъ къ несенію государственныхъ тяготъ. Министерство финансовъ находило***), что «наличные владѣльцы заложенныхъ имѣній, принадлежащіе въ большинствѣ къ доблестному сословію, сослужившему историческую службу отечеству и впавшіе въ затруднительное положеніе, достойны, конечно, особаго о нихъ попеченія правительственной власти и потому считало необходимымъ принимать зависящія отъ него мѣры къ облегченію, въ предѣлахъ справедливости и возможности стѣсненій, испытываемыхъ нашимъ помѣстнымъ землевладѣніемъ, охраненіе интересовъ котораго всегда озабочивало наше правительство». При такихъ разсужденіяхъ не можетъ быть и рѣчи объ усиленномъ обложеніи дворянскихъ земель.

*) С. Елпатьевскій—Прошлое и настоящее. Современныя записки. № 1.
**) М. Боголѣповъ—Наши финансы и государственная роспись. Образованіе. № 1. 1906.
***) А. Пѣшехоновъ.—На очередныя темы. С.-П.-Б. 1904.

Въ то же время льготами по обложенію пользовались и торгово-промышленныя предпріятія. Капиталистическая промышленность изъ года въ годъ дѣлала крупные успѣхи, торговые обороты росли, а обложеніе капитала или вовсе не повышилась, или же повышилась весьма незначительно. «Не смотря на широкое развитіе горной, фабрично-заводской, транспортной и торговой дѣятельности, относительное количество рессурсовъ, доставляемыхъ ею въ казну, не только по прежнему остается ничтожнымъ, но и обнаруживаетъ наклонность къ пониженію. Къ 1893 году сборы съ торговли и промысловъ составляли 3,9% всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ, а въ 1902 г.—3,7%, причемъ къ послѣднему году нѣкоторыя категоріи торгово-промышленныхъ предпріятій были освобождены отъ другихъ, лежавшихъ на нихъ, налоговъ (напр., въ 1901 г. отъ горной подати почти въ 3 милліона рублей)» *).

Почти все податное бремя падаетъ у насъ на жизненные припасы, на предметы потребленія и имѣютъ то преимущество, что уплачиваются по преимуществу бѣднѣйшей частью населенія. Едва только вступилъ въ управленіе финансами С. Ю. Витте, какъ онъ тотчасъ же поспѣшилъ взять назадъ внесенный уже въ государственный совѣтъ законъ о подоходномъ обложеніи и снова увеличилъ косвенные налоги. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1902 года состоялось постановленіе объ увеличеніи налога на спиртъ, вино, пиво, табакъ, освѣтительныя масла и спички. Въ то же время былъ введенъ уже предрѣшенный налогъ на сахаръ (рафинадъ). Нужды нѣтъ, что это было послѣ тяжелаго голоднаго года, когда населеніе было до крайности истощено; цѣль состояла въ томъ, чтобы переложить бремя налоговъ съ богатыхъ предпринимателей на бѣдноту, и эта цѣль была вполнѣ достигнута.

Въ 1900 году косвенные налоги были вновь значительно повышены, а именно акцизъ со спирта на 10%, съ пива на 33 1/3 %, съ водочныхъ издѣлій и табака на 10—100%, таможенныя пошлины для очень многихъ товаровъ были повышены на 10—50%. Повышеніе мотивировалось событіями на Дальнемъ Востокѣ, потребовавшими усиленныхъ расходовъ. Но и послѣ того, какъ война съ Китаемъ была доведена до благополучнаго конца, увеличеніе налоговъ осталось неприкосновеннымъ. Расходы и убытки, понесенные во время войны съ Китаемъ, были покрыты контрибуціей, уплата которой была возложена на Китай. Для реализаціи этой суммы былъ выпущенъ новый 4% заемъ. Но деньги эти были обращены на выдачу ссудъ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, а косвенные налоги все росли и росли, покрывая половину нашего бюджета. И выходило такъ, что изъ народнаго кармана брались деньги для того, чтобы на нихъ оказывать всякаго рода милости крупнымъ капиталистамъ.

Такова была обычная тактика самодержавнаго правительства. Холопски служа интересамъ буржуазіи, правительство не погнушалось явно пренебрегать интересами народа, подкопаться подъ самыя основы хозяйственной жизни страны. Капиталистъ всегда шелъ къ правительству съ протянутой рукой, и она никогда не опускалась, прежде чѣмъ туда не клали крупную подачку на счетъ народа. Промышленнымъ предпріятіямъ

*) Его же —Экономическая политика самодержавія. С.-П.-Б. 1906. Стр. 8.

отпускались крупныя ссуды изъ государственнаго банка, капиталистамъ давались казенные заказы по цѣнамъ, значительно превышавшимъ настоящую стоимость продуктовъ, имъ выдавались преміи и субсидіи въ такихъ размѣрахъ, которые вызывали осужденіе даже въ средѣ самихъ предпринимателей. Стоитъ только ознакомиться съ отчетами государственнаго контролера, отчетами, которые тщательно скрываются отъ глазъ постороннихъ, которые разсылаются лишь избраннымъ лицамъ подъ особымъ номеромъ, для того, чтобы понять, сколько народныхъ денегъ уплыло въ карманы фабрикантовъ и заводчиковъ, которымъ рабски служило правительство. Несомнѣнно, что на этихъ операціяхъ выигрывала самодержавная бюрократія, которая иногда довольствовалась «таинственнымъ рукопожатіемъ», а чаще открыто дѣлила барыши съ счастливыми владѣльцами предпріятій, которымъ доставались казенные заказы. Но, каково было народному хозяйству испытывать всѣ злые эксперименты, на которые рѣшились слуги самодержавія въ угоду самимъ себѣ и на пользу кучкѣ капиталистовъ!

Ниже мы подробнѣе остановимся на фактахъ изъ области правительственныхъ хищеній, къ которымъ относятся случаи воспособленія промышленности, отмѣченные Государственнымъ контролемъ. Здѣсь укажемъ лишь на одинъ яркій фактъ, рисующій отношеніе правительства къ буржуазіи. Событія въ Баку сократили доходы казны по нефтянымъ промысламъ. На текущій годъ вмѣсто обычныхъ 35 милліоновъ нефтянаго дохода казна ожидаетъ только 27 милліоновъ. Денегъ вообще мало, страна наканунѣ банкротства, и стоило только нефтепромышленникамъ заикнуться о ссудѣ, какъ имъ тотчасъ же отвалили 15 милліоновъ рублей *). У правительства имѣются пушки и пулеметы для того, чтобы подавить законныя требованія революціоннаго пролетаріата. Но оно безсильно бороться противъ крупной буржуазіи, должно допускать по отношенію къ ней всякаго рода поблажки.

Правительство старательно охраняло русскую промышленность отъ иностранной конкуренціи. Установивъ чуть ли не запретительныя таможенныя ставки, правительство тѣмъ самымъ заставило населеніе расплачиваться въ пользу предпринимателей, вызвало крайнюю дороговизну предметовъ первой необходимости, породило застой въ промышленности. Усиленіе протекціонизма правительство пыталось оправдать необходимостью этой мѣры для развитія самостоятельнаго національнаго производства и ссылалось на временный характеръ таможеннаго обложенія. «Съ общенаціональной, государственной точки зрѣнія,—сказалъ однажды С. Ю. Витте **),—покровительственная система имѣетъ своей конечной цѣлью освобожденіе народнаго хозяйства изъ подъ зависимости отъ чужого труда и чужого рынка и поднятіе страны на уровень самодавлѣющей хозяйственной единицы. Какъ и всякое средство, протекціонизмъ долженъ имѣть лишь временное значеніе—впредь до достиженія той конечной цѣли, ради которой онъ и былъ выдвинутъ. Прямая логика его заключается въ самоупраздненіи. Съ созданіемъ крѣпкой національной

*) М. Боголѣповъ—е. с.
**) Рѣчь, сказанная 1-го марта 1899 года въ совѣщаніи по хлѣбной торговлѣ.

промышленности, съ нарожденіемъ дѣятельной внутренней конкуренціи должна наступить его собственная кончина».

Такъ говорилъ Витте и, какъ и многое изъ того, что говорилъ хитроумный графъ, эти его обѣщанія не сбылись. Протекціонизмъ все еще тяготѣетъ проклятіемъ надъ русскимъ народнымъ хозяйствомъ, подрывая экономическія силы населенія, сокращая потребленіе, обостряя народную нужду, увеличивая разореніе. Чтобы получить представленіе о размѣрѣ нашихъ пошлинъ, скажемъ только, что нерѣдко онѣ во много разъ превышаютъ стоимость самихъ продуктовъ. Такъ, пошлина на гвозди у насъ установлена въ 1 руб. 40 коп. золотомъ, а въ Америкѣ пудъ гвоздей стоитъ 42 коп. У насъ одна пошлина на чугунъ составляетъ 30 коп. золотомъ, а въ Америкѣ лучшій чугунъ стоитъ 19—24 к. *).

Отсюда и вытекаетъ крайне неблагопріятное положеніе нашего сельско-хозяйственнаго производителя. Онъ вынужденъ дешево продавать хлѣбъ и дорого платить за продукты фабричнаго производства, между тѣмъ, какъ его западноевропейскій собратъ поставленъ какъ разъ въ противоположное положеніе. Слѣдующая таблица и показываетъ, сколько переплачиваетъ русская деревня благодаря созданной самодержавіемъ хозяйственной системѣ.

	Пшеница.	Чугунъ.	Разница.
На русскихъ рынкахъ....	87.	104.	—17.
» германскихъ »	122.	47.	+75.
» англійскихъ »	110.	36.	+74.

Итакъ, въ то время какъ русскій сельскій хозяинъ, обмѣнивая пшеницу на чугунъ, долженъ былъ приплачивать на каждомъ пудѣ 17 к., германскій и англійскій получали по три четвертака въ свою пользу. Такого же рода переплаты русской деревнѣ приходится дѣлать и на всѣхъ почти другихъ продуктахъ, производимыхъ городомъ **).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что таможенные налоги въ значительной степени сокращаютъ потребленіе. Да иначе и быть не можетъ. Народныхъ рессурсовъ не хватаетъ на оплату высокихъ пошлинъ въ интересахъ кучки предпринимателей. Вотъ небольшая табличка, дающая намъ представленіе о послѣдствіяхъ таможеннаго обложенія.

Таможен. налогъ (въ коп.) на фун. чая.		Потреб. чая (въ фун.) на 1 жителя.	
Россія	79.	Россія	0,8.
Англія	17.	Англія	6,7.
Голландія	8.	Голландія	1,5.
Соединенные штаты	0.	Соединенные Штаты	1,4.

Не слѣдуетъ забывать, что въ европейскихъ странахъ не мало потребляется кофе, какао, которыя у насъ въ Россіи доступны только наиболѣе зажиточнымъ слоямъ населенія ***).

Недостаточность внутренняго рынка для насыщенія утробы капиталистовъ заставляло правительство измышлять всякій разъ новыя мѣры въ цѣляхъ предотвращенія торговопромышленнаго кризиса. Буржуазія

*) И. Х. Озеровъ—Экономическая Россія и ея финансовая политика. Москва. 1905.
**) А. И. Пѣшехоновъ—Экономическая политика самодержавія. С.П.-Б. 1906.
***) М. Боголѣповъ. Соціальные мотивы для введенія подоходнаго налога въ Россіи. Образованіе. Мартъ. 1906.

требовала для себя все новыхъ и новыхъ жертвъ отъ народа. Когда обыкновенные казенные заказы не удовлетворили промышленности, было пущено въ ходъ желѣзнодорожное строительство. «Желѣзныя дороги, справедливо замѣчаетъ А. Пѣшехоновъ, оказались для промышленности чѣмъ то вродѣ ядовитыхъ пилюль, описанныхъ у Гл. Успенскаго; почувствовавъ отъ нихъ облегченіе, купеческая утроба стала требовать ихъ все въ большемъ количествѣ».

Результаты на лицо. По даннымъ Государственнаго контроля въ 1900 году казна понесла на желѣзнодорожномъ строительствѣ убытокъ въ 2.646.000 руб., въ 1901 году убытокъ этотъ увеличился до 35.150.000 руб., въ 1902 году убытокъ составлялъ уже 40.370.000 руб. и въ 1903 году убытокъ, понесенный казной, исчислялся въ 20.561.000 рублей *). «Какъ не велика въ Россіи потребность въ путяхъ сообщенія,—читаемъ мы въ отчетѣ государственнаго контролера,—но ежегодныя затраты столь значительныхъ средствъ на желѣзнодорожное строительство, является почти уже непосильнымъ бременемъ для Государственной казны, затрудняя при томъ удовлетвореніе другихъ, не менее важныхъ Государственныхъ нуждъ».

Итакъ, мы видимъ, что правительство ничего не жалѣло для дворянства и буржуазіи, этихъ двухъ классовъ, которые должны были служить опорой престола въ критическій моментъ. Милліоны народныхъ денегъ бросались помѣщикамъ и промышленникамъ, чтобы сдѣлать для нихъ выгоднымъ прогнившее до основанія самодержавіе и заставить ихъ такимъ образомъ поддерживать отжившій политическій строй. Интересы народнаго хозяйства безжалостно приносились въ жертву ради капиталистовъ, на которыхъ вынуждено было опираться правительство.

Посмотримъ теперь, какъ относились слуги самодержавія къ крестьянству и пролетаріату, какія «милости» правительство даровало этимъ общественнымъ группамъ.

II.

На долю крестьянства и пролетаріата оставались однѣ лишь тяжелыя обязанности. Изъ своихъ кровныхъ сбереженій, изъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія ихъ существованія, крестьяне должны были оплачивать убытки дворянскаго банка и доставлять суммы на воспитаніе дворянскихъ дѣтей. На своей спинѣ крестьянство и пролетаріатъ создавали благосостояніе помѣщиковъ и капиталистовъ, а сами они, точно жалкія паріи, вѣчно оставались на днѣ жизни, не будучи въ силахъ поднять голову подъ тяжелой ношей податей и всякаго рода другихъ повинностей. Доходы крестьянства все уменьшались: безправная и невѣжественная деревня не могла выдержать безъ мукъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. А расходы все росли, росли неимовѣрно, и самодержавное правительство налагало свою тяжелую руку на львиную долю тѣхъ средствъ, которыя зарабатываетъ крестьянинъ потомъ и ровью. Доходы уменьшались, расходы росли: нить народнаго благосо стоянія сгарала съ двухъ концовъ.

Какъ мы уже говорили, самодержавное правительство особенно об

*) Всеподданѣйшій отчетъ государственнаго контролера за 1903 годъ. С.П.-Б. 1904.

любовало косвенные налоги на предметы первой необходимости. Эта система налоговъ представляется, видите ли, чрезвычайно эластичной, даетъ возможность незамѣтно вносить тѣ крупныя суммы, какія требуются на пополненіе Государственнаго бюджета. Да, эластичность можетъ сказаться въ томъ, что огромная масса народа въ виду дороговизны продуктовъ, вызванной налогами, просто не доѣдаетъ. Что же касается той легкости, съ какой вносятся косвенные налоги, то лучше всего убѣдиться въ этомъ на бѣдности и злосчастіи русской деревни. Крестьянство «незамѣтно» платитъ налоги и незамѣтно же мретъ отъ голода и болѣзней, вызванныхъ нуждой.

Интересное сопоставленіе находимъ мы у одного автора *) между Англіей начала XIX вѣка и Россіей конца вѣка.

Характеризуя въ началѣ XIX вѣка косвенную систему обложенія, дѣйствовавшую въ Англіи, консервативный членъ парламента Брумъ сказалъ: «налоги существуютъ у насъ на всякій предметъ, который попадаетъ въ ротъ, покрываетъ тѣло или лежитъ подъ ногами; налоги на все, что пріятно видѣть, чувствовать, нюхать или осязать. Налоги на все въ землѣ, въ водѣ, подъ землей, на все, что получается изъ за границы, или растетъ дома; на сырые матеріалы и на все, что получается трудомъ человѣка. Налоги на всякій кусокъ хлѣба, который съѣдается здоровымъ человѣкомъ и на лѣкарство, которое принимаетъ больной. Налоги на горностоя, украшающаго судью, и на веревку, на которой вѣшаютъ преступника. Налоги на прихоти богача и на насущный хлѣбъ-соль бѣдняка. Налоги на ленты, украшающую невѣсту, и на бронзовые гвозди гроба. Умирающій англичанинъ, наливающій лекарство, обложенное налогомъ въ 7%, въ ложку, которая оплачена въ 15%, ложится въ постель, стоимость которой оплачивается налогомъ въ 22%. Послѣ смерти его добродѣтели возвѣщаются потомствомъ на обложенномъ налогомъ мраморѣ, о, главное, онъ самъ отправляется ad patres для того, чтобы больше не платить налоговъ».

А въ концѣ XIX вѣка членъ сельско-хозяйственнаго комитета г. Зубрилинъ далъ для Россіи такую же картину. «Не хочешь спать зимой по 17 часовъ, говорилъ онъ, плати акцизъ на спички и керосинъ; хочешь покурить—плати акцизъ на спички и на табакъ; хочешь выпить рюмку водки—плати въ 15 разъ дороже дѣйствительной стоимости, а если водку желаешь замѣнить чаемъ, плати за чай и сахаръ втрое дороже, чѣмъ они стоятъ на самомъ дѣлѣ; хочешь пахать плугомъ—плати таможенную пошлину на желѣзо и т. д. и т. д. Вообще, куда не повернись, сельскій обыватель, вездѣ онъ чувствуетъ, что съ него берутъ, берутъ и берутъ».

Но помимо косвенныхъ налоговъ, подъ гнетомъ которыхъ стонетъ крестьянство, на немъ лежитъ еще масса другихъ сборовъ, не менѣе крупныхъ и не менѣе тяжкихъ. Государственный поземельный налогъ, выкупные платежи, земскіе и мірскіе сборы, платежи по обязательному страхованію, натуральныя повинности въ переводѣ на деньги,—таковы многочисленные пути вымогательства у крестьянъ ихъ крошечныхъ доходовъ. На основаніи трудовъ мѣстныхъ комитетовъ 49 губерній Евро-

*) М. Боголѣповъ—Образованіе. Мартъ.

пейской Россіи получается такое соотношеніе между доходами крестьянъ и суммой лежащихъ на нихъ налоговъ. Доходъ на душу крестьянскаго населенія составляютъ 18,5 рублей, на дворъ—114,35 рублей. Налоги на душу исчисляются въ размѣрѣ 9,24 рубля, а на дворъ 58,21 руб., т.-е. составляютъ не больше не меньше, какъ 50% чистаго дохода *).

Нечего, конечно, говорить о томъ, что поземельный налогъ, который платятъ крестьяне, въ нѣсколько разъ превышаетъ налогъ, падающій на земли дворянъ. Да и по отношенію къ крестьянамъ примѣняли и примѣняются самыя крупныя мѣры при взысканіи податей. Особенно усиленно эти мѣры примѣняются осенью, когда хлѣбъ только что собранъ. Хлѣбъ выбрасывается на рынокъ на благо скупщикамъ, продается по низкимъ цѣнамъ, чѣмъ еще больше отягощается положеніе русскаго крестьянства.

Чтобы получить представленіе о разницѣ въ обложеніи земель сельскихъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ, стоитъ привести одинъ фактъ изъ жизни Кавказа, разореннаго до тла самодержавной бюрократіей. Лѣтъ 6—7 тому назадъ была примѣнена въ Осетіи система обложенія, и вмѣсто подымной подати осетины стали платить поземельный налогъ. Но оказалось, что, въ то время какъ плоскостныя земли осетинскихъ сельскихъ обществъ были обложены въ 30 коп. съ десятины, частновладѣльческія земли обложены только по... 2 коп. съ десятины.**) Кромѣ денежныхъ повинностей, горцы несутъ много натуральныхъ, устанавливаемыхъ просто на просто по произволу администраціи. Горцамъ приходится еще часто оплачивать растраты правительственныхъ агентовъ. Въ 1905 году ингуши Сунженскаго отдѣла жаловались начальнику Терской области, что «несмотря на ежегодное взысканіе съ жителей полностью всѣхъ казенныхъ и земскихъ денежныхъ налоговъ, за ними постоянно числится недоимка, погасить которую имъ никакъ не удается».

Такъ относилось правительство къ крестьянамъ-собственникамъ. Съ нихъ требовалась аккуратная уплата податей, и они несли жестокія кары при уклоненіи отъ выполненія этой обязанности. Русское правительство раздѣляло по отношенію къ крестьянамъ, тѣ самые доводы, которыми шефъ іезуитовъ Монталамберъ отстаивалъ налогъ на вино. «Налогъ, — это материнская грудь, которой кормится правительство. Правительство— это орудіе репрессіи, это органъ авторитета, это армія, это полиція, это чиновники, судьи, министры, это священники. Нападеніе на налоги это— нападеніе анархистовъ на часовыхъ порядка, охраняющихъ матеріальное и духовное производство буржуазнаго общества отъ посягательства пролетарскихъ вандаловъ. Налоги — это пятый богъ рядомъ съ собственностью, семьей, порядкомъ и религіей»***). И если французскій крестьянинъ иначе не представлялъ себѣ сборщика податей, какъ въ видѣ черта, то и его русскій собратъ имѣетъ полное основаніе придавать самыя отвратительныя формы всякаго рода казначеямъ и казнокрадамъ, выко-

*) Народное хозяйство—іюль—августъ. 1904.

**) К. Пономаревъ—Насажденіе русской гражданственности среди кавказскихъ горцевъ. Современность № I.

***) К. Марксъ. Историческія работы. Пер. подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. Москва. 1906.

лачивающимъ послѣдніе гроши у разоренныхъ политикой самодержавія крестьянъ-собственниковъ.

Отношеніе правительства къ сельскому пролетаріату не лучше, чѣмъ къ крестьянамъ-собственникамъ. Правила о наймѣ на сельскія работы отдаютъ пролетаріатъ въ полное распоряженіе помѣщиковъ, устанавливаютъ кабальную зависимость рабочихъ отъ владѣльцевъ экономіи. Рабочій можетъ подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ и униженіямъ, а уйти отъ хозяина онъ не смѣетъ подъ страхомъ уголовнаго наказанія или въ лучшемъ случаѣ подъ рискомъ лишиться совсѣмъ заработной платы. Мы знаемъ хорошо, что сельско-хозяйственные рабочіе меньше всего могутъ и должны разсчитывать на добродушіе и гуманность своихъ хозяевъ. Мы знаемъ, чего до сихъ поръ добивались крупные землевладѣльцы для батраковъ, обрабатывающихъ ихъ имѣнія. Они требовали усиленія репрессій для пролетаріата, изданія особыхъ исключительныхъ законовъ, которые прикрѣпили бы рабочихъ къ землѣ. Отсюда слѣдуетъ, что должна существовать внѣшняя сила, которая ограничивала бы власть помѣщика надъ батраками, нужно вмѣшательство государства для урегулированія отношеній между капиталомъ и трудомъ въ области сельскаго хозяйства. Но правительство, вѣрное своимъ принципамъ, рабски служитъ исключительно интересамъ буржуазіи и дворянства, придумывало лишь новыя мѣры для угнетенія пролетаріата. Законъ о наймѣ на сельскія работы былъ изданъ исключительно въ угоду крупнымъ землевладѣльцамъ, которые жаловались на неисполненіе батраками условій найма.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ нимъ правительства, при такомъ постоянномъ преступномъ потворствѣ интересамъ буржуазіи, условія существованія сельскаго пролетаріата не могли быть хотя сколько нибудь сносными. Заработная плата была до крайности низка. Благодаря постоянной нуждѣ въ деньгахъ на уплату налоговъ, крестьянинъ продавалъ заранѣе свою рабочую силу на 50% ниже ея стоимости *). И помѣщики, зная законъ, зная милостивое отношеніе къ нимъ правительства, не церемонились со своими батраками и, возлагая на нихъ тяжелый, прямо непосильный, трудъ, въ то же время угнетали, насколько хватало силъ, рабочій людъ.

Особенно изощряются въ области эксплоатаціи труда мелкіе хозяева **). «Мужики хуторяне и нѣмцы-колонисты отбираютъ себѣ рабочихъ «на выборъ», платятъ имъ на 15—20% дороже, но и сумма работы, которую эти хозяева выжимаютъ изъ рабочихъ, выше на 50%. «Дѣвки» у такого хозяина не знаютъ, какъ онѣ сами говорятъ, ни дня, ни ночи. Колонисты, нанимая косарей, заставляютъ идти въ послѣдней ногѣ, (т.-е. подгонять рабочихъ!) своихъ сыновей *посмѣнно*, такъ что смѣняющіеся подгоняльщики становятся раза три въ день со свѣжими силами, подгоняя рабочихъ: оттого по истощенному виду такъ легко узнать работавшихъ у нѣмцевъ-колонистовъ. Вообще мужики-хуторяне и нѣмцы

*) Липскій. Цѣны на рабочія руки при заблаговременномъ наймѣ на сельско-хозяйственныя работы. Спб. 1902.

**) В. Ильинъ—развитіе капитализма въ Россіи. Спб. 1899.

избѣгаютъ нанимать рабочихъ, служившихъ ранѣе во владѣльческихъ экономіяхъ. «Вы у насъ не выдержите,—говорятъ они прямо».

Словомъ, тяжело у крупныхъ помѣщиковъ, еще тяжелѣе у мелкихъ, и все это находитъ себѣ объясненіе въ соціально-экономической политикѣ самодержавія.

Жилищныя условія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ ниже всякой критики. «Можно любоваться,—разсказываетъ Н. И. Теляковъ, разными просторными помѣщеніями для лошадей, воловъ, коровъ, помѣщенія для которыхъ содержатся съ рѣдкой чистотой, но на ряду съ такимъ идеально-чистымъ помѣщеніемъ для экономическихъ животныхъ, помѣщеніе для экономическихъ рабочихъ является верхомъ антигигіеническої неряшливости».

Питаніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ настолько скудно, подается имъ подчасъ въ такой ужасной, прямо отвратительной формѣ, что трудно повѣрить, къ чему можетъ приспособиться человѣческая натура. «У цѣловальника на хуторѣ,—сообщаетъ Е. Варбъ *), пришлось видѣть хлѣбы съ запеченными жучками. Въ кухнѣ на хуторѣ М. Х—а на закоптѣлыхъ, почернѣвшихъ отъ времени и плохого ухода стѣнахъ и потолкѣ цѣлыми міріадами лѣпятся мухи, дѣлая поверхность ихъ какъ бы шероховатой, неровной. Вся эта масса насѣкомыхъ при малѣйшемъ движеніи снимается съ мѣста въ разные стороны, попадая любопытному и въ ротъ, и въ уши, и въ носъ, и производя въ воздухѣ довольно своеобразную гармонію». Въ Самарской губерніи обнаруженъ невѣроятный, прямо ужасный фактъ: «Въ одной нѣмецкой колоніи нѣмка варила въ котлѣ обѣдъ (для рабочихъ), а вечеромъ въ томъ же котлѣ мыла себѣ голову и ставила его (котелъ) въ избу вмѣсто ночной посуды для дѣтей».

Обращеніе съ сельско-хозяйственными рабочими сплошь зиждится на притѣсненіяхъ и наиболѣе обидныхъ оскорбленіяхъ личнаго достоинства. «Мы, дворяне,—откровенно говорилъ одинъ помѣщикъ въ Быковскомъ комитетѣ **), считаемъ кулакъ и нагайку лучшимъ аргументомъ, а бранныя слова до самыхъ виртуозныхъ включительно—высокимъ доводомъ; если мужикъ, нанявшись въ батраки къ помѣщику, не сниметъ передъ нимъ шапку, то онъ—грубіянъ, а многіе ли изъ насъ обнажаютъ головы при входѣ въ крестьянскую избу или въ жилище своихъ рабочихъ». Рабочіе цѣлыми толпами бѣгутъ изъ экономій, бросая свою заработную плату, исполненные лишь одного желанія поскорѣе уйти изъ тяжелой обстановки. «Завѣдующій продовольственнымъ пунктомъ въ Голтѣ въ своемъ отчетѣ сообщаетъ, что на пунктѣ являлось болѣе десяти партій, изгнанныхъ съ работы, но не получившихъ ни паспортовъ, ни платы. Нѣкоторые изъ рабочихъ не получили даже своихъ котомокъ. Всѣ они указывали причиной своего ухода невозможную пищу, постоянныя притѣсненія, побои, направленные къ тому, чтобы заставить рабочихъ уйти, потерявъ право на заработную плату».

---

*) Л. Клейнберръ. Движеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Образованіе. Сентябрь 1905.

**) В. Хизняковъ—Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Народное хозяйство. Нов. Августъ. 1904, см. тоже «Нужды деревни». Т. II.

Удивительно ли, если въ деревнѣ, по свидѣтельству одного помѣщика, смотрятъ на путешествіе подъ арестъ, какъ на извѣстнаго рода разнообразіе или даже развлеченіе. «Мы и дома того не видимъ, — говорятъ крестьяне, тепло, свѣтло, тюфякъ, одѣяло, харчи хорошія».

Вотъ, къ чему приводитъ политика гнета, политика бросанья одного экономически слабаго класса на съѣденіе другимъ! Прочитайте статьи и книги, посвященныя сельскимъ пролетаріямъ, и у васъ невольно сожмутся кулаки противъ того режима, который допустилъ и даже поощрялъ такое возмутительное порабощеніе человѣка человѣкомъ «Я передалъ только эхо стоновъ,—говорилъ г. Кондорскій *) въ заключеніи своей статьи о санитарномъ положеніи сельскохозяйственныхъ рабочихъ, — полученное мной отъ записей г.г. студентовъ, имѣвшихъ возможность записывать ихъ только въ свободное время, когда острое впечатлѣніе отъ этихъ стоновъ русскаго мужика-батрака нѣсколько улеглось, ослабѣло. Это эхо, передаваемое мной въ настоящемъ очеркѣ, только слабо отражаетъ ту бездонную рѣченьку горя, въ которой захлебывается масса батраковъ въ поискахъ за ничтожнымъ, но необходимымъ имъ до зарѣза заработкомъ. Нужно побыть среди этой массы людского горя, нужно взглянуть непосредственно на этихъ обыкновенныхъ батраковъ, чтобы понять слѣдующую, полную отчаянія, замѣтку студента В. Кандыбы: «не нужно быть даже чувствительнымъ, чтобы видѣть во всемъ этомъ несправедливость и обиду. И пусть падетъ грѣхъ со всѣми его послѣдствіями на душу того, кто такъ хладнокровно отворачивается отъ этой картины людской нищеты и безотраднаго горя! Стоитъ немного пожить среди этихъ людей и хоть немного присмотрѣться къ нимъ, чтобы видѣть, что еще жива истина «homo homini lupus est». Но неужели же это правда? Неужели же это эхо батрацкаго стона, постепенно затихая въ пространствѣ, окончательно замретъ и останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, не заставивъ задуматься того, кому довѣрено попеченіе о народныхъ нуждахъ и пользахъ?».

Эхо народнаго стона давно уже несется по всей русской землѣ. Но въ области экономическихъ явленій нѣтъ мѣста сентиментальности, нѣтъ мѣста сердечнымъ изліяніямъ. Сильный давитъ слабаго, властный налагаетъ свою руку на безропотнаго и покорнаго. И самодержавное правительство сдѣлало все возможное, чтобы сдѣлать еще болѣе безнадежнымъ и безотраднымъ положеніе слабыхъ, взвалить имъ на спину тяжелую ношу, которая бы навсегда придавила ихъ къ землѣ, сдѣлало бы ихъ вѣчными рабами господствующихъ классовъ.

Не проявляло правительство особенной заботливости и по отношенію къ промышленному пролетаріату. Напротивъ, всѣ мѣры, какія только имѣлись въ распоряженіи самодержавія, были пущены въ ходъ для того, чтобы создать болѣе совершенную систему угнетенія пролетаріата, понизить, насколько это возможно, уровень его матеріальнаго благосостоянія, сдѣлать его вѣчнымъ рабомъ, наглухо закрыть передъ нимъ врата довольства и счастья. Все для буржуазіи, ничего для пролетаріата,—таковъ былъ девизъ правящихъ.

*) В. Кондорскій. „Русская Мысль". Сентябрь. 1905.

Что получилъ промышленный рабочій отъ всей той эволюціи, которую пережило народное хозяйство? Онъ сталъ больше рисковать своей жизнью, чаще подвергаться увѣчьямъ, во цвѣтѣ лѣтъ сходилъ онъ въ могилу, и его замѣняли новые кадры безвѣстныхъ тружениковъ, призванныхъ пополнять карманъ буржуазіи. Не случайность, что число несчастныхъ случаевъ съ рабочими увеличилось за послѣднее десятилѣтіе въ семь разъ, тогда какъ производство увеличилось всего лишь втрое. Правительство, зорко оберегая интересы предпринимателей, боялось навязывать имъ какія бы то ни было правила въ охрану жизни и здоровья рабочихъ.

Но этого мало. Мы видѣли, что правительство не гнушалось тратить милліонъ рублей на поддержку падающаго дворянства, на субсидіи фабрикантамъ и заводчикамъ. Но рабочіе не смѣли и думать объ улучшеніи своей участи. Когда имъ приходила въ голову мысль добиться улучшенія условій своего труда, они встрѣчали непреодолимое препятствіе въ законѣ. Ни фабричная инспекція, ни судъ не имѣютъ права вмѣшиваться въ отношенія между предпринимателями и рабочими въ смыслѣ увеличенія заработной платы. Какъ бы далеко ни зашла эксплоатація труда, какіе бы размѣры ни принялъ экономическій гнетъ, обрушивающійся всей своей тяжестью на пролетаріатъ,—по закону никакія силы не могутъ *заставить* предпринимателя измѣнить свою гнусную тактику по отношенію къ рабочимъ. Фабричный инспекторъ только въ рѣдкихъ случаяхъ получаетъ возможность обращаться къ предпринимателю съ вѣжливымъ предложеніемъ повысить заработную плату и то только при томъ непремѣнномъ условіи, когда система эксплоатаціи начинаетъ угрожать общественному спокойствію и безопасности. Но ни для кого ни тайна, что стяжательный инстинктъ сильнѣе всякаго рода деликатныхъ обращеній; предложенія фабричнаго инспектора только увеличиваютъ число выходящихъ бумагъ и ничего больше.

Но вотъ рабочія сами встаютъ на защиту своихъ правъ. Они хотятъ, чтобы имъ самимъ дали возможность сговориться съ хозяиномъ. Если переговоры ни къ чему не приведутъ, они готовы бросить предпринимателя, пустить въ ходъ единственное, имѣющееся въ ихъ распоряженіи средство — стачку. Но лишь только они задумали выполнить свой планъ, какъ противъ нихъ стоитъ уже не одна буржуазія, а и правительство, вооруженное всѣми аттрибутами сильной власти отъ нагайки до пулемета включительно. Самовольный уходъ, стачка, — все это жестоко карается, какъ средство самозащиты пролетаріата, чрезвычайно невыгодное для предпринимателей. Фабричные инспектора, обязаны по долгу своей службы стоять на стражѣ интересовъ пролетаріата, получаютъ циркуляръ за циркуляромъ, и имъ предлагаютъ зорко слѣдить за рабочими, чтобы они какъ либо не вздумали нарушить интересы фабрикантовъ. Чины надзора превращаются въ агентовъ охраннаго отдѣленія, и гнетъ капитала становится еще болѣе тяжелымъ, еще болѣе невыносимымъ.

Въ то самое время, когда напряженнымъ натискомъ своихъ силъ пролетаріатъ готовъ сбросить съ себя хоть часть бремени, возложеннаго на него капиталомъ, правительство призываетъ всю силу закона и власти для охраны интересовъ предпринимателей. «Какъ люди, ясно понимаю-

щіе важность, лежащихъ на васъ обязанностей,—говорится въ одномъ циркулярѣ, обращенномъ къ чинамъ фабричной инспекціи *),—какъ люди образованные и близко знакомые съ фабричнымъ бытомъ, вы должны пользоваться каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы внушить рабочимъ, что не только незаконность притязаній, но даже стремленіе въ достиженію законныхъ правъ, но противозаконнымъ и насильственнымъ путемъ, будутъ неизбѣжно приводить не къ улучшенію, а къ ухудшенію положенія, ибо правительство при такихъ обстоятельствахъ не можетъ допустить осуществленія желаній рабочихъ, даже въ томъ случаѣ, если бы фабриканты, подъ вліяніемъ угрозъ или по добродушію, изъявили согласіе на уступки, а законъ призванъ одинаково ограждать, какъ фабрикантовъ, такъ рабочихъ». Итакъ, люди отданы на съѣденье фабрикантамъ, и въ то же время у нихъ отнята всякая возможность самозащиты. По мысли мудраго законадателя пролетаріатъ долженъ быть связанъ по рукамъ и ногамъ и представленъ въ такомъ видѣ въ полное распоряженіе буржуазіи.

Но пролетаріатъ отлично понялъ характеръ соціально-экономической дѣятелельности самодержавія, и въ этомъ заключается созидательная сила капитализма, его великая миссія. Въ листкахъ и прокламаціяхъ, издаваемыхъ рабочими **), вы слышите стонъ наболѣвшей души, вы находите точныя указанія на главныхъ виновниковъ бѣдствій рабочаго люда. «Кто говорилъ намъ за нашъ трудъ хоть разъ спасибо,—читаемъ мы въ одной прокламаціи—чуть свѣтъ, а уже нужда сгоняетъ насъ на заводъ, гдѣ кровавымъ потомъ зарабатываемъ мы тысячи для ничего не дѣлающаго нашего хозяина, куемъ счастье богачей, а сами—прикрытые рубищемъ, голодные, обездоленные—еле влачимъ свое существованіе, и такой трудъ цѣлый день, цѣлую жизнь». «Каждый день и каждый часъ,—говорится въ другомъ листкѣ,—начальство завода пьетъ нашу кровь. Всѣ мы знаемъ, какъ грабятъ насъ хозяева, какъ строятъ себѣ хоромы изъ неоплаченныхъ грошей, какъ урываютъ они наши трудовыя копѣйки, какой нищенской платой оплачиваютъ нашъ каторжный трудъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ короли и императоры были сторожами богатствъ нашихъ угнетателей. Въ ихъ пользу издавали всякіе законы, а для насъ имѣли только мечъ, тюрьму и плеть».

Рабочіе правильно поняли свое положеніе. Они поняли, что правительство сдѣлало для нихъ одно,—бросило ихъ въ раскрытую пасть буржуазіи. И основная цѣль политики самодержавія состояла въ томъ, чтобы подогнать формы народнаго хозяйства подъ интересы и нужды буржуазіи и дворянства, но въ то же время не забывать себя, находить способы для удовлетворенія своихъ волчьихъ аппетитовъ.

III.

На что и какъ тратились деньги, собираемыя съ такими жестокостями съ обнищавшаго народа? Куда шли всѣ народныя сбереженія, всѣ

*) И. Х. Озеровъ. Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. Москва. 1906.

**) Ibid.

тѣ средства, которыя измученный рабочій людъ приносилъ въ государственную казну, вынужденный въ то же время отказывать себѣ въ самомъ насущномъ, даже въ ѣдѣ?

Возьмемъ роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ за 1906 годъ. Оказывается, что наиболѣе крупныя суммы приходится тратить на уплату процентовъ по государственному долгу. Въ 1906 году по этой статьѣ назначено 334,7 милліоновъ руб. Немало приходится тратить и на войско, на содержаніе котораго по смѣтѣ 1906 года приходится тратить 374,8 милл. руб. На морское министерство ассигновано 104 милл. руб. На министерство императорскаго двора—16,3 милл. руб. Итакъ, всѣ указанные статьи расходовъ, расходовъ совершенно непроизводительныхъ, поглащаютъ 813 милл. руб., т. е. треть бюджета. Въ то же время на министерство народнаго просвѣщенія ассигновано въ 1906 году 44 мил. руб. На главное управленіе землеустройства и земледѣлія—36 милл. руб., при томъ въ этой послѣдней цифрѣ значится 8,3 мил. руб. въ видѣ платы земскаго, поземельнаго и гминнаго сборовъ за казенные лѣса и земли. На развитіе и поощреніе кустарной промышленности по смѣтѣ министерства земледѣлія за 1905 годъ назначено всего 160 тысячъ рублей (изъ этой суммы 30 тысячъ—на содержаніе личнаго состава, 114 тыс. руб.—на расходы хозяйственно-операціонные и 15 тыс. руб.—на разъѣзды по дѣламъ кустарной промышленности). Разоренный народъ немного получалъ изъ того лакомаго пирога, который носитъ названіе государственной казны.

Траты по уплатѣ процентовъ по государственному долгу росли неимовѣрно*). Въ 1881 году расходы по долгу равнялись 159.601 тыс. руб.**); въ 1885 году—263 мил. руб.; въ 1890 г.—262 мил. руб.; въ 1895 г.—284 м. р.; въ 1900 г.—266 мил. руб.; затѣмъ начинается галопъ: 1901—276 м. р.; 1902—290 м. р. Передъ войной, на 1 января 1904 года—289 м. р. Прогрессъ за 25 лѣтъ очень значительный, чуть не въ 100%! Приходится согласиться съ г. Боголѣповымъ**), который говоритъ, что «Россія давно шла къ банкротству, ни одинъ правомыслящій человѣкъ не могъ бы сказать иного, наблюдая галопирующій въ своемъ ростѣ бюджетъ и такъ же быстро возростающій государственный долгъ. Эти два процесса основывались на прогрессивномъ обнищаніи крестьянства и на такомъ же прогрессивномъ обираніи рабочаго класса, у котораго косвенные налоги на потребленіе отнимали львиную долю скудной заработной платы».

Начиная съ того времени, какъ во главѣ финансовъ сталъ Витте, правительство неизмѣнно толковало о необходимости накопить денежные излишки, «свободную наличность» на черный день. Пусть напрягаются до послѣдней крайности платежныя силы населенія, но зато образуется фондъ, изъ котораго можно будетъ обильно черпать въ минуту несчастья. Съ такого рода подходцемъ правительство безцеремонно запускало руки въ народный карманъ. «Финансовое хозяйство,—говорится въ росписи за 1893 годъ,—должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы поступленіе государственныхъ доходовъ было всегда нѣсколько впереди итога обыкновенно изъ года въ годъ повторяющихся расходовъ на пред-

*) Образованіе. Январь 1906.
**) Ibid.

видимыя государственныя потребности, и если, для достиженія такого положенія, требовалось бы нѣкоторое напряженіе платежныхъ силъ, то по отношенію къ плательщикамъ это имѣло бы значеніе, сходственное съ приплатой страховой преміи на случай непредвидимыхъ бѣдствій».

И излишки накоплялись, не смотря на напряженіе платежныхъ силъ. Въ теченіе девяти лѣтъ (1893—1901) обыкновенные доходы превысили смѣтныя предположенія на 1175 милліоновъ рублей. Казалось, при такихъ условіяхъ свободная наличность должна была составить солидную сумму, и въ государственномъ хозяйствѣ, дѣйствительно, долженъ былъ образоваться страховой фондъ, который предотвратилъ бы необходимость заключенія новыхъ крупныхъ займовъ и платы ростовщическихъ процентовъ иностраннымъ банкирамъ. Между тѣмъ, съ января 1901 года, по отчету государственнаго контроля, свободной наличности осталось всего 105 милліоновъ рублей, не смотря на то, что постоянные излишки еще пополнялись крупными займами.

Страсть къ свободной наличности объясняется чрезвычайно просто. Правительство мотовъ и хищниковъ должно было имѣть въ своемъ распоряженіи достаточныя суммы, изъ которыхъ можно было бы черпать во всякое время и безъ всякаго контроля. Разъ страна такъ благоденствуетъ въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, что дѣйствительные доходы значительно превышаютъ смѣтныя исчисленія, то изъ свободныхъ излишковъ можно съ большей легкостью заимствовать капиталъ на удовлетвореніе «чрезвычайныхъ» нуждъ, т.-е. собственно на развитіе вглубь и вширь политики хищеній. Съ другой стороны, чрезвычайные расходы, производившіеся на счетъ свободныхъ суммъ, не требуютъ санкціи государственнаго совѣта. Такъ сильно боялось министерство финансовъ гласности, такъ усердно оберегало оно свои темныя дѣла отъ глазъ постороннихъ, что даже критика государственнаго совѣта, состоящаго изъ покорныхъ чиновниковъ, считалась недопустимой.

Справедливость требуетъ замѣтить, что этотъ шагъ имѣлъ за собой достаточно разумныхъ основаній. Нашему финансовому вѣдомству было что скрывать, было чего стыдиться. Возьмемъ нѣкоторые факты изъ области хищеній, заимствованные нами изъ отчетовъ государственнаго контролера*). «Въ 1900 году главнымъ управленіемъ кораблестроенія заключенъ договоръ съ Никополь-Маріупольскимъ горнымъ заводомъ на поставку стали въ количествѣ 900 тысячъ пудовъ для строющихся судовъ по цѣнѣ 2 руб. 28 коп. и 2 руб. 35 коп. за пудъ. Цѣна же на сталь понизилась до 1 руб. 75 коп. и 1 руб. 92 коп. за пудъ. Общество согласилось затѣмъ понизить плату до 2 руб. 10 коп., но и такая уступка не освободила казну отъ крупнаго ущерба. Одновременный заказъ стали едва ли требовался ходомъ судостроенія; означенный договоръ могъ быть исполненъ въ теченіе продолжительнаго срока и не оправдывался чисто хозяйственными соображеніями».

Еще одинъ фактъ изъ области хищеній. «Съ тѣмъ же заводомъ заключенъ договоръ на 30 тысячъ пудовъ палубной брони по 9 р. 90 к. за пудъ, между тѣмъ, адмиралтейскіе ижорскіе заводы просили дать имъ

*) Отчеты государственнаго контролера за 1903 и 1904 гг. С.-П.-Б. 1904 и 1905.

этотъ заказъ по 4 р. 40 к. за пудъ. Убытокъ казны на этой операціи достигъ 100 тысячъ руб.»

Третій рядъ фактовъ охватываетъ собой систему казнокрадства, которая практиковалась во время войны съ Японіей. Интендантство потирало руки отъ удовольствія, отъ возможности содрать въ свою пользу на бѣдствіяхъ «горячо любимой родины» И вотъ результатъ. Изъ 33243 полушубковъ въ частяхъ войскъ 4 армейскаго корпуса оказалось до 10.800 полушубковъ плохого качества, въ томъ числѣ 1858 полушубковъ рваныхъ, грязныхъ, съ вылѣзшей шерстью. Валенки непрочны, изготовлены изъ матеріала плохого качества. При вскрытіи подошвы одного изъ совершенно новыхъ, неношенныхъ сапогъ оказалось за тонкимъ слоемъ кожи древесная стружка, а за ней довольно толстый слой еловой коры».

Эти и подобные имъ факты можно было бы увеличить до безконечности, но они являются лишь слабымъ отраженіемъ той бездонной пропасти хищеній, въ которой постоянно копошилось самодержавное правительство. Просмотрите наши обычныя расходныя смѣты, и вы испытаете невольное чувство стыда за ту наглую откровенность, за тотъ цинизмъ, съ которыми расхищаются народные рессурсы. Такъ, по Высочайшему повелѣнію 26 августа 1852 года «на содержаніе пожалованнаго генералъ-адъютанту кн. Чернышѐву въ собственное и потомственное его владѣніе казеннаго дома и платежъ городскихъ повинностей, доколѣ по правѣ наслѣдства домъ этотъ будетъ оставаться въ родѣ князя Чернышѐва—15000 руб.» Эта сумма занесена и на 1905 годъ. Далѣе, въ 1903 году израсходовано 1045 тыс. руб. на работы по улучшенію санитарныхъ условій Царскаго Села (по смѣтѣ государственнаго казначейства). По исполненію росписи на 1903 годъ мы находимъ въ числѣ расходовъ 150 тысячъ на покупку дома шталмейстера Высочайшаго двора Брянчанинова для надобности Высочайше учрежденнаго комитета попечительства о русской иконописи и ежегодное пособіе этому комитету въ 52 тысячи руб. Итакъ, не хватало денегъ на поднятіе экономическаго благосостоянія деревни, на снабженіе хлѣбомъ и сѣменами голодающихъ, но на содѣйствіе иконописи и на содержаніе роскошныхъ домовъ-дворцовъ, отданныхъ во владѣніе всякаго рода князьямъ, отпускались безъ зазрѣнія совѣсти десятки и сотни тысячъ рублей.

А состояніе нашего государственнаго банка, а капиталы нашихъ сберегательныхъ кассъ? По словамъ проф. Мигулина*), счета государственнаго банка находятся въ такомъ хаотическомъ состояніи, что они не внушаютъ никакого довѣрія. Только на дняхъ финансовый комитетъ при государственномъ совѣтѣ разсматривалъ ходатайство Богословскаго горнозаводскаго общества о ссудѣ въ нѣсколько милліоновъ рублей. Ходатайство это, не смотря на тяжелое финансовое положеніе государства, рѣшено удовлетворить въ полномъ размѣрѣ и въ самомъ непродолжительномъ времени еще до созыва государственной думы. Главнымъ акціонеромъ вышеуказаннаго общества состоитъ членъ финансоваго комитета государственнаго совѣта статсъ-секретарь Половцовъ**).

*) Слово. № 400. } г.
**) Русск. Вѣд. № } 1906.

Чтобы имѣть возможность производить свои безразсудныя финансовыя операціи, покрывать свои безконечныя хищенія, правительство не погнушалось воспользоваться капиталами сберегательныхъ кассъ. Уставъ сберегательныхъ кассъ постоянно нарушался, народными сбереженіями пользовались для поддержки всякаго рода дутыхъ предпріятій, и убытки казны на этихъ мудрыхъ операціяхъ достигали довольно крупныхъ суммъ. Такъ, въ 1898 году съ Высочайшаго соизволенія, по ходатайству министерства финансовъ, государственный банкъ сбылъ кассамъ на $62^1/_2$ милл. $4^1/_2$ проц. листовъ частныхъ ипотечныхъ банковъ, такъ какъ самъ банкъ не находилъ покупателей на названныя бумаги. Объ этой операціи объявлено не было. Дѣло осталось покрытымъ завѣсомъ тайны*). На счетъ кассъ покупались негарантированныя цѣнности промышленныхъ предпріятій и, не смотря на то, что въ 1900 году эта покупка дала 13 милліоновъ рублей убытка, въ 1901 году продолжали покупать негарантированныя бумаги. Словомъ, все, что можно было собрать внутри Россіи и при помощи внѣшнихъ займовъ, было собрано и расхищено.

Неудивительно, если всѣ отчаянныя усилія, пущенныя въ ходъ для поддержанія бюджетнаго равновѣсія, имѣли свой предѣлъ въ видѣ полной потери кредитоспособности. Въ началѣ бюджетнаго года правительство стояло предъ очень затруднительнымъ положеніемъ. Чтобы свести концы съ концами необходимо было во что бы то ни стало достать 471 милліонъ рублей, да еще Японіи нужно было заплатить за военныя издержки около 200 милліоновъ. Гдѣ взять денегъ? Пришлось заключить на позорныхъ условіяхъ заемъ, который даже дружественная Россіи иностранная печать называетъ послѣдней отчаянной попыткой банкрота отсрочить моментъ своего банкротства**). Изъ 2250 милліоновъ, составляющихъ нарицательную сумму займа, Россія фактически получаетъ лишь 1880 милл., въ виду чего процентъ по этому займу достигаетъ почти 7. А, вѣдь нужно еще принять во вниманіе, что Россія обязывается въ теченіе 50 лѣтъ амортизировать этотъ заемъ по его нарицательной цѣнѣ, т. е. уплатить, кромѣ указанныхъ огромныхъ процентовъ, на 370 милліоновъ больше того, что она получила. «Такъ дорого не приходится платить за деньги даже балканскимъ государствамъ, которымъ приходится выманивать деньги у европейскихъ банкировъ», замѣчаетъ Neue Frei Presse.

Какъ промотавшійся жуиръ, самодержавное правительство готово было заплатить, сколько угодно, лишь бы получить необходимыя деньги. Характерно, что Франція, совершенно разгромленная экономически и политически въ 1870—71 году съ огромной контрибуціей въ пять милліардовъ на шеѣ, заключала гораздо болѣе выгодные займы, чѣмъ Россія въ настоящее время***). Первый 5% заемъ въ два милліарда франковъ далъ французскому правительству около 2226 милл. франковъ, а второй заемъ въ 3 милліарда—около 3499 милліоновъ. Какъ далеко отстали мы отъ Франціи семидесятыхъ годовъ, казалось, окончательно подавленной и уничтоженной 35 лѣтъ тому назадъ!

*) Правда. № 2. 1906.
**) Русск. Вѣд. № 102. 1906 г.
***) „Русск. Вѣд." № 94. 1906.

И какъ ни трудно достаются деньги, какъ ни дорого приходится платить за нихъ, они буквально швыряются на вѣтеръ, лишь только гнилымъ остаткамъ самодержавія угрожаетъ малѣйшая опасность. «Боевые» расходы, расходы на поддержаніе отжившаго полицейскаго режима растутъ со дня на день. Въ 1906 году возросъ расходъ министерства внутреннихъ дѣлъ на 24,5 милл. руб. «главнымъ образомъ отъ усиленія состава городской полиціи и полицейской стражи въ уѣздахъ и увеличенія содержанія полицейскихъ чиновъ». По той же причинѣ возросли расходы военнаго министерства на 31 милліонъ руб., которые пошли на увеличеніе содержанія, усиленіе пищевого довольствія, быта нижнихъ чиновъ». По тому же самому возросъ бюджетъ министерства юстиціи на увеличеніе личного состава судовъ.

Немало средствъ поглотила внутренняя война съ народомъ. «За беззавѣтную и преданную службу»» вознаграждены всѣ офицеры, принявшіе участіе въ подавленіи народныхъ волненій. Предположено усилить войска въ фабричныхъ районахъ Петербурга, Москвы и другихъ городовъ *). Витте распорядился, чтобы на счетъ казны подверглись массовой высылкѣ изъ деревень лица, внушающіе подозрѣніе на счетъ участія въ аграрныхъ безпорядкахъ. Тюрьмы переполнены, и главное тюремное управленіе требуетъ новыхъ крупныхъ кредитовъ на содержаніе плѣнныхъ самодержавнаго правительства. По всей странѣ рыщутъ карательные отряды, которые дорого обходятся народу. Казни производятся массами, дома лицъ, заподозрѣнныхъ въ участіи въ революціи, предаются сожженію, цѣлыя селенія разрушены и сравнены съ землей.

Этимъ расходамъ не предвидится конца. На Кавказѣ на народное образованіе тратится въ 18 разъ меньше, чѣмъ на тюрьмы и полицію **). И это вовсе не исключительный, не единичный фактъ. Это — выраженіе общаго направленія соціально-экономической политики самодержавія. Только на-дняхъ старый государственный совѣтъ наканунѣ своей кончины вотировалъ $7^1/_2$ милліоновъ «на передвиженіе войскъ соотвѣтственно внутреннимъ потребностямъ имперіи». Этотъ огромный кредитъ былъ открытъ военному министру безъ всякихъ затрудненій. Тщетно министръ финансовъ доказывалъ, что означенная сумма слишкомъ велика, что ее можно сократить до четырехъ милліоновъ. Государственный совѣтъ не рѣшился сократить суммы, необходимой на войну съ народомъ ***). Но вотъ въ томъ же засѣданіи слушается докладъ министра юстиціи объ ассигнованіи 18000 рублей на введеніе автономіи въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ, и члены совѣта поколебались. На этомъ вопросѣ они доказали свою лойальность и рѣшили представить государственной думѣ произвести «лишнюю» трату.

Когда же нужны деньги на чиновниковъ или на поддержаніе падающаго дворянства они даются всегда безъ предварительнаго совѣщанія съ народными представителями. 2 марта министръ внутреннихъ дѣлъ въ качествѣ шефа жандармовъ исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе объ увеличеніи содержанія командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Отнынѣ

*) „Путь“ № 33.
**) „Современность“ № 1. 1906.
***) „Русскія Вѣдомости“ № 108. 1906.

онъ будетъ получать 19500 рублей въ годъ. На возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ помѣщиками отъ аграрныхъ безпорядковъ, ассигновано восемь милліоновъ рублей. Но, едва только зашла рѣчь о возмѣщеніи казной убытковъ, причиненныхъ неправильными дѣйствіями должностныхъ лицъ, какъ тотчасъ же пошли ссылки на обремененіе казны непосильными тратами.

Словомъ, политика ясна. Когда нужно дѣйствовать противъ народа, деньги находятся. Когда же приходится подумать о нуждахъ народныхъ, казна оказывается истощенной, и наиболѣе насущныя нужды такъ и остаются неудовлетворенными.

Результаты этой политики оказались болѣе чѣмъ плачевными. Деревня хронически голодаетъ и даже въ лучшіе урожайные годы народъ не доѣдаетъ. «Не доѣдимъ, а вывеземъ»,—этотъ девизъ бывшаго министра финансовъ Вышнеградскаго сдѣлался господствующимъ въ наши дни. Нищета, свившая себѣ прочное гнѣздо въ деревнѣ, представляетъ собой нѣчто изъ ряда вонъ выходящее. «Я видѣлъ,—разсказываетъ г. Діонео *),—бытъ ирландскихъ крестьянъ въ самомъ бѣдномъ графствѣ—въ Мэйо; мнѣ приходилось бывать у земледѣльцевъ въ Морокко, въ Кабиліи и въ Тунисѣ. Самые жалкіе ирландцы, мароккскіе «рифы», кабилы и мавры въ Тунисѣ—положительные крезы въ сравненіи съ русскими крестьянами. И нигдѣ никогда, даже въ Марокко и въ Турціи, не отвѣчали такъ часто и такъ щедро пулями, картечью и изгнаніями на справедливые запросы народа, какъ у насъ. Даже въ Марокко, кормящіеся на народныя средства все же больше цѣнятъ человѣческую жизнь, чѣмъ въ Россіи».

Въ деревнѣ—нищета, разореніе, и въ городѣ дѣла обстоятъ не лучше. Торгово-промышленные кризисы свойственны всякой капиталистической странѣ. Но у насъ эти кризисы принимаютъ особенную специфическую окраску, вслѣдствіе вышеуказанной роли самодержавной бюрократіи. Гдѣ только не бываетъ безработицы, какія страны избавлены отъ этого недуга! Безработица—неизбѣжный спутникъ капитализма. Но у насъ безработица со всѣми ея ужасами принимаетъ опять-таки особый характеръ. У насъ безработица относится скорѣе къ категоріи политическихъ, нежели хозяйственныхъ явленій. Это—наказаніе за смуту, кара за «крамолу», вѣрное средство для предотвращенія волненій. Какъ хорошо самодержавное правительство оцѣниваетъ текущій моментъ.

Массовая безработица въ эпоху промышленнаго оживленія—явленіе парадоксальное, незнакомое нашимъ западнымъ сосѣдямъ. У насъ это фактъ возможный, благодаря реакціонной экономической политикѣ, благодаря союзу буржуазіи съ самодержавіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что на ряду съ обнаружившимся за послѣднее время оживленіемъ въ текстильной промышленности, толпы безработныхъ не находятъ примѣненія своимъ силамъ? Но, если принять во вниманіе наглость буржуазіи, посмѣвшей послѣ декабрьскихъ дней взять назадъ вынужденныя уступки, на которыя она должна была пойти, то становится понятнымъ указанное выше явленіе. Введеніе сверхурочныхъ часовъ на ряду съ пониженіемъ расцѣнокъ дало возможность сократить число рабочихъ. И вотъ произ-

*) Діонео. Кружнымъ путемъ. Современныя Записки № 1. 1906.

водство развивается, сумма прибавочной цѣнности, которая попадаетъ въ карманъ предпринимателей, растетъ, а въ то же время увеличиваются голодъ и лишенія народнымъ массъ.

Безработица, какъ соціальное бѣдствіе, исчезнетъ только вмѣстѣ съ паденіемъ буржуазнаго строя и замѣной его соціалистическимъ. Но безработица въ тѣхъ уродливыхъ формахъ, въ какихъ мы наблюдаемъ ее у насъ въ Россіи, можетъ исчезнуть вмѣстѣ съ окончательнымъ паденіемъ самодержавія и той политики хищеній и попиранія кровныхъ интересовъ народа, какой придерживается и всегда придерживалось наше правительство.

Правительство, насильно толкая народъ въ омутъ нищеты, въ то же время дѣлало все отъ него зависящее, чтобы не дать голодающимъ выбиться изъ ихъ тяжелаго положенія. Попытки широкой организаціи общественной помощи нуждающимся встрѣчали рѣзкій отпоръ со стороны мѣстной администраціи и органовъ центральной власти. Долгое время надъ словомъ «голодъ» лежалъ запретъ, а о самыхъ размѣрахъ бѣдствія нельзя было писать правду. Столовыя закрывались, организаторы ихъ подвергались аресту или ссылались. Столовыя, правда, приносятъ пользу, соглашалось въ одномъ циркулярѣ министерство внутреннихъ дѣлъ, но за то они сѣютъ смуту и недовольство среди населенія. Смыслъ подобныхъ циркуляровъ вполнѣ ясенъ. Пусть гибнутъ люди отъ голода, отъ цынги и тифа, но пусть ни на минуту не усумнятся они въ благости самодержавной власти.

Нельзя сказать, чтобы политика нынѣшняго «конституціоннаго» правительства чѣмъ либо отличалось въ указанномъ отношеніи. Изъ Пензенской губ. гр. П. М. Толстой сообщаетъ, что земская организація, несмотря на свой флагъ «Краснаго Креста» находитъ затрудненія при работѣ на мѣстахъ. Подъ особымъ «подозрѣніемъ» находятся столовая и разрѣшеніе на открытіе дается только въ «благонадежныхъ» селеніяхъ. Были случаи недопущенія открытія столовыхъ, были попытки закрыть уже открытыя столовыя.

То же самое мы видимъ по отношенію къ безработнымъ. Безработные хотятъ собраться для обсужденія своихъ нуждъ,—имъ не даютъ. Комиссія по организаціи общественныхъ работъ рѣшаетъ пригласить въ свою среду представителей безработныхъ, и это встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ со стороны правительства. Городской голова посмѣлъ пригласить депутатовъ отъ безработныхъ въ засѣданіе городской думы для того, чтобы совмѣстно съ ними придумать лучшій способъ организаціи помощи, и за это голова выслушиваетъ оскорбительный окрикъ Держиморды отъ г. Дурново. Столовыя для безработныхъ закрываются... за вредное направленіе. Нуженъ особый патентъ на благонадежность для того, чтобы добиться права накормить голодныхъ. Петербургской градоначальникъ не утвердилъ устава потребительныхъ лавокъ, представленнаго комитетомъ по оказанію помощи рабочимъ московскаго района, причемъ никакихъ мотивовъ и причинъ отказа не указано.

Словомъ, нищета и голодъ, очевидно, признавались въ высшихъ сферахъ выгодными для сохраненія самодержавія, и милліоны людей

обрекались на нужду и лишенія, лишь бы поддержать ненавистные народу государственные устои.

IV.

Неизвѣстно, какія еще бѣдствія сулила странѣ экономическая политика самодержавія, какія еще испытанія готовились для народа, но произошли событія, которыя перевернули вверхъ дномъ всѣ планы правительства, сдѣлали безсмысленными его мечтанія сохранить надолго старый отжившій режимъ. Революціонное движеніе охватило всѣ слои народа, переходило изъ одного мѣста въ другое, изъ города перекинулось въ деревню и яркимъ заревомъ пожара озарило мрачные горизонты россійской дѣйствительности. Революція явилась выраженіемъ общественной потребности.

Революція въ основѣ своей имѣетъ противорѣчія общественной жизни, которыя не могутъ быть устранены иначе, какъ путемъ столкновенія двухъ враждебныхъ силъ и уничтоженія препятствій, мѣшающихъ соціальному развитію. Если ростъ производительныхъ силъ въ значительной степени опередилъ производственныя отношенія, если дальнѣйшее развитіе этихъ силъ встрѣчаетъ непредолимое препятствіе въ изжившихъ себя учрежденіяхъ,—есть только одинъ способъ опрокинуть старый порядокъ и дать широкій просторъ проснувшимся силамъ,—революція.

Что мы видѣли въ русской дѣйствительности? Безконтрольное хозяйничаніе самодержавія обусловило бѣдность народа, старыя феодально-крѣпостническія учрежденія, поддерживаемыя самодержавіемъ, мѣшали росту и развитію производительныхъ силъ въ земледѣліи. Въ то же время городъ развивался, искалъ новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ. Капиталистическая промышленность развивалась съ каждымъ годомъ, производство росло, на немъ легла печать блестящихъ завоеваній науки и техники. Получилось много силъ, большой запасъ энергіи, который стоило только пустить въ ходъ для того, чтобы увеличивать безъ конца національное богатство.

Но тутъ то и сказываются противорѣчія общественной жизни. Богатство города, ростъ его производительныхъ силъ не можетъ имѣть значенія при бѣдности деревни. Для огромной массы продуктовъ, которые выбрасываются на внутренній рынокъ Россіи, нѣтъ покупателей. Платежныя силы населенія истощены, и крупной промышленности приходится разсчитывать на казенные заказы, на подачки самодержавнаго правительства, а не на нормальное потребленіе. Положеніе не изъ пріятныхъ. Малѣйшая заминка въ государственномъ казначействѣ, небольшая задержка въ доставленіи казенныхъ заказовъ, и вся промышленность кувыркомъ летитъ въ пропасть кризиса, изъ которой трудно найти выходъ.

Феодально крѣпостническій порядокъ оказался невыгоднымъ для буржуазіи, и она стала прилагать усилія къ частичному измѣненію политическаго строя. Буржуазія попыталась использовать въ своихъ интересахъ, начавшееся въ концѣ 1904 года, революціонное движеніе пролетаріата. Пошли записки гг. фабрикантовъ и заводчиковъ, въ которыхъ достаточно рѣзко подчеркивались указанныя мною противорѣчія обще-

ственной жизни. «Послѣ того какъ,—читаемъ мы въ докладной запискѣ конторы желѣзоводчиковъ,—русская желѣзная промышленность перестала быть главнымъ образомъ поставщицей по казеннымъ заказамъ, послѣ того какъ русскому желѣзному промышленнику пришлось усиленно искать сбыта своимъ товарамъ среди частныхъ потребителей, неустроенность нашей народной жизни, съ крайне слабой потребительной способностью страны, стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ и крайне тягостнымъ явленіемъ... При крайнемъ напряженіи народнаго обложенія на нужды государства, нечего удивляться, что Россія во всѣхъ своихъ частяхъ прогрессивно оскудѣваетъ и ея потребительная способность неуклонно сжимается».

Еще рѣзче и полнѣе та же мысль выражена въ обширной запискѣ представителей крупныхъ фабрикъ Петербурга. «Промышленное оживленіе конца прошлаго десятилѣтія,—говорится въ этой запискѣ,—быстро смѣнилось общимъ кризисомъ и угнетеннымъ состояніемъ, съ полной очевидностью выяснившими, что промышленность не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ народъ бѣдствуетъ, что здоровый ростъ промышленности зависитъ прежде всего и главнѣе всего отъ покупательной способности населенія. Поощряемая казенными заказами и приливомъ иностранныхъ капиталовъ, металлическая промышленность быстро пришла къ выводу, что будущее и даже настоящее зависитъ отъ потребленія желѣза населеніемъ; созванный министерствомъ финансовъ спеціальный съѣздъ о мѣрахъ къ усиленію потребленія желѣза населеніемъ хорошо выяснилъ, что такое потребленіе предполагаетъ непремѣннымъ условіемъ поднятіе народнаго благосостоянія, распространеніе образованія, развитіе промысловъ, коренное измѣненіе условій жизни сельскаго населенія, нынѣ приниженнаго, хозяйственно-истощеннаго, бѣднаго».

Итакъ, крупная буржуазія, несомнѣнно, хотѣла использовать революцію. Она обнаружила явное намѣреніе подчинить своей власти, своему руководству сознательный пролетаріатъ. Буржуазіи необходимо было оставить неприкосновенной монархію, и нужно было лишь ограничить самодержавіе, пріобщивъ къ управленію страной часть населенія, разумѣется, наиболѣе обезпеченную.

Но пролетаріатъ рѣзко оттолкнулъ протянутую ему въ началѣ движенія руку помощи. Онъ достаточно ясно далъ понять буржуазіи, что ихъ дороги расходятся. Буржуазія жаждетъ свободы эксплоатаціи, пролетаріатъ стремится къ свободѣ для борьбы за великіе идеалы соціализма. Интересы двухъ классовъ прямо противоположны.

Съ ужасомъ буржуазія увидала, что пролетаріатъ хочетъ самъ воспользоваться плодами своей побѣды. Вмѣсто того, чтобы идти въ хвостѣ буржуазіи, пролетаріатъ громко предъявилъ свои требованія, не только экономическія, но и политическія. Пролетаріатъ захотѣлъ осуществить восьмичасовый рабочій день, громко заговорилъ о неоходимости добиться соціальнаго переворота.

Буржуазія шарахнулась въ сторону отъ пролетаріата, который она еще недавно звала въ союзники. Въ смертельнмъ страхѣ за свой кошелекъ буржуазія готова была отказаться отъ власти въ пользу самодержавія. Ея идеологи завопили о дезорганизаціи народнаго хозяйства, точно

они не знали, кто является виновникомъ всероссійскаго разоренія, россійской нищеты, россійскаго оскудѣнія.

Революція несла съ собой творческія силы для того, чтобы обновить расшатанный экономическій порядокъ; революція обѣщала новые устои народнаго хозяйства, при которыхъ не будетъ больше и рѣчи объ обнищаніи массъ. Революція обѣщала устранить тотъ порядокъ, при которомъ малочисленные классы, стоящіе наверху, паразитировали на счетъ большинства народа.

Меньше всего, конечно, всѣ эти задачи соотвѣтствовали видамъ и стремленіямъ дворянства. Крупные землевладѣльцы—дворяне цѣплялись за остатки феодализма и считали себя безопасными только за штыками и пулеметами, какіе могли представить въ ихъ распоряженіе самодержавіе. Наши аграріи мечтаютъ о возвратѣ назадъ, къ счастливой для нихъ порѣ крѣпостного права. Осуществленіе этого идеала въ настоящее время невозможно, но этотъ идеалъ все-таки опредѣляетъ собой общественное стремленіе партій, стоящихъ на стражѣ земельной собственности. «Всякій общественный прогрессъ,—говоритъ Каутскій *) объ этой формаціи людей, приводитъ ихъ въ ужасъ, всякій реакціонный шагъ встрѣчаетъ ихъ поддержку, хотя бы онъ непосредственно не имѣлъ ничего общаго съ ихъ классовыми интересами въ наукѣ, въ искусствѣ, въ церкви, въ промышленной организаціи, насколько ихъ поземельная рента прямо не зависитъ отъ экономическаго прогресса».

Присмотритесь къ нашимъ доморощеннымъ аграріямъ, и вы увидите, насколько правъ Каутскій. Всѣ эти князья Щербатовы и Дорреры только и возлагаютъ всѣ свои надежды на дѣйствія войскъ и энергичную работу пулеметовъ. Расточительная хозяйственная политика самодержавія была для нихъ выгодна. Смогутъ ли они удержаться безъ подачекъ въ борьбѣ за экономическую гегемонію при новыхъ капиталистическихъ условіяхъ хозяйства, къ которымъ они не успѣли приспособиться. Вотъ, напримѣръ, какъ тульское дворянство рѣшило выйти изъ современнаго кризиса **). Экстренное дворянское собраніе въ Тулѣ единогласно постановило «закрыть богородицкое земледѣльческое училище, какъ источникъ революціи, отмѣнить оцѣнку имѣній крестьянскимъ банкомъ, назначить усиленную охрану, увеличить число войскъ, усилить выселеніе крестьянъ-грабителей, обратить вниманіе на тенденціозную слабость прокурорскаго надзора и на революціонную пропаганду въ министерскихъ школахъ, заимствовать 100.000 рублей на учрежденіе милиціи, выдать 1000 руб. полицейскимъ и солдатамъ, пострадавшимъ при подавленіи смутъ, выдать субсидію въ 5000 рублей мѣстной газетѣ для борьбы съ революціей и просить земство удалить со своей службы революціонный элементъ».

Часть промышленной и земельной буржуазіи, забывъ свой собственный интересъ, готова была рукоплескать чрезвычайной охранѣ, массовымъ разстрѣламъ и казнямъ. Эта часть буржуазіи изъ-за страха предъ революціоннымъ пролетаріатомъ готова была уже забыть результаты

*) Каутскій. Классовые интересы. Одесса. 1905.
**) Молва № 11 1906.

преступнаго хозяйничанья правительства, она готова была забыть, что преуспѣяніе промышленности и торговли, интересомъ которыхъ они больше всего служатъ, поставлено на карту, разъ по прежнему судьбами родины будутъ распоряжаться опричники, слуги самодержавія. Страхъ покрылъ туманомъ ихъ умственный взоръ, извратилъ ихъ мысли. На минуту они заводили оппозиціонную пѣснь, на минуту они протестовали противъ политики хищеній, а затѣмъ, изъ боязни не быть понятными, они поворачивали на свою излюбленную дорогу и предавали анаѳемѣ забастовщиковъ и революціонеровъ.

Другая, болѣе разумная, часть буржуазіи объединилась подъ флагомъ конституціонно-демократической партіи. Эта часть не можетъ не видѣть всѣхъ тѣхъ бѣдствій, къ которымъ привела безразсудная система хозяйничанья самодержавія, и она требуетъ свободы для себя, права контроля государственнаго управленія. Она признаетъ необходимымъ поднятіе уровня матеріальнаго благосостоянія массъ, она требуетъ улучшенія условій жизни народа въ предѣлахъ, необходимыхъ для правильнаго развитія капиталистической промышленности. Рамки буржуазнаго строя кажутся конституціоналистамъ-демократамъ чѣмъ-то неизмѣннымъ и священнымъ, и они спѣшатъ осудить сторонниковъ революціи, насильственнаго переворота, коренной ломки существующаго строя. Монархія имъ необходима, очевидно, для обезпеченія правъ меньшинства. Представителей крайнихъ партій они ненавидятъ и все время твердятъ имъ о томъ, что ихъ дѣло давнымъ давно проиграно. «Соціальной революціи,—успокаиваетъ г. Бердяевъ *) своихъ единомышленниковъ,—никогда не будетъ и никогда не было».

Нѣтъ ничего болѣе оскорбительнаго для конституціоналистовъ-демократовъ, какъ причисленіе ихъ къ разряду сторонниковъ буржуазіи. «Многіе рабочіе,—говорятъ они въ опубликованномъ ими воззваніи **), слышали, быть можетъ, разговоры о томъ, что наша партія есть партія господская, защищающая интересы господъ». Это глубоко несправедливая инсинуація, и стоитъ только присмотрѣться въ экономической программѣ кадетовъ для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что это — партія внѣклассовая, одинаково близко принимающая къ сердцу нужды всего народа.

Такъ говорятъ кадеты. Въ дѣйствительности же мы рѣшительно не знаемъ, если ли существенная разница между октябристами и кадетами въ выставляемой тѣми и другими экономической программѣ. «Октябристы, разражается филиппикой г. Кизеветтеръ ***), не рѣшаются брать подъ свою защиту неприкосновенность «священнаго» принципа частной собственности съ той откровенностью, какъ это дѣлаютъ торгово-промышленная партія и съѣздъ землевладѣльцевъ» А, спрашивается, гдѣ это «кадеты» отказывались отъ священнаго права частной собственности? Не усматривать же намъ этотъ шагъ въ требованіи вознагражденія землевладѣльцевъ за отчуждаемыя земли «по справедливой оцѣнкѣ». И

*) Полярная звѣзда № 10. Стр. 681.
**) Вѣстникъ партіи народной свободы. № 2.
***) Свобода и культура № 1. 1906.

«октяристы», какъ и «кадеты» ничего не имѣютъ противъ отчужденія удѣльныхъ, государственныхъ и монастырскихъ земель. То, что не имъ принадлежитъ, они готовы отдать съ удивительной легкостью.

И по отношенію къ рабочему вопросу мы не видимъ особенной разницы между «октябристами» и «кадетами». Послѣдніе только дѣйствуютъ умнѣе и готовы предоставить рабочимъ всѣ тѣ права, которыя уже давно осуществлены ими, или же не сулятъ убытковъ буржуазіи. Но, лишь только заходитъ рѣчь о мѣрѣ, которая можетъ хоть нѣсколько понизить норму предпринимательской прибыли, какъ въ лагерѣ кадетовъ поднимаются невообразимые вопли. Помилуйте, говорятъ они, такая мѣра нанесетъ крупный ущербъ интересамъ самихъ рабочихъ.

О, это испытанный тактическій пріемъ, которымъ не разъ пользовались фабриканты въ цѣляхъ противодѣйствія тому или иному закону по охранѣ труда. Когда зашла рѣчь объ ограниченіи труда женщинъ и дѣтей, фабриканты доказывали, что эта мѣра самымъ вреднымъ образомъ отразится на положеніи рабочаго класса. Когда обсуждался вопросъ о нормированіи рабочаго дня, опять оказалось, что отъ этого пострадаютъ интересы рабочаго класса. Допущеніе сверхурочныхъ часовъ признавалось необходимымъ въ интересахъ рабочаго класса. Вотъ, какой сонмъ непрошенныхъ радѣтелей собралъ вокругъ себя пролетаріатъ, и къ числу такихъ радѣтелей торжественно примкнула конституціонно-демократическая партія.

Открытыхъ революціонныхъ выступленій пролетаріата «кадеты» боятся не меньше, чѣмъ «октябристы». Въ данный моментъ «кадеты» прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы отвлечь рабочихъ отъ политической борьбы. «Становой хребетъ всякаго крѣпкаго рабочаго движенія должны составлять профессіональныя организаціи», — вѣщаютъ г.г. кадеты. Рабочимъ не нужна особая партія, у нихъ нѣтъ особой политической партіи, интересы ихъ сливаются съ интересами буржуазіи,—такъ, очевидно, думаютъ «кадеты». Неправда,—утверждаютъ они *), — будто «рабочіе должны стремиться къ политическому объединенію всего рабочего класса, чтобы, захвативъ политическую власть въ свои руки, сразу перестроить общество на новыхъ, соціалистическихъ началахъ». Нѣтъ, г. Франкъ иного мнѣнія. Рабочимъ должна быть отмежевана узкая область непосредственной экономической борьбы съ капиталистомъ, и тогда гораздо скорѣе и вѣрнѣе взойдетъ яркая звѣзда соціализма. Г. Франкъ въ высшей степени идиллически рисуетъ себѣ переходъ отъ капиталистической формы производства къ соціалистической. «Экономическое профессіональное движеніе,— говоритъ онъ,—постепенно передаетъ въ руки рабочаго народа хозяйство страны, оно превращаетъ рабочаго въ хозяина промышленности и подготовляетъ время, когда рабочій классъ будетъ единственнымъ строителемъ и управителемъ народнаго хозяйства. При такихъ условіяхъ можетъ оказаться излишнимъ какой-либо внезапный и рѣзкій переворотъ, который отъ капиталистическаго строя приведетъ къ соціалистическому. не понадобится ни насильственная конфискація, ни «диктатура пролетаріата». Просто и государственная, и хозяйственная жизнь все больше и больше

*) «Рабочее Слово» № 1. 1906.

будетъ переходить въ руки рабочаго народа, а капиталисты и буржуазія все болѣе будутъ ограничиваться въ своихъ выгодахъ и обязанностяхъ рабочими, и не останется уже дѣленія на богатыхъ и бѣдныхъ, хозяевъ и рабочихъ, а всѣ будутъ хозяевами своей собственной судьбы, и рабочими на пользу народа».

Подумаешь, какая идиллія! Буржуазія сама, по собственной иниціативѣ, будетъ *постепенно* отказываться отъ своей власти, отъ своего могущества. Рабочій классъ *постепенно* овладѣетъ орудіями и средствами производства. Если бы г. Франкъ подумалъ въ то время, когда онъ писалъ вышеприведенныя строки о своихъ славныхъ предшественникахъ на избранномъ имъ поприщѣ, онъ бы, навѣрное, сгорѣлъ отъ стыда. Вѣдь полицейскій соціализмъ въ Россіи (да и не въ одной Россіи) занимался какъ разъ той же проповѣдью о необходимости исключительно экономической борьбы и тѣми же увѣреніями, что безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ пролетаріатъ добьется господства при помощи однихъ только профессіональныхъ организацій. Теперь по тому же шаткому пути пошли «кадеты» и ихъ духовные вожди, ихъ славные руководители.

Таковы тѣ буржуазныя партіи, которыя возникли на развалинахъ народнаго хозяйства, безжалостно подрывавшагося въ теченіе полувѣка самодержавнымъ правительствомъ. Разумѣется, есть только одинъ путь для того, чтобы вырвать страну изъ ужаснаго положенія и открыть предъ ней врата довольства и свободы. Нужно рѣшительно и навсегда покончить со старымъ, отжившимъ режимомъ, нужно окончательно порвать съ прошлымъ и водрузить надъ нашей родиной новый флагъ народнаго правленія, народной власти. Въ состояніи ли выполнить эту великую миссію партія-побѣдительница?

Конечно, нѣтъ! Посмотрите, какимъ языкомъ заговорили «кадеты» послѣ побѣды? «Русскія Вѣдомости» сошлись въ трогательномъ единеніи съ «Русскимъ Государствомъ». «Политика мести,—говорятъ «Русскія Вѣдомости»,— не должна входить въ задачи перваго народнаго представительства Россіи». На третьемъ съѣздѣ «кадетовъ» г. Милюковъ обмолвился, что главной задачей партіи является предупредить возможность конфликта съ правительствомъ. Эта уступчивость, эта галантность побѣдителей не обѣщаетъ ничего хорошаго народнымъ массамъ. Правительство не церемонится съ народомъ, сосетъ его кровь, издѣвается надъ его лучшими чувствами, а г.г. народные представители проявляютъ необыкновенную любезность, толкуютъ все о примиреніи и о забвеніи прошлыхъ грѣховъ. При такихъ условіяхъ неизбѣжныя позорныя сдѣлки, позорный торгъ, во время котораго интересы народа будутъ принесены въ жертву интересамъ господствующихъ классовъ.

Правительство, повидимому, не склонно къ сентиментальностямъ. Его кровные интересы требуютъ, чтобы прежняя система управленія продолжались безпрепятственно, чтобы опричники, слуги самодержавія снова, какъ и прежде, могли безжалостно разорять страну, заниматься безконечными хищеніями, обогащаться на счетъ трудовыхъ силъ народа. И уступить правительство должно будетъ, конечно, не блестящимъ говорунамъ и «примиренцамъ» изъ партіи народной свободы, а сплоченной силѣ революціоннаго пролетаріата и крестьянства.

В. Я. Канель.

25 апрѣля.

Побѣдители.

«Можетъ быть, невольно, подъ впечатлѣніемъ той огромной отвѣтственности, которая связана съ огромнымъ правомъ—говорить отъ имени значительной части населенія, мы говорили иногда тономъ новой «великой державы»—народа, обращаясь къ тѣмъ, кто мнилъ себя доселѣ единственными полномочными вершителями народныхъ судебъ. Какимъ, однако, инымъ тономъ, вы хотите, чтобы мы говорили съ этими господами?..» *)

Намъ, правда, не приходилось еще слышать, чтобы люди, напечатавшіе въ своемъ центральномъ органѣ эти гордыя слова, дѣйствительно разговаривали съ «тѣми, кто мнилъ себя» тономъ «великой державы». Вѣроятно, это удовольствіе предстоитъ намъ еще впереди. Пока же, «тонъ великой державы» сберегается для другихъ политическихъ партій, не удостоившихся еще «народнаго вотума», котораго удостоились кадеты (едва ли нужно упоминать, что гордыя слова принадлежатъ именно имъ). Особенно часто приходится теперь слышать этотъ тонъ «крайнимъ», окончательно погубившимъ себя во мнѣніи всѣхъ комнатныхъ революціонеровъ неосторожнымъ выходомъ на улицу среди русской зимы. «Неопытные и неумѣлые вожди...» «Кошмаръ фразъ и сентенцій, изготовленныхъ на нѣмецкой фабрикѣ...» «демагогія худшаго сорта...»—какихъ только комплиментовъ не приходится выслушивать декабрьскимъ побѣжденнымъ отъ г. Фридмана, напр. **) Не даромъ тов. Тахоцкому чтеніе кадетскихъ статей навѣяло образъ реальнаго политика изъ извѣстной басни, пробовавшаго силу своихъ копытъ на поверженномъ львѣ...

Кто же, однако, тотъ «народъ», вотумъ котораго для людей, «мнившихъ себя доселѣ единственными полномочными вершителями народныхъ судебъ», страшнѣе даже всеобщей забастовки и вооруженнаго возстанія? ***) Кадеты не посѣтуютъ на насъ, если мы откажемся считать «народомъ» губернскія избирательныя коллегіи, созданныя путемъ четырехстепеннаго голосованія. Сами руководители новой «великой державы" заблаговременно успѣли опорочить «народность» этихъ чудовищныхъ созданій русскаго бюрократическаго творчества. «Многостепенны

*) „Рѣчь", 1906 г. № 39.
**) См. его статью въ № 37 той же „Рѣчи".
***) См. дальше «Рѣчь» № 39.

выборы» писалъ г. Милюковъ въ январѣ нынѣшняго года*) «болѣе прямыхъ допускаютъ воздѣйствіе на избирательныя коллегіи. Но воздѣйствіе это можетъ быть разнаго рода, и если избирательныя коллегіи низшаго разряда могутъ отразить на своемъ составѣ непосредственное вліяніе мѣстной администраціи, то *коллегіи высшаго разряда могутъ отдестиллировать выборщиковъ, соотвѣтствующихъ господствующему общественному настроенію*». (курсивъ нашъ). Устами г. Милюкова говорилъ опытъ стараго общественнаго дѣятеля, знающаго, что въ пестрой неопредѣлившейся толпѣ, вдобавокъ замкнутой и дѣйствующей при закрытыхъ дверяхъ, небольшой, хорошо сорганизовавшейся группѣ легко «отдестиллировать» кого угодно. Помѣшать такой «дестиллировкѣ» могла бы только вполнѣ свободная агитація и широко раскрытыя двери. При отсутствіи этихъ элементарныхъ условій организованной группѣ нѣтъ ничего легче, какъ выдать себя за подлинныхъ представителей „господствующаго общественнаго настроенія“. Если побѣда кадетовъ въ губернскихъ избирательныхъ коллегіяхъ что нибудь доказываетъ,то лишь тотъ—весьма утѣшительный, конечно,—фактъ, что черная сотня далеко отстала отъ кадетовъ по части организаціоннаго умѣнья. Тамъ, гдѣ „правые“ сумѣли организоваться, кадеты не прошли, какъ это и случилось, напр., въ Московской губерніи. Можно опасаться, однако, что революція кое чему научитъ и черносотенцевъ, и что съ каждыми новыми выборами пріемы, сложившіеся въ стоячей водѣ земскихъ собраній и различныхъ „просвѣтительныхъ“ обществъ, станутъ примѣнимыми все менѣе и менѣе. Сколько нибудь удовлетворительныхъ суррогатовъ демократіи пока еще не придумано,—это средство нужно или принимать въ чистомъ видѣ, или вовсе отъ него отказаться.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что кадеты меньше имѣютъ право считать себя представителями народа, чѣмъ другія партіи. Вовсе нѣтъ: мы только констатируемъ тотъ фактъ, что народная масса лишена въ Государственной Думѣ какого бы то ни было представительства, а потому претендовать на «народный вотумъ» не могутъ ни кадеты, ни октябристы, ни монархисты, ни кто-либо другой. Тѣ партіи, на которыя дѣйствительно дѣлится русскій народъ, выяснятся лишь въ Учредительномъ Собраніи, избранномъ путемъ всеобщихъ, прямыхъ, равныхъ и тайныхъ выборовъ. Пока же имѣла возможность высказаться только часть населенія Россіи,—крупные и мелкіе землевладѣльцы и горожане. Самую многочисленную изъ этихъ группъ, имѣющихъ дѣйствительное, хотя и весьма несовершенное представительство, составляютъ послѣдніе. Голоса горожанъ почти цѣликомъ отданы кадетамъ—и вотъ единственный «титулъ» руководителей «великой державы» на званіе народныхъ представителей. Посмотримъ же, изъ какихъ элементовъ слагается этотъ «народъ», вотумъ котораго такъ страшенъ «людямъ, мнившимъ себя полновластными распорядителями судебъ русскаго народа».

Какъ извѣстно, населеніе городовъ, прежде, чѣмъ быть допущеннымъ къ избирательнымъ урнамъ, было просѣяно черезъ два, если не три рѣшета. Первое рѣшето должно было отдѣлить отъ него фабрично-заводской пролетаріатъ—элементъ, видимо, казавшійся «правительству» наи-

*) „Русскія Вѣдомости“ 1906 г., № 6.

болѣе опаснымъ для его интересовъ. Эта часть пролетаріата была прикрѣплена къ своимъ фабрикамъ, какъ крестьяне къ своей деревнѣ, и, подобно крестьянамъ, получила фиктивное представительство. За одно съ фабричными и заводскими рабочими были выкинуты изъ числа «горожанъ» всѣ рабочіе ремесленные (включая сюда и рабочихъ мелкихъ фабрикъ) и всѣ чернорабочіе. Для послѣднихъ разрядовъ не нашли даже нужнымъ безпокоить себя придумываніемъ какой-нибудь фикціи,—они были лишены политическихъ правъ sans phrases. Изъ очищенной, такимъ образомъ, массы была затѣмъ устранена та «возрастная категорія»—употребляя выраженіе г. Струве—, которая, какъ показалъ опытъ, особенно наклонна къ усвоенію превратныхъ идей. Второе рѣшето отсѣяло отъ всѣхъ не-рабочихъ еще всѣхъ, не занимающихъ самостоятельныхъ квартиръ, т. е. или живущихъ самостоятельно, но занимающихъ лишь одну—двѣ комнаты, или живущихъ «при родныхъ». Въ результатѣ, «избиратель» совпалъ съ «квартиронанимателемъ»—а послѣдній почти совпадаетъ съ «отцомъ семейства»: званіе, по мнѣнію тѣхъ персонажей Островскаго, которые сочиняли «русскую конституцію», почти безусловно гарантирующія молчалинскія добродѣтели. Мы уже не говоримъ о томъ, что женщины, само собой разумѣется, ни въ какомъ качествѣ къ выборамъ не допускались—и даже присутствіе ихъ, въ видѣ публики, на предвыборныхъ собраніяхъ, признавалось фактомъ, оскверняющимъ священнодѣйствіе выборовъ. Совсѣмъ какъ въ древнемъ Римѣ—гдѣ жертва богамъ «во здравіе быковъ» теряла всю свою силу, если ее видѣла хоть одна женщина...

Есть одна дѣтская присказка, повѣствующая, какъ одинъ наивный гусь, встрѣтивъ стаю своихъ сородичей и, очевидно, очень обрадовавшись, крикнулъ: «здравствуйте, сто гусей!». Насъ не сто гусей, отвѣтили благоразумные и добросовѣстные гуси своему наивному товарищу: вотъ, если бы насъ было еще столько, да полстолька, да четверть столька, такъ было бы насъ сто гусей. Мы не народъ, могли бы отвѣтить городскіе избиратели тѣмъ, кто теперь радостно вопіетъ о «народномъ вотумѣ»: вотъ, если бы насъ было еще столько, да полстолька, да четверть столька, такъ мы были бы «народомъ»—по крайней мѣрѣ «народомъ городовъ». Городскіе выборы по закону 11 декабря 1905 г. не были, правда, просто фиктивными, какъ выборы въ крестьянской или рабочей куріи, но они были, тѣмъ не менѣе, выборами цензовыми, и даже узко-цензовыми. Выборы, напримѣръ, на основѣ французской конституціи 1791 года ставили цензовыя рамки несравненно шире*): а, между тѣмъ, даже буржуазные историки, какъ Оларъ, признаютъ, что эта конституція отнюдь не была демократической и преслѣдовала классовые буржуазные интересы. Законъ 11 декабря создалъ для русскихъ городовъ болѣе буржуазное представительство, чѣмъ какого требовала себѣ сама буржуазія въ моментъ полнаго разцвѣта своихъ силъ! Притомъ, конституція 1791 года основывала избирательныя права на участіи въ несеніи государственныхъ тягостей: право голоса имѣли всѣ плательщики прямыхъ налоговъ

*) Въ Москвѣ, напр., на милліонъ населенія (безъ фабричныхъ рабочихъ съ ихъ семьями) имѣется лишь 50 съ небольшимъ тысячъ избирателей,—т.-е. 1 избиратель на 19 жителей. Во Франціи 1791 г. было около 4 милл. избирателей на 25 милл. населенія: 1 на 6.

не ниже извѣстной (небольшой) суммы. Намъ нѣтъ надобности здѣсь доказывать, насколько несостоятеленъ и этотъ принципъ: но онъ во всякомъ случаѣ гораздо приличнѣе голо-буржуазнаго принципа «самостоятельнаго хозяйства», который положенъ въ основу выборовъ по городской куріи закономъ 11 декабря. Буржуазія въ зенитѣ своего могущества находила нужнымъ фиговый листокъ. Персонажи Островскаго, сочинявшіе русскую конституцію, нашли его совершенно излишней нѣжностью: а кадеты... не замѣтили его отсутствія. Для дебюта «демократической» партіи, имѣющей основать въ Россіи «народную свободу», очень недурно.

Мы не имѣемъ никакой возможности судить, кто именно изъ «самостоятельныхъ хозяевъ» подавали голоса за кадетскую партію. Единственный способъ опредѣлить соціальный составъ «народа» представляетъ анализъ тѣхъ данныхъ, какія имѣются по вопросу о составѣ самой этой партіи. Образчикомъ ихъ можетъ служить напечатанный въ 1-мъ № «Еженедѣльника К.-Д. партіи» отчетъ московской городской группы за первые 4 мѣсяца ея существованія. «По своему соціальному составу,— читаемъ мы здѣсь («Еженедѣльникъ», стр. 39) «московская группа представляетъ слѣдующую картину: торгово-промышленные служащіе составляютъ 20% общаго числа членовъ группы, лица свободныхъ профессій 18,7%, служащіе въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ—9,6%, купцы—7,4%, студенты—7,2%, лица безъ заработка—5,1%, ремесленники—4%, рабочіе 4%, прислуга—0,7%, духовенство—0,5%». Этотъ отчетъ представляетъ два затрудненія. Во-первыхъ, если мы сложимъ всѣ приведенныя цифры, получается не 100%, а лишь 77,2%. Каковъ соціальный составъ остальныхъ 22,8% московской группы, остается невыясненнымъ. Во-вторыхъ, въ составъ группы, очевидно, входятъ лица, не имѣющія избирательныхъ правъ: таково, вѣроятно, большинство студентовъ (изъ дальнѣйшаго отчета мы знаемъ, что въ группѣ, изъ учащейся молодежи имѣются еще и курсистки, наравнѣ со студентами проявившія «особо энергичную дѣятельность»), таковы, навѣрно, всѣ «лица безъ заработка»,— если только подъ этимъ именемъ не скрываются рентьеры. Такъ что составъ партіи и составъ избирателей, вотирующихъ за партію, другъ друга не покрываютъ. Но въ очень грубыхъ и общихъ чертахъ отчетъ все же даетъ возможность судить объ элементахъ, поддерживающихъ «партію народной свободы». Это ни въ коемъ случаѣ не крупная буржуазія— «купцы» составляютъ лишь 7% кадетовъ въ Москвѣ, да и то мы не имѣемъ никакихъ основаній думать, что все это непремѣнно крупные торговцы. Представители торгово-промышленнаго капитала сконцентрировались, очевидно, въ «17-мъ октября», «торгово-промышленной» или еще правѣе. Излишне говорить, что это и не пролетаріатъ: рабочихъ всего 4%. Впрочемъ, при дѣйствующемъ избирательномъ законѣ, отъ его поддержки партіи не было бы ни тепло, ни холодно. Ея прочный фундаментъ составляетъ *мелкая буржуазія*,— если объединять этимъ названіемъ всѣ тѣ соціальные слои, которые, не владѣя капиталомъ, не являются, въ то же время, и пролетаріями въ настоящемъ смыслѣ слова. Мелкіе самостоятельные производители—ремесленники, мелкіе торговцы, самостоятельно практикующіе врачи, адвокаты, учителя, наконецъ, приказчики и «служащіе»

всѣхъ наименованій — «клерки», какъ ихъ называютъ въ Англіи, — вотъ «народъ», вотумъ котораго далъ право кадетамъ разговаривать—пока лишь со своими политическими конкуррентами—«тономъ великой державы».

Соціальная позиція мелкой буржуазіи, какъ это уже давно отмѣчено, страдаетъ неизлѣчимымъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Съ одной стороны, этотъ классъ, попадая во все большую и большую зависимость отъ капитала, все больше и больше пролетаризируясь,—чего онъ вовсе не желаетъ—является классомъ хронически недовольнымъ. Настоящее представляется ему въ мрачномъ свѣтѣ: чеховскій пессемизмъ, который мы такъ привыкли цѣнить, считая его признакомъ особенно тонкаго и сложнаго духовнаго развитія, на самомъ дѣлѣ—увы!—очень типиченъ именно для мелко-буржуазной психики. Но идеалъ мелкаго буржуа лежитъ не впереди его, а позади — хотя самъ онъ и склоненъ, обыкновенно, разсматривать осуществленіе этого идеала, какъ величайшій общественный прогрессъ. Онъ постоянно тоскуетъ по все болѣе и болѣе утрачиваемой имъ «хозяйственной самостоятельности» — и ни какъ не можетъ примириться съ мыслью, что нужно оставить всякія надежды на «свой горшокъ щей» и хлопотать о томъ, чтобы устроить управленіе общественнымъ горшкомъ какъ можно лучше. Въ своей тоскѣ мелкій буржуа мечется изъ стороны въ сторону, ища «корня зла», — и находитъ его, смотря по степени своего индивидуальнаго развитія и обстановкѣ даннаго момента, то въ «жидахъ»—и тогда онъ становится антисемитомъ, то въ частной земельной собственности,— и тогда онъ становится народникомъ и превозноситъ общину. Сейчасъ позиція русскаго мелкаго буржуа особенно противорѣчива. Съ одной стороны, самодержавіе обрушило на его неповинную голову столько бѣдъ, что онъ не можетъ не быть противникомъ самодержавія, — а стало-быть и сторонникомъ революціи; съ другой стороны, революціонныя партіи «навлекли» на него, по его наивному представленію, военное положеніе, чрезвычайную охрану и тому подобные ужасы, «навлекли» своей «неосторожностью» и «неумѣренностью» своихъ требованій. Ему нужно, найти такимъ образомъ, «умѣренную и осторожную»... революцію, — что, согласитесь, почти такъ же трудно, какъ найти философскій камень. Для этого нужно быть алхимикомъ. И какъ обрадовался мелкій буржуа, когда такой алхимикъ явился къ его услугамъ въ лицѣ конституціонно-демократической партіи!

По своему происхожденію, к.-д. партія отнюдь не была мелкобуржуазной. Ея ядро составилъ центръ покойнаго «Союза Освобожденія», основаннаго—зимою 1903—1904 года, если не ошибаемся—группою лѣвыхъ земцевъ, т.-е. либеральными помѣщиками. «Союзъ О-ія», такимъ образомъ, былъ прямымъ продолжателемъ лѣвыхъ земскихъ организацій начала 80-хъ годовъ («Земскаго Союза», «Земской Лиги» и т. п.) и «партіи народнаго права» 90-хъ годовъ. Наибольшее сходство было съ послѣднею: такъ какъ съ первыхъ же шаговъ земскіе «освобожденцы» не смогли обойтись безъ мелкобуржуазной интеллигенціи,—безъ поддержки «третьяго элемента», на который они привыкли опираться и въ своей земской работѣ. Составъ С. О. не былъ, благодаря этому, чисто помѣщичьимъ—на второмъ съѣздѣ, кажется, «третій элементъ» даже преобладалъ (на третьемъ было уже иначе). Но его роль, какъ и въ земствѣ, была не руково-

дящая, а служебная: онъ долженъ былъ дать новой партіи литературныя силы и профессіональные навыки всякаго рода; осью программы оставались интересы крупнаго землевладѣнія. Быть можетъ, доказывать, что крупное землевладѣніе у насъ, какъ и на западѣ, отнюдь не всегда было политически реакціонной силой, значитъ повторять общее мѣсто. Но его не мѣшаетъ повторить именно теперь, когда дворянство день ото дня все болѣе становится оплотомъ реакціи. Такое превращеніе является прямымъ результатомъ начинающейся соціальной революціи въ деревнѣ: угроза матеріальному благополучію пробудила въ прогрессивномъ земцѣ феодальнаго хищника. Но пока это матеріальное благополучіе казалось неприкосновеннымъ, пока «священная собственность» казалась гарантированной на вѣки вѣковъ, интересы мѣстнаго хозяина, заинтересованнаго въ томъ, чтобы его уѣздъ или его губернію не черезчуръ эксплоатировали въ пользу центра, брали верхъ надъ феодальной наслѣдственностью. Вѣковѣчная свара дворянина, какъ охранителя мѣстныхъ интересовъ, съ чиновникомъ, представителемъ интереса «общаго»—т.-е. той группы, которая засѣла въ центрѣ—составляетъ особенность не одной русской исторіи: она красною чертою проходитъ и черезъ исторію старой Франціи, напр. Въ этой сварѣ помѣщику приходилось иногда занимать очень либеральныя позиціи и пользоваться почти революціонной фразеологіей. Но лишь черезчуръ поверхностный и легковѣрный человѣкъ могъ бы увѣровать въ глубину дворянскаго либерализма. Стоитъ вчитаться внимательно въ самыя рѣзкія его выраженія—хотя бы, напр., въ постановленія тверскаго дворянскаго собранія 1862 года—чтобы видѣть, что борьба велась не противъ монархическаго принципа за демократію, даже не противъ монархическаго абсолютизма самого по себѣ, а лишь противъ способа его примѣненія. Борьба велась не противъ классового или хотя бы противъ сословнаго государства во имя высшаго идеала, а лишь противъ узурпаціи одной правящей группой власти надъ другими такими же группами, во имя болѣе равномѣрнаго распредѣленія правъ и преимуществъ внутри привилегированнаго сословія. Тридцать лѣтъ воюя съ «бюрократіей», русское помѣщичье земство ни разу не поставило серьезно вопроса о пересмотрѣ въ демократическомъ духѣ безобразно-цензовой системы земскихъ выборовъ! А демократическихъ фразъ за это время было наговорено сколько угодно. Въ царствованіе Плеве равновѣсіе между центральной и мѣстными группами правящаго сословія было нарушено особенно рѣзко: «центръ» обнаглѣлъ какъ, кажется, еще никогда раньше въ русской исторіи со временъ Павла I. Отсюда то обостреніе земскаго либерализма въ началѣ XX вѣка, тѣ громы на «приказный строй», среди которыхъ родился «Союзъ Освобожденія» *).

Въ «союзъ» вошла, какъ мы уже сказали, крайняя лѣвая земства: но не отколовшись отъ цѣлаго, а сохранивъ съ нимъ, напротивъ, самыя тѣсныя связи,—въ надеждѣ, сорганизовавшись, еще сильнѣе вліять на

*) Примѣчаніе спеціально для кадетовъ: вышеприведенная характеристика земскаго либерализма отнюдь не отрицаетъ того, что въ числѣ *земскихъ* «освобожденцевъ» могли быть, *на правахъ индивидуальнаго исключенія*, и настоящіе либералы: но это было нѣчто вродѣ бѣлыхъ волковъ, или фабриканта Зингера въ рядахъ германскихъ соціалъ-демократовъ.

него и вести его на поводу. Линію поведенія новой либеральной партіи опредѣляли такимъ образомъ, интересы земца вообще,—т.-е. интересы крупнаго землевладѣльца. Лозунгъ, выкинутый въ 1-мъ № будущаго центральнаго органа партіи,—журнала г. Струве «Освобожденіе»—какъ нельзя болѣе отвѣчалъ этимъ интересамъ. «Права и властное земство»: переходъ политической власти въ руки мѣстныхъ хозяевъ,—таковъ былъ смыслъ этого лозунга. Объ измѣненіи соціальнаго состава земскихъ учрежденій пока не было рѣчи: всеобщее избирательное право явилось гораздо позже. Интеллигенцію, за ея добрыя услуги, предполагалось вознаградить свободой говорить и писать, что вздумается, и «неприкосновенностью личности». Вся соціальная платформа резюмировалась брошенной на лету, барски-благотворительской фразой объ «интересахъ трудящихся массъ». Что эти массы и есть настоящій хозяинъ страны—объ этомъ не только не говорилось, но и не думалось.

Сотрудничество «третьяго элемента» обязывало однако же, ко все новымъ и новымъ шагамъ влѣво. Третій элементъ на своей шкурѣ испыталъ, что такое земство, и какъ выглядятъ въ домашнемъ быту дворянскіе либералы. Недовольный не только незаконными притязаніями министерскихъ чиновниковъ, а и цѣлымъ рядомъ условій, находившихся ниже поля зрѣнія богатаго помѣщика, онъ понималъ, что гарантировать права человѣка и гражданина новыми правами земскихъ собраній было бы по меньшей мѣрѣ легкомысленно. Демократичный по своей плебейской природѣ, онъ требовалъ правъ для всѣхъ—и, скрѣпя сердце, «Союзъ Освобожденія» ввелъ въ свою программу всеобщее избирательное право. Испугъ передъ собственнымъ демократизмомъ отчетливо сквозитъ въ «проектѣ основнаго закона Россійской имперіи» опубликованномъ г. Струве. Какими только ограничительными условіями не обставлено здѣсь примѣненіе «четыреххвостой формулы»! Мало показалось учрежденія второй палаты, составляемой, на первый случай, изъ представителей *теперешнихъ* земствъ и думъ—по архибезобразнѣйшимъ «положеніямъ»: земскому 1890 года и городовому 1892 г. Мало показалось снабдить эту архаическую палату, основанную на допотопномъ цензѣ, *большими* правами, чѣмъ какими надѣлена палата народныхъ представителей: послѣдняя всегда можетъ быть распущена Императоромъ первая же не распускаема. Понадобилось поставить еще особаго опекуна, въ видѣ «верховнаго суда», обязаннаго «охранять основной государственный законъ отъ нарушеній», со стороны кого-бы то ни было: въ случаѣ, если бы народное представительство вздумало отмѣнить ни на что ненужную вторую палату, судъ сейчасъ же пресѣкъ бы подобное неконституціонное начинаніе, указавъ народнымъ представителямъ на ст. 79 «основнаго закона»—по точному смыслу который избавится отъ земцевъ народъ могъ бы только съ ихъ добровольнаго и при томъ дважды заявленнаго согласія. Болѣе комфортабельной для помѣщиковъ демократіи навѣрное никогда не существовало на земномъ шарѣ!

Но событія развертывались быстро,—обгоняя не только земцевъ, а и мелко-буржуазную демократію. Осенью 1904 года (какъ разъ въ это время вырабатывался «основной законъ») мало кто предвидѣлъ близкую возможность массовыхъ выступленій. Что война должна подготовить

почву для революціи, съ этимъ были согласны всѣ. Но что война непосредственно перейдетъ въ революцію,—больше того, что революція начнется еще раньше, чѣмъ кончится война, это выходило за самые крайніе предѣлы буржуазной теоріи политическихъ вѣроятностей. Появленіе на сценѣ петербургскихъ рабочихъ для подавляющаго большинства было ударомъ грома изъ яснаго неба. И если участіе въ «Союзѣ Освобожденія» мелко-буржуазной интеллигенціи создало внутри «союза» эволюцію къ лѣвымъ политическимъ позиціямъ, то этотъ могучій внѣшній толчекъ сразу перебросилъ влѣво, революціоннымъ путемъ, соціальную позицію «союза». Петербургскіе рабочіе властно поставили на очередь дня программу соціально-экономомическаго законодательства,—и какъ ни упрямились консервативные элементы земской части «союза», какъ ни плакались они на то, что соціальная программа «расколетъ» союзъ, «выгонитъ» изъ него многихъ достойныхъ членовъ,—подъ страхомъ политической смерти «союзъ» долженъ былъ отликнуться на новые лозунги. Въ программу, изданную третьимъ съѣздомъ «Союза Освобожденія» (весною 1905 года) былъ вдвинутъ цѣлый рядъ соціально-экономическихъ «требованій».

Мы неслучайно поставили «требованія» въ ковычки. Внимательно вчитываясь въ освобожденскую программу аграрнаго и рабочаго законодательства, не трудно замѣтить, что, въ сушности, это вовсе не требованія соціально-обдѣленнаго класса, а *уступки*, дѣлаемыя классомъ властвующимъ. Забота—не отдать слишкомъ много, больше, чѣмъ нужно, больше, чѣмъ могутъ взять, сквозитъ изъ каждаго положенія, Особенно характерна въ этомъ случаѣ, какъ и слѣдовало ожидать, аграрная часть программы. Первая же фраза выдаетъ намъ съ головой ту барскую филантропію, которая въ манифестѣ «союза» поставила снисходительно опекаемые «интересы» трудящихся на мѣсто ихъ непреложныхъ правъ. Эта фраза говоритъ о «новомъ надѣленіи безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ» землями. Добрые помѣщики уже надѣлили разъ мужичковъ «своими» землями 19 февраля 1861 года; теперь мужички размножились и имъ стало тѣсно: добрые помѣщики готовы «вновь» ихъ «надѣлить». Но, конечно, съ разборомъ: нельзя же милостыню давать всякому, кто попроситъ. Этакъ все раздашь, и самъ по міру пойдешь. Притомъ, какъ это было и въ первый разъ, благодѣяніе не должно было остаться совсѣмъ даровымъ: подачки развращаютъ, и въ интересахъ самихъ мужичковъ, чтобы они заплатили за землю добрымъ помѣщикамъ. Надѣленіе изъ частно-владѣльческихъ земель должно сопровождаться «вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ этихъ земель». Программа умалчивала, на чей счетъ должно состояться это вознагражденіе: демократическая часть «союза» очень настаивала на вознагражденіи за счетъ государства, что, конечно, могло бы увеличить крестьянскіе аппетиты («не мы заплатимъ»), консервативная часть стояла за выкупъ на счетъ самихъ крестьянъ,—что, конечно, очень сокращало площадь отчужденій. Столковаться не могли и рѣшили просто промолчать. Споръ, нужно сказать, былъ больше словеснымъ: при дѣйствующей податной системѣ заплатили бы все-таки, въ концѣ концовъ, «трудящіяся массы»; а измѣненіе этой податной системы предполагалось лишь «постепенное», т.-е. весьма медленное.

Не менѣе характеренъ и 3-й пунктъ аграрной программы «Союза» (2-й говоритъ объ образованіи государственнаго земельнаго фонда для переселеній на него крестьянъ, «съ помощью государства», но на счетъ самихъ крестьянъ). Онъ становится особенно рельефнымъ, если сравнить его съ соотвѣтствующимъ § соціалъ-демократической программы минимумъ. Эта программа, несомнѣнно, все время была передъ глазами идеологовъ «Освобожденія», когда они вырабатывали свои соціальныя «требованія»: по отношенію къ рабочему законодательству они этого даже и не скрываютъ—наоборотъ, подчеркиваютъ близость обѣихъ программъ. Обѣ содержатъ съ себѣ пунктъ, касающійся самаго колючаго вопроса, какой только есть въ отношеніяхъ помѣщика и крестьянина: вопроса объ арендѣ. Соціалъ-демократическая программа рѣшаетъ этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно и категорически, требуя «предоставленія судамъ понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ». Идеологи «О-ія» понимали, что въ арендныя сдѣлки вмѣшаться необходимо. Либеральные помѣщики, съ своей стороны, тоже понимали, что ничего не сдѣлать для арендаторовъ нельзя. Но «понижать непомѣрно высокія арендныя платы», когда весь смыслъ крестьянской аренды въ «непомѣрно высокихъ платахъ»,—какихъ не даетъ ни одинъ капиталистическій арендаторъ... «объявлять недѣйствительными кабальныя сдѣлки», когда добрая половина помѣщиковъ сводятъ концы съ концами только благодаря отработочной кабалѣ... На такое классовое самоубійство самые лѣвые земцы не могли пойти. И вотъ, на мѣстѣ категорическаго требованія соціалъ-демократической программы, мы читаемъ, къ немалому удивленію, объ «арендномъ правѣ, гарантирующемъ земледѣльцу (?!) плоды его улучшеній»: точно этотъ «земледѣлецъ» не россійскій крестьянинъ, арендующій ничтожный клочекъ земли за тройную цѣну, чтобы какъ-нибудь прокормиться, а западно-европейскій фермеръ-капиталистъ, садящійся на землю съ самыми усовершенствованными пріемами сельско-хозяйственной техники и пуще всего на свѣтѣ боящійся, какъ бы его не лишили «плодовъ его улучшеній». А вмѣсто судебнаго приговора, кассирующаго кабальныя сдѣлки, мы находимъ «учрежденіе примирительныхъ палатъ въ интересахъ трудящихся (!? еще бы въ интересахъ эксплоататоровъ!) и для разбора споровъ и несогласій между арендаторами и землевладѣльцами». Для *разбора* — но не для разрѣшенія; обратите на это вниманіе, читатель: будутъ ли имѣть постановленія палатъ принудительную силу, или же палаты могутъ дѣйствовать лишь въ качествѣ третейскаго судьи, рѣшающаго дѣла только при наличности согласія на это обѣихъ сторонъ — объ этомъ программа благоразумно умалчиваетъ. Исторія отмѣтитъ, что въ освобожденской программѣ не было требованія: уничтожить кабалу въ деревнѣ, и тѣмъ разъ навсегда оградить эту программу отъ несправедливаго упрека въ «буржуазности», который часто приходится слышать. Буржуазія не стала бы дрожать за остатки крѣпостного хозяйства, ликвидація до-капиталистическихъ отношеній ее бы не испугала. Но нашъ помѣщикъ — при всемъ либерализмѣ своей фразеологіи — даже еще и не буржуа, а болѣе или менѣе чистый феодалъ.

Ея послѣдній пунктъ вполнѣ гармонируетъ съ тремя первыми. Его

спеціальное назначеніе, повидимому, заключалось въ томъ, чтобы сохранить для сельско-хозяйственнаго рабочаго тѣ исключительныя условія найма, которыя сближаютъ батрака съ крѣпостнымъ крестьяниномъ. Соціалъ-демократическая программа не выдѣляетъ въ особую категорію сельско-хозяйственныхъ рабочихъ,—говоря о «наемныхъ рабочихъ» вообще. Четвертый пунктъ освобожденской аграрной программы толкуетъ о «распространеніи рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ» (какъ будто это не само собою разумѣется), но спѣшитъ заранѣе парализовать эту уступку требованіемъ, чтобы при этомъ распространеніи законодатель „дѣйствовалъ «примѣнительно къ *особымъ* (курсивъ нашъ) условіямъ земледѣлія». Но именно «особыя» условія земледѣлія (спѣшность работы, ея сезонный характеръ и т. д.) и служилъ всегда для аграріевъ оправданіемъ всякихъ каторжныхъ законовъ, какіе они сочиняли для своихъ батраковъ. И здѣсь помѣщичій либерализмъ остался вѣренъ своему классовому характеру.

Къ чему, спросятъ меня, вы разбираете эту старую программу? Все это было, и быльемъ поросло. Да и было то очень давно: весною 1905 г. Но чуткому уху въ этой старинѣ должно слышаться свѣжая новизна: вѣдь, аграрная программа той партіи, которая будетъ завтра представлять русскій «народъ» въ его первомъ, съ позволенія сказать, «парламентѣ», есть не что иное, какъ исправленное и дополненное изданіе освобожденской программы. Раскройте отдѣлъ «аграрное законодательство» въ послѣднемъ изданіи программы кадетовъ: вы здѣсь найдете всѣ перечисленные выше пункты, только болѣе многословно изложенные и слегка маскирующіе этимъ академическимъ многословіемъ ту наготу помѣщичьяго интереса, которая такъ наивно проступала въ коротенькихъ тезисахъ освобожденской программы. Въ первомъ §, напр., не говорится уже тономъ благодѣтелей 1861 года о «новомъ надѣленіи безземельныхъ и малоземельныхъ», а ведется солидное разсужденіе объ «увеличеніи площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ». Но суть дѣла осталась прежняя: по прежнему крестьянинъ получитъ барскую землю не даромъ, а за выкупъ, по прежнему филантропъ-баринъ позаботится въ первую голову о «безземельныхъ и малоземельныхъ», а потомъ уже и о «другихъ разрядахъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ». Но мы сказали, что это изданіе не только исправленное, а и дополненное: «отчужденіе частновладѣльческихъ земель» уже вполнѣ опредѣленно обѣщаются совершить «за счетъ государства», а не прямо за счетъ мужицкаго кармана. При томъ заранѣе спѣшатъ оговориться, что цѣна будетъ божеская: «по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ». И буржуазное требованіе объ уничтоженіи кабалы рѣшились, наконецъ, перенести изъ соціалъ-демократической программы (вѣроятно, сообразивъ, что ничего соціалистическаго здѣсь, слава Богу, нѣтъ). Только выразили его нѣсколько запутанно: «открытіе законнаго пути въ судебномъ порядкѣ для... уничтоженія etc.» Какъ будто писавшему померещились въ эту минуту крестьяне, «уничтожающіе кабальныя сдѣлки» внѣ-законнымъ порядкомъ, т.-е. путемъ революціи...

«Бушующія волны народнаго гнѣва» (выраженіе, котораго очень не любитъ г. Фридманъ) еще разъ подмыли соціальную позицію лѣвыхъ

земцевъ и еще снесли ихъ влѣво. Вихрь крестьянскихъ волненій, пронесшійся по Россіи въ промежуткѣ между составленіемъ освобожденской и выходомъ въ свѣтъ кадетской программы, въ сильнѣйшей степени способствовалъ дифференцировкѣ нашего помѣстнаго дворянства. Въ то время, какъ дворянская правая окончательно утвердилась въ мысли, что мужика можно убѣдить только логикой оружія, и, сдавая въ аренду крестьянамъ свою землю, сама стала арендовать казенные пулеметы, дворянская лѣвая сдѣлала еще новые и, повидимому, послѣдніе шаги навстрѣчу требованіямъ демократіи. Нужно отдать справедливость дворянской лѣвой: она пошла такъ далеко, какъ только это допускали помѣщичьи интересы. И не ея вина, если самъ помѣщичій классъ, весь, какъ онъ есть, со всѣми его интересами, несовмѣстимъ съ какой бы то ни было демократіей — и осужденъ судьбой всегда лежать поперекъ дороги демократической революціи. А лечь поперекъ дороги революціи — это то же, что помѣститься на пути желѣзнодорожнаго поѣзда...

Мелкобуржуазная партія подъ командой либеральныхъ аграріевъ. къ такому противорѣчивому выводу привелъ насъ анализъ состава и программы кадетовъ *). И, тѣмъ не менѣе, это противорѣчіе *исторически* было совершено необходимо; его можно было бы предсказать съ первыхъ шаговъ русской революціи—даже раньше: оно навязывалось всѣмъ ходомъ нашего общественнаго развитія за послѣднія два десятилѣтія.

Послѣ героической гибели «Народной воли» земскій либерализмъ монополизировалъ на русской политической сценѣ все, что можно было назвать оппозиціей. Борьба съ отдѣльными захватами чиновничества еще терпѣлась: всякая болѣе смѣлая и принципіальная оппозиція клеймилась, какъ государственное преступленіе, и могла найти себѣ выраженіе только въ зарубежной печати, внѣ прямого вліянія на сколько-нибудь широкіе общественные круги. Только немногіе читатели «нелегальной» печати знали о той, полной трагическаго величія, борьбѣ, которую настоящіе враги самодержавія вели съ чудовищемъ. «Благоразумные» обыватели пугали дѣтей именемъ этихъ бойцовъ: подрастающія буржуазныя поколѣнія узнавали о народовольцахъ только какъ о людяхъ, помѣшавшихъ въ 1881 году Лорисъ-Меликову «дать» Россіи конституцію. Помѣшавшихъ своей «неумѣренностью», разумѣется; кадетскія рѣчи о соціалъ-демократахъ вовсе не представляютъ какой-либо новости тѣмъ, чье дѣтство и ранняя юность падаютъ на 80-е годы. Начинавшаяся соціалъ-демократическая пропаганда ютилась въ конспиративныхъ кружкахъ. Революціонное движеніе для интеллигентской массы совпадало со студенческими волненіями, носившими на себѣ явную печать тѣхъ самыхъ «неумѣренности» и «неблагоразумія», которыя однажды уже «погубили» политическую свободу Россіи. Единственной серьезной оппозиціей считались земцы. О столкновеніи какого-нибудь земскаго собранія съ какимъ-нибудь губернаторомъ,

*) Когда пишутся эти строки, только что пришло извѣстіе о кандидатурахъ въ Думу, выдвигаемыхъ «побѣдителями» въ Москвѣ. Выборщиками — кадетами — а они располагаютъ подавляющимъ большинствомъ — намѣчены: г. Кокошкинъ — одинъ изъ самыхъ энергичныхъ лѣвыхъ земцевъ, г. Муромцевъ — всегда пользовавшійся репутаціей умѣреннаго либерала и г. Герценштейнъ — главный идеалогъ аграріевъ въ экономической области. Ни одного демократа. А успѣхъ кадетовъ въ Москвѣ купленъ мелкобуржуазными голосами!

т-е., въ сущности, мѣстныхъ помѣщиковъ съ мѣстными чиновниками, говорили всѣ «либеральныя» газеты, какъ о событіи государственной важности. Въ 1895 году адресъ тверского земства, который теперь посовѣстились бы подписать иные изъ октябристовъ, казался неслыханно смѣлымъ документомъ и благоговѣйно переписывался буржуазной молодежью. Какъ живуча была ассоціація политической свободы и земства даже въ 1904 году, — когда открытая пролетарская борьба шла уже нѣсколько лѣтъ, когда уже прошло первое большое крестьянское движеніе, въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, — показываютъ ожиданія, связывавшіяся въ буржуазныхъ кругахъ со съѣздомъ земскихъ дѣятелей (6—8 ноября 1904). Ждали чуть не того, что этотъ съѣздъ объявитъ себя учредительнымъ собраніемъ. Вопросъ о конституціи казался окончательно рѣшеннымъ вотумомъ съѣзда. И когда въ отвѣтъ на этотъ вотумъ самодержавіе, что называется, и ухомъ не повело, буржуазная публика впала въ совершенное уныніе. Изъ этого унынія ее вывело только 9-е января.

Эта наивная увѣренность въ томъ, что земцы — соль земли и свѣтъ міру, что они являются «божіей милостью» оппозиціей въ россійской конституціонной монархіи, у современныхъ идеологовъ кадетства начинаетъ переходить въ нѣчто, напоминающее бредъ величія. «Въ чьи руки могла быть передана власть?» спрашиваетъ г. Изгоевъ въ своей знаменитой статьѣ о «диктатурѣ пролетаріата» («Полярная Звѣзда», № 10). «Отвѣчу прямо: только въ руки земцевъ и третьяго элемента, объединившихся сначала въ ‹Союзѣ Освобожденія›, родившемъ и конституціонно-демократическую партію». «Безспорно», великодушно прибавляетъ г. Изговъ, «что они съ охотой включили бы въ свои ряды и вождей пролетаріата». «Но пролетаріатъ, ясно сознавъ положеніе дѣлъ, твердо уяснивъ себѣ, что происходитъ только демократическая и политическая революція, долженъ былъ всей своей силой и всѣмъ своимъ вліяніемъ поддержать тѣ слои, въ руки которыхъ могла быть передана власть. Въ обмѣнъ за это (!!) пролетаріатъ получилъ бы надлежащія гарантіи, прежде всего свободу профессіональныхъ союзовъ и печати (!?), безъ чего для рабочихъ немыслима сколько-нибудь широкая и планомѣрная борьба. Правительство, видя единодушіе оппозиціи, видя, что вожди ‹земцевъ› (назовемъ ихъ такъ для краткости) имѣютъ дѣйствительную опору въ массахъ, послѣ колебаній и контръ-революціонныхъ попытокъ, вынуждено было бы отступить и сдать хотя бы нѣкоторыя позиціи».

Не безъ трепета всматриваясь въ пучину этой политической мудрости, вы начинаете мало-по-малу распознавать характерныя особенности ‹земской› (будемъ ее такъ называть для краткости) оппозиціи. Во-первыхъ, для васъ становится ясно, что на языкѣ ‹земцевъ› носитъ названіе ‹демократіи›: это отнюдь не то, что называютъ такимъ именемъ во всемъ мірѣ. За предѣлами Россіи демократіей называютъ такой порядокъ вещей, при которомъ верховная власть принадлежитъ народу. Среди третьяго элемента ‹Союза Освобожденій› были наивные люди, требовавшіе, чтобы это положеніе, о принадлежности народу верховной власти, было поставлено въ главу угла политической программы ‹союза› (какъ это сдѣлано, напр., въ соціалъ-демократической программѣ). Наивнымъ людямъ казалось, что разъ рѣчь идетъ о превращеніи Россіи въ дем-

кратію, юридически трудно конструировать программу безъ этого положенія, а фактически нечего противъ него возразить. Но «земцы» остались глухи къ доводамъ наивныхъ людей: и только теперь всѣмъ стала ясна правота «земцевъ». Благодаря г. Изгоеву, мы знаемъ, что «демократія» въ Россіи обозначаетъ переходъ власти *только въ руки земцевъ:* очевидно, что при такихъ условіяхъ упоминать о верховной власти народа неудобно и даже неделикатно. «Народъ», въ лицѣ пролетаріата, предполагается вознаградить «свободой профессіональныхъ союзовъ и печати». Будетъ съ его неумытаго рыла и этого: а управлять должны хорошіе господа. Это и называется на русскомъ языкѣ демократіей. Само собою разумѣется, что переходъ къ этой «демократіи» надо мыслить, «конечно, не въ видѣ романтически—флибустьерскаго набѣга, а въ формѣ болѣе или менѣе спокойной смѣны чиновниковъ» (г. Изгоевъ, тамъ же). Министерство г. Петрункевича вмѣсто министерства гр. Витте: вотъ это и есть демократія. А все прочее,—включая, вѣроятно, и военное положеніе,—останется по прежнему *): думать иначе свойственно только «ортодексальному марксизму», который отличается вообще «чрезвычайно грубымъ и ненаучнымъ пониманіемъ важныхъ научныхъ категорій» (примѣчаніе г. Струве къ статьѣ г. Изгоева).

Сколько мы можемъ припомнить, никогда еще политическая философія «земцевъ» не являлась передъ публикой въ такомъ обнаженномъ видѣ, какъ въ статьѣ одесскаго «соціалъ-демократа» (такъ рекомендуетъ г. Изгоева въ своемъ редакціонномъ примѣчаніи г. Струве). Читая выписанныя выше задорныя строки, умные и тонкіе вожди кадетовъ, вродѣ хотя бы того же г. Петрункевича, должны были неодобрительно покачивать головой. Можно ли такъ пробалтываться! И чего смотритъ Петръ Бернгардовичъ, помѣщающій въ своемъ журналѣ подобныя откровенности, да еще съ одобрительными примѣчаніями. Но для настоящихъ соціалъ-демократовъ статья г. Изгоева истинная манна небесная. Она «прямо таки неотразимо» (вы правы, г. Струве!) доказываетъ, что идеологія нашего земскаго либерализма до сего дня чисто крѣпостническая. Напрасно думаютъ, что крѣпостники добраго стараго времени умѣли только бить по зубамъ своихъ дворовыхъ: многіе изъ нихъ умѣли говорить красивыя фразы нисколько не хуже современныхъ кадетскихъ златоустовъ. Послушайте, напримѣръ, что говорилъ въ Екатерининской «комиссіи» 1767 года защитникъ дворянскихъ привилегій курскій депутатъ Стромиловъ. «Понятно всякому, что въ обширной монархіи надо быть особливому роду, который имѣлъ бы обязанность служить государству и изъ среды своей замѣщать власти среднія, поставленныя между государемъ и народомъ, и который, *будучи предназначенъ къ тому природою,* воспитывался бы въ правилахъ и знаніяхъ, приличныхъ тому состоянію, какое онъ въ государствѣ занимать будетъ, и *предметомъ своего награжденія ставилъ бы только честь и славу, оставляя изъ виду покой и обогащеніе.* Родъ этотъ и есть дворянство». «Приступаю къ самовластію или деспотичеству» читаемъ мы у другого защитника дворянскихъ при-

*) О военномъ положеніи въ кадетской программѣ. См. нашу статью «Идеализмъ и мѣщанство» въ сборн. «Текущій моментъ».

вилегій въ той же комиссіи, кн. Щербатова: «правленіемъ его назвать не можно... ибо оно не что иное есть, какъ злоупотребленіе монархической властью: потому что монархія должна имѣть свои основательные законы и сохранять всѣ установленные, а самовластіе, послѣдуя единому своему хотѣнію, по волѣ своей всѣ законы разрушаетъ»... Какое негодованіе противъ произвола! Какая жажда правового порядка! Кстати сказать, Щербатовъ былъ первый, предложившій ввести въ Россіи «дѣйствительную неприкосновенность личности» по подобію англійскаго Habeas Corpus акта,—«ибо примѣръ англинскій доказуетъ, что отъ сего никакого зла не происходитъ». Наконецъ, какъ безкорыстна эта дворянская интеллигенція XVIII вѣка, «оставляющая изъ виду покой и обогащеніе» на службѣ государству. Только... только всѣ эти прекрасные люди были убѣждены, что мужика освобождать отнюдь не слѣдуетъ. И нужно сказать, что они были гораздо логичнѣе своихъ теперешнихъ потомковъ, называющихъ себя «демократами». Судите сами: вѣдь дворянство «самою природою предназначено» управлять «подлыми людьми», оно воспитывается «въ правилахъ и знаніяхъ, приличныхъ этому состоянію»,—словомъ, выражаясь по теперешнему, это «сознательный элементъ страны», единственный, въ руки котораго могла бы быть передана власть. Что же могъ бы выиграть крѣпостной мужикъ, лишенный попеченія этихъ природныхъ и естественныхъ своихъ опекуновъ? Водворилась бы анархія, которая привела бы къ «упадку государственнаго благосостоянія, съ чрезвычайнымъ пониженіемъ культуры и съ длительной политической апатіей народныхъ массъ».. .«Наличные запасы добытыхъ и обработанныхъ продуктовъ могутъ быть расхищены, орудія же ихъ обработки и производства уничтожены»...

Это говорятъ уже не Щербатовъ и Стромиловъ,—наивность ихъ публики не доходила до такихъ градусовъ, какъ предполагаемая кадетами наивность русскаго читателя начала XX вѣка. Это говоритъ достойный сподвижникъ г. Изгоева, другой сотрудникъ «Полярной Звѣзды», г. Вевичъ (см. статью «Постоянная армія или милиція? » въ № 13 «П. З.»). Въ публицистикѣ хотя бы екатерининской эпохи мы не найдемъ ничего, что могло бы стать рядомъ съ угрюмой непреклонностью этого кадетскаго стратега. Аналогію можетъ дать только рукописная помѣщичья литература той поры, когда наиболѣе отсталая часть дворянства и ногтями, и зубами отбивалась отъ совсѣмъ близко надвинувшейся крестьянской реформы. «Уничтоженіе орудій обработки и производства» революціоннымъ народомъ вполнѣ достойно стать рядомъ съ тѣми ужасами крестьянской эмансипаціи, какіе рисовалъ въ концѣ 40-хъ г. смоленскій предводитель дворянства, кн. Друцкой-Соколинскій, въ своей запискѣ, представленной имъ Николаю I «...Количество произведеній съ помѣщичьихъ полей, главнѣйшихъ источниковъ хлѣбныхъ запасовъ, уменьшится до того, что ихъ не достанетъ не только для отпуска за границу, но и для внутренняго потребленія въ государствѣ», писалъ этотъ предшественникъ г. Вевича. «Скотоводство и коннозаводство уничтожатся, лѣса отъ недосмотра подвергнутся истребленію... Фабрики и заводы лишатся въ обѣднѣвшихъ помѣщикахъ своихъ потребителей. Сколько погибнетъ капиталовъ, какое сдѣлается замѣшательство во всей государственной экономіи!...».

Само собою разумѣется, что г. Вевичъ высказывается *противъ* милиціи и за постоянную армію. Мы не станемъ разбирать всѣхъ его аргументовъ, въ нихъ мало новаго, и они давно уже опровергнуты въ спеціальной литературѣ. Но одинъ изъ нихъ драгоцѣненъ не менѣе признаній г. Изгоева. Всѣмъ извѣстенъ аргументъ, которымъ ген. Редигеръ, въ простотѣ души своей, ниспровергъ примѣнимость милиціонной системы къ Россіи: милиція, говоритъ онъ, «состоя не изъ солдатъ, а изъ гражданъ, далеко не всегда является надежнымъ орудіемъ противъ внутреннихъ враговъ» *). Что дѣлать въ виду надвигающагося «расхищенія запасовъ» и «уничтоженія орудій обработки и производства»? задаетъ себѣ вопросъ г. Вевичъ. «Предупредить такое колоссальное бѣдствіе у насъ могла бы только не дезорганизованная армія, находящаяся въ рукахъ сознательныхъ элементовъ страны». («Пол. Звѣзда», № 13, с. 135 вверху).

Ген. Редигеръ можетъ быть доволенъ: вѣдь вотъ, скажетъ онъ, я же доказывалъ этимъ либераламъ, что бунта милиціей не усмирить. А они смѣялись. А теперь вотъ сами тоже говорятъ: молодо — зелено... Мы очень рады, что мысль о сочетаемости министерства г. Петрункевича и военнаго положенія пришла въ голову не только намъ, а и г. Вевичу, котораго, надѣемся, никто въ пристрастіи не заподозритъ. Одинъ изъ кадетскихъ ораторовъ съ паѳосомъ восклицалъ на какомъ-то митингѣ что диктатура пролетаріата — это та же «чрезвычайная охрана». Ораторъ говорилъ вздоръ: чрезвычайная охрана нужна ничтожной кучкѣ правящаго меньшинства противъ народа,—самому народу никакой охраны не нужно. Но о другихъ всякій судитъ по себѣ: кадеты, видимо, начинаютъ чувствовать, что имъ, когда они сдѣлаются правящимъ меньшинствомъ, безъ «охранъ» и «военныхъ положеній» не обойтись, и они начинаютъ понемногу пріучать къ этой мысли и себя, и свою публику.

Итакъ, провиденціальная миссія «земцевъ» управлять Россіей—вотъ та идея, на которой воспитывалась наша мелко-буржуазная интеллигенція въ теченіе четверти столѣтія. А эта идея возникла путемъ трансформаціи крѣпостнической идеологіи, учившей, что крупные землевладѣльцы «самою природою поставлены» господствовать надъ остальными слоями населенія. Но крѣпостническая идеологія есть нѣчто цѣлое какъ и всякое, органическимъ путемъ, сложившееся міросозерцаніе. Изъ нея нельзя по произволу вырвать одну мысль и сочетать ее со строемъ идей совершенно иного происхожденія. Она, эта крѣпостническая идеологія заставляетъ кадетскихъ идеологовъ,—мы увѣрены, противъ ихъ воли—договариваніемъ до вещей, которыя естественнѣе было-бы встрѣтить на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», нежели на страницахъ «Полярной Звѣзды». Она заставила г. Франка признать «кружковую революціонную интеллигенцію», т.-е. дѣйствительно демократическую Россію, безъ которой немыслима была-бы русская революція, а стало-быть немыслимы были-бы и кадеты, получившіе возможность раскрыть ротъ только благодаря этой революціи,—крѣпостническая идеологія заставила, говоримъ мы, г. Франка признать эту интеллигенцію «явленіемъ ненормальнымъ», «чужеродным

*) «Комплектованіе и устройство вооруженной силы». Изд. 3-е. С.-Пб. 1906, с. 10.

наростомъ» на «національномъ организмѣ» (о, Данилевскій, гдѣ ты? Да возрадуется духъ твой вмѣстѣ съ ген. Редигеромъ). «Наростомъ», который можно было-бы и «отсѣчь», если-бы не доброта и не гуманность г. Франка, — и по отношенію къ которому «должны быть употреблены тонкіе и сложные пріемы лѣченія». (См. все это въ «Полярной Звѣздѣ», № 9, статья г. Франка «Интеллигенція и освободительное движеніе»).

Но, вѣдь, и самъ крѣпостной строй держался не одними только грубыми методами «отсѣченія». Его опорой была не одна только «организованная вооруженная сила». Наравнѣ съ солдатомъ и жандармомъ, православный попъ являлся необходимой принадлежностью крѣпостного порядка. Жандармъ «отсѣкалъ», попъ мазалъ раны елеемъ и училъ рабовъ повиноваться господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Было-бы странно, если-бы новое ученіе о повиновеніи «трудящихся массъ» «сознательнымъ элементамъ» ограничилось воспоминаніемъ объ отсѣкающей силѣ—и не пролило на «трудящіяся массы» ни капли елея. Г. Булгаковъ взялъ на себя пополнить пробѣлъ. «Искренняя христіанская вѣра не можетъ мириться со второю ролью или намѣренно быть оставляемой въ тѣни, въ особенности, если дѣло идетъ о проповѣди среди народныхъ массъ и о движеніи народномъ». «...Главное препятствіе для превращенія ея (к.-д. партіи) въ партію всенародную есть ея принципіальная безрелигіозность» *)... «Партія народной свободы», если она хочетъ быть послѣдовательной, должна использовать всѣ пережитки феодальнаго режима, какіе еще сохранились въ народѣ—въ томъ числѣ и слѣпую вѣру: иначе, проповѣдникамъ «народной свободы» не удастся «захватить народную душу». Къ сожалѣнію, по отношенію къ пролетаріату дѣло уже проиграно: здѣсь «имѣетъ успѣхъ проповѣдь атеистическаго соціализма, религіи «государства будущаго», классовой ненависти и вражды». Но въ крестьянствѣ, гдѣ «живо еще чувство соборности, каѳоличности», т.-е., по просту говоря, среди еще безсознательной или полусознательной массы, «можетъ имѣть широкій успѣхъ проповѣдь христіанскаго соціализма или, шире, христіанской общественности». Развитіе этой «христіанской общественности», помимо своего прямого результата, внѣдренія въ трудящіяся массы духа смиренія, непротивленія и т. д., даетъ еще и побочный продуктъ высокой полезности, выдвигая новаго врага соціалъ-демократіи. «Ибо» — совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Булгаковъ—«какъ-бы ни было велико сходство и близость между практическими программами и требованіями атеистическаго и христіанскаго соціализма **), между ними существуетъ наибольшая полярность и непримиримая противоположность, должна идти борьба, какая идетъ между Христомъ и Антихристомъ».

Написавъ свою статью, г. Булгаковъ поставилъ послѣднюю точку надъ послѣднимъ і въ кадетской программѣ и тѣмъ нарушилъ священный завѣтъ «земскаго» либерализма: никогда не договаривать своихъ мыслей до конца, предоставляя фантазіи читателя или слушателя дополнять эти

*) «Полярная Звѣзда», № 13, ст. г. Булгакова «Религія и культура».

**) То-есть, прибавимъ мы отъ себя, какъ-бы хорошо ни поддѣлывался христіанскій «соціализмъ» подъ настоящій...

мысли такъ, какъ они пожелаютъ. Въ этомъ главный козырь либеральной пропаганды: послѣдовательный демократизмъ очень опасенъ, ибо можетъ подвести слишкомъ близко къ соціалъ-демократіи; но не менѣе опасенъ и слишкомъ послѣдовательный культъ «сознательныхъ элементовъ», ибо, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ можетъ подвести къ лампадкѣ съ деревяннымъ масломъ, а что это за продуктъ, всякій знаетъ, и ни одного мелкаго буржуа на этомъ не проведешь. Вотъ почему г. Струве, какъ ни пріятно ему было-бы утопить соціалъ-демократію въ деревянномъ маслѣ, счелъ долгомъ возстать противъ новой идеи своего неосторожнаго собрата и указать, что «дѣйствительность не столь прямолинейна, не столь геометрична, какъ того хочется и нужно Булгакову» *).

Г. Струве проявилъ мудрую осторожность. Если бы статьи, вродѣ «опыта» г. Булгакова или—его сосѣда по счастливой случайности—г. Вевича, чаще украшали собою страницы кадетскихъ изданій, болѣе свѣжая часть мелко-буржуазной интеллигенціи давно бы сдѣлала то, что въ свое время сдѣлала демократическая интеллигенція «союза освобожденія»: отрясла бы кадетскій прахъ отъ ногъ своихъ. Потому что, какъ ни силенъ гипнозъ земской идеологіи надъ умами этой интеллигенціи, какъ ни много реакціоннаго въ ея собственной психикѣ, она по своей сущности искренне демократична, а искренній демократизмъ не помирится никогда ни съ поповствомъ, ни съ военщиной.

«Какъ ни много реакціоннаго въ собственной психикѣ» этой интеллигенціи, сказали мы. Дѣло въ томъ, что мы были бы глубоко неправы и къ «земству», и къ мелкой буржуазіи, если бы объясняли ихъ союзъ и враждебность ихъ обоихъ къ соціалъ-демократіи исключительно внѣшнимъ давленіемъ историческихъ обстоятельствъ, съ одной стороны, и недомысліемъ, съ другой. Идеологія того или другого общественнаго класса объясняется, въ основѣ своей, не тѣми или другими случайными вліяніями, а его экономической обстановкой. Пролетаріатъ, по своему экономическому положенію, всегда будетъ на сторонѣ соціализма, крупная буржуазія, въ силу тѣхъ же экономическихъ условій, всегда будетъ на сторонѣ политическаго индивидуализма и противъ коллективистскихъ тенденцій. На чью сторону становится въ этомъ случаѣ буржуазія мелкая? Ея *интересы*, поскольку она ихъ сознаетъ, тянутъ ее, конечно, къ пролетаріату: она, какъ и послѣдній, лежитъ внизу общественной пирамиды и чувствуетъ на своей спинѣ всю ея тяжесть; она, какъ и пролетаріатъ, на каждомъ шагу становится жертвою эксплоатаціи со стороны крупнаго капитала и—въ лицѣ крестьянства—со стороны крупнаго землевладѣнія. Но ея хозяйственная *традиція* мѣшаетъ ей видѣть выходъ тамъ, гдѣ находитъ его пролетаріатъ. Пролетарій привыкъ работать дружно, въ рядахъ хорошо дисциплинированной арміи. Онъ привыкъ во всей своей хозяйственной дѣятельности чувствовать, что онъ всецѣло зависитъ отъ организаціи, — что онъ силенъ по стольку, по сколько онъ связанъ съ другими. Типичный мелкій буржуа, ремесленникъ, тѣмъ и отличается отъ пролетарія, что, владѣя, по большей части фиктивно, орудіями производства, онъ сохраняетъ иллюзію своей экономической независимости и рев-

*) Редакціонное примѣчаніе г. Струве, см. тамъ же стр. 129—130.

ниво оберегаетъ эту иллюзію. Его товарищи-ремесленники для него въ то же время и конкуренты: онъ силенъ не связью съ ними, не ихъ поддержкой, а борьбой съ ними, побѣдой надъ ними. То-есть, такъ ему *кажется:* по мѣрѣ того, какъ иллюзорность его хозяйственной «самостоятельности» становится все очевиднѣе, и ремесленникъ, конечно, начинаетъ понимать, что капиталъ его давитъ не меньше, чѣмъ фабричнаго рабочаго, только инымъ способомъ,—способомъ, еще болѣе выгоднымъ для капитала и еще болѣе мучительнымъ для эксплоатируемыхъ. Тогда и ремесленники начинаютъ смыкаться въ профессіональные союзы,—но это ужъ побѣда сознательности надъ традиціей. Но и мелкій буржуа интеллигентный, крѣпостной одной изъ безчисленныхъ «свободныхъ профессій», не отличается въ этомъ случаѣ отъ ремесленника: студія художника, кабинетъ врача или адвоката только на экономически неопытный взглядъ не заключаютъ въ себѣ «ничего похожаго» на мастерскую сапожника или столяра. На самомъ дѣлѣ всѣ *экономическія* условія ремесленнаго, мелкобуржуазнаго производства здѣсь на лицо *). И при всей своей сложности, психологія ремесленника этого типа по существу не можетъ быть иной: надежда только на свои собственныя силы, тайная зависть къ своимъ товарищамъ-конкурентамъ, экономическая, и стало быть и соціальная, изолированность—все это отличительныя черты интеллигентнаго ремесленника, какъ и всякаго другого. Не даромъ такъ легко, сравнительно, организовать «полусознательныхъ» пролетаріевъ и такъ трудно, почти до невозможности, дается организація вполнѣ, казалось бы, сознательнымъ интеллигентамъ.

Съ этой интеллигентской «сознательностью» связано, впрочемъ, тоже не мало иллюзій. Если подъ «сознательностью» разумѣть отчетливое пониманіе своего классоваго интереса, а, стало быть, и своей политической задачи, то большинство нашей интеллигенціи пришлось бы отнести къ «малосознательнымъ». Индивидуалистическая раздробленность экономической дѣятельности приводитъ къ тому, что люди за индивидуумомъ не видятъ класса и не понимаютъ политическихъ группировокъ на иной основѣ, кромѣ индивидуальныхъ взглядовъ и личныхъ склонностей. Для своего класса очень типична была та — весьма искренняя и «убѣжденная»—интеллигентка, которая находила, что въ программѣ каждой партіи есть что-нибудь хорошее, и что надо составить «свою» программу, взявъ это хорошее у всѣхъ партій. Очевидно, такихъ людей больше всего должны были пугать наиболѣе рѣзкія формулировки, наиболѣе отчетливо поставленныя требованія. Вотъ источникъ того несомнѣннаго отвращенія мелкаго буржуа къ соціалъ-демократіи, которое въ немъ пробуждается, когда ему приходится впервые сталкиваться съ нею не въ книжкахъ, а въ реальныхъ условіяхъ серьезной политической борьбы. По своимъ «личнымъ убѣжденіямъ» онъ очень часто соціалистъ; болѣе пугливый, чѣмъ пролетарій, онъ однако же не настолько трусливъ, чтобы никогда не найти въ себѣ мужества бороться за свои убѣжденія. Но вступить, во имя этихъ убѣжденій, въ ряды организаціи, гдѣ придется считаться съ мнѣніями и

*) Эта мысль хорошо обоснована, между прочимъ, въ статьѣ тов. Д., въ 9 № газеты «Борьба».

убѣжденіями большинства; подчинить себя дисциплинѣ, допустить, чтобы «имъ командовали»: нѣтъ, для этого онъ слишкомъ цѣнитъ свою личность! Онъ ея «свободой» ни для кого и не для чего не пожертвуетъ. Хотя, быть можетъ, эта драгоцѣнная личность только и могла бы пріобрѣсти какую-нибудь цѣну въ рамкахъ организованной политической работы. Хотя именно отсутствіе организаціи и лишаетъ эту личность самыхъ элементарныхъ огражденій ея индивидуальности. Кадеты, нужно имъ отдать справедливость, великолѣпно сумѣли использовать эту слабость мелкаго буржуа. Они допускали въ своей партіи «свободу личнаго убѣжденія» до размѣровъ, неслыханныхъ, вѣроятно, ни въ одной политической организаціи міра: до права членовъ конституціонно-демократической партіи публично заявлять, что они принадлежатъ къ кадетамъ только «изъ тактическихъ соображеній», не раздѣляя вовсе ихъ программы. До права отдѣльныхъ членовъ вступать въ переговоры съ правительствомъ безъ вѣдома партіи, и даже вопреки вѣроятному мнѣнію ея большинства. Ни г. Струве за свои интимные разговоры съ гр. Витте «о всеобщемъ избирательномъ правѣ», ни гг. Петрункевичъ и Кокошкинъ за свое паломничество къ тому же Витте, сколько мы знаемъ, никакимъ репрессіямъ со стороны партіи не подвергались *). Вступая въ такую партію, мелкій буржуа могъ быть спокоенъ за свою свободу — и незамѣтно для себя превратился въ довольно дисциплинированнаго партійнаго человѣка.. Безъ всякой ироніи, мы видимъ величайшій политическій успѣхъ въ ктомъ дисциплинированіи мелкобуржуазной интеллигенціи кадетами—и эрупную заслугу этихъ послѣднихъ передъ дѣломъ политической свободы въ Россіи. Нѣтъ ничего легче, какъ господствовать надъ людскою пылью, какими бы просвѣщенными и высоко развитыми ни мнили себя отдѣльныя пылинки. Городскіе выборы въ Государственную думу показали, что теперь русская мелкая буржуазія уже не представляетъ собой людской пыли. Что хотя у нея и нѣтъ своей программы—и она, по недоразумѣнію, готова даже признать помѣщичьи идеалы за свои, — что хотя она и путается еще самымъ жалкимъ образомъ въ вопросахъ тактики, смѣшивая легальность съ подчиненіемъ полицейскому произволу и наивно вѣря, что революціонная «диктатура пролетаріата» **) обозначаетъ то же, что и чрез-

*) Кульминаціоннаго пункта эта «либеральная» тактика достигла въ пресловутыхъ профессіонально-политическихъ союзахъ, своимъ полнымъ политическимъ безсиліемъ такъ ярко подчеркнувшимъ всѣ охарактеризованныя выше особенности нашей мелко-буржуазной интеллигенціи. Въ уставахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ подчиненіе отдѣльныхъ членовъ директивамъ центра прямо отдавалось на волю этихъ членовъ. Хотятъ—слушаются, хотятъ—нѣтъ...

**) Г. Изговъ, въ своей, выше нами цитированной, статьѣ «Диктатура пролетаріата», самымъ непозволительнымъ образомъ смѣшалъ диктатуру пролетаріата въ смыслѣ перехода всей политической власти въ руки окончательно пролетаризованной массы наканунѣ *соціальной* революціи, съ той революціонной диктатурой пролетаріата и *крестьянства*—т.-е. *диктатурой всей народной массы*, которая составляетъ неизбѣжный моментъ всякой революціи—англійской (въ періодъ господства индепендентовъ) французской (послѣ низверженія монархіи) и, конечно, также и русской. Никакой утопіи здѣсь нѣтъ, никакого разрушенія существующаго соціальнаго строя эта диктатура не предполагаетъ (что совершенно очевидно хотя бы изъ участія въ ней крестьянства, т.-е. всей мелкой сельской буржуазіи). Она, *эта* диктатура, и составляетъ самое яркое выраженіе той «демократической, политической революціи», наличность которой самъ г. Изговъ не думаетъ отрицать. Или онъ предполагаетъ, что «демократическая» революція возможна безъ „демоса"?

вычайная охрана, — она все-таки сдѣлала громадный шагъ на пути политической сознательности.

Но дальнѣйшіе шаги по этому пути поведутъ ее не за кадетами, а прочь отъ нихъ. Неспособность организоваться была главнымъ условіемъ, лишавшимъ интеллигенцію классоваго сознанія. Разъ поборовъ это отвращеніе къ организаціи, разъ сплотившись и увидавъ себя въ сборѣ, интеллигентная мелкая буржуазія очень скоро должна будетъ замѣтить, что у нея нѣтъ рѣшительно ничего общаго съ ея временными вождями. Что ихъ ревнивая забота — удержать власть за «земцами» — идетъ прямо въ разрѣзъ съ ея ближайшими будничными интересами. Особенно хорошо должна это почувствовать—и, кажется, уже почувствовала—та, очень крупная, часть профессіональной интеллигенціи, которая своими заработками связана съ «земцами и думцами», состоя на службѣ земскаго и городского самоуправленія *). Полная и безусловная свобода коалиціи одинаково дорога, какъ для промышленнаго пролетаріата, такъ и для «третьяго элемента» — и послѣдній ея никогда не добьется безъ помощи перваго. Кто слѣдилъ за исторіей политически-профессіональныхъ союзовъ, не могли не замѣтить, что единственно жизнеспособными изъ послѣднихъ оказались тѣ, гдѣ были сильны болѣе или менѣе чисто пролетарскіе элементы—желѣзнодорожный, напримѣръ,—гдѣ, значитъ, фактически осуществился—хотя и въ довольно странной формѣ—союзъ мелкой буржуазіи и рабочаго класса. Наконецъ, сама программа соціалъ-демократіи, съ ея послѣдовательнымъ демократизмомъ, не оставляющимъ никакихъ зацѣпокъ, при помощи которыхъ могли бы удержаться на поверхности воды господа вчерашняго дня, съ ея безусловнымъ отрицаніемъ рекрутчины и косвенныхъ налоговъ, тяжело лежащихъ не на одномъ пролетаріатѣ, а на всей небогатой части населенія, должна гораздо больше говорить мелкому буржуа, чѣмъ хитроумные компромиссы, пытающіеся примирить «народную свободу» съ интересами аграріевъ. А лейтмотивъ рабочей программы—минимумъ, борьба съ деспотизмомъ капитала, долженъ быть не меньше, чѣмъ рабочимъ, понятенъ мелкой буржуазіи, — въ особенности той ея части, которая непосредственно сталкивается съ капиталомъ и непосредственно имъ эксплоатируется, служа въ разныхъ банкахъ, конторахъ и т. под. Впрочемъ, эти полу-пролетарскіе слои уже довольно давно тяготѣютъ къ соціалъ-демократіи и союзъ ихъ съ кадетами больше, чѣмъ у другихъ разрядовъ мелкой буржуазіи, созданъ временными условіями настоящаго момента революціи.

Мы отнюдь не «льстимъ себя надеждой», что всѣ мелкіе буржуа въ скорости сдѣлаются сознательными соціалъ-демократами. Мы видѣли выше цѣлый рядъ условій, которые всегда путали и будутъ путать политическія выступленія мелкой буржуазіи. Ея противорѣчивая соціальная позиція, не дающая ей возможности выработать устойчивую политическую программу, ея традиціонное почтеніе къ «земству», какъ вождю политическаго прогресса, наконецъ, ея индивидуалистическая раздробленность,—все это постоянно будетъ оттягивать мелкую буржуазію къ по-

*) См. въ этомъ же сборникѣ статью о реакціи въ земствѣ.

литическому дну, всегда заставитъ ее плестись въ хвостѣ болѣе сплоченныхъ, лучше организованныхъ общественныхъ слоевъ. Но земство само такъ энергично разрушаетъ свою либеральную репутацію — что скоро кадетскіе земцы, кажется, будутъ бояться даже этого имени, и г. Изгоевъ, «для краткости», станетъ называть своихъ союзниковъ какъ-нибудь иначе. Далѣе, какъ мы видѣли, есть всѣ шансы надѣяться, что выборъ «вождей» мелкой буржуазіи будетъ становиться все сознательнѣе. И въ этомъ выборѣ условія историческаго момента будутъ играть все болѣе и болѣе доминирующую роль. Уже и въ предшествующую эпоху революціи кадетская умѣренность далеко не была характеристична для всей мелкобуржуазной интеллигенціи. Даже воплощеніе ея политическаго безсилія, «союзъ союзовъ», нашелъ въ себѣ энергію присоединиться къ всеобщей забастовкѣ;—тоже дѣлали и многія другія интеллигентскія организаціи, а нѣкоторыя изъ нихъ, въ наиболѣе горячую пору, присоединялись къ манифесту революціонныхъ организицій и даже выносили резолюціи о вооруженномъ возстаніи... И теперь болѣе живое и энергичное направленіе стремится пробить себѣ отдушину въ гладкомъ льдѣ кадетскаго благоразумія. Рядомъ съ архи-скучной «Рѣчью», повидимому, готовящейся побить рекордъ, установленный «Русскими Вѣдомостями», мы находимъ въ кадетской прессѣ и «Путь», и «XX вѣкъ» (ранѣе «Русь» и «Молва»), гдѣ временами звучатъ совсѣмъ иныя ноты. Рядомъ съ центральнымъ комитетомъ «Партіи народной свободы», спѣшащимъ расписаться въ своей неприкосновенности къ агитаціи противъ займа—мы встрѣчаемъ все больше и больше членовъ партіи, искренно возмущенныхъ тѣмъ, что партія этой агитаціи не вела и не ведетъ; становится все очевиднѣе, что многихъ загнали въ «умѣренную и осторожную революцію», главнымъ образомъ, дубасовскія пушки. Правительственный терроръ послѣднихъ мѣсяцевъ достигъ, въ миніатюрѣ и на короткое время, лишь тѣхъ результатовъ, какихъ въ свое время добилась въ болѣе широкихъ размѣрахъ политика Александра III. Общество не стало «благонамѣреннымъ», но оппозиція буржуазнаго большинства изъ острой формы перешла въ хроническую. Тогда не было на сценѣ народной массы—и хроническая форма затянулась на много лѣтъ. Теперь она быстро идетъ къ новому параксизму. Неизбѣжность краха Думы въ томъ или иномъ видѣ—краха моральнаго, въ видѣ безсилія Думы разрѣшить поставленные исторіей вопросы, или краха матеріальнаго, въ видѣ «разгона» Думы раньше, чѣмъ ей удастся приняться за разрѣшеніе этихъ вопросовъ, начинаетъ сознаваться даже кадетами, какъ ни велико опьяненіе ихъ побѣды. Они уже начинаютъ подумывать о «внѣпарламентскомъ давленіи, которое должно принять организованную форму, и въ формировкѣ котораго примутъ участіе и внѣпарламентскія партіи»*). Наивная увѣренность въ томъ, что «внѣпарламентскія партіи» будутъ организовывать «давленіе» въ пользу бойкотируемой ими кадетской Думы, останется, конечно, только лишней иллюстраціей мелкобуржуазныхъ иллюзій. Но что единственно возможное, за отсутствіемъ пар-

*) «Путь», № 34, отъ 16 апрѣля.

ламента, внѣпарламентское движеніе гигантскимъ шагомъ идетъ на прибыль, это не подлежитъ сомнѣнію. Гребень приливной волны поднимается все выше и выше—и захлестнутая ею интеллигенція скоро снова очутится въ водоворотѣ неумѣренной и неосторожной революціи. Ей опять придется участвовать въ революціонныхъ выступленіяхъ, но, судя по всему, она будетъ идти уже не подъ знаменемъ либеральныхъ аграріевъ, а подъ знаменемъ пролетаріата.

М. Покровскій.

9—16 апрѣля.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Со времени написанія этой статьи прошло двѣ недѣли; за эти двѣ недѣли собрался и разошелся кадетскій съѣздъ, вышли «основные законы», открылась Дума, конституировалась ея «крайняя лѣвая». Мы чувствуемъ, что статья наша все больше и больше становится не нужной: развиваемыя въ ней положенія жизнь, съ каждымъ днемъ, дѣлаетъ все болѣе и болѣе само собою разумѣющимися — не нуждающимися ни въ какихъ доказательствахъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, доказывать путемъ длиннаго и сложнаго анализа программы, что интересы вождей кадетства, либеральныхъ аграріевъ, и требованія ихъ арміи, мелкой буржуазіи всѣхъ родовъ и видовъ, несовмѣстимы—когда третій съѣздъ «партіи народной свободы» сдѣлалъ эту несовмѣстимость истиной самоочевидной?

Теоретическія уступки демократіи, сдѣланныя либеральными помѣщиками ради уловленія мелкобуржуазныхъ избирателей, стали разбиваться, какъ хрупкое стекло, при первыхъ столкновеніяхъ съ суровой правдой жизни. Началось пока съ экономической части программы: о рабочемъ вопросѣ центральный комитетъ «партіи народной свободы» попросту... позабылъ, какъ заявилъ, почесавъ въ затылкѣ, одинъ изъ его членовъ какому-то наивному демократу, принявшему кадетскую программу въ серьезъ

Въ самомъ дѣлѣ—рабочихъ такъ мало въ Думѣ, стоитъ ли заботиться объ ихъ расположеніи? Крестьяне, тѣ составляютъ тамъ довольно компактную группу, и объ нихъ «позабыть» было нельзя. Но съ аграрнымъ вопросомъ на третьемъ съѣздѣ «партіи народной свободы» случилось—если это возможно—еще хуже, нежели съ рабочимъ. Какъ ни стараются газеты праваго кадетскаго крыла («Русск. Вѣдом.», напримѣръ) увѣрить своихъ читателей, будто въ проектѣ аграрной комиссіи кадетовъ проведенъ принципъ «перехода земли въ руки тѣхъ, кто ее обрабатываетъ», самъ докладчикъ этой комиссіи на съѣздѣ, г. Якушкинъ, долженъ былъ признать, что ничего подобнаго въ проектѣ нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой тутъ «переходъ земли въ руки трудящихся», когда проектъ даетъ **полную возможность укрѣпить на вѣки-вѣчныя за помѣщиками тѣ имѣнія,**

гдѣ владѣльцы сами ведутъ хозяйство?*) Ибо кто, кромѣ людей исключительной наивности, усумнится хотя бы на минуту, что «центральное учрежденіе, завѣдующее земельнымъ устройствомъ», наполовину выбранное кадетской думой, наполовину назначенное бюрократіей, признаетъ «исключительно интенсивнымъ» и «образцово-показательнымъ» любое дворянское имѣніе, гдѣ есть хотя бы зачатки раціональнаго хозяйства? Единственно, кого «лѣвые земцы» соглашаются принести на жертву демократіи, это *дикаго помѣщика* **), in corpore внѣдрившагося въ «союзъ русскаго народа» и потому являющагося теперь политическимъ врагомъ кадетовъ. Но политическая вражда не можетъ изгладить воспоминаніе о соціальномъ родствѣ: и дикій помѣщикъ—свой братъ дворянинъ; если его и заставятъ уступить крестьянамъ свою землю «безъ всякихъ ограниченій», то, конечно, за хорошія деньги, въ видѣ «выпускаемыхъ для этой цѣли процентныхъ бумагъ» (доброй памяти выкупныя свидѣтельства, читатель!). О «справедливой оцѣнкѣ» мы что-то ничего въ аграрномъ проектѣ уже не слышимъ. За то проектъ очень выразительно подчеркиваетъ, что земля достанется только «малоземельнымъ и безземельнымъ», при томъ «въ размѣрахъ обезпеченія до потребительной нормы»,—т.-е. столько, чтобы не помереть съ голоду—при томъ, «принимая въ разсчетъ прочные промысловые доходы, гдѣ таковое существуютъ»,—заработную плату въ сосѣдней барской экономіи, напримѣръ. Увѣковѣчивая раціональное помѣщичье хозяйство, нужно было увѣковѣчить, разумѣется, и батрака съ надѣломъ,—необходимую принадлежность этого хозяйства при современныхъ условіяхъ. И этотъ грубопомѣщичій проектъ, подъ которымъ не отказался бы подписаться иной прусскій юнкеръ, г. Струве рѣшился назвать—въ своей рѣчи на съѣздѣ—«грандіозной реформой, случаемъ, безпримѣрнымъ въ исторіи соціальнаго законодательства»,—реформой, которой г. Струве будетъ гордиться, «какъ соціалистъ» (!). Въ двадцатый разъ приходится спросить себя, кого они обманываютъ? Или ихъ «побѣда» внушила имъ такую увѣренность въ «безпримѣрной» глупости россійскаго интеллигентнаго обывателя, что они не находятъ болѣе нужнымъ стѣснять себя столь ими излюбленными «этическими нормами», и просто-на-просто цинически глумятся надъ истиной? Публицистъ газеты «Рѣчь» очень скоро напомнилъ весьма свѣжій

---

*) «III. Не подлежатъ принудительному отчужденію... б) имѣнія или части имѣній, сохраненіе которыхъ будетъ признано необходимымъ съ точки зрѣнія ихъ общественно-важнаго значенія, какъ исключительно интенсивныхъ, образцово-показательныхъ и т. п. Центральнымъ учрежденіемъ, завѣдующимъ земельнымъ устройствомъ; в) земля, на которой расположены фабрично-заводскія или *сельско-хозяйственныя предпріятія* (курсивъ нашъ н. п.), въ размѣрѣ, безусловно необходимомъ для даннаго предпріятія по техническимъ условіямъ (земля подъ строеніями, складами, сооруженіями *и т. д.*).

Обратите вниманіе на это «и т. д.», читатель, и помните, что рѣчь идетъ не только о фабрично-заводскихъ, но и *сельскохозяйственныхъ* предпріятіяхъ!

**) «I. Подлежатъ отчужденію безъ всякихъ ограниченій... б) всѣ земли, *обычно сдаваемыя въ аренду* (курс. нашъ) за деньги, изъ доли или за отработку, а также *земли, эксплоатируемыя преимущественно наемнымъ крестьянскимъ инвентаремъ*» (тоже).

примѣръ «безпримѣрной грандіозной реформы», предложивъ начать манифестъ о новой земельной реформѣ извѣстными словами филаретовскаго манифеста — этого типично-фарисейскаго произведенія типично-русскаго іезуита: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ и призови благословеніе на твой свободный трудъ». Совершенно вѣрно, аграрное преобразованіе по кадетскому рецепту будетъ точной копіей знаменитой реформы 19 февраля: это будетъ дальнѣйшая ликвидація феодальныхъ отношеній въ направленіи, наиболѣе выгодномъ для крупныхъ землевладѣльцевъ.

«Движеніе влѣво» нашихъ либеральныхъ аграріевъ не пережило, такимъ образомъ, выборовъ: получивъ отъ мелкой буржуазіи мандаты, «лѣвые земцы» очень быстро стали забывать сочиненную ими ad usum delphini программу. Но «дельфинъ» оказался не такимъ простакомъ какимъ его считали: въ особенности не похожъ на «дельфина» оказался крестьянинъ, классовымъ инстинктомъ застрахованный отъ увлеченія помѣщичьими «грандіозными реформами».

Увидавъ «безпримѣрный» проектъ, крестьянинъ въ кадетскую партію не пошелъ, да и многіе изъ завербованныхъ въ нее городскихъ мелкихъ буржуа, «интеллигентовъ», пришли въ ярость, ибо живо почувствовали, что носъ ихъ крѣпко сжатъ чьими-то ловкими пальцами. Эту ярость они выразили не всегда складно, чѣмъ и дали пищу для дешеваго зубоскальства корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», но настолько единодушно, что центральный комитетъ партіи н. с. долженъ былъ согласиться на резолюцію, весьма дисгармонирующую съ конкретнымъ содержаніемъ аграрнаго проекта—хотя «Русскія Вѣдомости» и увѣряютъ, будто авторы проекта «всегда такъ думали». Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ думали,—чужая душа потемки,—но тогда они хорошо «умѣютъ молчать», не хуже Мольтке... Вообще, въ разсужденіяхъ почтенной московской газеты по аграрному вопросу проглядываетъ замѣтная растерянность: «лѣвые земцы» чувствуютъ, что мелкая буржуазія Думы уходитъ у нихъ изъ рукъ. Особенно угнетаетъ правыхъ кадетовъ образованіе въ Думѣ «крайней лѣвой», — при томъ въ такихъ солидныхъ размѣрахъ: до 130 человѣкъ, т.-е. почти до 1/3 всѣхъ членовъ. Такъ какъ люди болѣе или менѣе прикосновенные къ революціоннымъ партіямъ проникли въ Думу въ гомеопатическомъ количествѣ, то «крайнюю лѣвую» приходится отнести на счетъ «наивныхъ демократовъ»—«наивныхъ» настолько, что они еще вѣрятъ въ Думу, но уже не до такой степени, чтобы вѣрить въ кадетовъ. И этотъ призракъ настоящей, подлинной демократіи въ Думѣ—пока еще только призракъ — пугаетъ «конституціоналистовъ демократовъ» чуть не до обморока. Какихъ только утѣшеній они себѣ не придумываютъ: то они «почти увѣрены, что большая конкретизація программы новой партіи сгладитъ ея шероховатости и приблизитъ крестьянскую группу къ к.-д.», то имъ кажется, что попытка крестьянъ лишить кадетовъ монополіи на «демократію» въ Думѣ «кончится въ концѣ концовъ неудачей» и тогда входящіе въ составъ крайней лѣвой элементы «естественнымъ образомъ сгруппируются вокругъ к.-д. партіи и послѣдняя такимъ образомъ усилится»...*).

*) «Русск. Вѣд.» № 115, ст. г. Мкс.

Но увы! никакая конкретизація не примиритъ интересовъ крестьянина съ интересами помѣщика и настоящаго демократа съ кадетомъ. И дѣло «въ концѣ концовъ кончится» не распаденіемъ демократіи, а распаденіемъ самой «партіи народной свободы» на лѣвое, мелкобуржуазное крыло, которое сольется мало-по-малу съ «крайней лѣвой» Думы, и правое крыло, помѣщичье, которое, можетъ быть, составитъ буржуазно-либеральный центръ Думы, а, можетъ быть, сольется съ лѣвымъ крыломъ въ свою очередь распадающагося «17-го октября». Тамъ, вѣдь, не одни черносотенцы, а и Шиповъ со Стаховичемъ—тоже «либералы»...

М. П.

29 апрѣля.

Земство и революція.

I.

Классовые интересы и противорѣчія никогда такъ рѣзко не обнажаются и не обостряются, какъ въ революціонныя эпохи. Революція безпощадно вскрываетъ и разоблачаетъ всю фальшь и лживость всякаго рода «надклассовыхъ» и «внѣклассовыхъ» идеологій. И тѣ представители экономически господствующихъ классовъ, которые еще вчера притворялись друзьями рабочихъ и крестьянъ, рядились въ демократическія и даже соціалистическія тоги, сегодня, въ моментъ рѣшительной схватки между борющимися классами, стремительно бросаются въ объятія контръ-революціи.

Пока народныя массы молчатъ, пока пролетаріатъ и крестьянство безъ сопротивленія несутъ на своихъ плечахъ иго экономической эксплоатаціи и политическаго гнета со стороны господствующихъ группъ и классовъ населенія, буржуазія проявляетъ склонность къ либерализму и порой очень краснорѣчиво говоритъ объ «общенаціональномъ благѣ», «общегосударственномъ интересѣ» и при этомъ часто дѣлаетъ видъ, что въ современномъ капиталистическомъ обществѣ нѣтъ ни классовой борьбы, ни классовыхъ противорѣчій.

Но какъ только начинаетъ подниматься пролетаріатъ (а вслѣдъ за нимъ и голодное крестьянство) и выпрямляться во весь свой ростъ, такъ либеральная буржуазія немедленно же сбрасываетъ съ себя демократическія и соціалистическія тоги и, заключивши союзъ съ контръ-революціей, какъ бѣшеная, бросается на революцію.

Такъ было это въ западно-европейскихъ революціяхъ.

Такъ это случилось и въ русской революціи.

До самаго послѣдняго времени въ широкихъ кругахъ русскаго общества и на страницахъ такъ называемой «передовой печати» господствовало совершенно ложное убѣжденіе относительно роли земскаго либерализма въ русскомъ освободительномъ движеніи. Полагали, что земство, будучи сословно-классовой организаціей, тѣмъ не менѣе стоитъ выше сословныхъ и классовыхъ интересовъ и въ сущности является выразителемъ и носителемъ интересовъ всѣхъ классовъ населенія—въ томъ числѣ и эксплоатируемыхъ. Вѣрили такъ же и въ то, что земство—истинный представитель освободительныхъ стремленій лучшей части общества.

Сами-же либеральные земцы нерѣдко мнили о себѣ, какъ о представителяхъ народа и порой даже выступали отъ его имени. Про себя они всегда думали, что они—единственная общественная сила, которая способна обновить Россію и дать ей новыя политическія формы бытія «это мы добыли манифестъ 17 октября»,—говорили земцы на ноябрьскомъ съѣздѣ 1905 г.

И только соціалъ-демократія, оставаясь на стражѣ интересовъ пролетаріата, неустанно разоблачала классово-сословную подоплеку въ дѣятельности современнаго земства и всегда указывала на то, что демократическая окраска тѣхъ или иныхъ земскихъ мѣропріятій зависитъ отъ третьяго элемента.

Революція уничтожила всѣ ложныя представленія о демократизмѣ земцевъ и лишній разъ подтвердила справедливость оцѣнки земской дѣятельности со стороны соціалъ-демократіи.

Земцы—эти вчерашніе потрясатели основъ—въ моментъ рѣшительнаго сраженія между самодержавіемъ и революціоннымъ народомъ, круто осадили и повернули назадъ въ свою родную стихію, т.-е. въ реакцію. Теперь для всѣхъ ясно, что въ революціонныя дни русское земство сыграло позорную роль пособника и союзника администраціи, въ лучшемъ случаѣ—оно молчало.

Впервые земцы открыто выступили врагами революціи на ноябрьскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей 1905 г. Въ рѣчахъ ораторовъ доминирующимъ мотивомъ былъ паническій страхъ передъ революціей. Члены съѣзда безмѣрно тосковали по сильной власти, призывали «дѣлать Россію въ союзѣ хотя-бы съ чортомъ»; разлагающееся самодержавіе они готовы были поддержать во имя своихъ классовыхъ интересовъ, а предложенія объ амнистированіи крестьянъ, принимавшихъ участіе въ аграрномъ движеніи, матросовъ и солдатъ, участвовавшихъ въ военныхъ мятежахъ, было встрѣчено ропотомъ и, конечно, провалилось. Земцы съ негодованіемъ отвергли амнистію голодныхъ и безправныхъ крестьянъ, посягнувшихъ на священную собственность помѣщиковъ; отвергли и амнистію тѣхъ, кто попытался революціоннымъ путемъ уничтожить самодержавіе.

И большинство, и меньшинство съѣзда высказалось за немедленную организацію въ странѣ сильной и твердой власти, чтобы спасти отъ окончательнаго разрушенія старую Россію, чтобы обезпечить прочность и устойчивость крупнаго землевладѣнія.

Члены съѣзда разъѣхались по провинціи, охваченные жаждой уничтоженія всего, что носило на себѣ печать революціи. На мѣстахъ началась земская работа, направленная на борьбу съ революціей. Свою «работу» земцы повели столь усердно, что сама либеральная печать пришла въ смущеніе, а въ «Русск. Вѣд.» появились даже неодобрительные отзывы о новомъ курсѣ въ земствѣ.

Если бы земскій либерализмъ имѣлъ хотя бы тѣнь истиннаго демократизма, то и въ такомъ случаѣ земство, совмѣстно съ городскими управленіями, могло бы сыграть огромную освободительную роль въ революціонные дни. Въ кровавые октябрьскіе и декабрьскіе дни прямой обязанностью нашихъ органовъ самоуправленія было: 1) немедленная организація ми-

лиціи для охраны жизни, собственности и свободы гражданъ и 2) распущеніе современныхъ земствъ и думъ и созывъ новыхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, другими словами—созданіе авторитетныхъ въ глазахъ населенія органовъ самоуправленія. Если бы въ городѣ и въ деревнѣ тогда была учреждена милиція и организовано демократическое самоуправленіе, то дѣло свободы, несомнѣнно, было бы прочно обезпечено, такъ какъ при наличности этихъ организацій гидра реакціи была бы раздавлена при первыхъ же ея попыткахъ задушить свободу.

И еще большой вопросъ—рѣшилось бы правительство Витте-Дурново разстрѣлять демократическія самоуправленія и милицію или нѣтъ? И если бы оно рѣшилось на это, то неизвѣстно—согласились бы или нѣтъ даже вѣрныя правительству войска истреблять поголовно весь русскій народъ?

Но наши самоуправленія въ разгаръ революціи остались вѣрны себѣ: они вездѣ оказались на сторонѣ контръ-революціи; одна лишь вологодская Дума отпустила 3000 руб. на милицію *), но вопросъ о реорганизаціи самоуправленія и здѣсь не поднимался, о немъ, повидимому, даже и въ голову никому изъ гласныхъ не приходило.

Послѣ 17 октября 1905 года земство совершенно забыло «мѣстныя пользы и нужды» и, совмѣстно съ агентами министерства внутреннихъ дѣлъ и карательными экспедиціями, повело войну съ революціей.

Земскія собранія истекшей сессіи носили всюду одинъ и тотъ же характеръ. И губернскія, и уѣздныя собранія съ одинаковымъ усердіемъ предались искорененію крамолы и уничтоженію «вредныхъ» отраслей земской дѣятельности.

Суммируя газетные отчеты о ходѣ земскихъ собраній, можно нарисовать такую картину.

Занятія собраній начались или съ вѣрноподданическихъ кувырканій или съ обращеній къ правительству о немедленномъ истребленіи крамолы. Земскія управы, проявившія особую энергію въ борьбѣ съ крамолой, получаютъ одобреніе отъ земскихъ собраній. Управы, не зарекомендовавшія себя съ этой стороны, получаютъ порицанія отъ собраній и выходятъ въ отставку или остаются вопреки волѣ большинства гласныхъ. Земскія собранія in corpore занимаются производствомъ дознаній о поведеніи управъ и земскихъ служащихъ во время забастовокъ, митинговъ и демонстрацій, т. е. дѣлаютъ ту работу, которую обычно ведутъ охранныя отдѣленія и жандармскія управленія. Политическій сыскъ и насажденіе благонадежности отнынѣ превратились для земцевъ въ idee fixe... Ассигновки на статистику, санитарію, агромонію, издательство, книжное дѣло и т. д. или совсѣмъ прекращаются, или «сокращаются» до такихъ размѣровъ, при которыхъ, съ точки зрѣнія реакціи, онѣ «безвредны». Всюду массовыя увольненія и уходъ со службы тѣхъ земскихъ служащихъ, которые были наиболѣе полезными и нужными людьми въ земствѣ. Съ оставленныхъ и оставшихся въ земствѣ служащихъ берется

*) Вологда, кажется, единственный городъ въ Россіи, гдѣ погромы черной сотни были парализованы милиціей.

подписка, обязывающая ихъ не принимать участія въ политическихъ забастовкахъ, бойкотахъ и т. п.

Въ результатѣ всего этого получилась пріостановка культурной работы, которую хотя и не очень важно, но все-таки вело современное земство.

II.

Война земцевъ съ революціей вездѣ носила характеръ наглаго и гнуснаго издѣвательства надъ освободительнымъ движеніемъ и надъ результатами той земской культурной работы, которая велась при страшно трудныхъ условіяхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Было бы слишкомъ утомительнымъ перечислять всѣ факты, характеризующіе земскую реакцію. Достаточно остановиться на болѣе яркихъ и типичныхъ проявленіяхъ контръ-революціонной дѣятельности земствъ, чтобы ясно представить общее направленіе дѣятельности современнаго земства.

Самымъ характернымъ и вѣрнымъ показателемъ земской реакціи можетъ служить отношеніе земства къ современному освободительному движенію. Казалось бы земцы, мнившіе себя поборниками всеобщаго блага, должны привѣтствовать стремленіе массы къ проведенію въ жизнь идей демократизма и протестовать противъ дѣятельности завоевателей Прибалт. края, Кавказа, Москвы, Сибири, Полтавской, Саратовской и Тамбовской губерній.

Въ дѣйствительности же почти всѣ земства поголовно требовали отъ правительства немедленнаго усмиренія революціи, въ лучшемъ случаѣ вопросъ о правительственномъ террорѣ они обходили молчаніемъ и тѣмъ самымъ высказывали ему свое одобреніе. А тамъ, гдѣ вопросъ о протестѣ противъ царящаго произвола поднимался (Ярославль, Смоленскъ, Воронежъ и др.), его неизмѣнно проваливали. И только Костромское губернское земское собраніе выразило протестъ противъ насилій самодержавнаго правительства. Но едва ли и этотъ протестъ былъ искреннимъ и серьезнымъ, такъ какъ въ томъ же собраніи предложеніе о немедленной реорганизаціи земства на демократическихъ началахъ было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ.

Отрицательное отношеніе земства къ революціи сказалось также и во множествѣ постановленій земскихъ собраній о сокращеніи или полномъ прекращеніи ассигновокъ на культурныя земскія мѣропріятія. Внѣшнимъ поводомъ къ урѣзкамъ смѣтныхъ назначеній являлись то плохое состояніе земскихъ финансовъ, то «безполезность» тѣхъ или иныхъ отраслей земской дѣятельности и т. п. Въ дѣйствительности же въ сокращеніяхъ и уничтоженіяхъ ассигновокъ на культурную дѣятельность сквозитъ явное стремленіе земцевъ изгнать изъ земства революціонныхъ представителей третьяго элемента: вѣдь закрывались и «обезвреживались» тѣ отрасли земской работы, которыя, въ глазахъ земцевъ, не отличались полицейской благонадежностью и являлись носителями, источниками революціи. Такъ, напр., Костромское губернское земское собраніе закрыло статистику, мотивировавъ это рѣшеніе тѣмъ, что въ настоящее время производство изслѣдованій сопряжено съ опасностью для жизни статистиковъ. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ совершенно иначе, какъ

это видно изъ резолюціи служащихъ оцѣночно-статистическаго отдѣленія Костромской управы. Въ резолюціи сказано, что «поводомъ постановленія земскаго собранія является исключительно стремленіе очистить управу отъ элементовъ, мыслящихъ несогласно съ земцами и опасныхъ, по мнѣнію земскаго собранія, для ихъ крѣпостническихъ интересовъ и что своимъ постановленіемъ земск. собр. пошло навстрѣчу настоящему правительству, объявившему войну какъ крайнимъ партіямъ, такъ и всему освободительному движенію. Поэтому мы, увольняемые, не считаемъ для себя возможнымъ вновь поступать на службу въ оцѣночное или какое-либо другое отдѣленіе костромского губернскаго земства, пока извѣстное постановленіе земскаго собранія полицейско-сыскного характера не будетъ измѣнено другимъ земскимъ собраніемъ при выраженіи имъ возмущенія этимъ постановленіемъ и мотивами къ нему. Мы считаемъ вполнѣ естественнымъ, что гг. крупные землевладѣльцы — земскіе гласные, испугавшись народнаго движенія, употребляютъ данную имъ власть на защиту своихъ классовыхъ интересовъ, и мы возмущаемся лишь тѣмъ, что они не говорятъ этого открыто, что трусость ихъ такъ велика, что они хватаются за первый попавшійся мотивъ и за нимъ скрываютъ свои классовыя выгоды. Они называютъ себя борцами за народную свободу, они подписываютъ резолюціи, протестующія противъ произвола и насилія полиціи и жандармеріи, а сами проявляютъ тѣ же произволъ, насиліе и сыскъ. Кромѣ того, можемъ ли мы не протестовать противъ того, что губернскіе гласные роются въ нашихъ душахъ, и требуютъ, чтобы мы имъ продали не только наши знанія и рабочую силу, но и наши убѣжденія?» («Путь», 1906).

То же самое мы видимъ и въ Ярославлѣ, гдѣ земцы вмѣстѣ съ губернской управой «ополчились на служащихъ за то, что они организовали корпоративный союзъ служащихъ губернскаго земства, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалъ противодѣйствіе управѣ, какъ, напримѣръ, союзъ вступился за интересы рабочихъ земской типографіи и добился удовлетворенія ихъ требованій. Собраніе признало дѣйствія союза по поводу устройства митинга въ зданіи управы 18 октября неправильными и корпоративный союзъ необязательнымъ; (Р. В., № 310, 1905).

Аналогичное столкновеніе между управой и земскими служащими произошло и въ Московскомъ уѣздномъ земствѣ.

Служащіе земства образовали союзъ для отстаиванія своихъ интересовъ и содѣйствія освободительному движенію. Союзъ не понравился «второму элементу», и предсѣдатель управы Рихтеръ началъ съ нимъ борьбу. О дѣятельности союза онъ выступилъ передъ земскимъ собраніемъ съ докладомъ, который, по словамъ одного изъ гласныхъ, «могъ служить цѣннымъ матеріаломъ для охраннаго отдѣленія»... Этимъ Рихтеръ не ограничился; начались увольненія служащихъ; кто, вопреки волѣ Рихтера, не соглашался покидать службы, тотъ попадалъ въ тюрьму; попытки служащихъ отстоять своихъ товарищей окончились неудачей. Въ результатѣ всего этого создалась въ земствѣ такая атмосфера, въ которой порядочнымъ людямъ оставаться было невозможно; начался коллективный уходъ врачей, учителей и т. д. И Рихтеръ, при содѣйствіи администраціи, вышелъ побѣдителемъ изъ конфликта съ земскими служащими.

Въ такомъ же родѣ произошли конфликты между вторымъ и третьимъ элементомъ въ цѣломъ рядѣ и другихъ земствъ.

Результатомъ этихъ столкновеній явилось или остановка или разрушеніе земской дѣятельности. Такъ — статистика и агрономія потерпѣли въ Саратовѣ, Ярославлѣ, Полтавѣ, Симбирскѣ, Екатеринославѣ, Костромѣ и др. Санитарія пострадала въ Ярославлѣ, Саратовѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Симбирскѣ, Черниговѣ, Екатеринославлѣ и др. Земскіе періодическіе органы закрыты въ Саратовѣ, Харьковѣ, Екатеринославлѣ, Ярославлѣ.

Вскорѣ послѣ ноябрьскаго (1905 г.) съѣзда въ числѣ первыхъ крайне рѣзко и до конца откровенно высказалось бахмутское земское собраніе. 29 ноября 1905 г. во всѣхъ газетахъ появилась агентская телеграмма, въ которой былъ переданъ текстъ обращенія бахмутскихъ земцевъ къ высшему правительству. Выразивши вѣрноподданическія чувства и т. п., земцы намѣчаютъ правительству программу его дѣятельности въ борьбѣ съ революціей. Признавая необходимымъ созывъ Г. Думы, бахмутское земское собраніе заявляетъ, что «для этого неизбѣжно прежде всего, чтобы самыми рѣшительными мѣрами воздѣйствія справедливой, но строгой и твердой власти немедленно водворились спокойствіе и порядокъ въ странѣ, ибо пока таковые не водворятся, никакихъ мирныхъ реформъ не удастся провести. Никакими мирными реформами нельзя достигнуть успокоенія страны, находящейся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ состояніи, граничащемъ съ анархіей, въ другихъ объятой ея ужасами. Чѣмъ больше вольностей въ такой моментъ всеобщей смуты правительство будетъ давать, тѣмъ больше таковыхъ будутъ требовать. Бахмутское собраніе свидѣтельствуетъ, что если не будутъ энергично прекращены быстро развивающіеся грабежи и пожары, то населеніе можетъ оказаться вынужденнымъ стать на защиту самого себя, своихъ семей и имущества. Это поведетъ къ братоубійственному междоусобію, которое принесетъ гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ самыя рѣшительныя дѣйствія правительства. Бахмутское собраніе раздѣляетъ далеко не всѣ мнѣнія, высказанныя собравшимся въ Москвѣ съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, отнюдь не представляющихъ голоса земской Россіи. Бахмутское собраніе, централизуя въ себѣ громадные интересы мѣстнаго земледѣлія крупнѣйшей части донецкой горнопромышленности, кормящей массы рабочаго класса и мѣстнаго крестьянскаго населенія, находитъ за симъ, что безпримѣрныя въ исторіи забастовки, нарушающія права и интересы ни въ чемъ неповинныхъ третьихъ лицъ изъ мирнаго населенія, достойны негодованія; организаторы и пропагандисты этихъ безчеловѣческихъ дѣйствій, попирающіе справедливость и примѣняющіе жестокое насиліе вопреки дарованной свободѣ, терроризуя несогласныхъ съ ними, насильственно останавливая личную жизнь, должны подлежать строжайшей отвѣтственности. Возбужденіе народа противъ нихъ чрезвычайное. Лица, губящія Россію и въ тяжкій моментъ прибѣгающія къ исключительнымъ средствамъ, должны подлежать исключительнымъ мѣрамъ. Слѣдуютъ подписи». (СПб. Аг.).

Впослѣдствіи правительство Витте-Дурново въ точности выполнило требованія бахмутскихъ земцевъ.

Вслѣдъ за бахмутскимъ земствомъ началась дикая травля революціи со стороны почти всѣхъ земствъ Россіи.

Манифестъ 17 октября вполнѣ удовлетворилъ буржуазію. Земства одно за другимъ обратились къ изліяніямъ чувствъ благодарности передъ высшей властью, а вѣрноподданическія кувырканія вездѣ соединялись съ мольбой объ уничтоженіи революціи и насажденіи порядка.

Изъ ряда земскихъ ходатайствъ ноябрьскихъ дней—дней свободы—мы приведемъ полностью ходатайства тульскаго губернскаго земскаго собранія, какъ показатель земскаго настроенія того времени.

Собраніе приняло слѣдующія постановленія:

1) представить всеподданнѣйшій благодарственный адресъ за дарованіе милости манифестами 6-го августа и 17-го октября; 2) послать депутацію къ гр. Витте для указанія опасности положенія, созданнаго обращеніемъ правительства за содѣйствіемъ къ представителямъ радикальной партіи и 3) указать на необходимость прекращенія желѣзнодорожныхъ забастовокъ безъ возможности ихъ повторенія.

Первое постановленіе принято единогласно, а самый адресъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ваше Императорское Величество. Тульск. губерн. земск. собраніе съ чувствомъ глубочайшей благодарности встрѣчаетъ учрежденіе Государственной Думы, которая является уничтоженіемъ средостѣнія, всегда стоявшаго прежде между Царемъ и народомъ, и съ радостью увидѣло возможность плодотворной совмѣстной работы правительства съ обществомъ на благо родины *на новыхъ началахъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября*. Но мы не можемъ скрыть, Государь, что въ событіяхъ послѣдняго времени возстаетъ средостѣніе въ лицѣ тѣхъ разныхъ союзовъ, ничтожныхъ по численности группъ населенія, которые насиліемъ пытаются вліять на правительство, дерзновенно касаясь даже вопросовъ цѣлости русскаго государства, не ими, а народомъ русскимъ созданнаго. Умоляемъ Васъ, Государь, не слушать ихъ голоса, чуждаго большинству народа Вашего, и скорѣе созвать Государственную Думу на началахъ, Вами возвѣщенныхъ въ манифестѣ 6-го августа и 17-го октября, чтобы Вы могли узнать дѣйствительное мнѣніе всей Русской земли».

Во время преній гл. Бобринскій «мимоходомъ» высказалъ удивленіе, какъ можетъ быть терпимъ союзъ союзовъ, который, на его взглядъ, «гораздо вреднѣе союза воровъ и мошенниковъ».

Разсматривая манифестъ 17 октября, собраніе нашло, что новый манифестъ далъ народу слишкомъ много правъ, и поэтому рѣшило обратиться къ правительству съ такими ходатайствами:

1) чтобы избирательный законъ 6-го августа не подвергался коренной переработкѣ, а лишь частичнымъ дополненіямъ, согласно манифесту 17-го октября, и 2) чтобы выборы крестьянъ, пріостановленные вопреки манифесту 17-го октября, были произведены въ скорѣйшемъ времени, а тамъ, гдѣ уже состоялись, были признаны окончательными. («Р. В.», № 317, 1905).

Однако, постановленія и ходатайства земствъ ноябрьской сессіи все-таки носятъ на себѣ кое-какіе слѣды стыдливости, сдержанности.

Но вотъ вспыхнуло вооруженное возстаніе, и въ настроеніи земствъ произошелъ крутой переворотъ. Земскія собранія 1906 года уже не ограничиваются теоретизированіемъ вопроса объ отношеніи къ освободитель-

ному движенію. Нѣтъ, теперь они вступаютъ въ открытую борьбу съ нимъ и дѣлаютъ все возможное въ ихъ положеніи, чтобы раздавить революцію.

Въ Саратовѣ, Москвѣ, Калугѣ, Костромѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Курскѣ и т. д. наблюдается одно и тоже же характерное явленіе: земства приступаютъ къ уничтоженію культурной работы, которой были посвящены десятки лѣтъ; теперь имъ эта работа представилась змѣей, которую они воспитали на своей груди. Оппозиціоннаго духа ни въ одномъ собраніи и слѣда нѣтъ; земцы изъ рядовъ правительственной оппозиціи рѣшительно и, повидимому, безповоротно бросились въ объятія реакціи.

Вліяніе вооруженнаго возстанія и аграрныхъ волненій съ одинаковой силой сказалось на всѣхъ земствахъ—какъ на передовыхъ, такъ и на отсталыхъ.

Для нашей цѣли—чтобы показать конкретно настроеніе современнаго земства—достаточно остановиться на нѣсколькихъ фактическихъ сообщеніяхъ, типичныхъ для большинства земскихъ собраній 1906 г. Наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи являются саратовское и московское земства, считавшіяся передовыми до самаго послѣдняго времени.

Саратовское губернское земское собраніе въ прошломъ году было настроено настолько радикально, что въ январѣ 1905 года, напр., оно отказалось приступить къ занятіямъ послѣ того, какъ не получило разрѣшенія обсуждать резолюціи ноябрьскаго съѣзда (1904 г.); оно высказалось за всеобщее избирательное право, а отчеты о занятіяхъ собранія были изданы «освобожденіемъ» въ видѣ отдѣльной книги.

Прошелъ годъ—годъ революціи въ исторіи Россіи,—и отъ радикализма саратовскихъ земцевъ осталось одно воспоминаніе: аграрное движеніе отрезвило земцевъ и превратило ихъ въ заклятыхъ враговъ освободительнаго движенія, враговъ голоднаго безправнаго крестьянства.

На послѣднемъ земскомъ собраніи (февраль, 1906 г.), по словамъ корреспондента «Р. В.», земскіе служащіе подверглись огульному обвиненію въ подготовкѣ аграрныхъ погромовъ, а управѣ было выражено недовѣріе и порицаніе за ея образъ дѣйствій, за то, что она распустила служащихъ, недостаточно слѣдя за ихъ политической благонадежностью. Всѣ эти обвиненія и порицанія высказывались въ формѣ, которая могла объясняться лишь озлобленнымъ ослѣпленіемъ, лишающимъ людей способности разсуждать и различать: какъ будто бы на глазахъ у всѣхъ подъ дѣйствіемъ пробудившихся классовыхъ инстинктовъ совершался моральный разгромъ земскаго дѣла (№ 15, 1906 г.).

Изъ постановленій, направленныхъ противъ революціоннаго движенія, особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія.

Смѣта расходовъ на оцѣночно-статистическія работы съ 42 рублей сокращена до 25 руб., причемъ собраніемъ было выражено желаніе, чтобы «земскіе служащіе какъ можно меньше разъѣзжали по губерніи въ теперешнее тревожное время». Высылка корреспондентамъ текущей сельскохозяйственной статистики газетъ «*Приволжскій Край*», «*Сынъ Отечества*» и др. прекращена «такъ какъ названныя газеты являются партійными органами, распространенію которыхъ земство не должно способствовать». Добровольное страхованіе скота уничтожено, губернская агрономическая

организація разрушена, прекращено изданіе «Саратовской Земской Недѣли»—этого лучшаго земскаго органа.

Фельдшерская школа получила отказъ въ пособіи за то, что ученицы школы участвовали въ политической забастовкѣ, и въ помѣщеніи школы устраивались митинги. Учительское общество взаимопомощи въ прошломъ году исключило изъ состава почетныхъ членовъ Іоанна Кронштадтскаго и извѣстнаго мракобѣса—саратовскаго архіерея Гермогена. Въ наказаніе за этотъ поступокъ общество было лишено обычнаго пособія отъ земства въ 1000 руб.

Одинъ изъ гласныхъ саратовскаго губернскаго земскаго собранія передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ собранія, въ такихъ выраженіяхъ:

«За разгромленныя хозяйственныя цѣнности разрушаются другія матеріальныя и культурныя цѣнности, которыя до сихъ поръ создавались земской работой. Организованная классовая борьба замѣняется разнузданной классовой ненавистью,—чувство, которое слишкомъ ощущалось и на нашемъ земскомъ собраніи. И какъ тамъ,—въ истребленіи племеннаго скота, въ разрушеніи помѣщичьихъ усадебъ, библіотекъ и архивовъ,—такъ и здѣсь,—въ разрушеніи того, что создавалось медленной работой десятилѣтій,—было что то общее. Конечно, когда тамъ этотъ вандализмъ проявлялся среди голодающихъ и безправныхъ массъ, которыя не по своей винѣ замкнуты въ сословныя перегородки и къ которымъ многіе годы не пропускалось никакое просвѣщеніе,—тутъ онъ обнаружился у людей, которыхъ законъ призываетъ печься о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ». (Р. В., № 57, 1906 г.).

Если саратовское губернское земское собраніе дало типичный образецъ войны съ революціей земскими средствами, то московское губернское земское собраніе опредѣлило общія мѣры для усмиренія революціи.

Вопросъ о подавленіи революціи здѣсь возникъ по слѣдующему поводу.

Предсѣдатель управы—кадетъ Ѳ. А. Головинъ—вошелъ въ собраніе 22 марта съ докладомъ о положеніи земскихъ служащихъ. Въ докладѣ были сообщены факты увольненія служащихъ земства по требованію губернатора. Г. Головинъ находилъ такой порядокъ ненормальнымъ; по его мнѣнію, заподозрѣнныхъ въ участіи въ революціонномъ движеніи можно лишь увольнять и наказывать постановленіями судовъ самодержавнаго правительства, а усиленную и чрезвычайную охрану, представляющую администраціи дискреціонную власть, слѣдуетъ отмѣнить.

Во время преній по поводу этого доклада гл. А. И. Гучковъ вопросъ объ отношеніи собранія къ революціи поставилъ ребромъ. Г. Гучковъ говорилъ, что подготовляется новое вооруженное возстаніе, цѣлью котораго является созывъ учредительнаго собранія и учрежденіе демократической республики. «Поэтому земское собраніе должно опредѣленно сказать, какъ оно относится къ этимъ цѣлямъ, желаетъ оно или не желаетъ, чтобы земскіе служащіе служили этимъ цѣлямъ, участвовали въ политическихъ забастовкахъ. Я полагаю, что со стороны собранія можетъ быть только отрицательный отвѣтъ». Далѣе г. Гучковъ находилъ, что «лишать правительство исключительныхъ полномочій въ настоящее время,

когда опять готово вспыхнуть вооруженное возстаніе, было бы крайне неправильно». «Довольно было игры съ революціонными партіями; преступно и ошибочно думать, что этой игрой вы поставите плотину революціонному потопу; надо опредѣленно сказать, что ихъ цѣль—не наша и ихъ средства—не наши».

Гл. П. А. Столповскій—кадетъ—поспѣшилъ успокоить г. Гучкова, выяснивъ собранію en toutes lettres кадетскую точку зрѣнія на войну съ революціей. Г. Столповскій говорилъ:

«Нельзя говорить, что администрація останется безъ средствъ при возникновеніи вновь вооруженнаго возстанія, если будетъ отмѣнена усиленная и чрезвычайная охрана,—правительство всегда имѣетъ возможность немедленно же ввести эти охраны, разъ начинается вооруженное возстаніе».

«Извѣстный» земецъ Шиповъ—этотъ вчерашній Робеспьеръ въ глазахъ правительства — тоже оказался противникомъ положеній о чрезвычайной и усиленной охранѣ.

«Я,—говорилъ Шиповъ,—противъ вооруженнаго возстанія и за необходимость принятія чрезвычайныхъ мѣръ противъ него. Но онѣ должны приниматься на основаніи закона, чтобы административная власть опиралась на опредѣленное положеніе, хотя бы военное. При военномъ положеніи все-таки дѣйствуетъ военный судъ, а при усиленной и чрезвычайной охранѣ нѣтъ никакого суда, а есть полный произволъ администраціи, не сдерживаемой въ своихъ дѣйствіяхъ никакими нормами. Поэтому, если нельзя высказаться противъ военнаго положенія при вооруженномъ возстаніи, то всегда нужно говорить противъ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ».

Такимъ образомъ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи по вопросу о борьбѣ съ революціей намѣтились три теченія: 1) кадеты предлагали расправляться съ революціонерами при помощи судовъ самодержавнаго правительства, а въ случаѣ вооруженнаго возстанія, прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ, 2) А. И. Гучковъ находилъ, что для этой цѣли необходимо сохранить усиленную и чрезвычайную охрану, дабы «дать средства правительству для борьбы съ революціоннымъ движеніемъ» и 3) Д. Н. Шиповъ предпочелъ военное положеніе. И такъ какъ особыхъ споровъ и разногласій по поводу этихъ предложеній въ собраніи не было, то слѣдуетъ признать, что московское губернское земское собраніе одобрило всѣ виды и системы правительственнаго террора и устрашенія: по суду и безъ суда, по произволу городового и по произволу начальника карательной экспедиціи. И это было не въ какомъ-нибудь захудаломъ отсталомъ бахмутскомъ земствѣ, а въ столичномъ московскомъ, стоящемъ впереди всѣхъ земствъ Россіи. Оно, какъ передовое, оказалось впереди всѣхъ земствъ и по своей реакціонности.

Это видно и изъ принятой собраніемъ резолюціи, авторомъ которой является А. Гучковъ. Резолюція эта гласитъ:

1) Безусловно осуждая политическую забастовку, какъ средство политической борьбы, собраніе признаетъ недопустимымъ участіе въ ней какъ для учрежденій, подвѣдомственныхъ земству, такъ и для отдѣльныхъ земскихъ служащихъ.

2) Просить управу принять мѣры къ предотвращенію и прекращенію въ будущемъ такихъ забастовокъ въ учрежденіяхъ губернскаго земства.

Резолюція эта, принятая «огромнымъ большинствомъ голосовъ», вмѣнила управѣ въ обязанность нести работу охраннаго отдѣленія въ отношеніи земскихъ служащихъ *). Кадетская управа сдѣлала видъ, что обидѣлась и приличія ради даже вышла въ отставку. Но потомъ, малость поломалась, какъ пьяница передъ рюмкой вина, вошла въ соглашеніе съ Гучковымъ и взяла отставку обратно. А гучковская резолюція осталась во всей своей красѣ и силѣ.

Но насколько успѣшно выполняетъ управа функціи охраннаго отдѣленія—пока неизвѣстно.

Надо полагать, не ударитъ лицомъ въ грязь...

А пока что—съ московскаго губернскаго земства достаточно и того, что оно удостоилось лестнаго отзыва на страницахъ «Русскаго Государства».

III.

Классово-сословный характеръ современнаго земства съ особой яркостью сказался въ отношеніи земскихъ собраній къ аграрному вопросу. Не только конфискація, но и принудительный выкупъ всюду встрѣчался крайне враждебно, и одинокіе голоса, стоявшіе за принудительное отчужденіе, безслѣдно тонули въ хорѣ защитниковъ существующихъ земельныхъ отношеній.

Частная собственность на землю вездѣ объявлена священною и неприкосновенною. А въ поученіе и назиданіе голодному мужику тучами разсылались земцами извѣстная рѣчь царя о неприкосновенности частнаго землевладѣнія, сказанная 13 января с. г. крестьянамъ Щигровскаго у.

Продажа земли крестьянамъ признавалась возможной только въ порядкѣ частнаго соглашенія покупателей съ продавцами, т.-е. по самой высокой цѣнѣ. Дѣло порой доходило до того, что земцы относились враждебно къ дѣятельности крестьянскаго банка, предпринявшаго шаги къ образованію земельнаго фонда для надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. И только учрежденіе посредническихъ комиссій (по мысли минист. финанс. и м. в. дѣлъ) между помѣщиками и крестьянами для совершенія полюбовныхъ сдѣлокъ по покупкѣ земли черезъ крестьянскій банкъ было встрѣчено болѣе или менѣе сочувственно въ уѣздныхъ земствахъ.

Собственно—большинство земскихъ собраній старательно обходило аграрный вопросъ и дѣлало видъ, что ни голода, ни нищеты, ни разоренія, ни аграрнаго вопроса въ деревнѣ совсѣмъ не существуетъ. Зато тамъ, гдѣ эти вопросы поднимались и ставились на обсужденіе, грубая корысть и ненасытная алчность, порой кровожадность землевладѣльцевъ сквозила въ каждомъ словѣ, въ каждой рѣчи гласныхъ, а самое аграрное движе-

*) Побѣда Гучкова сконфузила даже «Русск. Вѣд.». Онѣ вынуждены были заявить: «Это была побѣда реакціонныхъ элементовъ, сплотившихся на почкѣ классовыхъ и личныхъ интересовъ, въ сущности даже на почвѣ своекорыстной самозащиты». (№ 53, 1906 г.).

ніе трактиковалось не какъ результатъ безземелья, а какъ плодъ агитаціи крайнихъ партій.

Въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи аграрный вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію по докладу управы. Управа подробно останавливается на ужасахъ крестьянскаго движенія, «руководимаго крайними политическими партіями». Этотъ старый мотивъ, заимствованный изъ «Московскихъ Вѣд.», аргументируется такимъ образомъ: «Въ значительной свой части неграмотная и почти совсѣмъ въ политическомъ отношеніи неразвитая крестьянская масса легко поддается обѣщаніямъ агитаторовъ, начинаетъ вѣрить указываемой ей возможности силою взять себѣ нужную землю»...

Особенно не нравится управѣ крестьянскій союзъ. Ей союзъ этотъ представляется въ образѣ чудища, готоваго все разрушить, въ томъ числѣ и земство.

Все это — такъ сказать — обоснованіе взглядовъ управы на аграрный вопросъ. Что касается разрѣшенія этого вопроса, то управа находитъ, что современное земство, будучи классово-сословнымъ органомъ, «не имѣетъ нравственнаго права разрѣшать аграрный вопросъ».

Кто же можетъ разрѣшить его? Быть можетъ, истинное народное представительство? Ничего подобнаго. По мнѣнію управы, это можетъ сдѣлать... правительство путемъ «законодательныхъ мѣропріятій, которыя успокоили бы страну»... Для земцевъ, какъ хотите, подобные взгляды — новость: теперь они ужъ начинаютъ вѣрить въ силу самодержавія, которое «все можетъ»...

Впрочемъ—земство (не имѣющее—правда—на это права) все-таки, по мнѣнію управы, должно оказать «воздѣйствіе на крестьянъ въ смыслѣ призыва къ благоразумію и терпѣнію и указанія на непрочность того способа пріобрѣтенія земли, который указывается агитаторами крайнихъ партій».

Управа предлагаетъ земцамъ взять дѣло агитаціи и пропаганды среди крестьянъ въ свои руки. А чтобы дѣло дало необходимые результаты, необходимо послать въ деревню «солидныхъ и спокойныхъ» пропагандистовъ и приступить къ распространенію среди крестьянъ «соотвѣтствующей литературы». Все это «произведетъ достаточно сильное впечатлѣніе, чтобы служить противовѣсомъ зажигательнымъ рѣчамъ пріѣзжихъ ораторовъ-агитаторовъ, разсылаемыхъ въ изобиліи крайними партіями».

Послѣ продолжительныхъ преній по докладу управы собраніе постановило: 1) послать депутацію къ Витте, чтобы обратить его вниманіе на всю опасность положенія, созданнаго аграрнымъ движеніемъ, 2) обратиться къ населенію съ воззваніемъ успокоительнаго характера и 3) образовать на мѣстахъ комитеты для выясненія земельной нужды отдѣльныхъ селеній.

Изъ практическихъ рѣшеній по аграрному вопросу прошло предложеніе управы объ ассигновкѣ 10 тыс. рублей на посылку въ деревню «солидныхъ и спокойныхъ» пропагандистовъ и распространеніе «соотвѣтствующей литературы».

Такимъ образомъ, въ результатѣ обширнаго доклада управы и продолжительныхъ преній гласныхъ земское собраніе ничего не сдѣлало для

разрѣшенія аграрнаго вопроса, если не считать ассигновки въ 10 тыс. руб., которую одинъ изъ гласныхъ совершенно правильно назвалъ «ассигновкой на борьбу съ освободительнымъ движеніемъ».

Тѣмъ не менѣе—слѣдуетъ признать, что въ Смоленскомъ земствѣ съ аграрнымъ вопросомъ деликатничали, высказывались болѣе или менѣе осторожно и прямо о необходимости для голодной деревни генералъ-адъютантовъ, растрѣловъ и казней не говорили. Зато въ Тамбовской губ., гдѣ осенью 1905 г. было разрушено до 130 имѣній, помѣщикамъ мало показалось растрѣловъ, насилій, увѣчій и порой голодныхъ крестьянъ. Въ Тамбовѣ 10 ноября въ «келейномъ совѣщаніи» землевладѣльцевъ, среди которыхъ находились и земцы, было «заявлено требованіе о примѣненіи *военно-полевого суда* надъ участниками крестьянскихъ погромовъ, а предсѣдателемъ губернской управы г. Стерлиговымъ была, говорятъ, даже послана телеграмма гр. Витте съ просьбой *о введеніи военнаго положенія во всей губерніи*». («Р. В.», № 311).

Въ тамбовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи гл. Колобовъ предложилъ собранію «ходатайствовать передъ гр. Витте о томъ, чтобы распоряженіе войсками, назначенными для охраненія имуществъ отъ погромовъ, было поставлено подъ контроль общественныхъ учрежденій». Но это предложеніе не было поддержано собраніемъ; земцы, очевидно, находили, что распоряженіе войсками должно оставаться въ рукахъ Луженовскихъ и земскихъ начальниковъ.

Тотъ же г. Колобовъ предложилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ положенія объ усиленной охранѣ и прекращеніи чрезвычайныхъ полномочій генералъ-адъютантовъ. Но предсѣдатель собранія, В. М. Петрово-Соловово (когда то фигурировавшій на страницахъ „Вѣстника Европы“, какъ свободолюбецъ), предсѣдатель управы А. А. Филипповъ и нѣкоторые гласные встрѣтили это предложеніе «съ нескрываемымъ волненіемъ и ожиданіемъ скандала въ собраніи или въ публикѣ». Но дѣло обошлось гладко: и это предложеніе г. Колобова было отклонено собраніемъ *безъ преній* («Р. В.», № 311, 1906).

Но въ изобрѣтеніи средствъ для разрѣшенія аграрнаго вопроса рекордъ побило стародубское уѣздное земское собраніе (Черниг. губ.). Оно, для предовращенія въ будущемъ аграрныхъ волненій, приняло слѣдующія постановленія:

1. Просить немедленнаго введенія въ уѣздѣ военнаго суда надъ виновниками безпорядковъ и погромовъ.
2. Ходатайствовать о продленіи (на неопредѣленное время) ареста заключеннымъ за участіе въ сельскихъ волненіяхъ.
3. Отобрать оружіе у всѣхъ жителей уѣзда, не исключая и охотниковъ.
4. Усились сельскую полицейскую стражу.
5. Просить увеличенія войскъ въ уѣздѣ тремя эскадронами кавалеріи и ротой пѣхоты.
6. Просить о командировкѣ въ уѣздъ ген. Рудова (начальн. губ. жандарм. управл.), чтобы онъ, во главѣ отряда войскъ, прошелъ весь уѣздъ, для устрашенія населенія.

Кромѣ всего этого, изобрѣтены разныя кары противъ порубщиковъ лѣсовъ и проч.

А двое гласныхъ «предложили перевѣшать» всѣхъ жителей дер. Басихина за то, что они сожгли постройки своего сосѣда-помѣщика. «Предложеніе это, однако,—замѣчаетъ корреспондентъ «Своб. и Пр.»,—не было поддержано даже стародубскимъ собраніемъ».

Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ земской средѣ слишкомъ много своекорыстныхъ и кровожадныхъ людей, которые для разрѣшенія тяжелыхъ соціально-экономическихъ проблемъ, связанныхъ съ ущербомъ для ихъ матеріальныхъ интересовъ, пулеметы и висѣлицы считаютъ лучшимъ средствомъ.

Отъ хищниковъ и враговъ народа ничего иного, конечно, и ожидать нельзя.

IV.

Такова въ краткихъ и наиболѣе яркихъ проявленіяхъ картина земскихъ собраній истекшей сессіи.

Земскія собранія по всей Россіи дали превосходный предметный урокъ мѣстному населенію на тему о томъ, что въ современномъ земствѣ нѣтъ даже и тѣни преданности народнымъ интересамъ, что земство—сословно-классовая организація, съ наглымъ и откровеннымъ цинизмомъ отстаивающая своекорыстные матеріальные интересы крупнаго землевладѣнія.

Революція, разоблачившая земцевъ, привела населеніе къ глубокому и неноколебимому убѣжденію, что земство дворянъ и богачей должно быть разрушено.

Если земство само не пойдетъ навстрѣчу желаніямъ народныхъ массъ, то народъ самъ, при помощи финансоваго бойкота, убьетъ современное земство. Въ прошломъ году недоборы земскихъ сборовъ въ разныхъ земствахъ колебались отъ 25% до 75% оклада. Въ прежніе годы земскій бюджетъ держался главнымъ образомъ мужикомъ; что касается землевладѣльцевъ, то они и до революціи не платили земскихъ сборовъ, а теперь и тѣмъ паче объ этомъ не думаютъ, и въ Саратовскомъ губ. земствѣ недоимка за ними достигла 1/2 милл. руб., теперь же отказывается платить и мужикъ. Ясно, что земству угрожаетъ банкротство и болѣе или менѣе быстрая ликвидація земской дѣятельности. Вопросъ о закрытіи земства уже изъ области предположеній начинаетъ переходить въ дѣйствительность. Такъ, напр., елецкое земское собраніе, Орловской губ., послѣ неудачнаго ходатайства о ссудѣ, признало невозможнымъ исполненіе смѣты. Въ виду этого оно постановило: 1) оповѣстить населеніе о критическомъ финансовомъ положеніи земства, 2) повторить отклоненное ходатайство о ссудѣ, 3) принять энергичныя мѣры по взысканію платежей и, наконецъ, 4) поручить управѣ разработать планъ закрытія дѣятельности земства, въ случаѣ новаго отказа въ ссудѣ и неудачи займа.

Казалось-бы—не закрытіе земства, а немедленная реорганизація его на демократическихъ началахъ—вотъ единственный для земства выходъ изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ оно очутилось. Но такая постановка вопроса нынѣшнимъ земцамъ не улыбается, такъ какъ всеобщее избирательное право, несомнѣнно, для нихъ невыгодно. И дѣй-

ствительно вопросъ о демократической реформѣ земства всюду обходился молчаніемъ. Только въ двухъ земствахъ онъ былъ слегка затронутъ.

Въ Твери гл. И. Петрункевичъ говорилъ:

«Земство переживаетъ почти смертельный кризисъ, оно пришло въ тупикъ, и не подъ вліяніемъ давленія извнѣ, а потому, что само населеніе протестуетъ противъ него и протестуетъ самымъ чувствительнымъ образомъ—прекращеніемъ уплаты земскаго сбора. Ясно, что на прежнихъ началахъ земство долѣе существовать не можетъ. При такихъ условіяхъ намъ невозможно продолжать работу обычнымъ порядкомъ». («Путь», № 30, 1906).

Мѣстный корреспондентъ ни слова не говоритъ о томъ, какъ отнеслось земское собраніе къ этой рѣчи. Надо полагать, что неисправимые тверскіе либералы въ эту сессію исправились *) и встали на стезю благонадежности: рѣчь г. Петрункевича, вѣроятно, была или «оставлена безъ послѣдствій, или «принята къ свѣдѣнію».

Въ Костромѣ, на губернск. земск. собраніи, мѣстному кадету Сафонову, въ вопросѣ о демократизаціи земства, пришлось разыграть роль Донъ-Кихота.

У костромского Донъ-Кихота хватило мужества произнести въ собраніи рѣчь, напомнившую намъ лучшіе дни земства, когда послѣднее мнило себя единственной «живой силой» въ Россіи.

«Въ то время,—говорилъ г. Сафоновъ,—когда на развалинахъ стараго строя загорается новая жизнь, когда русскому народу дана возможность устраивать свою жизнь по собственному желанію, ненормально земское самоуправленіе оставлять безъ измѣненія. Кляну себя борцами за свободу, справедливо ли намъ оставаться на позиціи, завоеванной хотя и по закону? По какому праву мы являемся распорядителями народнаго хозяйства, распоряжаемся его деньгами, не будучи на это уполномочены народомъ? Если мы не можемъ произвести коренную реформу то отказаться отъ полномочій—нашъ долгъ, этимъ мы пойдемъ навстрѣчу реформѣ. Я не говорю, что дѣятельность земства нужно прекратить. Школы, больницы, конечно, должны существовать, но для завѣдыванія ими останется управа. Намъ не платятъ земскихъ повинностей и тѣмъ молчаливо и честно просятъ уйти со своихъ мѣстъ, народъ самъ хочетъ распоряжаться своимъ хозяйствомъ. Предлагаю: 1) признавая ненормальнымъ настоящее земское представительство, какъ не выражающее ни воли, ни интересовъ населенія, и находя его поэтому некомпетентнымъ участвовать въ дальнѣйшей земской дѣятельности, считать полномочія настоящаго собранія по окончаніи текущаго года прекратившимися, 2) приступить, не ожидая новаго закона о земскомъ самоуправленіи, къ организаціи новыхъ выборовъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права, для чего избрать комиссію и, по выработкѣ проекта, возможно скорѣе созвать экстренное земское собраніе, 3) разсмотрѣть смѣту и

*) Объ этомъ можно судить по слѣдующему случаю, имѣвшему мѣсто въ собраніи. Администрація не разрѣшила собранію обсужденіе смѣты. Одинъ изъ гласныхъ предложилъ собранію недопущенные къ обсужденію вопросы «разсмотрѣть независимо отъ того, разрѣшены они или нѣтъ». Но собраніе не приняло предложенія и рѣшило подчиниться губернаторскому произволу («Путь», № 30, 1906.).

оставить въ ней только тѣ расходы, которые вызываются насущной необходимостью, 4) обратиться съ воззваніемъ къ населенію о современномъ политическомъ положеніи страны и объ отношеніи къ нему губернскаго земства».

Приведенная рѣчь удостоилась весьма лестныхъ отзывовъ въ либеральной печати; ее отмѣчали, какъ «настроеніе послѣднихъ минутъ» въ жизни земства. Устами бы либеральной прессы да медъ пить: газеты (какъ и относительно твер. г. з. с.) не отмѣтили одной маленькой подробности въ судьбѣ упомянутой рѣчи, т.-е. совсѣмъ не сообщили о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ г. Сафоновъ на земское собраніе. Лица, бывшія въ этотъ моментъ на собраніи, сообщаютъ, что предложенія г. Сафонова были въ собраніи встрѣчены единодушнымъ молчаніемъ, такъ какъ среди земцевъ совсѣмъ не нашлось охотниковъ до харакири.

Были попытки давленія на земство и со стороны общества въ томъ же направленіи. Но и эти попытки успѣха не имѣли.

Въ череповецкомъ уѣздномъ земскомъ собраніи вопросъ о немедленной реорганизаціи земства принялъ совершенно неожиданный оборотъ. Находившійся въ собраніи (въ публикѣ) сельскій учитель произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на то, что нынѣшніе земцы не могутъ считаться народными представителями, а потому они должны немедленно же сложить свои полномочія и назначить новые выборы на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Результатомъ этой рѣчи явилось обращеніе собранія къ гр. Витте съ просьбой защитить земство отъ революціонеровъ и принять немедленныя мѣры пресѣченія противъ послѣднихъ. Телеграмма отъ имени собранія была послана за подписью предсѣдателя управы Сомова, бывшаго предсѣдателя новгородской губернской земской управы. А вѣдь череповецкое земство до послѣдняго времени считалось крамольнымъ; одно время даже имъ заправляла правительственная управа. Что касается «либерала» Сомова, то еще въ тѣ времена, когда слава его, какъ либерала, была въ зенитѣ, его подозрѣвали въ сношеніяхъ съ заплечныхъ дѣлъ мастерами. Нынѣ же революція окончательно разоблачила этого господина и показала, что своимъ сыщическимъ рвеніемъ онъ перещеголялъ даже мѣстнаго жандармскаго полковника.

Такъ отнеслись земцы къ всеобщему избирательному праву, когда слѣдовало бы проводить его въ жизнь. А вѣдь въ свое время на банкетахъ, съѣздахъ и совѣщаніяхъ сколько они вкусныхъ обѣдовъ съѣли и сколько выпили шампанскаго во славу этого демократическаго принципа!

Но вѣдь то были слова, которыми хотѣли запугать самодержавіе, чтобы оно подѣлилось своей властью съ либералами. Но вотъ самодержавіе выпустило манифестъ 17 октября, и земцы, обезумѣвшіе отъ радости, на ноябрьскомъ съѣздѣ 1905 г. закричали: «Вотъ наша конституція! Вотъ наша великая хартія вольностей!»

О всеобщемъ избирательномъ правѣ болѣе уже незачѣмъ было говорить...

V.

Истекшая сессія земскихъ собраній наглядно показала, что современное земство есть не что иное, какъ придатокъ самодержавія, плоть отъ плоти и кость отъ костей его. Въ критическую минуту, когда обветшалое зданіе самодержавія пошатнулось и готово было рухнуть, земство вкупѣ и влюбѣ со всѣми силами реакціи ударило на революцію, чтобы поддержать старый порядокъ. «Ужъ лучше деспотизмъ самодержавія, чѣмъ господство революціонеровъ», — такъ проговаривались порой вчерашніе крамольники. И они, съ своей феодально-буржуазной точки зрѣнія, были правы. Вѣдь когда земскій либерализмъ игралъ въ оппозицію самодержавію (правда—эта оппозиція никогда не шла дальше вѣрноподданическихъ адресовъ въ византійскомъ стилѣ) и сочувствіе рабочему движенію, то онъ разсчитывалъ на то, что рабочіе своими руками будутъ таскать ему каштаны изъ огня революціи. Но когда выяснилось, что революціонное движеніе намѣрено не только взять въ свои руки борьбу съ самодержавіемъ, но и воспользоваться плодами этой борьбы, то либералы немедленно же отвернулись отъ него и предали его анафемѣ. Красный призракъ соціальной революціи очень быстро отрезвилъ земцевъ и изъ лагеря оппозиціи они поспѣшили перебѣжать въ ряды контръ-революціи. Въ революціонные дни земцы образовали тѣсно сплоченную контръ-революціонную банду, съ которой, какъ и со всѣмъ старымъ порядкомъ вообще, пролетаріату и крестьянству придется вести упорную борьбу, ибо эта банда добровольно не уступитъ своей позиціи, создающей ей привиллигированное положеніе въ областной жизни (теплыя мѣста, безплатный и долгосрочный кредитъ и т. п.); капитулируетъ же она только передъ новымъ побѣдоноснымъ напоромъ революціи.

Въ сущности—что такое современное земство?

Это — облеченная довѣріемъ самодержавія группа представителей крупнаго землевладѣнія и торгово-промышленной буржуазіей—не болѣе. И между самодержавіемъ и земствомъ по существу разницы нѣтъ: самодержавіе—это кучка узурпаторовъ наверху, земство — это признанная самодержавіемъ кучка узурпаторовъ внизу. Революція показала, что между самодержавіемъ и земствомъ нѣтъ и слѣда антагонизма. Между ними, вопреки мнѣнію записки Витте («Самодержавіе и земство»), оказалось возможнымъ не только мирное и трогательное сожительство, но и сотрудничество. Оказалось, что всѣ эти прежніе свары между земствомъ и самодержавіемъ были плодомъ простого недоразумѣнія. Оказалось, что вся эта продолжительная, такъ называемая «борьба земства съ самодержавіемъ» была просто-на-просто ссорой Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Манифестомъ 17 октября самодержавіе задешево купило всю буржуазію, въ томъ числѣ и земскихъ либераловъ. Манифестъ этотъ ихъ болѣе, чѣмъ удовлетворилъ: имъ показалось, что въ немъ слишкомъ много дано правъ народу, — и многіе изъ нихъ поспѣшили обратиться къ правительству съ ходатайствомъ не измѣнять избирательнаго закона 6 августа. А требованіе пролетаріата о созывѣ Учредительнаго Собранія

они встрѣчали теперь криками: «А, имъ и этого мало!» Хотя въ дѣйствительности имъ ничего не было дано въ манифестѣ 17 окт.

Такимъ образомъ, земцы не успѣли еще очутиться у кормила управленія страной, какъ уже измѣнили дѣлу народной свободы. Истинная политическая свобода отнынѣ для нихъ—заклятый врагъ, и въ ихъ рядахъ по ея адресу слышны одни лишь черносотенныя завыванія, обращенныя къ правительству: «распни ее!»

Соціалъ-демократія не должна тужить о томъ, что земцы ушли въ реакцію, такъ какъ «и контръ-революціонная почва, есть почва революціонная». Это ускоритъ процессъ революціонированія крестьянскихъ массъ, обострить сильнѣе классовыя противорѣчія и окончательно убѣдитъ крестьянъ въ томъ, что въ лицѣ земцевъ — земцевъ второго элемента—передъ ними стоятъ враги народа, враги освободительнаго движенія.

Часъ старой Россіи пробилъ... Она, со всѣми своими классово-сословными учрежденіями, доживаетъ послѣдніе дни. Умираетъ и сословно-классовое земство. Но и въ агоніи, въ предсмертныхъ судорогахъ, оно, какъ издыхающая гадюка подъ ногой наступившаго на нее, шипитъ, брызгаетъ своей ядовитой слюной и силится возможно больнѣе ужалить своего врага.

К. Левинъ.

14 апрѣля 1906 г.

Изъ текущей жизни.

I.

ГЕРМАНСКІЕ СОЦІАЛИСТЫ ВЪ РОССІИ, ФРАНЦУЗСКІЕ СОЦІАЛИСТЫ ВЪ ГЕРМАНІИ...

Въ исторіи континентальнаго либерализма съ поразительнымъ единообразіемъ повторяется одно знаменательное явленіе. Просвѣщенные буржуа одинъ за другимъ заявляютъ, что они ничего не имѣютъ противъ развивающагося рабочаго движенія и, напротивъ, привѣтствуютъ въ немъ залогъ лучшаго будущаго. Пусть развивается сознательность пролетаріата, пусть растетъ въ немъ потребность соціальныхъ реформъ, пусть осуществляетъ онъ эти реформы въ союзѣ съ благожелательными элементами изъ состоятельныхъ классовъ, пусть поднимаетъ въ мирномъ сотрудничествѣ съ ними свой уровень жизни. Все это прекрасно, всему этому можетъ только сочувствовать всякій сторонникъ прогресса.

Но вынужденный примиряться съ рабочимъ движеніемъ вообще, либеральный буржуа никакъ не можетъ охватить своимъ либеральнымъ сочувствіемъ рабочее движеніе собственной страны: иначе онъ не былъ бы буржуа. Я, говоритъ онъ, стремлюсь къ благу трудящихся классовъ, и потому меня сокрушаетъ то обстоятельство, что рабочіе не слушаютъ насъ, благожелательныхъ буржуа. Превосходное по своей идеѣ, по тому культурному значенію, которое оно могло бы имѣть при извѣстныхъ условіяхъ, рабочее движеніе нашей страны идетъ ложной дорогой. Ему слѣдовало бы поучиться у сосѣдей, которымъ только мы, благожелательные и либеральные буржуа, даемъ правильное истолкованіе.

Словесное сочувствіе рабочему движенію и отрицательное, иногда открыто враждебное, отношеніе къ тѣмъ конкретнымъ формамъ, въ какія оно отливается въ собственной странѣ, характеризуетъ на извѣстной ступени развитія политическую позицію всѣхъ либеральныхъ буржуа. Едва ли стоитъ упоминать, что такое «сочувствіе» въ объективномъ смыслѣ служитъ лишь прикрытіемъ для органической непріязни.

Уже въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка просвѣщенный и либеральный Максъ Гиршъ предпринялъ поѣздку изъ Германіи въ Англію съ той спеціальной цѣлью, чтобы вывезти оттуда аргументы для назиданія (и посрамленія!) формирующейся германской соціалъ-демократической партіи. Осужденіе молодой германской рабочей партіи, возвеличеніе про-

фессіональныхъ союзовъ, всѣ функціи которыхъ въ изображеніи Гирша сводились почти исключительно къ одной взаимопомощи,—таковы литературные результаты этой поѣздки. Свободомыслящій Гиршъ возрождалъ традиціи прогрессиста Шульце изъ Делича, слегка модифицировавъ его и приспособивъ къ болѣе высокому уровню соціально-экономическаго развитія. Но приспособленіе Гирша оказалось не менѣе несовершеннымъ, чѣмъ въ свое время приспособленіе Шульце: ни тому ни другому не удалось запречь рабочій классъ въ колесницу либеральной буржуазіи. Всѣ практическіе результаты свелись къ основанію хилыхъ гиршъ-дункеровскихъ союзовъ, которые отъ времени до времени исполняютъ функціи штрейкбрехеровъ по отношенію къ мощнымъ соціалъ-демократическимъ союзамъ и, съ великимъ трудомъ объединивъ съ сотню тысячъ членовъ, почти совсѣмъ остановились въ своемъ ростѣ. Отвергнувъ помощь благожелательныхъ буржуа, не останавливающихся въ своемъ благожелательствѣ передъ сочиненіемъ исторіи англійскаго рабочаго движенія, рабочій классъ Германіи твердо и неуклонно пошелъ своей соціалъ-демократической дорогой.

Черезъ 3—4 года послѣ Гирша, Брентано постарался теоретически обосновать и укрѣпить позицію германской либеральной буржуазіи. И для него образцовая, почти идеальная форма рабочаго движенія вообще—профессіональное движеніе Англіи (разумѣется, претерпѣвшее сильное преломленіе въ очкахъ либеральнаго буржуа). Германскіе соціалисты говорятъ о полной противоположности интересовъ пролетаріевъ и буржуа; англійскіе рабочіе создаютъ на практикѣ modus vivendi, при которомъ эти интересы приходятъ въ гармоническое сочетаніе. Континентальные соціалисты толкуютъ о невозможности уничтожить противорѣчія капиталистическаго общества, оставаясь на почвѣ капитализма, и ведутъ къ борьбѣ за соціализмъ, за уничтоженіе классоваго общества; англійскіе рабочіе организаціей профессіональныхъ союзовъ повышаютъ свой уровень жизни, смягчаютъ и притупляютъ противорѣчія капиталистическаго общества, намѣчаютъ путь къ соціальной гармоніи, къ совершенному капитализму, не встрѣчающему враговъ и потому вѣчному въ силу своего совершенства. Германскіе соціалъ-демократы пренебрежительно относятся къ буржуазнымъ друзьямъ рабочаго класса и зовутъ послѣдній къ организаціи самостоятельной политической партіи; англійскіе рабочіе безконечно многимъ обязаны помощи представителей средняго класса и осуществляютъ необходимыя реформы, вступая въ соглашеніе то съ либералами, то съ консерваторами, отдавая свои избирательные голоса то одной, то другой буржуазной партіи.

Таковы нѣкоторые изъ существенныхъ выводовъ, къ которымъ привело Брентано (а впослѣдствіи и его учениковъ, напр., Шульце-Геверница) знакомство съ англійскими отношеніями. Въ его глазахъ тактика германской соціалъ-демократіи опредѣляется не тѣми конкретными условіями, при которыхъ приходится дѣйствовать и которыя превращаютъ эту тактику въ единственно цѣлесообразную и даже единственно возможную, а теоретическими заблужденіями или революціонной злонамѣренностью «вождей» соціалъ-демократіи.

Школа Брентано съ ея возведиченіемъ «англійскаго типа» движенія нашла послѣдователей и во Франціи. Всевозможные Рувье, Кардонели и т. д. тоже указываютъ своимъ соотечественникамъ-рабочимъ на Англію, какъ на примѣръ, единственно заслуживающій подражанія.

Но со временъ англо-бурской войны развитіе общественныхъ отношеній въ Англіи слишкомъ явно пошло въ направленіи къ «континентальному типу» и слишкомъ недвусмысленно начало подтверждать все, что говорили соціалъ-демократы объ «англійскомъ типѣ», какъ о стадіи развитія, которая не переживетъ исключительнаго положенія Англіи на міровомъ рынкѣ. На выручку либеральнымъ буржуа и либерально-консервативнымъ чиновникамъ пришла Франція съ ея «мильеранизмомъ» и «жоресизмомъ».

Было бы скучно воспроизводить статьи «Frankfurter Zeitung» и «Hilfe», въ которыхъ, въ пику германскимъ соціалъ-демократомъ, возвеличивалась дѣятельность французскихъ соціалъ-реформаторовъ Жореса и Мильерана. Да это, пожалуй, теперь и излишне: современный русскій читатель легко составитъ себѣ представленіе объ упомянутыхъ нѣмецкихъ статьяхъ, если припомнитъ статьи нашихъ либеральныхъ газетъ, поучающія русскую соціалъ-демократію западными образцами.

Какъ бы то ни было, ссылки на Францію (и отчасти на Бельгію, на Вандервельде) одно время сдѣлались модой въ Германіи. Даже вполнѣ консервативный канцлеръ Бюловъ не могъ противостоять общему увлеченію и въ свой обычной—полусерьезной, полугаерской формѣ заявилъ, съ трибуны рейхстага, что онъ признаетъ справедливость многихъ требованій соціалистовъ, что онъ сочувствуетъ культурной соціалистической работѣ и былъ бы невыразимо счастливъ, если бы германская соціалъ-демократія выдвинула тактичныхъ соціалистовъ, подобныхъ Жоресу и Мильерану. Министерство Бюлова могло бы работать съ такими людьми рука объ руку. Оно только противъ германской формы движенія, но не противъ рабочаго классоваго движенія вообще...*)

Съ развитіемъ революціи, съ ростомъ рабочаго движенія то же явленіе повторилось и въ Россіи. Идеологи и гладіаторы либеральной буржуазіи еще усерднѣе, чѣмъ на Западѣ, раскланиваются и расшаркиваются передъ рабочимъ движеніемъ «вообще», передъ рабочимъ движеніемъ «въ принципѣ»; но раскланиваются и расшаркиваются только затѣмъ, чтобы тотчасъ же предаться скорбнымъ чувствамъ, по поводу пагубности путей, по которымъ идетъ рабочій классъ *Россіи*, по случаю ошибочности тактики, усвоенной *россійской* соціалъ-демократіей. Вотъ если бы россійская соціалъ-демократія усвоила тактику германскихъ соціалъ-демократовъ,—тогда и они, либеральные и благожелательные буржуа, сдѣлались бы россійскими соціалъ-демократами.

---

*) Судьбѣ было угодно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой рѣчи уготовать Бюлову злое испытаніе. Жоресъ пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы выступить съ докладомъ въ большомъ народномъ собраніи. Полиція Бюлова воспретила примѣрному соціалисту выступать передъ рабочими, зараженными германскимъ соціалъ-демократическимъ ядомъ, и пригрозила на случай ослушанія репрессивными мѣрами... А что если наши либеральные буржуа, назидающіе теперь германскими образцами, со временемъ подвергнутся такому же искушенію? Боюсь, какъ бы они не открыли въ рѣшительный моментъ большаго сходства между германскими и россійскими соціалъ-демократами чѣмъ будто бы кажется и въ настоящее время.

Представляя зачастую бывшихъ «марксистовъ», они не могутъ ссылаться на Францію,—они ищутъ образцовъ благовоспитаннаго рабочаго движенія въ Германіи, истолковывая его не съ меньшей смѣлостью (и безуспѣшностью!), чѣмъ всевозможные Брентано и Гирши истолковывали въ свое время англійское движеніе. «Мы,—заявляютъ либеральные борцы нашей либеральной буржуазіи,—тоже соціалисты, но только не въ русскомъ, а въ германскомъ значеніи слова». Точь въ точь, какъ въ свое время Науманъ и сотрудники «Frankfurter Zeitung» увѣряли, что германскіе соціалъ-демократы—превратные по своей тактикѣ соціалисты, даже собственно не соціалисты, а просто демагоги, буяны и крикуны; что истинный, благоразумный соціализмъ имѣетъ своихъ представителей только во Франціи, да отчасти въ Бельгіи; что въ Германіи онъ представленъ до нѣкоторой степени Бернштейномъ, а главнымъ образомъ—пасторомъ Науманомъ и сотрудниками «Frankfurter Zeitung».

И какъ года три-четыре тому назадъ германскіе національ-соціалы и южно-германскіе демократы съ восторгомъ подхватывали всякое оппортунистское заявленіе Вандервельде или Жореса и съ торжествомъ преподносили его германскимъ соціалъ-демократамъ, не особенно смущаясь тѣмъ, что, вырванное изъ контекста, оно зачастую утрачивало первоначальный смыслъ,—такъ и русской соціалъ-демократіи, примѣняя такіе же способы, «доказываютъ», что она должна пойти на буксирѣ за буржуазной демократіей *). И какъ нѣкогда «Frankfurter Zeitung» постаралась привлечь Вандервельде въ свои «собственные корреспонденты», такъ «Русскія Вѣдомости» обзавелись—очевидно, съ такими же цѣлями, какъ «Frankfurter Zeit.»—собственнымъ корреспондентомъ въ лицѣ «самаго настоящаго» германскаго соціалъ-демократа Бернштейна.

Но Вандервельде писалъ для германскихъ читателей о бельгійскихъ отношеніяхъ, Бернштейнъ же, повидимому, начинаетъ писать изъ Германіи о Россіи.

Трудно—или, если угодно, очень легко!—представить себѣ, какую цѣнность будутъ имѣть разсужденія Бернштейна по вопросамъ русской текущей политической жизни и въ частности по вопросамъ тактики. Если, согласно извѣстному изреченію, для пониманія поэта необходимо пожить подъ его небомъ, то для пониманія тактическихъ вопросовъ безусловно необходимо *слиться* съ политическими отношеніями страны. Ближайшія задачи, средства и пріемы борьбы всегда самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ конкретной исторической обстановкой. И чѣмъ злободневнѣе вопросъ, чѣмъ непосредственнѣе и острѣе его связь съ многосложными и измѣнчивыми отношеніями текущаго момента, тѣмъ меньше поучительности будетъ въ сужденіяхъ о немъ иностранцевъ,—въ особенности, если дѣло идетъ о такой странѣ, какъ Россія, остающаяся для европейцевъ своего рода Китаемъ.

---

*) При этомъ нерѣдко проявляется по истинѣ умилительная наивность. Напр., «Жизнь и Свобода», «Путь» и т. д. безъ всякихъ обиняковъ заявляли, что бойкотъ выборовъ рабочими былъ пагубной ошибкой, *такъ какъ выборщики отъ рабочихъ обезпечили бы блестящую по бъду конституціонныхъ демократовъ, подавъ за нихъ свои голоса!* Корреспондентъ «Vorwärts» (№ 185, 11 апрѣля) совершенно правильно отмѣчаетъ, что такая «тактика» была бы равносильна подчиненію рабочаго класса политической гегемоніи буржуазіи.

Что сказали бы русскіе либеральные буржуа, если бы «Новое Время» догадалось пригласить къ себѣ «собственнымъ корреспондентомъ» какого-нибудь сотрудника изъ «Frankfurten Zeitung», этого германскаго двойника «Русскихъ Вѣдомостей»? Несомнѣнно, германскій либералъ, порицавшій (въ особенности въ октябрѣ) тактику русскаго либерализма, рекомендовалъ бы нашимъ либераламъ придерживаться славнаго принципа: «и маленькая рыбка лучше большого таракана», глубокомысленно посовѣтовалъ бы поддержать либеральное министерство Витте и, быть можетъ, объединиться около Союза 17 октября, точно такъ же, какъ русскіе либералы совѣтовали россійскимъ соціалъ-демократамъ оставить свой соціализмъ и раствориться въ конституціонно-демократическомъ болотѣ («мы стоимъ передъ разверстой пастью льва, а потому вамъ слѣдуетъ забыть о томъ, что отдѣляетъ васъ отъ насъ, и соединенными силами»... и т. д.). Но кто же не знаетъ въ Россіи, что революціонное давленіе слѣва сдѣлало такую тактику абсолютно невозможной для конституціонныхъ демократовъ?

Впрочемъ, и самимъ «знатнымъ иностранцамъ» иногда не чуждо бываетъ сознаніе, что у нихъ нѣтъ самыхъ необходимыхъ предпосылокъ для сужденія о злободневныхъ вопросахъ чуждой страны. Такъ, Бернштейнъ съ замѣчательной скромностью признается въ журналѣ «Sozialistiche Monatshefte» (1906 г., № III): «Разумѣется для далеко стоящаго человѣка всегда затруднительно правильно оцѣнить значеніе событій въ чуждой странѣ». И, очевидно, исходя изъ такого совершенно справедливаго взгляда, Бернштейнъ, по его собственнымъ словамъ, «съ самаго взрыва русской революціи и до сихъ поръ упорно противился всякому соблазну и даже всякому предложенію (съ чей бы это стороны? Да ужъ не со стороны ли русскихъ либеральныхъ буржуа? — И. С.) вмѣшаться въ тактическіе вопросы борющихся сторонъ».

Похвальное самоотреченіе, но его ненадолго хватило: въ той самой статьѣ, изъ которой взяты эти слова, Бернштейнъ даетъ оцѣнку текущимъ событіямъ русской политической жизни и довольно рѣшительно трактуетъ «вопросы тактики въ Россіи» (таково названіе статьи). Путемъ болѣе или менѣе поверхностныхъ аналогій онъ приходитъ къ заключенію, что теперешнее положеніе Россіи во многихъ отношеніяхъ сходно съ положеніемъ Германіи и Франціи въ 1849 году, что московскія декабрьскія событія соотвѣтствуютъ іюньской бойнѣ въ Парижѣ 1848 года, и т. д Онъ полагаетъ, что сильнѣйшей опорой русской контръ-революціи служатъ, между прочимъ, мелкая буржуазія и «родственные ей слои уличнаго (?) пролетаріата» въ Москвѣ и Петербургѣ; онъ увѣряетъ, что евреи съ ихъ «жаждой принциповъ», съ ихъ стремленіемъ къ абсолютному, съ ихъ неустанными философскими исканіями, налагаютъ свою печать на россійскую соціалъ-демократію, отчуждаютъ ее отъ «реальной политики». Онъ думаетъ, будто, бойкотируя выборы въ Государственную Думу, россійская соціалъ-демократія *все* ставитъ на карту! Коротко говоря, Бернштейнъ даетъ блестящую иллюстрацію того, какъ трудно иностранцу оцѣнить значеніе событій въ чуждой странѣ.

Но оставимъ «знатныхъ иностранцевъ», которыхъ либеральные буржуа призываютъ на помощь противъ отечественныхъ сосѣдей слѣва;

возвратимся къ самимъ либеральнымъ буржуа. Русскій конституціонный демократъ былъ бы россійскимъ соціалъ-демократомъ, если бы россійская соціалъ-демократія была германской соціалъ-демократіей. Германскій націоналъ-соціалъ или южный демократъ былъ бы германскимъ соціалъ-демократомъ, если бы германскіе соціалъ-демократы были французскими или бельгійскими соціалистами праваго крыла. И, наконецъ, даже членъ германскаго союза свободомыслящихъ былъ бы германскимъ соціалистомъ, если бы германскіе соціалисты были такими, какъ англійскіе «соціалисты». Словомъ, буржуа всѣхъ странъ заявляютъ, что они протестуютъ только противъ отечественной *формы* движенія, только противъ усвоенной имъ тактики; всѣ они видятъ примѣръ «нормальнаго» движенія на западѣ отъ себя.

Но удивительная вещь! Буржуа Англіи, на которую, въ концѣ-концовъ, ссылаются континентальные буржуа, какъ на предѣльный примѣръ благоразумныхъ рабочихъ, въ свою очередь недовольны своимъ рабочимъ движеніемъ,—пресловутымъ «англійскимъ типомъ». Въ то время, когда Гиршъ и Брентано старались образумить германскихъ рабочихъ англійскими образцами, въ то время, когда просвѣщенные германскіе буржуа тѣшили себя сладкой мечтой изгнать Вельзевула діаволомъ, убить соціалъ-демократію смягченной формой профессіональныхъ союзовъ,—въ это самое время литературные кули англійской буржуазіи не находили достаточно сильныхъ выраженій для того, чтобы подобающимъ образомъ очернить дѣятельность англійскихъ трэдъ-юніоновъ: они раздуваютъ требовательность рабочихъ, они ослабляютъ способность Англіи конкурировать на міровомъ рынкѣ, они тормозятъ ея капиталистическіе успѣхи, они грозятъ существованію англійской культуры... Пока рабочее движеніе на континентѣ было слабо, пока континентальный рабочій оставался безропотнымъ и безпритязательнымъ рабомъ капитала, англійскіе буржуа обращали свои взоры къ Германіи и рекомендовали своему рабочему классу континентальные образцы: рабочій долженъ щадить капиталистическую промышленность, а потому долженъ благоразумно принимать тѣ условія труда, какія продиктуетъ предприниматель; онъ въ своихъ собственныхъ интересахъ не долженъ организоваться и устраивать забастовки,—которыя прямымъ путемъ ведутъ къ хозяйственной дезорганизаціи и къ упадку культуры...

Выводъ ясенъ и простъ. На земномъ шарѣ еще не было такой страны, въ которой буржуазія сочувствовала бы родному рабочему движенію. Обусловливаясь во всѣхъ своихъ формахъ конкретными отношеніями данной страны, рабочее движеніе на острые вопросы текущей жизни отвѣчаетъ «нѣтъ», когда либеральный буржуа говоритъ «да», и обратно; этимъ то въ значительной степени и обусловливается острота злободневныхъ вопросовъ. И соціалъ-демократу, котораго начинаютъ слишкомъ часто одобрять либеральные буржуа, заявляющіе о своемъ сочувствіи къ иностраннымъ образцамъ, къ иностраннымъ «типамъ» движенія, именно поэтому и слѣдуетъ критически пересмотрѣть свою тактику: если не всегда, то очень часто подобное одобреніе служитъ симптомомъ, что тактика рабочей партіи перестала въ данной мѣрѣ считаться съ конкретными отношеніями страны, съ условіями мѣста и времени.

II.

КОНФИСКАЦІЯ ИЛИ ВЫКУПЪ?

Программа конституціонно-демократической партіи въ § 36 требуетъ «увеличенія площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ»; средствомъ для этого она признаетъ, между прочимъ «отчужденіе за счетъ государства... частно-владѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ». Примѣчаніе къ § 36 поясняетъ, что разумѣется подъ «справедливой» оцѣнкой: «цѣна земли опредѣляется по нормальной для данной мѣстности доходности при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, созданныхъ земельной нуждой».

Пояснимъ, напримѣръ, что это значитъ. Допустимъ, у помѣщика А. есть имѣніе въ 200 десятинъ земли. Онъ не ведетъ никакого хозяйства и потому не получаетъ отъ имѣнія никакого дохода, — имѣніе онъ пріобрѣлъ «такъ себѣ», «на всякій случай», просто потому, что оказались «лишнія деньги». Конституціонно-демократическое министерство находитъ, что въ данной мѣстности необходимо расширить площадь крестьянскаго землепользованія и отчуждаетъ за счетъ государства имѣніе у помѣщика А. Надлежащимъ, конституціонно-демократическимъ образомъ организованная комиссія начинаетъ рѣшать вопросъ о «справедливой» («по-божески») оцѣнкѣ. Если бы А. использовалъ земельную нужду крестьянъ и организовалъ въ своемъ имѣніи кабальное хозяйство, онъ получалъ бы за свои организаторскіе труды доходъ въ 10 руб. 50 коп. съ десятины. Но это не будетъ для данной мѣстности «справедливая», «нормальная» доходность: «нормально» и «справедливо» лишь то, что вытекаетъ изъ чисто капиталистическихъ отношеній, не осложненныхъ никакими «феодальными» или «кабальными» элементами и придатками.

Итакъ, произведемъ «справедливую» оцѣнку имѣнія. При условіи самостоятельнаго (т.-е. собственнымъ инвентаремъ, батрацкимъ трудомъ, всецѣло за свой собственный счетъ) веденія капиталистическаго хозяйства А. получилъ бы съ каждой десятины чистаго дохода 10 руб., а со всего имѣнія—2.000 руб.

«Справедливой» оцѣнкой будетъ такая, при которой А. получитъ за имѣніе сумму, дающую въ годъ какъ разъ 2.000 руб. дохода. Въ настоящее время каждая сотня рублей приноситъ въ годъ не менѣе 6 процентовъ. Слѣдовательно, получивъ въ качествѣ выкупа за свое имѣніе $33^1/_3$ тысячъ рублей, помѣщикъ А. имѣлъ бы ежегодный доходъ какъ разъ въ 2.000 руб. Повторяемъ, и $33^1/_3$ тыс. руб. представляли бы выкупъ не за дѣйствительную доходность имѣнія, а за простой юридическій титулъ, за голое право собственности, за тотъ доходъ, который, *быть можетъ, сталъ бы* получать А. *если бы* онъ потрудился организовать въ своемъ имѣніи капиталистическое сельско-хозяйственное производство.

Но если помѣщикъ А. послѣдовательный конституціоналистъ-демократъ, онъ будетъ протестовать противъ $33\frac{1}{3}$ тысячъ рублей. Мое имѣніе, скажетъ онъ, въ дѣйствительности, пожалуй, не даетъ никакого дохода. Но наша программа глубокомысленно говоритъ не о дѣйствительной, а объ «нормальной» доходности, т.-е. о доходности, какъ нѣкоемъ аттрибутѣ, не поддающемся непосредственнымъ воспріятіямъ, и тѣмъ не менѣе неизмѣнно присущемъ всему, что можетъ дѣлаться капиталомъ. Вы поэтому правы даже въ томъ случаѣ, когда даете справедливую оцѣнку несуществующему доходу и справедливо капитализируете капиталистическій доходъ капитала, который вовсе не функціонируетъ какъ капиталъ и потому въ дѣйствительности является не капиталомъ, а всего лишь потенціальнымъ капиталомъ. Однако послѣдовательность — прежде всего. Въ поискахъ за справедливой оцѣнкой вы исходили изъ нормальной для данной мѣстности доходности земли. Логика требуетъ, что бы исходили изъ *нормальной* доходности и капитала: иначе справедливая оцѣнка въ концѣ-концовъ превратится въ явное обирательство, въ несправедливый грабежъ. Я не отрицаю, что теперешняя доходность капитала держится около 6%. Но причина лежитъ въ ненормальныхъ до исключительности условіяхъ. До русско-японской войны, до развитія революціонной дезорганизаціи хозяйства, до подъема крестьянскаго движенія, норма доходности капитала была около 4%. Это и есть нормальная доходность капитала въ нашей странѣ. Но при такой нормальной доходности я получу доходъ въ 2.000 руб. лишь съ капитала въ 50.000 руб. Это и будетъ «справедливая (не рыночная)» оцѣнка моего имѣнія *).

Такъ могъ бы разсуждать помѣщикъ, оставаясь послѣдовательнымъ конституціоналистомъ-демократомъ. Мнѣ чужда мысль о томъ, будто составители конституціонно-демократической программы исходили изъ сознательнаго стремленія гарантировать, хотя бы и бумажнымъ способомъ, интересы крупнаго землевладѣнія отъ покушеній революціоннаго крестьянства. Я охотно допускаю даже, что имъ присуща извѣстная благожелательность, извѣстное стремленіе завербовать въ свои ряды крестьянство, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки его требованіямъ. Фіалка благоухаетъ, нисколько не стремясь къ этому, и конституціонные демократы совершенно непроизвольно создаютъ программы, дающія охрану прежде всего буржуазнымъ правамъ буржуазной собственности.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что принципъ «справедливой (не рыночной) оцѣнки» по меньшей мѣрѣ резиновый принципъ: его можно по произволу гнуть и растягивать, и легче всего растягивается онъ въ сторону буржуазныхъ интересовъ.

Между тѣмъ конституціоналисты-демократы выше всякой мѣры восторгаются своей «крестьянской» программой: она и соотвѣтствуетъ общественнымъ, въ частности крестьянскимъ интересамъ, и реалистична,

*) Оцѣнка дѣйствительно будетъ не рыночная: она будетъ выше рыночной. У насъ за послѣдніе $1\frac{1}{2}$—2 года въ чрезвычайно рѣзкой формѣ повторилось явленіе, вытекающее изъ того, что цѣна земли представляетъ капитализированную ренту и падаетъ въ томъ отношеніи, какъ повышается заемный процентъ. Исходя при капитализаціи отъ пониженнаго процента, землевладѣлецъ тѣмъ самымъ повышаетъ оцѣнку земли по сравненію съ установившимся въ настоящее время уровнемъ цѣнъ.

и справедлива. Напротивъ, соціалъ-демократы, предполагая для нѣкоторыхъ случаевъ экспропріацію частновладѣльческихъ земель безъ всякаго вознагражденія теперешнихъ собственниковъ, не считаются, по словамъ конституціонныхъ демократовъ, съ реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ и съ требованіями справедливости.

Въ концѣ января г. М. Герценштейнъ посвятилъ въ «Русск. Вѣд.» обширный фельетонъ критикѣ идеи «конфискаціи», такъ называетъ онъ требованіе экспропріаціи безъ вознагражденія собственниковъ. Фельетонъ вскорѣ вышелъ (кажется, безъ всякихъ измѣненій) отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: «Конфискація или выкупъ»? Статья эта представляетъ наиболѣе серьезную и, на первый взглядъ, обоснованную критику соціалъ-демократической постановки современнаго крестьянскаго вопроса въ Россіи. Въ виду этого небезполезно остановиться на ней, чтобы разсѣять нѣкоторыя ходячія заблужденія.

Прежде всего нѣсколько словъ о ссылкахъ г. Герценштейна на Маркса, Энгельса, Вандервельде и т. д. Говоря съ Энгельсомъ объ экспропріаціи, какъ переходной ступени къ соціализму, пишетъ г. Герценштейнъ, Марксъ не разъ высказывалъ мнѣніе, «что дѣло обошлось бы дешевле всего, *если бы можно было* откупиться отъ всей этой банды» (отъ крупныхъ собственниковъ. Курсивъ мой.—И. С.). Точно также Вандервельде заявляетъ въ своей работѣ: «Развитіе къ соціализму» (имѣется на русск. языкѣ въ изданіе «Молота»), что «экспропріація собственниковъ безъ вознагражденія была бы, если принять въ соображеніе сопротивленіе, смуту и кровавую борьбу, которыхъ потребовала бы такая экспропріація, въ сущности самою дорогою формою экспропріаціи»

Ссылки эти очень удачны, но только онѣ имѣютъ слишкомъ отдаленное отношеніе къ современному крестьянскому вопросу въ Россіи, или, говоря точнѣе, не имѣютъ къ нему никакого касательства. Если съ чѣмъ и можно сравнить возможную у насъ «конфискацію», то отнюдь не съ той экспропріаціей, которая послужитъ непосредственной ступенью къ соціализму, а скорѣе всего съ той, которая была произведена во Франціи конца XVIII вѣка. Конечно, если принять во вниманіе сопротивленіе, смуту и т. д., и эта конфискація обошлась очень не дешево. Но какъ бы то ни было, она *не могла* совершиться на какихъ-либо иныхъ условіяхъ, чѣмъ совершилась. Если имѣть въ виду тѣсную связь нашего стараго строя съ дворянствомъ и дворянства съ землевладѣніемъ, мы должны будемъ признать, что рѣшительная ликвидація стараго политическаго строя по всей вѣроятности окажется неотдѣлимой отъ ликвидаціи старыхъ отношеній землевладѣнія и землепользованія. Защищая свои землевладѣльческія права, землевладѣльцы будутъ отстаивать (и отстаиваютъ) старый режимъ; отстаивая старый режимъ, они безповоротно погубятъ вмѣстѣ съ нимъ и свои землевладѣльческія права.

Еще одно замѣчаніе по поводу того, что «дѣло обошлось бы дешевле всего, *если бы можно было* откупиться отъ всей этой банды». Поскольку рѣчь идетъ объ осуществленіи *соціализма*, возможность проведенія его на выкупныхъ началахъ представляется проблематичной. Соціализмъ предполагаетъ уничтоженіе мѣнового хозяйства, уничтоженіе производства продуктовъ, какъ товаровъ. При такихъ условіяхъ соціализмъ, хотя

бы и «съ выкупомъ», не можетъ особенно улыбаться крупному собственнику. Если соціализмъ реализуется одновременно на всемъ земномъ шарѣ, «выкупъ» пріобрѣтетъ форму пожизненнаго права на полученіе отъ общества извѣстнаго количества предметовъ потребленія,—и только. Если соціализмъ реализуется не во всѣхъ странахъ одновременно, выкупъ въ странахъ, ранѣе перешедшихъ къ соціализму, можетъ пріобрѣсти форму «х» пудовъ золота. Но въ родной странѣ экспропріированнаго собственника золото утратитъ ту власть надъ людьми и общественными отношеніями, которая въ капиталистическомъ мірѣ только и превращаетъ его въ предметъ страстныхъ исканій. Чтобы реализовать чудодѣйственную силу денегъ, недавній собственникъ долженъ удалиться со своимъ выкупомъ въ чуждыя, пока еще капиталистическія, культурно отсталыя страны, которыя тѣмъ не менѣе тоже стоятъ на порогѣ къ соціализму. Полученіе выкупа въ этомъ случаѣ равносильно изгнанію въ страны, которыя въ свою очередь готовятся приступить къ такой же справедливой операціи съ собственниками.

Словомъ, мы не можемъ представить себѣ, какъ могъ бы осуществиться соціализмъ, хотя бы и съ выкупомъ крупной собственности, и не вызвать сопротивленія, смуты и т. д. Потому то, несомнѣнно, Марксъ и выражался такъ условно: «если бы можно было».

Но возвратимся къ современной русской дѣйствительности. Для г. Герценштейна центръ тяжести вопроса о конфискаціи лежитъ въ сопротивленіи не крупныхъ, а мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Поскольку дѣло идетъ о соціалъ-демократіи, защищать этихъ землевладѣльцевъ отъ ея экспропріаторскихъ посягательствахъ совершенно излишне. Предоставимъ германскимъ клерикаламъ запугивать темную деревню безграмотными брошюрками, подъ заглавіамъ: «Соціалъ-демократъ—экспропріаторъ крестьянства»; «Соціалъ-демократы хотятъ отнять у крестьянина собственность!» и т. д. Насколько лживы такія беззастѣнчивыя брошюры, извѣстно всякому, кто знакомъ хотя бы съ «Эрфуртской программой» Каутскаго. Не соціализмъ, а капитализмъ, не рабочій классъ, а буржуазія экспропріируетъ мелкихъ собственниковъ.

Несомнѣнно, г. Герценштейнъ имѣетъ въ виду вовсе не соціалъ-демократовъ, когда пишетъ въ своей брошюрѣ: «...у насъ не останавливаются и передъ крестьянскою собственностью, и народилось не мало реформаторовъ, которые требуютъ насильственной передачи въ руки государства или народа всѣхъ крестьянскихъ земель какъ надѣльныхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ». Я убѣжденъ, что г. Герценштейнъ выступаетъ здѣсь противъ своихъ сотоварищей по «Русскимъ Вѣдомостямъ», которые лѣтъ 8—9 тому назадъ, защищая крестьянскую общину, увлеклись настолько, что перешли отъ обороны къ наступленію и въ рядѣ *передовыхъ* статей потребовали превращенія всѣхъ крестьянскихъ земель въ собственность государства. Я еще живо вспоминаю, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвели на читателей *редакціонныя* статьи почтенной газеты, такъ легко расправлявшейся съ крестьянской поземельной собственностью. Теперь я могу только выразить удовольствіе, что «Русск. Вѣд.» хотя и слишкомъ поздно, хотя и въ подписанныхъ, а не редакціонныхъ статьяхъ, все же дали реваншъ престарѣлому государственному соціализму «Русскихъ Вѣдомостей», подкрашенному невиннымъ народничествомъ.

Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ на первый взглядъ то повторяемое г. Герценштейномъ возраженіе, что несправедливо предлагать конфискацію частновладѣльческихъ земель, оставляя въ то же время въ неприкосновенности всѣ виды собственности на капиталъ. Во-первыхъ, справедливость требовала бы выдѣлить при конфискаціи «то, что составляетъ даръ природы, отъ того, что создано человѣческимъ трудомъ и является затратою капитала». Во-вторыхъ, при современной организаціи хозяйства «земля превратилась наравнѣ съ капиталомъ въ имущество, приносящее доходъ». Было бы непослѣдовательно конфисковать капиталъ только потому, что онъ вложенъ въ имѣніе, и оставлять у прежнихъ владѣльцевъ капиталъ, вложенный въ фабрики или заводы.

Несомнѣнно, такіе аргументы, какъ тотъ, что земля «не создана человѣческимъ трудомъ», «представляетъ свободный даръ природы», не имѣютъ въ глазахъ соціалъ-демократа никакой цѣнности. Историческое возникновеніе крупнаго землевладѣнія въ свою очередь не дѣлаетъ требованіе конфискаціи болѣе или менѣе «справедливымъ». Возникло ли оно благодаря пожалованіямъ верховной власти, или явилось вслѣдствіе «первоначальнаго накопленія», сопровождавшагося обезземеленіемъ крестьянъ, первоначальныхъ владѣльцевъ, или, наконецъ, имѣнія возникли путемъ пріобрѣтенія на деньги, явившіяся результатомъ капиталистическаго накопленія,—это, вообще говоря, не имѣетъ никакого отношенія къ современному крестьянскому вопросу въ Россіи. Въ этомъ случаѣ г. Герценштейнъ правъ. Только морализирующіе экономисты и этическіе соціалъ-политики стали бы обращаться къ исторіи для «оправданія» экспропріаціи или конфискаціи. Соціалъ-демократъ не нуждается въ такихъ невинныхъ экскурсахъ. Для него, какъ для послѣдовательнаго и искренняго реалиста въ политикѣ, вопросъ рѣшается соображеніями цѣлесообразности и вѣроятнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такое заявленіе вызвало бы бурю нравственнаго негодованія со стороны нашихъ народниковъ, представителей «соціально-этической» школы въ политической экономіи и какъ они еще тамъ называются. Теперь бури не поднимется, но по меньшей мѣрѣ затаенное негодованіе все-таки будетъ.

Между тѣмъ возмущаться здѣсь рѣшительно нечѣмъ. Все движеніе современнаго общества, всѣ измѣненія въ немъ обусловливаются какъ разъ соотношеніемъ общественныхъ силъ. Только оно и превращаетъ тѣ или иныя соціально-политическія требованія въ достижимыя, осуществимыя, осуществляемыя и «справедливыя» мѣры. Только оно и является причиной безконечнаго ряда экспропріацій и конфискацій, неизмѣнно сопровождающихъ каждый шагъ въ развитіи буржуазнаго общества.

Развитіе механическихъ шелко-ткацкихъ фабрикъ въ какія-нибудь 6—7 лѣтъ совершено убило ручное ткачество въ Богородскомъ и Московскомъ уѣздахъ. Погибли цѣлыя старинныя мануфактуры, владѣльцы которыхъ не сумѣли приспособиться къ новымъ условіямъ и не накопили достаточныхъ капиталовъ. Капиталъ, вложенный въ зданія и станки, безвозвратно погибъ. Искусство, пріобрѣтенное старыми ткачами—по воззрѣнію нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ экономистовъ оно тоже представляетъ «капиталъ» — утратило всякую цѣнность. Тысячи ткачей превра-

лись буквально въ нищихъ. Не лучше пришлось и нѣкоторымъ фабрикантамъ стараго типа, выбитымъ изъ наѣзженной колеи. Словомъ, совершилась серьезная по размаху экспропріація, притомъ, разумѣется, безъ всякаго «вознагражденія» старыхъ собственниковъ и рабочихъ.

Проведеніе сибирской желѣзной дороги совершенно убило извозный промыселъ по главному сибирскому тракту. О его размѣрахъ можно и теперь составить нѣкоторое представленіе, познакомившись съ ямщицкимъ инвентаремъ, безполезно гніющимъ въ крестьянскихъ дворахъ притрактовыхъ деревень. Новая экспропріація и опять безъ всякаго вознагражденія.

Многіе москвичи, вѣроятно, еще помнятъ временные торговые ряды построенные на Красной площади на тотъ срокъ, пока строились новые ряды. Во временныхъ рядахъ расположились преимущественно средніе и мелкіе торговцы стариннаго, ремесленнаго типа. Постройка новыхъ рядовъ закончилась, наемъ помѣщеній въ нихъ былъ подъ силу только крупнымъ, современнымъ торговлямъ. Временные ряды снесены, старымъ торговцамъ пришлось приспособляться къ новымъ условіямъ. Многіе такъ и не могли приспособиться. Одно время газеты стали приносить въ отдѣлѣ «происшествій» такія сухія, но выразительныя по своей сухости извѣстія: «Купецъ Г. бросился въ рѣку съ Москорѣцкаго моста... Онъ скончался, не приходя въ сознаніе. Причина—торговыя затрудненія вслѣдствіе уничтоженія временныхъ рядовъ». «Купецъ 2-й гильдіи С. найденъ на своей квартирѣ повѣсившимся. Говорятъ, его дѣла совершенно разстроились послѣ того, какъ временные ряды перенесены на другое мѣсто». Я привожу эти два примѣра, потому что только фамиліи двухъ несчастныхъ и сохранились въ моей памяти. Опять экспропріація, и опять никому и въ голову не приходила мысль о вознагражденіи владѣльцевъ старыхъ торговыхъ предпріятій и ихъ служащихъ, запросто выброшенныхъ на улицу.

Когда развитіе капитализма сравниваютъ съ шествіемъ колесницы Джаггерхаута, это вовсе не фраза. Всѣ эти современные дома, современные магазины, современные трамваи, современныя фабрики—все это воздвигнуто дѣйствительно на костяхъ представителей ремесленныхъ формъ жизни, все это своимъ развитіемъ разрушало существованіе мелкихъ и среднихъ собственниковъ и многихъ десятковъ и сотенъ тысячъ людей, связанныхъ съ ними источниками своей жизни. Слезы и кровь вызываетъ всякій шагъ на пути капиталистическаго развитія, всякое техническое завоеваніе. Капитализмъ давитъ тысячи жизней, дѣйствительно какъ колесница Джаггерхаута.

И странная вещь! Объ этомъ обыкновенно молчатъ, не требуютъ никакого «выкупа»,—и, напротивъ, поднимаютъ страшный шумъ, когда зайдетъ рѣчь объ экспропріаціи крупныхъ собственниковъ. Какъ-будто буржуазное общество возникло не путемъ экспропріаціи, какъ-будто оно не совершаетъ экспропріаціи во всякій моментъ своего существованія!

Но, возразятъ мнѣ, въ приведенныхъ выше и подобныхъ имъ примѣрахъ экспропріація совершается стихійно и представляетъ процессъ, совершающійся помимо человѣческой воли. Предприниматель устраиваетъ

ткацкую фабрику не затѣмъ, чтобы экспропріировать ткацкую мануфактуру. Экспропріація является хотя и естественнымъ, но вовсе не преднамѣреннымъ слѣдствіемъ дѣйствій фабриканта. Словомъ, мы имѣемъ передъ собой примѣръ того, что называютъ «гетерогоніей цѣлей». Между тѣмъ, конфискація крупнаго землевладѣнія—повторяемъ, только недобросовѣстные демагоги могли бы крестьянъ запугивать конфискаціей—будетъ произведена законодательнымъ актомъ, въ которомъ все сознательно и все преднамѣренно.

Однако, если приглядѣться внимательнѣе, то мы увидимъ, что даже нѣкоторые изъ упомянутыхъ выше примѣровъ предполагаютъ законодательные акты или акты, близкіе по своему характеру къ законодательнымъ: постройка желѣзной дороги, проведеніе трамвая, наносящаго ударъ извозному промыслу и обезцѣнивающаго извозчичій инвентарь, стоящій десятки и сотни тысячъ рублей. Тѣмъ не менѣе справедливо, что и здѣсь экспропріація представляетъ лишь косвенное, побочное, а не прямое слѣдствіе законодательнаго акта.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ состоялось воспрещеніе фабриковать сѣрно-фосфорныя зажигательныя спички. Все оборудованіе, всѣ машины, предназначенныя для этой фабрикаціи, утратили свою цѣнность, поскольку они непригодны для фабрикаціи шведскихъ спичекъ. Вмѣсто всякаго вознагражденія, помнится, былъ назначенъ лишь нѣкоторый срокъ для окончательнаго перехода къ новому производству.

Послѣдовательность требовала бы, чтобы владѣльцы получили «выкупъ» за обезцѣненную законодательнымъ актомъ собственность. Въ этомъ, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, трудно сказать, въ какой именно цифрѣ выражается сумма экспропріированной безъ вознагражденія собственности. Но даже для спичечнаго производства она не изъ маленькихъ. Въ аналогичномъ случаѣ германскому рейхстагу было доложено, что на вознагражденіе собственниковъ старыхъ спичечныхъ производствъ потребуется отъ 10 до 15 милліоновъ марокъ, т.-е. 5—7 *милліоновъ рублей*. Кстати сказать, германскіе соціалъ-демократы рѣшительно высказались *противъ вознагражденія* за утрату «права» отравлять рабочихъ вредными газами. Напротивъ, буржуазные депутаты, какъ и подобаетъ буржуа, требовали «справедливой оцѣнки» вредоносныхъ приспособленій и выкупа за счетъ государства священныхъ правъ собственности спичечныхъ фабрикантовъ.

Конечно, фактическая экспропріація, въ общемъ итогѣ выражающаяся въ 5—7 милліонахъ рублей, сущій пустякъ по сравненію съ конфискаціей, которая захватитъ земельную собственность въ нѣсколько сотенъ милліоновъ рублей. Но г. Герценштейнъ справедливо указываетъ, что «всякая мѣра должна покоиться на какомъ-нибудь принципѣ *), а не на одномъ только разграниченіи между богатымъ и бѣднымъ». Интересы

*) Онъ добавляетъ: „на какомъ-нибудь юридическомъ титулѣ". Но эта добавка совершенно излишня. Во-первыхъ, если требуется новый юридическій титулъ, за его созданіемъ дѣло не станетъ: послужило же исходной точкой развитія законодательства по охранѣ труда разграниченіе производствъ на фабричныя—„отъ 20 рабочихъ и болѣе" и т. п. — и не фабричныя. Во-вторыхъ, если опираться на старое право, немыслимо будетъ и конституціонно-демократическое принудительное отчужденіе съ его „справедливой оцѣнкой".

общественнаго развитія, развитія экономически и соціально болѣе совершеннаго общества, чѣмъ существующее, это достаточно почтенный принципъ, который можетъ вполнѣ оправдать конфискацію частно-владѣльческихъ земель, какъ санитарныя соображенія совершенно оправдываютъ полное воспрещеніе (безъ всякаго выкупа) фабрикаціи фосфорныхъ спичекъ. Но гдѣ выступаетъ такой принципъ, тамъ было бы смѣшно отказываться отъ его примѣненія лишь потому, что собственники потерпятъ уронъ не въ пять милліоновъ, а напр., въ $1^1/_2$—2 милліарда.

Правда, здѣсь выдвигаются на сцену не принципіальныя, а чисто практическія возраженія. Спичечные фабриканты представляютъ такую ничтожную группу, что о «серьезномъ сопротивленіи, смутахъ» и т. д. не можетъ быть рѣчи. Не то съ крупными землевладѣльцами. Они являются внушительной общественной силой, и когда ихъ принудятъ защищаться когтями и зубами, это окажется роковымъ для освободительнаго движенія. Въ лагерь контрреволюціи перейдутъ также и держатели закладныхъ листовъ и всѣ группы, существованіе которыхъ связано съ сохраненіемъ современныхъ отношеній землевладѣнія. Уже одна угроза конфискаціей измѣняетъ соотношеніе общественныхъ силъ въ благопріятную для реакціи сторону.

При огромной задолженности землевладѣнія, разсуждаетъ г. Герценштейнъ, законодательный актъ относительно конфискаціи земли имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ полное обезцѣненіе закладныхъ листовъ и другихъ обязательствъ. «Если принять во вниманіе, что имѣнія заложены въ размѣрѣ отъ 60 до 75% оцѣнки, и предположить, что оцѣнка приближается къ дѣйствительной стоимости, то можно принять, что въ случаѣ конфискаціи землевладѣльцы потерпятъ убытокъ въ размѣрѣ около трети стоимости принадлежащихъ имъ имѣній, а владѣльцы закладныхъ листовъ гораздо больше этого... Держатели закладныхъ листовъ понесутъ гораздо большія потери, чѣмъ сами землевладѣльцы, потерпятъ также владѣльцы вторыхъ и послѣдующихъ закладныхъ, кредиторы по вексельнымъ долгамъ и другимъ долговымъ обязательствамъ» и т. д. Словомъ, землевладѣльцы потерпятъ отъ конфискаціи значительно меньше, чѣмъ кредиторы землевладѣльцевъ.

Еще больше осложняется вопросъ о конфискаціи, если мы посмотримъ, кому принадлежатъ закладные листы земельныхъ банковъ. Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ, говоритъ г. Герценштейнъ, получить невозможно; тѣмъ не менѣе, есть основанія утверждать, что они «далеко не всегда» принадлежатъ капиталистамъ. Такъ, въ нашихъ сберегательныхъ кассахъ къ 1 января 1903 года имѣлось закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ на 426 мил. рублей. «Что вкладчики нашихъ сберегательныхъ кассъ не принадлежатъ къ самымъ бѣднымъ классамъ населенія, это вѣрно, но они не принадлежатъ и къ капиталистамъ... Тѣ, которые легко относятся къ факту разоренія землевладѣльцевъ, не должны были бы, казалось бы, относиться безразлично къ тому, что погибнутъ сбереженія массы лицъ, не принадлежащихъ ни къ землевладѣльцамъ, ни къ капиталистамъ». «Конфискація земельной собственности безъ вознагражденія кредиторовъ была бы по отношенію къ нимъ величайшею несправедливостью».

Таковы наиболѣе рѣшительныя и, на первый взглядъ, убѣдительныя мѣста изъ брошюры г. Герценштейна, переданныя по возможности его собственными словами.

Я не буду останавливаться на деталяхъ утвержденій г. Герценштейна,—не стану, напр., обращаться къ вопросу о томъ, кто является вкладчиками сберегательныхъ кассъ, кто пріобрѣтаетъ при ихъ посредствѣ процентныя бумаги и т. д. Примемъ фактическую сторону разсужденій г. Герценштейна такъ, какъ она есть.

Итакъ, конфискація земельной собственности при послѣдовательномъ проведеніи предполагаетъ конфискацію имущества кредиторовъ землевладѣнія *). Но какъ видно изъ данныхъ сберегательныхъ, пенсіонныхъ и т. под. кассъ, къ числу этихъ кредиторовъ принадлежатъ и лица, которыя отнюдь не являются крупными землевладѣльцами или капиталистами. Хотя, согласно брошюрѣ г. Герценштейна, этимъ лицамъ принадлежитъ лишь небольшая доля долговыхъ обязательствъ, тяготѣющихъ на землевладѣніи (не болѣе 1/6 общей суммы этихъ обязательствъ), и хотя изъ этой доли, конечно, лишь нѣкоторая часть въ свою очередь принадлежитъ мелкимъ вкладчикамъ и т. д., мы, чтобы не усложнять дѣла, допустимъ, вслѣдъ за г. Герценштейномъ, что конфискація серьезно затронетъ интересы и мелкихъ держателей закладныхъ листовъ. «Можно себѣ представить, какое потрясеніе принесъ бы въ любой странѣ съ задолженнымъ землевладѣніемъ *законодательный актъ*, (курсивъ мой И. С.) который имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ окончательное обезцѣненіе закладныхъ листовъ и другихъ обязательствъ».

Какими бы убѣдительными ни представлялись эти разсужденія, всѣ они цѣликомъ основаны на одномъ очень распространенномъ заблужденіи, на своего рода юридическомъ утопизмѣ. Стоитъ разсѣять его,—и отъ всѣхъ этихъ доводовъ противъ конфискаціи ничего не останется.

Что г. Герценштейнъ представляетъ себѣ «конфискацію» какъ какой-то *актъ*, при томъ *законодательный* актъ, видно и изъ другихъ замѣчаній его брошюры. «При конфискаціи имѣній бумаги эти подверглись *бы* полному обезцѣненію». «Если такъ предлагаютъ поступить съ крупными собственниками, то чѣмъ можно оправдать или мотивировать *мѣру*, которая нарушаетъ интересы обширныхъ слоевъ населенія, далеко не всегда принадлежащихъ къ богатымъ классамъ»?

Юридическій утопизмъ вкладываетъ творческую силу въ акты законодательства, которые въ дѣйствительности сами являются результатомъ творческихъ силъ жизни, творческой борьбы выдвигающихся на историческую арену общественныхъ классовъ. Онъ близко соприкасается съ бюрократическимъ утопизмомъ, который во всякомъ соціально-политиче-

*) Но и самъ г. Герценштейнъ видитъ, что можно бы обойтись безъ такой дополнительной конфискаціи: если бы, напр., ипотеки, лежащія на землевладѣніи, были превращены въ государственную собственность и платежи по нимъ были переведены на государство. Однако это приводитъ на его взглядъ, къ новой „несправедливости“: землевладѣлецъ, заложившій свое имѣніе, потеряетъ отъ конфискаціи какую-нибудь треть своей собственности, между тѣмъ какъ владѣлецъ имѣнія, свободнаго отъ долговъ, утратитъ благодаря законодательному акту о конфискаціи рѣшительно все. На такихъ деталяхъ я опять-таки не стану останавливаться и предположу въ текстѣ наиболѣе сложный случай: когда „конфискація“ распространится и на кредиторовъ землевладѣнія.

скомъ измѣненіи видитъ результатъ исключительно только властнаго «да будетъ», обладающаго творческой (или разрушительной) силой само по себѣ, независимо отъ борьбы общественныхъ классовъ. Для бюрократическаго утописта не жизнь вызываетъ у «законадателя» тѣ или иные акты, а «законодатель» суверенно формируетъ отношенія общественной жизни. Внося свою точку зрѣнія въ оцѣнку политическихъ партій, безсознательный бюрократическій утопистъ обращается къ нимъ съ вопросомъ, что они «даютъ» тому или другому классу, той или иной группѣ населенія. Такъ, еще очень недавно соціалисты-революціонеры злорадно спрашивали соціалъ-демократію: что вы «даете» крестьянамъ?

Для нихъ непонятно, что пролетарская партія ничего не «даетъ» ни крестьянству, ни кому-либо другому. Ей совершенно чужда бюрократическая (или, если угодно филантропическая, барственная) точка зрѣнія. Пролетаріатъ не ждетъ, что ему «дадутъ» что-либо со стороны. Со стороны ему «даютъ» каторжные законопроекты о стачкахъ, временныя правила о печати, тюрьмы и висѣлицы за освободительную борьбу. Организованный въ политическую партію, онъ самъ добивается осуществленія своихъ цѣлей.

Крестьянство тоже не должно ожидать, что ему со стороны «дадутъ» удовлетвореніе его требованій. Оно само должно въ борьбѣ провести свои требованія. И конфискацію крупнаго землевладѣнія можетъ осуществить тоже только крестьянство. Оно можетъ разсчитывать при этомъ на самую энергичную поддержку сознательнаго пролетаріата, съ задачами котораго вполнѣ совпадаютъ современныя стремленія подавляющей массы крестьянства. Но какъ бы то ни было, ликвидація старыхъ отношеній землевладѣнія главной своей тяжестью падаетъ на крестьянство.

Никакое законодательное учрежденіе, никакой законодательный актъ самъ по себѣ не въ состояніи ликвидировать этихъ отношеній. «Законодательный актъ» можетъ лишь констатировать тотъ фактъ, что конфискація въ значительной степени *уже совершилась*, придать ей всеобщій характеръ («generalisieren», какъ говорятъ нѣмцы) и возвести фактически сложившіяся новыя отношенія землевладѣнія на степень права, на степень отношеній, пользующихся организованной защитой государственной власти.

Здѣсь я позволю себѣ маленькое отступленіе отъ брошюры г. Герценштейна и сдѣлаю нѣсколько замѣчаній по вопросу, который не имѣетъ къ ней прямого, непосредственнаго отношенія.

Какъ извѣстно, крестьяне во многихъ мѣстахъ уже приступили къ ликвидаціи старыхъ отношеній землевладѣнія и землепользованія: таковъ смыслъ того сложнаго комплекса явленій, который мы называемъ современнымъ «аграрнымъ движеніемъ». Нерѣдко утверждаютъ, будто, запахивая помѣщичьи земли, отказываясь отъ взноса арендной платы или отъ исполненія замѣняющихъ ее повинностей, смѣщая старостъ и старшинъ, поставленныхъ земскими начальниками, и т. д., крестьяне тѣмъ самымъ уже создаютъ новое «право», которое получило даже особое названіе: «захватное право» или «революціонное право».

Нельзя не признать, что въ терминѣ «захватное право» есть на первый взглядъ нѣчто заманчивое, подкупающее. Но если приглядѣться

къ дѣлу поближе, то окажется, что употребленіе его свидѣтельствуетъ или о неясности мышленія или о нѣкоторой теоретической беззаботности, которая слишкомъ легко можетъ привести (если уже не приводила) къ серьезнымъ промахамъ въ практической дѣятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, либо всякое право имѣетъ «захватный» характеръ; но тогда противоположеніе какого-то особаго «захватнаго права» праву вообще утрачиваетъ всякій смыслъ. Либо право вообще не имѣетъ «захватнаго» характера; но тогда «захватное» право вовсе не право въ строго-научномъ значеніи этого слова. Гдѣ же истина?

Истина заключается въ томъ, что фактическіе захваты суть именно только фактическіе захваты, и фактически складывающіяся на почвѣ захватовъ общественныя отношенія суть именно фактическія отношенія, но отнюдь не правомѣрныя отношенія, не отношенія, существующія по праву. Смѣщеніе волостныхъ властей, составленіе общественныхъ приговоровъ, санкціонирующихъ совершившіеся захваты и т. д., тоже далеко еще не превращаетъ новыхъ фактическихъ отношеній въ правомѣрныя отношенія. Толковать о захватномъ «правѣ» и захватныхъ «правахъ», направлять всѣ силы на ихъ накопленіе,—это значитъ изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса, размѣнять революцію на мелочи, ради частичныхъ захватовъ отодвинуть на задній планъ универсальный захватъ, который одинъ только и можетъ сообщить частичнымъ захватамъ особый смыслъ и значеніе.

Фактическіе захваты могутъ пріобрѣсти прочное, длительное значеніе, если они лягутъ въ основу новаго права, если фактически сложившіяся отношенія будутъ превращены въ правомѣрныя отношенія. Но тѣ же фактическіе захваты, каковы бы ни были ихъ число и размахъ, могутъ оказаться преходящими, эпизодическими явленіями, которыя исчезнутъ безъ всякаго слѣда, если эти фактическіе захваты не будутъ возведены на степень права другимъ, универсальнымъ захватомъ, санкціонирующимъ и закрѣпляющимъ всѣ предшествующіе, частичные захваты.

Вообще какъ-то странно повторять ту избитую истину, что захватъ крестьяниномъ земли у помѣщика еще не создаетъ права крестьянина на эту землю, и захватъ помѣщичьей земли милліономъ или десятью милліонами крестьянъ самъ по себѣ тоже далеко еще не создаетъ права крестьянъ на захваченную землю. Разумѣется, слово «право» я употребляю исключительно въ его юридическомъ, единственно допустимомъ значеніи. Иначе у насъ получилась бы неразрѣшимая путаница, которая не двигала бы, а на каждомъ шагу тормазила бы наше познаніе.

Иногда слово «право» употребляютъ въ значеніи нравственнаго оправданія тѣхъ или иныхъ дѣйствій. Но придумываніе «нравственныхъ» оправданій слѣдовало бы всецѣло предоставить этическимъ соціалъ-политикамъ. Для серьезнаго политика, политика-реалиста, это—занятіе совершенно безплодное. Съ другой стороны, «нравственное право» нисколько не сдвигаетъ насъ съ мѣста. Такъ, если допустить на минуту, что крестьяне имѣютъ «нравственное право» на землю помѣщика, то придется признать, что такое право получилось у нихъ не благодаря захвату, что оно существовало до захвата, и въ захватѣ лишь получило осуществленіе. Дѣло съ «захватнымъ правомъ» и здѣсь обстоитъ очень плохо.

Наконецъ, выраженіемъ «захватное право», можетъ быть, хотятъ сказать, что, кто захватилъ землю и т. д., тотъ и имѣетъ на нее право? Но это было бы уже совсѣмъ пустой словесной забавой.

Пока существуетъ буржуазное общество, пока существуетъ государство, до тѣхъ поръ будетъ существовать и право въ юридическомъ значеніи этого слова. При просто фактическомъ захватѣ заинтересованные должны быть готовы каждый моментъ защищать свое владѣніе непосредственно своими силами; противъ нихъ каждый моментъ могутъ выступить не только пострадавшіе, но и организованная сила государства. Состояніе фактическаго захвата есть состояніе постоянной борьбы, борьбы in Permanenz, причемъ, случайныхъ, измѣненій въ соотношеніи силъ борющихся сторонъ вполнѣ достаточно для того, чтобы снова утратить недавно пріобрѣтенный объектъ захвата.

Говорить о захватныхъ *правахъ*—это значитъ предаваться невиннымъ иллюзіямъ, которыя слишкомъ легко пускаютъ корни въ деревнѣ, въ мірѣ мелко-буржуазныхъ отношеній. Неспособный по условіямъ своей жизни охватить отношенія, выходящія за предѣлы околицы, мелкій буржуа слишкомъ легко становится въ своей политической практикѣ уродливымъ федералистомъ, карликовымъ «кантоналистомъ», для котораго вся политическая революція цѣликомъ разыгрывается въ его маленькомъ мірѣ. Распаханы захватнымъ путемъ помѣщичьи земли, замѣненъ угодный начальству волостной старшина новымъ лицомъ, передана волостная печать новому писарю, составленъ общественный приговоръ, снабженный печатью и надлежащимъ подписомъ,—и «кантоналистъ» прихода уже успокаивается: для него революція уже завершилась, захватъ земли уже превратился въ захватное «право», все вошло въ норму, на горизонтѣ ни облачка, остается только въ мирѣ использовать новое «право». Все, что выходитъ за предѣлы его маленькаго мірка, теперь не имѣетъ къ нему никакого касательства *)

Пролетарская партія всѣми силами должна бороться противъ такого анти-революціоннаго филистерства, выступающаго подъ мнимо-революціоннымъ флагомъ «захватное право» или даже «революціонное право».

---

*) Замѣну волостныхъ старшинъ новыми, избранными наперекоръ начальству, теоретики „захватнаго права“ нерѣдко называютъ организаціей „революціоннаго самоуправленія“. Но такое словоупотребленіе опять-таки свидѣтельствуетъ о нѣясности мышленія, которая можетъ повести къ печальнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Дѣятельность „самоуправленія“ (подразумѣвается мѣстное самоуправленіе) предполагаетъ болѣе или менѣе спокойныя, мирныя, установившіяся, вошедшія въ норму отношенія. Поэтому терминъ „самоуправленіе“ самъ по себѣ будитъ представленіе, какъ будто революція уже побѣдила, какъ будто пора обратиться къ регулярной, повседневной, „органической“ работѣ. Въ результатѣ новые волостные старшины, писаря и т. д. зачастую отправлялись въ лучшемъ случаѣ въ тюрьму или въ Сибирь, въ худшемъ—на висѣлицу или подъ разстрѣлъ, иногда такъ и не отдавая себѣ яснаго отчета,—что же это за преступленіе—работа въ органахъ мѣстнаго „самоуправленія“. Необходимо помнить, что такіе органы вовсе не органы „самоуправленія“, а органы революціонной власти, и что основная задача ихъ заключается вовсе не въ „самоуправленіи“, а въ дальнѣйшемъ развитіи революціи. Лишь послѣ завоеванія революціей политической власти, лишь послѣ того, какъ новая государственная власть санкціонируетъ мѣстные органы революціонной власти, они могутъ превратиться въ дѣйствительные органы „самоуправленія“. Органы мѣстнаго самоуправленія вообще не имѣютъ собственной власти и правъ: власть делегируется имъ государственной властью.

Въ интересахъ рѣшительно демократической революціи она не должна допускать, чтобы революціонное крестьянство политически заснуло на лаврахъ произведенныхъ захватовъ. Она должна неустанно указывать, что всѣ фактическіе захваты сдѣлаются прочнымъ завоеваніемъ, построенныя на нихъ новыя отношенія превратятся въ правомѣрныя отношенія лишь послѣ того, какъ будетъ совершенъ основной захватъ, которымъ будутъ санкціонированы всѣ предыдущіе,—послѣ того, какъ революція овладѣетъ политической властью. Только послѣ того на мѣсто фактическаго захвата и выступитъ право и на мѣсто непосредственной защиты новыхъ отношеній самими заинтересованными—организованная защита ихъ государственной властью. Революція въ отношеніяхъ собственности завершается и пріобрѣтаетъ устойчивость лишь въ силу политической революціи, лишь благодаря захвату государственной власти тѣми классами, которые стремятся къ перевороту въ существующихъ отношеніяхъ.

При такой точкѣ зрѣнія фактическіе захваты сохраняютъ свою высокую цѣнность; они являются необходимой предпосылкой для созданія «новаго права». Безъ нихъ никакое законодательное учрежденіе не можетъ осуществить не только «конфискаціи», но даже и конституціонно-демократическаго выкупа на началахъ «справедливой оцѣнки».

Но эта точка зрѣнія діаметрально противоположна той, которая выступаетъ подъ флагомъ возведеннаго въ систему «захватнаго права». Теоретики «захватнаго права» являются оппортюнистами самой чистой воды. Они дѣйствуютъ отъ случая къ случаю, они стараются производить захватъ за захватомъ и тщательно высматриваютъ, гдѣ бы можно было произвести еще новый захватъ. Захваченные захватной дѣятельностью и захватами, они утрачиваютъ представленіе объ общей перспективѣ и забываютъ, что всѣ частичные захваты должны быть соподчинены и координированы съ однимъ великимъ захватомъ, къ которому въ конечномъ счетѣ все сводится и изъ котораго все исходитъ: съ захватомъ политической власти. Всѣ частичные захваты должны получить оцѣнку съ точки зрѣнія этого основного захвата, въ своемъ отношеніи къ нему. Иначе революціи угрожаетъ опасность размѣняться по мелочамъ, изсякнуть въ пескѣ*). Силы могутъ быть растрачены на «захваты», вмѣсто того, чтобы концентрировать ихъ для рѣшительнаго «захвата».

Какъ ни далеко, повидимому, отклонились мы отъ брошюры г. Герценштейна, въ дѣйствительности мы косвеннымъ путемъ уже получили разъясненіе ея основныхъ недоразумѣній.

Лица, которыхъ не пугаетъ конфискація землевладѣнія, исходятъ изъ предположенія, что революція еще продолжается, что она далеко еще не достигла зенита въ своемъ развитіи. Но точно такъ же и лица, которыя выдвигаютъ принудительное отчужденіе на основѣ «справедливой оцѣнки», исходятъ изъ невысказываемаго предположенія, что революція продолжаетъ свою разрушительную работу. Безъ напора революціонныхъ силъ «принудительное отчужденіе» въ обычномъ значеніи этихъ словъ абсолютно немыслимо: тогда возможна или какая-нибудь «внутренняя

*) По такимъ соображеніямъ въ началѣ ноября я высказался противъ попытокъ проведенія 8-часового рабочаго дня «въ революціонномъ порядкѣ», захватнымъ путемъ.

колонизація» по образцу прусской въ остъ-эльбскихъ провинціяхъ, или извѣстное расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка.

До сихъ поръ между конституціонными демократами и соціалъ-демократами нѣтъ принципіальной разницы, хотя все время остается огромная разница въ степени искренности. Вторые рѣшительно и прямо заявляютъ, что они стоятъ на революціонной почвѣ; между тѣмъ, первые болѣе или менѣе безуспѣшно стараются замять этотъ непріятный для нихъ фактъ, хотя ихъ партія своимъ возникновеніемъ обязана революціи и многіе пункты ихъ программы могутъ получить скорое осуществленіе лишь въ томъ случаѣ, если они найдутъ опору въ растущей революціонной волнѣ.

Но дальше открывается уже такая разница въ степени, что количественныя различія между конституціоналистами-демократами и соціалъ-демократами переходятъ въ качественныя различія.

Требуя принудительнаго отчужденія на началахъ «справедливой оцѣнки» и выступая противъ грабительственной идеи конфискаціи, к.-д. заявляетъ тѣмъ самымъ: пусть растетъ революціонное движеніе, но лишь до тѣхъ поръ, пока оно не обезпечитъ «справедливой оцѣнки», т.-е. до тѣхъ поръ, пока революція не начнетъ угрожать капиталисту, вложившему въ землю свой капиталъ, экспропріаціей части или всего капитала. Пусть революція экспропріируетъ тѣхъ, для кого землевладѣніе служитъ просто юридическимъ титуломъ, на основѣ котораго они получаютъ некапиталистическіе доходы. Капиталистъ въ собственномъ смыслѣ этого слова долженъ вынести изъ революціи свой капиталъ въ полной неприкосновенности. Все, что идетъ дальше этого, все сверхъ того—отъ лукаваго, отъ діавола, отъ россійскаго соціалъ-демократа, которому не чета ангельски кроткіе и милосердные западные соціалисты.

Напротивъ, соціалъ-демократъ не видитъ никакихъ основаній, почему бы ему не желать дальнѣйшаго развитія революціи, при которомъ она, покончивъ съ докапиталистическими формами эксплоатаціи, въ той или иной мѣрѣ затронетъ и почтенный классъ «чистыхъ» капиталистовъ. Онъ не видитъ рѣшительно никакихъ основаній, почему бы ему не сочувствовать, напр., конфискаціи не только землевладѣнія, но и кредиторовъ землевладѣнія. Съ одной стороны, конфискація сама по себѣ освободитъ общественное развитіе отъ серьезныхъ оковъ, наложенныхъ на него старой исторіей: платежи по ипотекамъ, которые взяло бы на себя послѣреволюціонное общество, представляли бы по существу дань, уплачиваемую старой исторіи и старому обществу за то, что оно сдѣлало революцію неизбѣжной. Съ другой стороны, рѣшительная конфискація стараго землевладѣнія будетъ симптомомъ, что старое общество безвозвратно разрушено, что политическая революція пріобрѣла глубокій, радикальный, истинно демократическій характеръ. На пути къ конфискаціи революція должна будетъ выбить всѣ опоры и подпорки изъ-подъ стараго строя и опрокинуть всѣ внѣ-капиталистическія помѣхи капиталистическому развитію. Крестьянство въ своей преобладающей массѣ будетъ союзникомъ пролетаріата при осуществленіи этихъ задачъ лишь потому, что оно съ развитіемъ революціи ставитъ передъ собой цѣлью именно радикальную реформу, именно конфискацію, а не какую-нибудь

жалкую заплату на старой ветошкѣ (вродѣ, напр., пресловутой «справедливой оцѣнки»). Одного этого достаточно для того, чтобы въ переживаемый моментъ русской революціи оправдать такой лозунгъ, какъ «конфискація».

Но у насъ еще остаются чисто практическія возраженія: соображеніе о «сопротивленіи, смутахъ» и т. д., которыя должны возрастать по мѣрѣ того, какъ растетъ размахъ и глубина революціи. Однако, стоитъ только вдуматься въ нашу формулировку, чтобы тотчасъ же увидѣть, что это вовсе не возраженіе, а какая-то безпомощная тавтологія.

Посколько конституціоналисты-демократы въ своей программѣ ближайшихъ, неотложныхъ реформъ исходятъ изъ молчаливаго предположенія, что революція еще не достигла своихъ цѣлей, что она еще продолжается, они сами подрываютъ свои практическія возраженія, вытекающія изъ соображеній цѣлесообразности, достижимости, «реальной политики».

Революція продолжается, — это значитъ, что общество все еще не можетъ достигнуть политической конституціи, соотвѣтствующей реальному соотношенію общественныхъ силъ, что процессъ политическаго самоопредѣленія классовъ, выросшихъ въ нѣдрахъ старой Россіи, еще не закончился. Революція продолжается, — это значитъ, что, съ одной стороны, оформливаются и опредѣляются требованія, а съ другой — возрастаетъ «сопротивленіе». Это значитъ, что министры вчера вели переговоры съ конституціонными демократами, сегодня устроили кровопролитіе въ небываломъ масштабѣ, завтра возложатъ свои упованія на г. Гучкова съ К°, послѣ завтра начнутъ укладывать пожитки и справляться о состояніи путей въ Западную Европу. Революція продолжается, — это значитъ, что конституціоналисты-демократы сегодня толкуютъ о необходимости осуществить въ первую очередь четырехчленную формулу избирательнаго права и добиться признанія учредительныхъ функцій за государственной думой, завтра заявятъ о неизбѣжности «въ извѣстныхъ предѣлахъ» органической работы, потомъ признаютъ наилучшей тактикой ничего не говорить о будущей тактикѣ — и всѣми своими усиліями остановить революцію раздуютъ революціонный огонь. Революція продолжается, — это значитъ, что все пришло въ движеніе, что политическое положеніе измѣняется каждый моментъ, что, среди всѣхъ колебаній, всѣхъ приливовъ и отливовъ волна настроеній и требованій неудержимо растетъ! Но это значитъ также, что уже въ настоящее время идетъ ликвидація старыхъ отношеній, что *уже теперь въ грандіозныхъ размѣрахъ совершается конфискація собственности.*

Какъ бы далеко ни заходила уступчивость нашихъ конституціонныхъ монархистовъ, «старое общество» органически неспособно сдѣлать какія бы то ни было реальныя уступки «новому обществу» и своимъ вынужденнымъ упорствомъ должно расширять и углублять революцію. Если угодно, конституціонные монархисты уже давно предлагали старому государству самоликвидацію, причемъ они заманивали его «справедливой оцѣнкой» его историческихъ правъ. Но старое государство не можетъ пойти на такую сдѣлку, — и энергично содѣйствуетъ ликвидаціи этихъ правъ безъ всякаго вознагражденія. Новыя попытки уговорить на производство «вы-

купной операціи», которыя будутъ сдѣланы конституціонными демократами въ государственной думѣ, несомнѣнно, ожидаетъ такой же исходъ. «Ликвидація безъ вознагражденія» пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе шансовъ, чѣмъ болѣе утопичной оказывается ликвидація на началахъ «справедливой оцѣнки».

Благодаря такимъ же причинамъ становится вполнѣ вѣроятной и «конфискація» землевладѣнія и его кредиторовъ.

Курсъ государственной ренты и т. под. бумагъ упалъ почти на 25% по сравненію съ биржевыми отмѣтками къ началу 1904 года. Когда состоится новый заемъ на такихъ небывало ростовщическихъ условіяхъ, какъ сообщаютъ иностранныя газеты, биржевой курсъ понизится на новые 5—10%. Если старое государство найдетъ силы и средства для дальнѣйшей самозащиты, оно еще болѣе понизитъ курсъ *своихъ* кредитныхъ обязательствъ. Гдѣ предѣлъ паденію курса, сказать затруднительно. Можно только отмѣтить, что въ Германіи становятся господствующими довольнотаки мрачныя воззрѣнія на будущее (да и современное) положеніе русскихъ финансистовъ*). Даже канцлеръ Бюловъ, еще очень недавно оптимистически настроенный по отношенію къ русскимъ финансамъ, теперь считаетъ своевременнымъ предостеречь германскихъ капиталистовъ отъ участія въ новомъ русскомъ займѣ.

Но не станемъ гадать о будущемъ, остановимся на теперешнемъ курсѣ государственной ренты. Держатели ея *уже потеряли* 25% своей собственности, они *уже понесли* большія потери. Притомъ билеты государственной ренты многими держателями пріобрѣтались при посредствѣ сберегательныхъ кассъ; слѣдовательно, они въ крупной суммѣ не принадлежатъ капиталистамъ, они нерѣдко «носятъ для публики характеръ сберегательной кассы», и т. д.,— словомъ, мы объ *уже совершившейся* конфискаціи могли бы повторить почти всѣ разсужденія г. Герценштейна, которыя онъ направляетъ противъ конфискаціи, какъ «послѣдствія законодательнаго акта».

Въ виду такихъ обстоятельствъ вся дѣйствительно, а не только на словахъ либеральная пресса должна бы видѣть свою задачу въ томъ, чтобы неустанно выяснять всѣмъ заинтересованнымъ, какимъ великимъ, недосягаемымъ по своей безцеремонности конфискаторомъ является старое государство, а не въ томъ, чтобы разжигать «сопротивленіе» указаніемъ на грядущія опасности, которыми будто бы грозятъ борцы за свободу. Но, впрочемъ, либералъ не былъ бы либераломъ, если бы онъ не предпочиталъ уже совершающуюся радикальную бѣлую или черную конфискацію мнимой красной конфискаціи посредствомъ законодательнаго акта.

Представляя общественные классы, экономически изжившіе себя, утратившіе опору въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, упорно цѣпляющіеся за свои привилегіи и юридическіе титулы, которые утратили всякій внутренній смыслъ, превратившись въ пустую основу для паразитическаго

---

*) *R. Martin*, «Die Zukunft Russlands».—*G. Bernhard*. Armes reiches Russland!—*M. Friedmann* Die russischen Financen. Всѣ эти книги появились въ мартѣ-апрѣлѣ 1906 г.— Сравн. также рядъ статей въ журналѣ «Plutus» за тѣ же мѣсяцы.

существованія, правительство стараго общества органически не способно провести сколько-нибудь дѣйствительную крестьянскую реформу и сдѣлало неизбѣжнымъ крестьянское движеніе въ томъ видѣ, какъ оно развивается. Въ результатѣ закладные листы земельныхъ банковъ и т. под. бумаги уже теперь утратили до 27—30% своей цѣности,—нѣсколько больше, чѣмъ вызвано *общимъ* состояніемъ кредитнаго рынка. Продолженіе революціи означаетъ дальнѣйшее дѣйствіе все тѣхъ же тенденцій, которыя уже проявились въ паденіи курса процентныхъ бумагъ, дальнѣйшую конфискацію безъ всякаго вознагражденія.

Въ началѣ текущаго года «Рус. Вѣд.» напечатали нѣсколько передовыхъ статей, изъ которыхъ съ несомнѣнностью вытекало, что необходимость и неизбѣжность продолженія революціи сдѣлаетъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ возвратъ къ неразмѣнно-бумажному денежному обращенію. Уже одно это обстоятельство само по себѣ, независимо отъ другихъ вліяній, воздѣйствующихъ на кредитный рынокъ, будетъ по своему значенію равносильно серьезнѣйшей «конфискаціи» собственности. Въ зависимости отъ обстоятельствъ и судя по историческимъ прецедентамъ, размѣры потерь собственниковъ, поскольку ихъ собственность находится въ кредитно-денежной формѣ, могутъ выразиться въ 20—90%!

Коротко говоря, «законодательный актъ» о конфискаціи самъ можетъ-быть лишь констатированіемъ и юридической регистраціей фактически уже совершившейся въ основныхъ чертахъ конфискаціи. Исторія вообще не знаетъ иного соотношенія между законодательнымъ актомъ и конфискаціей, и я прямо не въ силахъ представить себѣ это соотношеніе въ томъ видѣ, какъ оно обрисовывается у г. Герценштейна. Представлять себѣ конфискацію *послѣдствіемъ* законодательнаго акта — это значитъ воображать себѣ дѣятельность законодательнаго учрежденія оторванною отъ реальной борьбы общественныхъ силъ, творящею новыя отношенія изъ себя, подобно творцу-вседержителю.

Возможно, что г. Герценштейну не чуждо предчувствіе дѣйствительно реалистической постановки вопроса о конфискаціи: въ рѣшительномъ мѣстѣ брошюры онъ съ большой—хотя, пожалуй, непреднамѣренной—осторожностью говоритъ лишь объ «окончательномъ обезцѣненіи», о «законодательномъ актѣ, который имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ *окончательное обезцѣненіе* закладныхъ листовъ и другихъ обязательствъ». Если бы г. Герценштейнъ созналъ источники своей, вѣроятно, безсознательной осторожности, онъ, слѣдуетъ думать, просто не написалъ бы своей брошюры.

Представимъ себѣ, что въ силу отмѣченныхъ выше причинъ курсъ закладныхъ листовъ упалъ до 10—15% ихъ поминальной цѣны. Предстоитъ созывъ учредительнаго собранія. У держателей закладныхъ листовъ еще тлѣетъ надежда, что рѣшительные борцы противъ стараго общества окажутся въ меньшинствѣ, что большинство будетъ на сторонѣ, напр., конституціонныхъ демократовъ, которые отстоятъ «справедливую оцѣнку» по отношенію къ землевладѣльцамъ, а попутно и «честную расплату» съ ихъ кредиторами, т.-е. по курсу сто за сто. Только эта надежда еще и будетъ удерживать держателей закладныхъ листовъ отъ оклейки ими комнатъ, только она и помѣшаетъ курсу упасть до нуля.

Въ самомъ дѣлѣ, было бы любопытно услышать, какъ станутъ держаться конституціонные демократы при такъ сложившемся положеніи. Не къ соціалъ-демократу слѣдуетъ обращаться съ вопросомъ: неужели онъ не остановится передъ конфискаціей, которая угрожаетъ расшевелить муравейникъ мелкихъ сберегателей? Позиція соціалъ-демократа ясна и устойчива: идя впереди демократической революціи, пролетарская партія никогда не придетъ въ конфликтъ съ ней. Нѣтъ, не соціалъ-демократа, а конституціоннаго демократа слѣдуетъ спросить: неужели въ своей защитѣ капиталовладѣнія онъ зайдетъ настолько далеко, что попытается «законодательнымъ актомъ» возстановить обязательства, аннулированныя революціей, и вновь положить на общество цѣпи, которыя оно сбросило съ такими великими жертвами? Но вѣдь въ финансовомъ дѣлѣ существуетъ своя неумолимая логика. Чтобы спасти собственность кредиторовъ по меньшей мѣрѣ отъ дальнѣйшей «конфискаціи», конституціонный демократъ безропотно долженъ будетъ признавать всѣ новые займы, заключаемые самодержавіемъ помимо «народнаго» представительства и вызываемые требованіями войны съ внутреннимъ врагомъ самодержавія; онъ не долженъ допускать даже сколько-нибудь серьезныхъ протестовъ противъ самыхъ вопіющихъ нарушеній не только бюджетнаго права, но и всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ: вѣдь протесты обостряютъ положеніе, а слѣдовательно, ускоряютъ и обостряютъ конфискацію. Словомъ, ему придется взять примѣръ съ французскихъ буржуа, которые, легкомысленно довѣривъ русскому самодержавію свои милліарды, вынуждены устраивать новые милліардные займы, чтобы поддержать самодержавіе и спасти такимъ образомъ старые займы отъ «конфискаціи».

Буржуазная логика, буржуазный разумъ въ революціонныя эпохи неизбѣжно превращается въ безуміе. Охваченный страхомъ передъ «конфискаціей», буржуа начинаетъ поддерживать силы, которыя являются основнымъ источникомъ «конфискаціи».

Въ заключеніе нѣсколько словъ о «справедливости конфискаціи» которая главной своей тяжестью обрушится на однѣ группы собственниковъ и въ значительной мѣрѣ пощадитъ другія. Послѣ предыдущихъ разъясненій, которыя отводятъ надлежащее мѣсто «законодательному акту», какъ *завершенію* конфискаціи, совершенно снимается вопросъ о томъ, можно ли оправдать такой актъ. Крестьяне, запахивающіе земли у помѣщиковъ и т. д., такъ же не нуждаются въ «оправданіи», какъ свобожденцы, которые въ ноябрѣ 1904 года устраивали банкеты, а теперь мѣстами возвышаются въ своемъ революціонномъ экстазѣ до мысли о бойкотѣ французскихъ товаровъ (и французскихъ кокотокъ, какъ легкомысленно добавляетъ одна дерзкая газета Германіи).

Но допустимъ, что какъ-нибудь удалось бы провести конфискацію «посредствомъ законадательнаго акта». Будетъ ли она «справедлива»?

«Справедливость» въ случаяхъ подобнаго рода—эта дополнительная узда, которая накладывается господствующими классами на эксплоатируемыхъ. И чѣмъ болѣе расшатываются матеріальныя силы, которыми сдерживаются эксплоатируемые, тѣмъ чаще начинаютъ господствующіе обращаться къ «нравственнымъ средствамъ». тѣмъ краснорѣчивѣе говорятъ

они о «справедливомъ» и «несправедливомъ». Впрочемъ, «и во всѣхъ обстоятельствахъ жизни отъ всѣхъ лицъ, менѣе покровительствуемыхъ существующимъ строемъ собственности, богатые требуютъ не только признанія ихъ правъ состоянія, но и такой внимательности и самопожертвованія, которыя сами богатые проявляютъ по отношенію къ этимъ лицамъ лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ».

Это говоритъ не какой-нибудь марксистъ или соціалъ-демократъ, а сохранившій большой запасъ буржуазности ученый, лишь до извѣстной степени усвоившій ученія соціализма Антонъ *Менгеръ*, который именно по своей промежуточности, именно по своей спутанности и зачастую банальности и долженъ-быть убѣдителенъ для нашихъ идеологовъ либерализма.

Для Менгера представленія о справедливомъ и несправедливомъ— это лишь «отраженія, которыя оставляются въ душѣ человѣка соотношеніемъ общественныхъ силъ» *).

Для феодальнаго общества, въ которомъ господствующей силой являются феодалы, несправедливо все, что угрожаетъ уничтоженіемъ или хотя бы ограниченіемъ феодальной эксплоатаціи. Когда, съ развитіемъ буржуазнаго общества, на очередь ставится ликвидація феодальныхъ отношеній, феодалы признаютъ единственно справедливой лишь такую ея форму, при которой они получатъ на основѣ «справедливой оцѣнки» полный выкупъ за всѣ свои историческія права. Такова суть реформы 19 февраля 1861 года, возмутившей идеологовъ развивающагося буржуазнаго общества не самымъ принципомъ выкупа, а феодальнымъ его примѣненіемъ не только къ «капиталу» (землѣ), что вполнѣ естественно для буржуа, но и къ личности крѣпостного крестьянина, что представляется ему верхомъ несправедливости.

Въ настоящее время борьба между феодалами и идеологами развившагося буржуазнаго общества ведется на новомъ уровнѣ. Феодалъ признаетъ одинаково справедливыми всѣ свои наслѣдственныя и благопріобрѣтенныя права и всѣ вытекающіе изъ нихъ доходы, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, каковы бы ни были связанныя съ ними хозяйственныя отношенія. Для него справедлива только такая сдѣлка, которая оставитъ въ полной неприкосновенности всѣ его доходы, хотя бы они достигались болѣе или менѣе откровеннымъ закабаленіемъ крестьянъ. Справедливую оцѣнку этихъ доходовъ, справедливую ихъ капитализацію можетъ произвести только онъ самъ, феодалъ. Поэтому дворянство твердо стоитъ за реформу крестьянскихъ отношеній на основѣ «добровольныхъ соглашеній» съ крестьянами. Принудительное отчужденіе — явный грабежъ, вопіющая несправедливость.

Для чистокровнаго буржуа справедлива лишь капиталистическая эксплоатація, основанная на отношеніяхъ вольнонаемнаго труда, безъ всякой примѣси элементовъ кабальной зависимости, напоминающей феодальныя времена. Справедлива всякая реформа, которая отсѣкаетъ эти элементы, несправедливо все, что посягаетъ на капиталъ и на доходы, вытекающіе изъ «чистой» капиталистической эксплоатаціи. Доходы эти

*) *A. Menger*, Neue Sittenlehre. Стр. 6—7, 12, 16—17 и др.

могутъ еще не существовать, это дѣла нисколько не измѣняетъ: рѣчь идетъ о доходахъ, теоретически возможныхъ вслѣдствіе капиталистическаго использованія собственности. Въ этомъ весь смыслъ конституціонно-демократическаго принудительнаго отчужденія на началахъ «справедливой оцѣнки».

Пролетаріатъ, достигнувъ самосознанія, одинаково отвергаетъ всякую эксплоатацію — и феодальную и буржуазную, — и всякую собственность, которая лежитъ въ основѣ этой эксплоатаціи,—и феодальную и буржуазную собственность. Для него не существуетъ вопроса о томъ, какой изъ этихъ видовъ эксплоатаціи «справедливѣе»: оба они въ своемъ мѣстѣ и въ свое время одинаково хороши. Для него вопросъ постоянно сводится къ тому, назрѣли ли историческія условія для освобожденія отъ эксплоатаціи. И если историческія условія въ извѣстной странѣ и въ извѣстный моментъ складываются такъ, что возможно и цѣлесообразно экспропріировать часть собственниковъ, то будетъ вполнѣ «справедливо» использовать эту возможность.

Передъ нами три разныхъ класса. дворянство, буржуазія, пролетаріатъ,—три разныхъ міра, три справедливости: феодальная эксплоатація, капиталистическая эксплоатація, уничтоженіе всякой эксплоатаціи. Но въ современномъ обществѣ существуетъ еще одинъ классъ, который, въ соотвѣтствіи съ своимъ промежуточнымъ положеніемъ, признаетъ частную собственность на средства производства, но отрицаетъ капиталистическую эксплоатацію, стоитъ передъ опасностью превратиться въ пролетарія, но не утрачиваетъ и надежды сдѣлаться истиннымъ буржуа въ современномъ значеніи слова. Совмѣщая въ себѣ такія противорѣчія и «притупляя» ихъ благодаря совмѣстительству, деревенскій мелкій буржуа, крестьянинъ ремесленнаго типа, видитъ въ частной собственности результатъ труда и основу для пропитанія. Землевладѣніе въ его глазахъ получаетъ оправданіе и является справедливымъ постольку, поскольку оно необходимо для личной трудовой дѣятельности собственника и служитъ базисомъ для крестьянскаго пропитанія. Разумѣется, мелко-буржуазная психика легко развертывается въ капиталистическую, буржуазную, и въ аграрномъ движеніи могутъ быть сильно представлены теченія, въ основѣ которыхъ лежитъ желаніе хозяйственнаго мужичка расширить свою сферу капиталистическаго накопленія (или даже первоначальнаго накопленія).

Какъ бы то ни было, «справедливость» деревенскаго мелкаго буржуа требуетъ чего угодно, но только не капиталистической справедливой оцѣнки доходности крупнаго землевладѣнія.

И тщетны будутъ всѣ старанія конституціоналистовъ-демократовъ навязать крестьянской массѣ свою капиталистическую психику.

И. Степановъ.

Обостреніе классовыхъ противорѣчій на Западѣ.

Въ то самое время, когда у насъ въ Россіи происходитъ политическая революція, въ Западной Европѣ подготовляется незамѣтно почва для соціальнаго переворота.

Въ Англіи, Франціи, Германіи, Австріи взаимныя отношенія между буржуазіей и пролетаріатомъ становятся все болѣе натянутыми и враждебными.

Слышатся подземные удары надвигающагося землетрясенія.

Воздухъ насыщенъ электричествомъ.

Пахнетъ кровью.

Въ этомъ ростѣ соціальнаго антагонизма двухъ великихъ борющихся классовъ Западной Европы сказывается въ значительной степени вліяніе событій, происходящихъ въ Россіи.

Когда началось наше освободительное движеніе, Каутскій, учитывая его послѣдствія для Запада, писалъ:

«За предѣлами Россіи классовыя противорѣчія должны обостриться до крайности, а классовая борьба вылиться въ особо рѣзкія формы тѣмъ болѣе, что волненія, происходящія въ Россіи, повышаютъ боевую готовность въ средѣ низшихъ и нервное настроеніе въ средѣ высшихъ классовъ».

Слова Каутскаго очень скоро оправдались.

Если внимательно всмотрѣться въ современное положеніе Западной Европы, нетрудно замѣтить, какъ много въ ней накопилось горючаго матеріала.

Кажется, одной искры достаточно, чтобы вспыхнулъ грандіозный пожаръ.

Западная Европа стоитъ несомнѣнно наканунѣ серьезныхъ потрясеній, кровавыхъ столкновеній, наканунѣ гражданской войны.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ не только апологеты буржуазнаго строя, а даже видные соціалисты громко заявляли, что все кругомъ обстоитъ благополучно, отношенія между буржуазіей и пролетаріатомъ становятся чѣмъ дальше, тѣмъ дружественнѣе, что соціальный миръ покоится на прочныхъ основаніяхъ.

Теперь едва ли кто отважится поддержать эту иллюзію.

Съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе, что если дипломатическіе переговоры еще могутъ предотвратить вооруженныя столкновенія между отдѣльными государствами, то нѣтъ такой силы, которая могла бы объединить всѣ классы общества въ мирной и дружной работѣ.

Экономическій кризисъ, переживаемый міровой промышленностью, заставляетъ ярче выступать наружу таящіяся въ буржуазномъ обществѣ соціальныя противорѣчія, а событія, происходящія у насъ, усиливая неустойчивость рынка и биржи, внушая однимъ страхъ за свое существованіе, другимъ надежду на лучшее будущее, тѣмъ самымъ расчищаютъ почву для открытаго столкновенія враждующихъ классовъ.

Незамѣтно на всемъ Западѣ разгорается междоусобная война.

Выражаясь пока преимущественно въ видѣ борьбы за избирательныя права народа, въ завоеваніи изъ новыхъ законодательныхъ учрежденій, въ пересмотрѣ прежнихъ тактическихъ пріемовъ, въ частичныхъ экономическихъ и политическихъ стачкахъ, наконецъ, въ видѣ уличныхъ демонстрацій, эта война носитъ на первый взглядъ довольно мирный характеръ.

Впрочемъ, были моменты, напр. во Франціи, когда она принимала уже форму почти вооруженнаго возстанія.

Во всякомъ случаѣ эта междоусобная война при всемъ ея внѣшнемъ спокойствіи не менѣе величава и не менѣе серьезна той, которая сопровождается баррикадами и сраженіями.

Послѣдствіемъ этой внутренней борьбы будетъ глубокое и широкое переустройство всего соціально-политическаго быта Западной Европы.

Очень возможно, что будущій историкъ начнетъ 1905 годомъ новую эру въ исторіи человѣчества. Онъ надпишетъ эту главу: «Приближеніе соціальной катастрофы».

Историкъ покажетъ, какъ въ началѣ XX вѣка постепенно складывались предпосылки для великой пролетарской революціи подобно тому, какъ въ началѣ XVIII подготовлялась почва для буржуазныхъ переворотовъ.

И такъ какъ въ надвигающейся борьбѣ классовъ за власть событія, происходящія въ Россіи, часто служили стимуломъ и часто играли роль вдохновителя, то быть можетъ онъ выберетъ эпиграфомъ къ этой главѣ слова Каутскаго, сказанныя имъ нѣсколько лѣтъ назадъ по поводу славянскихъ дѣлъ:

«Россія, которая была главнымъ оплотомъ реакціи въ 1848 г., Россія, та ледяная горя, о которую разбились бурныя волны тогдашней революціи, сама въ свою очередь даетъ толчекъ международному освободительному движенію».

И подобно тому, какъ историкъ буржуазной революціи XVIII вѣка заканчиваетъ свое повѣствованіе установленіемъ капиталистическаго общества, такъ точно историкъ пролетарской революціи XX вѣка доведетъ нить событій до того момента, когда побѣдившій народъ издаетъ законъ о передачѣ всѣхъ орудій производства въ руки трудящихся, когда на развалинахъ стараго міра эксплоатаціи и рабства возникаетъ новое, построенное на началахъ свободы и равенства соціалистическое общество.

I.

Въ послѣднее время обострились классовыя противорѣчія прежде всего въ той странѣ, которая до сихъ поръ считалась образцомъ соціальнаго благоустройства, въ Англіи, гдѣ соціальный миръ, казалось, покоился на особенно прочныхъ устояхъ.

Начиная съ 80 годовъ истекшаго столѣтія англійская промышленность переживаетъ кризисъ, отъ котораго она едва-ли скоро оправится. Рядомъ съ Англіей, нѣкогда безраздѣльно царившей на міровомъ рынкѣ, теперь стали грозные соперники, готовые ее вытѣснить — Америка, Германія, Японія.

Ея промышленной гегемоніи наступаетъ конецъ.

Безпокойство охватываетъ буржуазію.

Просвѣщенная и либеральная, она теперь становится все эгоистичнѣе и реакціоннѣе.

Недавно еще ярые сторонники свободной торговли, англійскіе капиталисты теперь массами переходятъ въ лагерь протекціонистовъ, требуя отъ правительства защиты своихъ интересовъ.

На послѣднихъ выборахъ въ парламентъ, въ январѣ, фритредеры—сторонники свободной торговли—правда, побѣдили протекціонистовъ—сторонниковъ государственнаго вмѣшательства.

Однако это не доказываетъ вовсе, будто англійская промышленность не нуждается въ покровительственныхъ пошлинахъ.

Причина другая.

Необходимо было свергнуть консервативное министерство, достаточно надоѣвшее всѣмъ классамъ общества и такъ какъ консервативная партія исповѣдовала принципы протекціонизма, то либеральная оппозиція выкинула ей въ противовѣсъ флагъ свободной торговли.

Побѣда фритредеровъ надъ протекціонистами была по существу дѣла побѣдой болѣе либеральной фракціи буржуазіи надъ ея болѣе консервативной частью.

Въ будущемъ, однако, очень многіе изъ теперешнихъ фритредеровъ сами станутъ протекціонистами, потому что при современномъ положеніи англійской промышленности она просто не можетъ существовать безъ покровительственныхъ пошлинъ.

Капиталисты не только призываютъ государство на защиту своихъ интересовъ... при помощи того же государства они пытаются разгромить рабочія организаціи, трэдуніоны.

Въ профессіональныхъ союзахъ пролетаріата они видятъ главное зло.

Придворный органъ лондонскихъ капиталистовъ—Times—пространно доказываетъ, что въ переживаемомъ страной кризисѣ виноваты исключительно трэдуніоны, вынуждающіе предпринимателей платить слишкомъ высокую заработную плату.

Все чаще раздается наверху грозный окрикъ: долой рабочія организаціи.

На сторону капиталистовъ становится судъ.

Верхняя палата присуждаетъ въ двухъ процессахъ между предпринимателями и рабочими трэдуніоны къ уплатѣ убытковъ, причиненныхъ первымъ стачкой, въ одномъ случаѣ 270.000 руб., въ другомъ 530.000 р.

По мѣрѣ того, какъ буржуазія становится все реакціоннѣе, пролетаріатъ въ свою очередь проникается все болѣе революціоннымъ духомъ.

Все болѣе разочаровывается онъ въ своихъ прежнихъ мирныхъ, чисто экономическихъ методахъ борьбы.

За послѣднее время число стачекъ въ Англіи становится съ каждымъ годомъ все меньше.

Въ 1893 г. было 600 стачекъ, въ которыхъ участвовали 600.000 рабочихъ, а десять лѣтъ спустя уже только 350 стачекъ, въ которыхъ участвовали 85.000 рабочихъ.

Буржуазные экономисты отсюда часто дѣлали выводъ, что взаимныя отношенія между буржуазіей и пролетаріатомъ становятся чѣмъ дальше, тѣмъ дружественнѣе.

Въ дѣйствительности эти цифры доказываютъ нѣчто совсѣмъ другое, прямо противоположное.

Дѣло въ томъ, что въ 1893 г. рабочіе выиграли 40% всего числа стачекъ, а десять лѣтъ спустя уже только 17%, наоборотъ въ 1893 г. они проиграли 34% всего стачекъ, а десять лѣтъ спустя цѣлыхъ 48%. Другими словами экономическая борьба англійскихъ рабочихъ кончается все чаще неудачей.

И они поэтому все охотнѣе отъ нея отказываются. Иначе оно и быть не можетъ.

Вся экономическая исторія Англіи доказала рядомъ наглядныхъ примѣровъ основательность слѣдующаго закона, формулированнаго англійскимъ соціологомъ Лоріа:

«До тѣхъ поръ, пока высокая прибыль и благопріятныя условія промышленности даютъ широкое поле для удовлетворенія требованій рабочихъ, профессіональный союзъ представляетъ главную форму рабочаго движенія и возможность достигнуть значительныхъ результатовъ путемъ мирныхъ соглашеній и переговоровъ удерживаетъ рабочихъ отъ вступленія въ ряды соціализма, но какъ только прибыль падаетъ, какъ только капиталистическое хозяйство приходитъ въ полное разстройство, трэдуніонъ уже не способенъ улучшить участь рабочихъ въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства и профессіональное движеніе перерождается въ соціалистическое».

Въ самомъ дѣлѣ!

Въ теченіе XIX столѣтія Англія дважды смотрѣла въ глаза соціализму, дважды рабочіе пытались образовать самостоятельную политическую партію, въ 40 и 60 годахъ, когда англійская промышленность до основанія была потрясена величайшимъ кризисомъ.

Оба раза буржуазію спасала отъ «краснаго призрака» высокая прибыль, результатъ новаго подъема промышленности.

Теперь, когда англійскій капитализмъ снова пришелъ въ разстройство, когда прибыль снова опустилась до minimum'а, когда буржуазія дѣлаетъ попытки обезвредить для себя трэдуніоны, мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ профессіональное движеніе снова перерождается въ политическое.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ своей книгѣ о соціальной революціи, Каутскій писалъ:

«Нигдѣ пролетаріатъ не отличается такой многочисленностью, нигдѣ его экономическія организаціи не достигли такого высокаго развитія, нигдѣ не пользуется онъ такой политической свободой, какъ въ Англіи, и нигдѣ онъ не страдаетъ такимъ политическимъ безсиліемъ. Онъ молчитъ, когда удоражаютъ его хлѣбъ, когда разрушаютъ его трэдуніоны. Въ качествѣ политическаго фактора, англійскіе рабочіе стоятъ теперь ниже, чѣмъ рабочіе экономически наиболѣе отсталой, политически наиболѣе несвободной страны, т.-е. Россіи».

Теперь эти слова Каутскаго уже не примѣнимы болѣе къ англійскому пролетаріату.

Когда въ январѣ были назначены новые выборы въ парламентъ, рабочіе ринулись съ огромномъ энтузіазмомъ въ предвыборный бой и отвоевали себѣ цѣлыхъ 50 мѣстъ.

Въ палатѣ — явленіе небывалое — появилась независимая рабочая партія.

Часть рабочихъ депутатовъ,—около 20—прошедшіе, благодаря поддержкѣ либераловъ — будутъ на первыхъ порахъ, правда, итти рука объ руку съ передовой буржуазіей.

Остальные — 30—образующіе независимую рабочую партію — напротивъ, ни въ какіе компромиссы съ либералами вступать не намѣрены.

Въ своемъ манифестѣ партія заявила съ достаточной опредѣленностью, что она будетъ «дружественно относится къ либераламъ только до тѣхъ поръ, пока они будутъ проводить обѣщанныя соціальныя реформы».

По нѣкоторымъ пунктамъ между либералами и рабочими, уже произошли, какъ извѣстно, конфликты. И чѣмъ настойчивѣе рабочая партія будетъ преслѣдовать свои чисто пролетарскія цѣли, тѣмъ откровеннѣе либералы будутъ обнаруживать свой буржуазный характеръ.

Старая иллюзія о цѣлесообразности и плодотворности классоваго сотрудничества, какъ долго ослѣплявшая глаза пролетаріата, разлетится какъ мыльный пузырь, какъ миражъ.

И въ классической странѣ трэдуніонизма взовьется красное знамя революціоннаго марксизма.

Обостреніе классовыхъ противорѣчій сказывается не только въ томъ, что рабочій классъ Англіи, такъ долго шедшій въ хвостѣ либеральной буржуазіи, теперь спѣшитъ образовать свою самостоятельную рабочую партію—пролетаріатъ все болѣе проникается сознаніемъ, что въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства онъ безсиленъ улучшить и упрочить свое положеніе.

Огромную роль въ прояснении этого классоваго самосознанія англійскихъ рабочихъ, сыграла все растущая въ послѣднее время безработица.

Въ Англіи, конечно, всегда было много безработныхъ, особенно въ періоды кризисовъ.

И все же раньше буржуазія довольно удачно справлялась съ этимъ недугомъ, ею же порожденнымъ.

Воздвигались дома для безработныхъ, правда, настолько ужасные, что народъ прозвалъ ихъ бастильями, ссужали деньгами, въ трудную минуту выручала—эмиграція.

Теперь буржуазія уже не въ силахъ покорить злыхъ духовъ, ею же вызванныхъ изъ подъ земли.

Въ одномъ только Лондонѣ насчитывается 100.000 безработныхъ, во всей Англіи свыше полмилліона, а если сюда еще прибавить ихъ семьи, то цифру и безъ того огромную придется утроить.

Тщетно богачи жертвуютъ деньги, тщетно вводится особый налогъ въ пользу бѣдныхъ.

Ничто не помогаетъ—безработица растетъ, голодъ увеличивается.

Осенью прошлаго года жены лондонскихъ безработныхъ устроили демонстрацію передъ окнами тогдашняго премьера Бальфура—министръ не нашелъ нужнымъ на нее обратить вниманіе.

Тогда безработные, руководимые членами независимой рабочей партіей и соціалъ-демократической федераціей, отправили депутацію.

Министръ принялъ ее очень любезно, сейчасъ же заявивъ, что правительство безсильно помочь горю—это дѣло частной благотворительности.

Когда члены нез. раб. партіи и с.-д. фед. обратили вниманіе премьера на то, что безработные просятъ не милостыни, а работу, то министръ поспѣшилъ возразить, что организація труда не есть функція государства, а дѣло частныхъ, предпринимателей а введеніе общественныхъ работъ, какъ мѣра, по его мнѣнію, чисто соціалистическая, неизбѣжно вызоветъ недовольство капиталистовъ.

Словомъ, правительство пассуетъ передъ этимъ зломъ,—вмѣсто хлѣба министръ сунулъ безработнымъ камень.

Равнодушное отношеніе правящей буржуазіи къ нуждамъ пролетаріата, заставило принять послѣднихъ болѣе рѣшительныя мѣры.

Становилось все болѣе очевиднымъ, что борьба противъ безработицы предполагаетъ борьбу со всѣмъ существующимъ капиталистическимъ строемъ.

И вотъ въ Лондонѣ возникаетъ изъ представителей всѣхъ пролетарскихъ организацій—«Національный совѣтъ права на трудъ».

Въ выпущенномъ имъ манифестѣ между прочимъ говорится:

«Всякій гражданинъ имѣетъ право на трудъ, потому что онъ долженъ работать для того, чтобы существовать. Правительство даетъ кровъ, пищу и одежду преступникамъ и умалишеннымъ, а для безработныхъ ничего не дѣлаетъ. Товарищи-рабочіе, соединяйтесь. На примѣрѣ Россіи мы видимъ, чего можно добиться дружными усиліями. Мы и возьмемъ примѣръ съ русскихъ рабочихъ».

Центральный комитетъ лондонскихъ рабочихъ приступилъ затѣмъ къ устройству грандіозной демонстраціи.

Тридцати тысячная толпа направилась съ музыкой и пѣніемъ въ Хайдъ-паркъ. Высоко въ воздухѣ, точно зловѣщія птицы, рѣяли надписи: «Хлѣбъ или работу», «Конецъ нашему терпѣнію», «Проклятіе вашей благотворительности».

«Зрѣлище было таково,—писала консервативная Times,—что никто не осмѣливался игнорировать его смысла».

Одинъ изъ членовъ с.-д. федераціи, Джекъ Вильямсъ, произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ:

«Пусть не будетъ спокойствія въ странѣ, пока страдаютъ тысячи гражданъ. Если правительство ничего не сдѣлаетъ для облегченія нужды, то пусть Лондонъ станетъ Петербургомъ. (Мы устроимъ свое 9 января)».

Выслушавъ рядъ ораторовъ, митингъ единодушно принялъ резолюцію, въ которой безработные снова подчеркиваютъ, что просятъ не милостыни, а требуютъ работы, и въ заключеніе заявляютъ, что истинное рѣшеніе рабочаго вопроса возможно только послѣ уничтоженія капиталистическаго строя, и его замѣны соціалистической организаціей труда.

Всѣ приведенные факты имѣютъ огромное симптоматическое значеніе.

Если недавно еще англійскіе рабочіе возлагали свои надежды на либеральную буржуазію, ожидая отъ нея всевозможныхъ соціальныхъ реформъ, то теперь они спѣшатъ образовать самостоятельную политическую партію, которая помимо либераловъ будетъ стремиться къ осуществленію своей пролетарской программы.

Если раньше англійскіе рабочіе вѣрили въ возможность путемъ экономической борьбы улучшить свое положеніе въ условіяхъ существующаго капиталистическаго строя, то теперь они все чаще отказываются отъ своего прежняго оружія, отъ стачки и все глубже проникаются мыслью о необходимости сверженія капиталистическаго строя и его замѣнѣ соціалистическимъ обществомъ.

Англія, такъ долго гордившаяся своимъ соціальнымъ благоустройствомъ, прочностью царившаго въ ея нѣдрахъ соціальнаго мира, на нашихъ глазахъ вступаетъ въ полосу рѣзкихъ классовыхъ противорѣчій и столкновеній.

Капиталисты, «вожди промышленности», какъ ихъ называлъ философъ Карлейль, оказались, вопреки его надеждамъ, плохими «вождями общества». И по мѣрѣ того, какъ бразды правленія выпадаютъ изъ рукъ просвѣщенной буржуазіи, по мѣрѣ того, какъ изъ опекуна она превращается все откровеннѣе въ эксплоататора, рабочіе, отворачиваясь отъ нея, вступаютъ въ ряды международнаго соціализма, подъ красное знамя Интернаціонала.

Понятно, какое огромное значеніе этотъ фактъ долженъ имѣть для успѣховъ объединеннаго пролетаріата всѣхъ странъ.

Еще Марксъ замѣтилъ въ свое время, что побѣда рабочаго класса надъ старымъ міромъ эксплоатаціи и рабства обезпечена лишь въ томъ случаѣ, если во главѣ движенія станетъ англійскій пролетаріатъ, самый многочисленный и организованный, самый обезпеченный и опытный. Англія пережила рядъ событій первостепенной важности.

«Мы должны признаться,—писалъ совершенно справедливо одинъ изъ членовъ независимой рабочей партіи, — что у насъ произошла не только настоящая политическая революція,—страна на одинъ шагъ приблизилась къ соціальному перевороту».

II.

Обострились въ послѣднее время классовыя противорѣчія и во Франціи.

Республиканское правительство старается доказать рабочимъ на каждомъ шагу, что оно защищаетъ интересъ капитала, а не труда, что оно само есть не болѣе какъ буржуазное предпріятіе, эксплоатирующее и угнетающее пролетаріатъ.

Осенью прошлаго года вспыхнула въ Брестѣ, Шербургѣ и Тулонѣ стачка портовыхъ рабочихъ. Правительство поставило на ноги всѣ войска, въ надеждѣ провоцировать активное выступленіе забастовщиковъ. Когда провокація не удалась, морской министръ обратился къ рабочимъ съ воззваніемъ, приглашая ихъ немедленно же подъ страхомъ увольненія приступить къ работамъ, ссылаясь на то обстоятельство, что забастовка наноситъ будто бы ущербъ интересамъ національной обороны. Хотя послѣднее заявленіе и было явно вымышленное, расчитанное на то, чтобы вызвать въ широкихъ кругахъ буржуазіи враждебное отношеніе къ забастовщикамъ, не нашлось ни одной честной буржуазной газеты, которая выразила бы протестъ противъ такого непорядочнаго поведенія правительства,—напротивъ, всѣ отъ правыхъ до лѣвыхъ, отъ монархическихъ и до радикальныхъ единодушно выразили одобреніе министерству Рувье. Стачка скоро замерла главнымъ образомъ потому, что среди рабочихъ преобладали неорганизованные анархисты.

Когда въ палатѣ соціалисты-депутаты сдѣлали правительству запросъ по поводу его некорректнаго поведенія, всѣ буржуазныя партіи снова слились въ трогательномъ единодушіи и изъ 530 депутатовъ только 86 выразили министерству Рувье недовѣріе и порицаніе.

Позиція правительства и палаты была такъ явно враждебна пролетаріату, что даже Жоресъ въ ужасѣ отшатнулся отъ своихъ обычныхъ союзниковъ,—радикальныхъ мѣщанъ.

Вскорѣ послѣ этого почтово-телеграфные служащіе стали организоваться въ профессіональный союзъ. Правительство немедленно же распустило и запретило организацію.

На запросъ крайней лѣвой въ парламентѣ—Рувье, волнуясь, воскликнулъ:

«Дайте только чиновникамъ, все, равно почтальонамъ или учителямъ право организоваться и вы увидите, что завтра почта и телеграфъ перестанутъ функціонировать, школы закроются, въ странѣ наступитъ анархія».

Еще болѣе характернымъ является слѣдующій случай.

Какъ извѣстно, соціалисты обѣщали радикальному правительству свою поддержку въ его антиклерикальной политикѣ, въ его крестовомъ походѣ противъ католической церкви съ условіемъ, что она потомъ проведетъ рядъ важныхъ соціальныхъ мѣропріятій, напр. государственное страхованіе рабочихъ.

Какъ только отдѣленіе церкви отъ государства стало фактомъ, прошло законодательнымъ порядкомъ, радикалы не только не приступили къ

исполненію даннаго обѣщанія, а ни съ того ни съ сего набросились на профессіональные союзы, объединенные во всеобщей конфедераціи труда съ цѣлью ихъ разгромить.

Пролетаріатъ принялъ брошенный вызовъ.

Въ палатѣ поднимается неутомимый борецъ, старый коммунаръ Вальянъ.

«Рабочіе союзы,—говоритъ онъ,—постараются отстоять свою свободу. Они не сдадутся. Русскіе рабочіе показываютъ примѣръ Европѣ. Они совершаютъ свою пролетарскую революцію, какъ Франція въ 1789 году совершала революцію буржуазную».

По мѣрѣ того, какъ буржуазія, опираясь на парламентъ, штыки и правительство, становится все враждебнѣе пролетаріату, рабочій классъ все болѣе охладѣваетъ къ мысли о плодотворности союза или block'a съ ея болѣе передовыми группами.

На послѣднемъ конгрессѣ объединенной рабочей партіи въ Шалонѣ на очередь былъ между прочимъ поставленъ и вопросъ о томъ, какой тактики придерживаться на предстоящихъ парламентскихъ выборахъ.

Докладчикъ Кошенъ доказывалъ необходимость открыто и рѣзко порвать съ радикальнымъ мѣщанствомъ и вездѣ выставлять своихъ кандидатовъ. Докладчика поддерживали гедисты. Жоресъ возражалъ, что такая чисто пролетарская тактика должна неминуемо расколоть республиканскій блокъ и дать перевѣсъ реакціоннымъ группамъ и партіямъ.

Однако послѣ блестящей рѣчи Лафарга — зятя Маркса, указавшаго на то, что соціалисты и рабочіе всегда мужественно стояли за республику, тогда какъ буржуа ей такъ часто измѣняли, съѣздъ принялъ огромнымъ большинствомъ формулу Кошена.

Если марксистская тактика Геда восторжествовала надъ буржуазно-демократической тактикой Жореса, то причину нужно искать не только въ растущемъ антагонизмѣ буржуазіи и пролетаріата, а также въ значительной степени въ вліяніи, оказываемомъ на рабочій классъ событіями, происходящими у насъ въ Россіи.

Отголоски русской революціи чувствуются во Франціи еще явственнѣе, чѣмъ въ Англіи.

Когда началось наше освободительное движеніе, то депутатъ Семба заявилъ въ палатѣ, что весь рабочій классъ Франціи смотритъ съ надеждой и гордостью на борющихся русскихъ товарищей.

Открывая дебаты на съѣздѣ въ Шалонѣ, Лафаргъ отъ имени французскихъ рабочихъ соціалистовъ привѣтствовалъ пролетаріатъ и крестьянство Россіи въ ихъ героической борьбѣ за освобожденіе. Въ русской революціи идеологи французскаго пролетаріата усматриваютъ прологъ къ соціальному перевороту на западѣ и въ частности во Франціи.

«Русская революція, — пишетъ напр. извѣстный марксистъ Поль Луи,—носитъ въ значительной степени характеръ соціальный. Тамъ борется не буржуазія (крупная) съ автократіей, а пролетаріатъ одновременно противъ автократіи и буржуазіи. Русскіе рабочіе и крестьяне становятся такимъ образомъ передовымъ отрядомъ пролетаріата и крестьянства всѣхъ капиталистическихъ странъ».

Какъ видно искры отъ костра русской революціи упали и въ сердце французскаго народа.

Снова кипятъ въ немъ молодость и отвага, глаза горятъ огнемъ и хочется борьбы. Передъ его взоромъ проносятся картины его славнаго прошлаго—вспоминаются улицы Парижа въ жаркіе іюньскіе дни, когда на нихъ вырастали баррикады, воспоминается незабвенный день провозглашенія Коммуны, когда идеалы пролетаріата, казалось, были такъ близки къ осуществленію.

И онъ становится все воинственнѣе.

Снова въ воздухѣ звучитъ старая пѣсенка—пѣсня возставшихъ ліонскихъ ткачей, «работая жить, умереть сражаясь».

Недавно вся страна была охвачена грандіозной стачкой—бурный прологъ къ празднику 1 мая.

Сотни тысячъ рабочихъ бросали работу. Бастовали почталіоны, типографщики, служащіе въ ресторанахъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стачка становилась всеобщей, охватывая всѣ производства и всѣ профессіи... На сѣверѣ Франціи забастовка горнорабочихъ перешла незамѣтно въ вооруженное возстаніе—строились баррикады, протягивались проволочныя прегражденія, ружейные залпы сливались съ звуками интернаціоналя... Повсюду въ провинціи и въ столицѣ на улицахъ красовались огромные плакаты съ надписью: Товарищи! съ 1 мая мы работаемъ только 8 часовъ. Это всеобщая конфедерація труда приглашала всѣхъ рабочихъ революціоннымъ путемъ ввести одно изъ основныхъ требованій соціалистической программы minimum. Жуткое настроеніе царило въ буржуазныхъ кругахъ наканунѣ 1 мая. Точно изъ гроба поднялся съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ грозный призракъ разстрѣлянной коммуны.

Во всѣхъ этихъ забастовкахъ и демонстраціяхъ ясно слышатся тѣ самыя слова, съ которыми въ извѣстной пьесѣ Мирбо «Жанъ и Мадлена» рабочій Жанъ Руль поднимаетъ товарищей: «Мы хотимъ жить душой и тѣломъ, жить всѣми нашими чувствами, а не быть вьючнымъ животнымъ, которое стегаютъ или безсознательной машиной, которую пускаютъ въ ходъ, чтобы она работала на другихъ... Мы хотимъ быть людьми».

Съ тревогой прислушивается буржуазія къ этимъ страстнымъ рѣчамъ, этимъ бурнымъ выступленіямъ.

Страхъ за существованіе, за собственность, за власть леденящимъ холодомъ пронизываетъ ея сердце.

Въ ужасѣ мечется она изъ стороны въ сторону.

Гдѣ найти якорь спасенія?

И если французскій рабочій обращаетъ свои взоры съ надеждой на русскаго пролетарія, то французскій буржуа напротивъ взираетъ съ упованіемъ на русскую бюрократію.

Подавить освободительное движеніе въ Россіи, не значитъ ли это затушить соціальный пожаръ, грозящій вспыхнуть на западѣ? Поддержать погибающій старый строй въ Россіи, не значитъ ли это вмѣстѣ съ тѣмъ спасти въ Европѣ господство капитала?

И французскій буржуа протягиваетъ руку помощи самодержавной русской бюрократіи. Инстинктъ самосохраненія гонитъ его въ ея объятія.

Такъ состоялся послѣдній заемъ.

Будущее покажетъ, на чьей сторонѣ останется побѣда—на сторонѣ ли русской бюрократіи, вооруженной иностраннымъ золотомъ, и европейскаго капитала, опирающагося на русскую бюрократію, или на сторонѣ взаимно питающихъ другъ друга освободительнаго движенія въ Россіи и на Западѣ.

Невольно приходятъ на умъ слова Жореса, сказанныя имъ въ декабрѣ прошлаго года на митингѣ въ Парижѣ, устроенномъ въ честь русскихъ борцовъ.«Правящіе классы Европы были солидарны съ русской реакціей, когда она угнетала рабочій классъ, они останутся солидарны съ ней, и въ грозный часъ ея паденья.—

Тогда во всѣхъ уголкахъ вселенной расцвѣтетъ новая жизнь.

На свободу выйдутъ не только всѣ заключенные въ Петропавловской крѣпости, а во всемъ мірѣ всѣ заключенные въ убійственныхъ казематахъ капитала.

Тогда наступитъ конецъ всякой тиранніи: тираннiи надъ обществомъ, надъ націями, надъ личностью.

Организованный въ профессіональные союзы и въ политическія партіи пролетаріатъ всѣхъ странъ спокойно готовится къ торжеству соціальной революціи».

III.

Обостряются классовыя противорѣчія также въ Германіи.

Побѣда, одержанная на послѣднихъ выборахъ германской рабочей партіей, когда за нее было подано до 3 мил. голосовъ, освѣтила, какъ зловѣщая молнія, всю шаткость положенія господствующихъ классовъ.

Буржуа и аграріи, капиталисты и землевладѣльцы одинаково поняли, какую ошибку совершилъ Бисмаркъ, давъ странѣ всеобщее избирательное право.

Оправившись послѣ перваго испуга, господствующіе классы стали окапываться на занятыхъ позиціяхъ, дѣлая оттуда разбойничьи набѣги на враждебный лагерь.

Всѣ важные вопросы разсматривались отнынѣ не въ рейхстагѣ, а въ ландтагахъ, гдѣ благодаря трехклассной избирательной системѣ, рабочій классъ не имѣетъ до сихъ поръ своихъ представителей. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Саксоніи, существовала раньше всеобщая подача голосовъ при выборахъ въ ландтагъ, оно отмѣняется. Въ такихъ городахъ, какъ Гамбургъ и Любекъ, гдѣ рабочіе раньше выбирали думскихъ гласныхъ, они лишаются этого права. Въ господствующихъ классахъ и правящихъ сферахъ все чаще заговариваютъ о необходимости путемъ хотя бы нарушенія конституціи, путемъ насильственнаго coup d'état покончить съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ въ рейхстагъ.

Рабочій классъ переносилъ эти незаконныя покушенія на его права довольно терпѣливо.

Вожди и теоретики партіи постоянно твердили, что надо быть осторожнымъ, силы борющихся еще не равны, необходимо выждать. Когда недавно, всего годъ тому назадъ, въ Гамбургѣ рабочіе стали готовиться

къ стачкѣ съ цѣлью протестовать противъ лишенія ихъ избирательныхъ правъ, то Каутскій писалъ:

«Какъ? Всеобщая стачка въ одномъ только городѣ! Это было бы величайшимъ безуміемъ! И даже если бы рѣчь шла о всеобщей подачѣ голосовъ при выборахъ въ рейхстагъ, то и тогда слѣдовало бы серьезно подумать, отвѣтить ли сразу демонстраціей!»

Вообще идея всеобщей политической стачки не пользовалась никакой популярностью въ рядахъ германской соціалъ-демократіи, отчасти, конечно, потому, что ей приходится бороться съ соціалъ-анархистами, усматривающими въ ней единственное средство борьбы съ буржуазнымъ строемъ и совершенно отрицающими парламентаризмъ, отчасти несомнѣнно и потому, что въ послѣднее время германская рабочая партія заразилась въ значительной степени мѣщанскимъ благоразуміемъ, порой граничащимъ съ трусостью.

Когда вышла извѣстная книга г-жи Роландъ-Хольстъ о всеобщей стачкѣ, то одинъ изъ членовъ партіи Гейне обрушился на нее съ цѣлымъ потокомъ бранныхъ словъ, доказывая, что такой способъ борьбы долженъ навлечь на партію всѣ ужасы военнаго положенія и полевыхъ судовъ и въ концѣ разгромить экономическія и политическія организаціи пролетаріата.

Въ особенности отрицательно относились къ всеобщей политической стачкѣ профессіональные союзы, поворачивающіе явно на путь англійскихъ трэдуніоновъ. На съѣздѣ профессіоналистовъ въ Кельнѣ ораторы доказывали, что призывать пролетаріатъ къ всеобщей политической забастовкѣ значитъ накинуть ему на шею веревку и пригласить буржуазію, какъ можно туже ее затянуть!

Теперь въ рядахъ рабочей партіи Германіи зазвучали болѣе рѣзкія ноты.

Вся рѣчь, произнесенная Бебелемъ на съѣздѣ рабочей партіи въ Іенѣ проникнута воинственнымъ духомъ, жаждой борьбы.

«Развѣ не позорно—восклицаетъ онъ,—что наша партія, самая сильная въ странѣ, не имѣетъ ни одного представителя въ ландтагѣ. Долго ли будемъ мы терпѣть? Долго ли еще попы, юнкера и капиталисты будутъ насъ топтать ногами»!

А въ довершеніе всего теперь еще хотятъ лишить рабочій классъ всеобщаго избирательнаго права.

«Тогда конецъ всѣмъ нашимъ правамъ, праву союзовъ, собраній и т. д.».

Послѣ преній партейтагъ подавляющимъ большинствомъ принялъ резолюцію Бебеля, рекомендующую всеобщую политическую забастовку, какъ одно изъ надежнѣйшихъ средствъ, какъ для защиты уже пріобрѣтенныхъ, такъ и для завоеванія новыхъ существенныхъ правъ.

Если рабочій классъ Германіи становится въ послѣднее время все воинственнѣе, то не потому только, что растутъ репрессіи сверху, а также потому, что съ востока, изъ Россіи, на него пахнуло свѣжимъ воздухомъ освободительной борьбы.

Вся рѣчь Бебеля цѣликомъ пересыпана ссылками на примѣръ русскихъ рабочихъ, «жертвующихъ всѣмъ, самымъ высокимъ, жизнью своей, чтобы изъ Россіи сдѣлать современное государство».

Вообще стоитъ заглянуть въ любую брошюру, любую статью, вышедшую за послѣднее время изъ-подъ пера видныхъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, всюду одно и тоже преклоненіе передъ геройствомъ и мужествомъ русскаго пролетаріата.

«Я не знаю высшаго счастья—говоритъ Каутскій въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ—какъ бесѣдовать съ русскимъ рабочимъ классомъ—боевымъ авангардомъ человѣчества».

«Счастливъ тотъ—пишетъ Мерингъ—кому удалось пережить этотъ славный годъ, годъ русской революціи, которая составитъ въ книгѣ исторіи эпоху не менѣе важную, чѣмъ французская революція 1789 г.».

Сравнивая освободительное движеніе Россіи съ европейскими переворотами, Мерингъ видитъ его отличительную и поучительную сторону не въ томъ, что въ ней пролетаріатъ играетъ такую выдающуюся роль, вѣдь и Бастилья была взята работниками Антуанскаго предмѣстья, а на мартовскихъ баррикадахъ въ Берлинѣ побѣдили рабочіе механическихъ заводовъ—а въ томъ, что русскій пролетаріатъ способенъ не только на отдѣльныя героическія вспышки, а также на «мирную, будничную работу», на удивительную выдержку, которая особенно проявилась послѣ 17 октября, когда рабочій классъ не пожелалъ довольствоваться побѣдою надъ старымъ строемъ, а немедленно же повелъ войну на два фронта, противъ бюрократіи за общенаціональные интересы, и противъ буржуазіи за свои классовые идеалы.

Рабочій классъ Россіи первый въ мірѣ осуществилъ по словамъ Меринга ту идею «непрерывной революціи», которую Марксъ такъ горячо проповѣдывалъ въ 1848 г.

И въ этомъ—историческое значеніе русской революціи.

Искры отъ ея костра пали, какъ видно, и въ сердцѣ нѣмецкаго народа.

Отъ словъ и онъ начинаетъ переходить къ дѣлу.

Въ Гамбургѣ совершается то, что Каутскій еще такъ недавно считалъ «величайшимъ безумiемъ». Останавливаются фабрики, останавливаются верфи. Весь рабочій людъ города устраиваетъ демонстративную забастовку съ цѣлью протестовать противъ лишенія его избирательныхъ правъ.

Въ Дрезденѣ пятнадцатитысячная толпа демонстрируетъ на улицахъ и передъ королевскимъ дворцомъ, требуя возстановленія всеобщаго избирательнаго права на выборахъ въ ландтагъ. Происходитъ столкновеніе между солдатами и рабочими. Снова на улицахъ Дрездена, какъ въ 1848 г., льется кровь.

Въ Баваріи пролетаріатъ послѣ упорной агитаціи пробиваетъ наконецъ брешь въ ландтагъ, послѣднюю твердыню господствующихъ классовъ. Правительство, не желая, чтобы всеобщее избирательное право было у него исторгнуто «силой», предпочло само его даровать народу.

Въ тоже самое время въ сосѣдней съ Германіей Австріи рабочій классъ одерживаетъ блестящую побѣду.

Какъ разъ когда у насъ началось освободительное движеніе, австрійскіе рабочіе выступили съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права. На многолюдномъ митингѣ въ Вѣнѣ ораторъ произноситъ рѣчь, въ которой между прочимъ говоритъ:

«Мы переживаемъ славное время. Въ Вѣнѣ, въ столицѣ бюрократической и клерикальной Австріи, произносятся рѣчи подъ краснымъ знаменемъ, знаменемъ побѣды русской революціи. Мы радуемся, что на этотъ разъ свобода идетъ къ намъ съ востока. Мы не только радуемся, а также поучаемся. Для насъ ясно, что свободу можно завоевать только тѣмъ революціоннымъ путемъ, на который вступилъ русскій пролетаріатъ. И мы не успокоимся до тѣхъ поръ, пока не создадимъ почву для свободнаго развитія всѣхъ народовъ, для свободнаго развитія рабочаго класса».

При выходѣ изъ собранія демонстранты были встрѣчены полиціей. Снова, какъ въ 1848 г., улицы Вѣны—обагряются кровью.

Такія же манифестаціи происходили во всей Австро-Венгріи. Не желая провоцировать открытой гражданской войны, правительство благоразумно пошло на уступки и предложило націи новый избирательный законъ, основанный на всеобщей подачѣ голосовъ.

Обостряются классовыя противорѣчія въ области не только политическихъ, а также экономическихъ отношеній.

Между тѣмъ какъ рабочіе давно организовались въ крѣпкіе профессіональные союзы, предприниматели спѣшатъ теперь наверстать потерянное время и создаютъ имъ въ противовѣсъ свои боевые синдикаты.

Таковы «Союзъ нѣмецкихъ работодателей», союзъ владѣльцевъ металлургическихъ заводовъ, союзъ судовладѣльцевъ.

Эти организаціи ставятъ себѣ цѣлью бороться съ требованіями рабочихъ, доводить до свѣдѣнія членовъ о готовящихся стачкахъ, обязуются поддерживать шрейкбрехеровъ, не нанимать на работу забастовщиковъ и бойкотистовъ. Недавно союзъ работодателей оповѣстилъ, что въ случаѣ стачки будутъ уволены во всей странѣ всѣ рабочіе моложе 18 лѣтъ, если это не поможетъ, то всѣ рабочіе моложе 20 лѣтъ, а въ случаѣ дальнѣйшаго упорства всѣ рабочіе моложе 24 лѣтъ.

Предприниматели уже приступили къ массовому разсчету организованныхъ работъ. Въ Бреславлѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ, Дюссельдорфѣ уволены десятки тысячъ сознательныхъ товарищей.

Теперь вниманіе всей страны приковано къ грандіозному конфликту между синдикатомъ владѣльцевъ металлургическихъ заводовъ и организованными рабочими этого производства. Капиталисты грозятъ разсчитать всѣхъ занятыхъ въ этомъ производствѣ рабочихъ, а ихъ 320000. Рабочіе не сдаются и стоятъ на своихъ требованіяхъ. Если предприниматели приведутъ свою угрозу въ исполненіе, предстоятъ величайшія осложненія, послѣдствія которыхъ трудно предвидѣть.

Словомъ, въ области какъ экономическихъ такъ и политическихъ отношеній классовыя противорѣчія не только не сглаживаются, а, какъ видно, лишь обостряются.

Тотъ соціальный міръ, о которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ великой радости буржуазіи оповѣстилъ нѣмецкое общество Бернштейнъ, испарился какъ призракъ, какъ миражъ.

Снова страна рѣзко распалась на два враждебныхъ лагеря, на двѣ арміи, напрягающія всѣ свои силы, чтобы во всеоружіи своихъ организацій, восторжествовать надъ противникомъ.

Въ воздухѣ раздается шумъ развѣвающихся знаменъ, переклички ратниковъ, слова команды. Царитъ напряженье, которое становится нестерпимымъ, чувствуется запахъ крови, близокъ день битвы.

IV.

Всѣ приведенные факты доказываютъ, что Западная Европа находится наканунѣ соціальной катастрофы.

Рѣзче звучитъ классовый антагонизмъ.

Буржуазія становится все реакціоннѣе, призываетъ на защиту своихъ интересовъ государство, пытается разгромить профессіональныя организаціи пролетаріата, лишитъ его политическихъ правъ.

Въ свою очередь рабочій классъ все болѣе проникается революціоннымъ настроеніемъ.

Тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, не существовало самостоятельной рабочей партіи, онъ спѣшитъ ее сорганизовать.

Тамъ, гдѣ какъ во Франціи, часть рабочаго класса была не прочь вступать въ союзы съ передовыми группами буржуазіи, онъ все болѣе охладѣваетъ къ этой мысли.

Тамъ, гдѣ, какъ въ Германіи и Австріи, пролетаріатъ отличался осмотрительностью и сдержанностью, онъ переходитъ отъ «обороны къ нападенію».

Наконецъ, тамъ, гдѣ какъ въ Англіи, рабочій классъ долго вѣрилъ въ возможность упрочить и улучшить свое положеніе въ условіяхъ капиталистическаго общества, онъ теперь все глубже проникается мыслью, что истинное рѣшеніе рабочаго вопроса возможно только при соціалистическомъ строѣ.

Наступаетъ новая эпоха въ исторіи Западной Европы.

«Время медленнаго, труднаго и почти незамѣтнаго прогресса должно смѣниться эпохой быстраго движенія впередъ, скачками, эпохой революцій»— справедливо замѣчаетъ Каутскій.

Невозможно съ точностью предсказать, когда именно произойдетъ послѣдняя рѣшительная схватка между буржуазіей и пролетаріатомъ. Возможно, что это случится въ серединѣ XX в., около 1948 г.

Столѣтіемъ раньше, въ 1848 г., Западная Европа уже была охвачена грандіозной международной революціей.

Уже и тогда въ событіяхъ принималъ, какъ извѣстно, видное участіе молодой рабочій классъ.

Первыми поднялись англійскіе рабочіе—чартисты—съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права.

Движеніе чартистовъ началось уличными демонстраціями, перешло затѣмъ въ шестимѣсячную всеобщую стачку и завершилось вооруженнымъ возстаніемъ.

Въ апрѣлѣ революція чартистовъ была подавлена.

Въ іюнѣ поднялись парижскіе рабочіе на защиту своихъ правъ и послѣ пятидневной героической борьбы на баррикадахъ, пали изможденные, разбитые, разстрѣлянные.

Въ сентябрѣ нѣмецкіе рабочіе сдѣлали послѣднюю попытку отстоять свободу отъ посягательствъ реакціи и предательства буржуазіи и потерпѣли пораженіе.

Разгромъ венгерскихъ повстанцевъ русскими войсками положилъ конецъ общеевропейской революціи 1848 г.

Много разнообразныхъ причинъ привели движеніе къ катастрофѣ.

Экономическій кризисъ, достигшій въ 1847 г. своего крайняго напряженія и бывшій одной изъ причинъ революціоннаго броженія, приходилъ постепенно къ концу.

Въ 1850 г. въ Калифорніи были открыты золотоносныя руды, изъ которыхъ ненасытный капиталъ могъ черпать новыя силы для покоренія міра.

Съ этого момента капиталъ становится «международнымъ» (по выраженію Зомбарта), устанавливая свое господство и въ такихъ странахъ, гдѣ, какъ во Франціи, онъ еще находился въ пеленкахъ, или, какъ въ Германіи, совсѣмъ почти не существовалъ.

Устроенная въ 1850 г. въ Лондонѣ всемірная выставка служила внѣшнимъ и блестящимъ доказательствомъ несокрушимой мощи буржуазнаго общества и всѣхъ важныхъ и нужныхъ для него соціально-политическихъ учрежденій.

Когда около этого времени въ Лондонъ стягивались остатки разбитой революціонной арміи, ея раненые и изгнанные солдаты, они никакъ не хотѣли примириться съ своимъ пораженіемъ. Съ угаромъ въ головѣ они строили наперерывъ фантастическіе планы новаго общеевропейскаго переворота.

Тщетно Марксъ и Энгельсъ доказывали имъ, что время революціи прошло — тому лучшее доказательство новый промышленный подъемъ. Надъ ними смѣялись, ихъ не слушали. И все же Марксъ и Энгельсъ были правы.

Первая и главная причина катастрофы 1848 г. заключалась именно въ замираніи долголѣтняго кризиса.

Подъемъ промышленности сдѣлалъ невозможнымъ подъемъ революціи.

Хотя въ движеніи 1848 г. пролетаріатъ и игралъ выдающуюся роль, не меньшее, если только не большее участіе въ немъ принимала мелкобуржуазная демократія — мелкіе собственики. А этотъ классъ одинъ изъ наиболѣе непослѣдовательныхъ и неустойчивыхъ.

Занимая въ обществѣ промежуточное положеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ, онъ по своимъ настроеніямъ чрезвычайно и измѣнчивъ и ненадеженъ.

Въ свое время Марксъ сдѣлалъ превосходную характеристику этого промежуточнаго класса.

«Вѣчно колеблясь между надеждой войти въ ряды болѣе богатаго класса и страхомъ опуститься до положенія пролетаріевъ, между надеждой поправить свое положеніе участіемъ въ руководствѣ общественными дѣлами и страхомъ несвоевременной оппозиціей вызвать гнѣвъ правительства, мелкая буржуазія отличается крайнею шаткостью своихъ взглядовъ. Смиренная и рабски-покорная при сильномъ феодальномъ и монархиче-

скомъ правительствѣ, она переходитъ на сторону либерализма, когда поднимается вліяніе буржуазіи, охватывается бѣшеными демократическими порывами, какъ только средній классъ стремится упрочить свое собственное господство и пятится назадъ въ гнусномъ страхѣ, какъ только классъ ниже его—пролетаріатъ, предприметъ какое-нибудь самостоятельное движеніе».

Мелкая буржуазія, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи и завезла революцію въ тупикъ, откуда выходъ былъ только или къ политической реакціи, какъ въ Германіи, или къ военной диктатурѣ, какъ во Франціи.

Наконецъ третья, и тоже немаловажная причина крушенія революціи 1848 г. заключалась въ плохой организованности и недостаточной сознательности самого пролетаріата.

Нигдѣ еще не существовало политическихъ рабочихъ партій, профессіональные союзы только зарождались, классовое самосознаніе было мало развито въ рабочихъ, боевой энтузіазмъ замѣнялъ имъ опредѣленную программу.

При наличности указанныхъ условій—промышленнаго подъема, неустойчивости мелкой буржуазіи, неподготовленности пролетаріата—революція 1848 г. должна была неизбѣжно окончиться пораженіемъ.

Въ 1948 г., сто лѣтъ спустя, политическая ситуація Западной Европы будетъ совсѣмъ иная.

Золотые дни европейскаго капитализма сочтены.

Ему негдѣ развернуться. Азія, куда такъ долго устремлялись жадные взоры капиталистовъ, теперь подъ вліяніемъ Японіи пробуждается отъ вѣковой спячки. Она не желаетъ больше быть резервуаромъ для сбрасыванія туда европейскихъ товаровъ, полемъ, гдѣ должна произрастать прибыль европейскихъ капиталистовъ.

Все громче раздается на востокѣ боевой кличъ: Азія для азіатовъ.

Экономическій кризисъ, тяготѣющій надъ промышленностью, повидимому, никогда не кончится: впереди не видно свѣтлыхъ перспективъ.

Превращаясь все больше въ хроническую болѣзнь, промышленный кризисъ послужитъ тѣмъ мрачнымъ фономъ, на которомъ разыграется и побѣдитъ революція 1948 г.

Въ этихъ событіяхъ мелкобуржуазная демократія уже не будетъ играть самостоятельной роли.

Подъ вліяніемъ капиталистической эволюціи этотъ классъ давно распался на двѣ группы. Одна часть — мелкіе собственники, успѣвшіе совсѣмъ разориться и впасть въ безусловную зависимость отъ крупныхъ предпринимателей—потонула въ безбрежномъ морѣ пролетарской массы, другая часть,— еще не вполнѣ разорившаяся и все еще надѣющаяся поправить свои дѣла — возлагаетъ всѣ свои надежды на господствующіе классы и примыкаетъ поэтому къ буржуазіи.

Арену дѣйствій займутъ въ будущихъ событіяхъ только два ярко очерченныхъ, и до конца послѣдовательныхъ, класса—буржуазія и пролетаріатъ, и если между ними разгорится борьба, то это будетъ борьба не на животъ, а на смерть.

Наконецъ, если въ 1848 г. рабочій классъ былъ мало сознателенъ и плохо организованъ, то въ 1948 г. онъ вступитъ въ бой во всеоружіи

своихъ крѣпкихъ профессіональныхъ союзовъ, опираясь на многочисленныя политическія партіи, руководимый испытанными вождями, располагающій большимъ теоретическимъ и практическимъ опытомъ, наконецъ, могучей международной солидарностью.

При такихъ условіяхъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, на чьей сторонѣ останется въ концѣ-концовъ побѣда? на сторонѣ ли буржуазіи, давно превратившейся изъ мудраго организатора хозяйственной жизни въ безсовѣстнаго паразита, живущаго на чужой счетъ, или на сторонѣ пролетаріата, который, будучи фактическимъ производителемъ хозяйственныхъ цѣнностей, хочетъ стать и ихъ единственнымъ распредѣлителемъ.

Побѣда, разумѣется, будетъ не легкая.

Еще не одно пораженіе ожидаетъ впереди пролетаріатъ, прежде чѣмъ онъ завершитъ свою многострадательную исторію, равной которой нѣтъ въ мірѣ, своимъ конечнымъ идеаломъ — соціализмомъ.

Но нѣтъ такой силы, которая могла бы задержать его побѣдоносное шествіе.

Въ одной изъ своихъ поэмъ французскій поэтъ В. Гюго разсказываетъ, какъ однажды на вершинахъ Олимпа появился на пиршествѣ боговъ невзрачный сатиръ...

Его появленіе было встрѣчено смѣхомъ.

Но вотъ сатиръ начинаетъ пѣсню, она звучитъ все громче, воинственнѣе, революціоннѣе.

Олимпійскіе боги побѣждены.

Одинъ протягиваетъ ему свою флейту, другой свою лиру.

Пѣсня сатира звучитъ все громче.

На ея призывъ поднимается цѣлый порабощенный міръ и свергаетъ въ прахъ тронъ Юпитера.

Развѣ этотъ сатиръ не напоминаетъ собой идею соціализма?—спрашиваетъ Вандервельде.

Сначала надъ ней смѣются, издѣваются.

Но вотъ она выростаетъ на глазахъ у всѣхъ, завладѣваетъ лирой и флейтой боговъ, пользуется всѣми чарами искусства, всѣми завоеваніями науки, выпрямляется во весь свой ростъ, еще шагъ и она можетъ воскликнуть:

Я царь вселенной... На колѣни, Юпитеръ!

И если наступитъ, наконецъ, тотъ моментъ, когда на развалинахъ стараго міра эксплоатаціи и рабства вырастетъ новая общественная организація, основанная на коллективномъ владѣніи орудіями производства—землей, машинами и капиталами,—когда исчезнетъ послѣдній слѣдъ дѣленья людей на богатыхъ и бѣдныхъ, просвѣщенныхъ и невѣжественныхъ, правящихъ и подданныхъ, когда солнце озаритъ на всемъ земномъ шарѣ здоровыя лица равноправныхъ товарищей—мужчинъ и женщинъ,—освобожденныхъ отъ нищеты и грязи, тогда будущій историкъ, на долю котораго выпадетъ высокое наслажденіе описать счастливую жизнь этихъ свободныхъ людей, быть можетъ начнетъ свое описаніе слѣдующими словами одного изъ лучшихъ борцовъ за идеалы пролетаріата, Каутскаго:

«Эта побѣда была невозможной безъ неустанной революціонизирующей силы капитала, подрывшаго и смѣшавшаго всѣ прежнія общественныя отношенія.

Эта побѣда была бы невозможной и безъ просвѣтительной дѣятельности нашихъ великихъ ораторовъ и теоретиковъ.

Она была бы немыслимой и безъ кропотливой пропагандистской и организаторской работы нашихъ безчисленныхъ и безымянныхъ борцовъ».

В. Фриче.

Государственная Дума и Кадеты *).

Партія конституціонныхъ демократовъ побѣдила на выборахъ. Дума будетъ кадетской. Многое способствовало этой побѣдѣ: и агитаціонная работа революціонныхъ партій, всколыхнувшая народные низы отъ вѣковой спячки, и ужасы необузданнаго бѣлаго террора послѣднихъ мѣсяцевъ, толкнувшіе широкія массы обывателей въ ряды оппозиціи, и охватившая ихъ надежда, что Дума дастъ удовлетвореніе наболѣвшимъ нуждамъ страны. Тактика бойкота не имѣла большого успѣха; бойкотъ ограничился преимущественно наиболѣе сознательной частью рабочаго класса. Обыватель разсуждалъ такъ: чтобы изъ думы не вышло, а все-таки не мѣшаетъ дать пощечину правительству и голосовалъ за кадетовъ, какъ за партію все-же оппозиціонную. Какіе же виды на будущее можетъ подать эта кадетская дума? Посмотримъ, чего ждутъ отъ этого будущаго правительства сами кадеты и чего можемъ ждать мы. Правительство Витте-Дурново черезъ свой оффиціозъ «Русское Государство» всячески старается воздѣйствовать на кадетовъ «то сказкою, то ласкою», то угрозой. Оно приглашаетъ ихъ заключить компромиссъ: «Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ». «Конфликтъ невыгоденъ ни к.-д. партіи, ни правительству, потому что имъ могутъ воспользоваться только крайнія партіи». На этомъ основаніи правит. органъ приглашаетъ партію столковаться о будущей программѣ взаимныхъ дѣйствій. «Дума будетъ кабинетомъ нотаріуса, а правительство и побѣдившая партія договаривающимися сторонами» («Рус. Гос.» цитирую по «Рѣчи» № 37). Затѣмъ «Рус. Гос.» соблазняетъ кадетовъ перспективою органической работы надъ вопросами «первостепенной государственной важности». «Какъ на примѣръ такой реальной работы укажу—всеобщая амнистія, отмѣна ограниченій для иновѣрцевъ, свобода передвиженія, т. е. отмѣна обязательности паспортовъ, полная свобода промысловъ и торгово-промышленныхъ предпріятій, ускореніе и упорядоченіе суда и судебнаго производства для подъема довѣрія и кредита, возможныя аграрныя реформы и т. д. («Рус. Гос. № 52). Это оффиціозно, а оффиціально уже опубликованъ списокъ этихъ вопросовъ первостепенной государственной важности, которыми должна заняться Дума; тутъ есть и пересмотръ устава о службѣ гражданской, опекунскаго, паспортнаго и межевого уставовъ и даже при-

*) Эта статья была написана еще 20-го Апрѣля, но запоздала печатаніемъ.

знается необходимымъ постановка крестьянскаго вопроса. Неправда ли, есть надъ чѣмъ поработать? «Только бы эти кадеты не возбуждали вопросовъ объ отвѣтственности личностей, не требовали бы буквъ и гарантій общественнаго договора». Ну, а если кадеты захотятъ эти гарантіи,— на этотъ случай есть въ запасѣ штыки.

Далѣе, «Рус. Гос.» грозитъ, что позиціи, которыя штыки очистятъ отъ кадетовъ займутъ соціалисты. Но «Рус. Госуд.» не теряетъ надежды, что кадеты поправѣютъ въ Думѣ и обращается къ нимъ съ увѣщаніемъ оказать нравственное воздѣйствіе на революціонеровъ. Но правительство хорошо понимаетъ «реальную» политику и знаетъ, что писанія эти дѣло хорошее, но на нихъ далеко не уѣдешь, а слѣдуетъ предпринять что-нибудь реальное для борьбы съ оппозиціонной Думой и заключаетъ колоссальный заемъ, который совершенно развязываетъ ему руки и даетъ возможность свести значеніе Думы къ нулю. Заключивъ заемъ, бюрократія дѣлается смѣлѣе и рѣшительнѣе: ей уже не нужно объявлять амнистію; она готовитъ «основные законы», которые Дума не можетъ пересматривать и включаетъ въ эти основы россійской конституціи и запрещеніе Думы измѣнять бюджетныя смѣты, и положеніе о Государственномъ Совѣтѣ, и право Государя объявлять мѣстности на исключительномъ положеніи, и издавать указы во время перерывовъ Думскихъ сессій. Далѣе, правительство ассигнуетъ 7 милліоновъ для передвиженія войскъ «для внутреннихъ надобностей». Однимъ словомъ, оно серьезно готовится къ предстоящей борьбѣ.

Теперь посмотримъ, какъ относятся сами кадеты къ своей побѣдѣ. Они прежде всего, конечно, возликовали. Послѣ петербургской побѣды «Путь», напр., писалъ: «Это не только побѣда, это тріумфъ блистательный, ослѣпительный». Тріумфъ для нихъ несомнѣнный; но что дѣлать съ этимъ тріумфомъ? И вотъ, тріумфаторы, довольные составомъ Думы, думаютъ попользоваться этимъ составомъ для органической работы «поскольку она необходима для успокоенія страны». Они противъ того, «чтобы свести роль депутатовъ на роль простыхъ протестантовъ. Это было бы смѣшнымъ и жалкимъ доктринерствомъ. Наша избирательная система—неправильна; но одно изъ практическихъ послѣдствій ея недостатковъ есть то, что въ первой русской Думѣ крестьянство будетъ представлено такъ, какъ оно никогда и нигдѣ не было представлено, а реакціонное меньшинство представлено слабѣе чѣмъ могло бы быть представлено при болѣе совершенной избирательной системѣ. Слѣдовательно, какъ бы мы не относились къ основамъ избирательнаго права, практически мы должны дорожить составомъ первой русской Думы и предоставить ей самой использовать себя въ интересахъ тѣхъ прогрессивныхъ силъ, которыя будутъ тамъ представлены» («Рѣчь» № 36). Дѣйствительно, зачѣмъ всеобщее, прямое и равное избирательное право? Вѣдь, составъ Думы теперь лучше, чѣмъ могъ бы быть при болѣе совершенномъ избирательномъ правѣ. Вѣдь, при всеобщемъ избирательномъ правѣ попадутъ въ Думу разные соціалъ-демократы и прочіе нежелательные элементы и придадутъ Думѣ «ненадлежащій тонъ», будутъ заниматься протестами и прочими доктринерскими затѣями, будутъ мѣшать успокоить страну и стараться рѣшить политическій, аграрный и рабочій вопросы въ духѣ

нежелательномъ для кадетовъ. Теперь же они «неизбиратели» и съ ними нечего церемониться, и кадеты принимаютъ очень грозную позицію по отношенію къ лѣвымъ партіямъ. «По отношенію къ непрошеннымъ совѣтамъ партія остается непоколебимой». (№ 34 «Рѣчь») «Ей одинаково безразличны внушенія, исходящія справа, такъ и слѣва отъ неисправимыхъ фанатиковъ и доктринеровъ въ шорахъ» (Право). Языкъ, нечего сказать, вполнѣ «благородный» и достойный скорѣе хорошаго бюрократа, чѣмъ «народной» партіи. Далѣе они стараются доказать, что соціалъ-демократической рабочей партіи собственно и нѣтъ: г. Струве пишетъ въ № 86 «Рус. Вѣд.», что это не партія, а просто возрастная группа *), въ № 4-омъ «Еженедѣльника» партіи онъ пишетъ, что русская с.-д. является въ большей степени фракціей интеллигентской, чѣмъ рабочей. Уничтоживъ с.-демократію и сдѣлавъ грозный окрикъ вообще налѣво, кадеты понимаютъ, что строгостью одной нельзя дѣйствовать, а надо попытаться оказать и «нравственное воздѣйствіе», за что и борется г. Гревсъ въ № 42 «Рѣчи». «Пусть и крайнія лѣвыя партіи примкнутъ къ открытой подготовкѣ дальнѣйшей парламентской борьбы и положительной работы, отказываясь отъ разрушительныхъ лозунговъ о насильственномъ ниспроверженіи существующаго строя, воздерживаясь отъ террористическихъ актовъ. Если и теперь при торжествѣ оппозиціонныхъ элементовъ въ странѣ онѣ будутъ упорствовать на призывахъ къ оружію, то потопятъ свободу, которая успѣшно борясь со стихіями, готова уже достигнуть берега бурнаго моря. Безумно и преступно будетъ и нынѣ разжигать классовую ненависть, когда передъ всѣми стоитъ, какъ долгъ, любовь къ еще незавершенному всенародному дѣлу!».

За эту статью г. Гревсъ получилъ благодарность отъ «Русск. Государства», за которую онъ совершенно напрасно обидѣлся,—благодарность вполнѣ заслуженная. Оказавъ нравственное воздѣйствіе налѣво, партія пытается оказать такое же воздѣйствіе и на правительство и уговариваетъ его уйти честью. «Оно должно покориться и уйти, принести себя въ жертву задачѣ успокоенія общества» пишетъ г-нъ Милюковъ въ № 35-мъ «Рѣчи». «И признайтесь, что послѣ этого самое простое и единственно разумное—убраться вовремя и заставить поскорѣе забыть о себѣ»—говоритъ г-нъ Струве въ № 1 «Свободы и культуры». У бюрократіи, вѣдь, нѣтъ, другого выбора (т.-е. уйти), если она не задается сознательной цѣлью внести анархію въ странѣ и довести ее до полнаго истощенія («Русск. Вѣд.» № 87). Но затѣмъ даже наши «реальные» политики поняли, что покуда еще вся сила въ рукахъ правительства, оно не особенно будетъ слушаться кадетскихъ уговоровъ и не испугается избирательныхъ бюллетеней, которыми г. Струве грозилъ стереть главу бюрократическаго змѣя въ первыхъ №№ «Полярной Звѣзды», и не такъ то легко сдастъ свои позиціи новымъ тріумфаторамъ. Они начинаютъ понимать серьезность положенія, и ихъ флюгеръ г. Струве показываетъ уже другое направленіе вѣтра: въ № 6-мъ «Полярной Звѣзды» онъ писалъ: «Госуд.

*) Г. Струве, должно быть, судитъ по себѣ: въ молодости онъ былъ марксистомъ, въ зрѣломъ возрастѣ очутился на правомъ крылѣ либеральной партіи. Въ какой то онъ партіи будетъ въ пожиломъ и старческомъ возрастахъ?

Дума по законамъ 6 августа и 17 октября сниметъ бюрократію съ легкостью, которая всѣхъ удивитъ». Въ № 14-мъ онъ пишетъ: «только дружное и мудрое взаимодѣйствіе оппозиціонной Думы съ оппозиціоннымъ большинствомъ народа сможетъ побороть и начисто смести старый бюрократическій порядокъ. Къ такому взаимодѣйствію должны стремиться всѣ *) лѣвыя партіи. Осуществить его *нелегко*, но обязательно. Уже теперь необходимо выдвинуть съ полной ясностью эту *трудную* и *сложную* задачу» (курсивъ вездѣ мой). Въ № 6-омъ онъ писалъ: «массы своими избирательными записками произведутъ весь нужный для страны переворотъ»; и далѣе: «для революціи теперь нуженъ порядокъ, ибо только при полномъ порядкѣ Россія народная сможетъ собрать тѣ свои силы, которыя въ Государственной Думѣ въ грозномъ спокойствіи противопоставитъ себя бюрократіи». Теперь у флюгера надежда на порядокъ и на спокойствіе, хотя бы и грозное, плохая, и онъ скрипитъ: «дума будетъ слаба, если при безмолвіи страны она будетъ говорить политическій монологъ, обращенный къ правительству. То, что будетъ говорить Дума, должно быть подхвачено, подчеркнуто усиленнымъ хоромъ народныхъ голосовъ, поддерживающихъ Думу въ борьбѣ за народную свободу». Не совсѣмъ только ясно, о какихъ хорахъ говоритъ лидеръ, о петиціяхъ или о демонстраціяхъ; но демонстраціи, вѣдь это безпорядки и тѣ «революціи», которыя считаетъ столь вредными г. Струве. Да, вѣдь, и правительство не боится всѣхъ этихъ петицій и демонстрацій, и онѣ ровно никакого вліянія не оказываютъ на него. Можетъ быть г. Струве думаетъ, что онѣ, эти петиціи и демонстраціи, могутъ перейти во всеобщую забастовку, въ революцію? Боже упаси, возводить такую клевету на «лойяльнаго гражданина». Вѣдь, онъ такъ недавно категорически заявилъ: «не надо намъ больше никакихъ забастовокъ, никакихъ забастовочныхъ комитетовъ». Да и 2-й кадетскій съѣздъ категорически постановилъ: «к.-д. партія строитъ свою дѣятельность на убѣжденіи въ томъ, что власть, имѣющая противъ себя *сознательное общественное мнѣніе* неминуемо должна рушиться». «Мы всю нашу силу полагаемъ, въ *организаціи общественнаго сознанія*» и т. д. «Присоединяясь къ возможнымъ способамъ непосредственнаго воздѣйствія на власть, поскольку они не выражаются въ вооруженномъ возстаніи, партія однако не въ нихъ видитъ главное орудіе своей тактики. Главной ареной считаетъ организованное представительное собраніе, и что дѣятельность внѣ такого собранія должна быть сосредоточена главнымъ образомъ на пропагандѣ и агитаціи. (Постановленія 2-го съѣзда, стр. 12 и 13).

Итакъ, по мысли кадетовъ, Дума будетъ говорить, ее будутъ поддерживать хоры народныхъ голосовъ, и отъ пѣнія этихъ хоровъ падутъ стѣны бюрократической цитадели, наступитъ миръ и благоденствіе и парламентарная монархія съ кадетскимъ министерствомъ... Да, г-да Маниловы, въ своихъ мечтаніяхъ вы совсѣмъ не дѣлаете реальнаго дѣла.

---

*) И какъ г. Струве не боится говорить о *всѣхъ* лѣвыхъ партіяхъ: опять г-да Гучковы и предводители дворянства будутъ обвинять кадетовъ въ сношеніяхъ съ революціонерами и опять г-дамъ Долгоруковымъ, Родичевымъ и Петрункевичамъ придется оправдываться противъ этой гнусной клеветы.

Правительство подъ звуки вашихъ то сладкихъ, то грозныхъ рѣчей слушаетъ, да ѣстъ. Вѣдь, вы палецъ о палецъ не ударили, чтобы помѣшать правительству заключить заемъ, разорительный для народа, развязывающій руки правительству. Вы пишите, что «грозить финансовымъ банкротствомъ въ случаѣ заключенія займа, какъ бы нежелателенъ и преступенъ онъ ни былъ, партія не могла и не хотѣла». («Рѣчь» № 45). Дѣло не въ угрозѣ финансовымъ банкротствомъ; вы могли заявить *до* заключенія займа, что *заемъ не конституціонный*, какъ объ этомъ писали ваши же публицисты (см. въ «Рѣчи» статья Петрункевича) и что вы въ Думѣ будете настаивать на этомъ. Этого, вѣроятно, было бы достаточно, чтобы заемъ не состоялся, а если и состоялся, то никто бы васъ не могъ обвинить въ попустительствѣ. Вы же не только не сдѣлали этого, но наоборотъ вы всячески отрекались отъ возводимой на васъ клеветы, что вы предприняли шаги противъ займа. Вѣдь, если вы такъ будете бояться призрака банкротства, то будете всегда утверждать всѣ займы правительства, давать ему деньги и фактически откажетесь отъ бюджетнаго права.

Тактику центральнаго комитета к.-д. партіи въ этомъ отношеніи энергично осуждаютъ даже органы, въ общемъ примыкающіе къ к.-д. партіи, какъ-то «XX-й Вѣкъ» и «Путь» и, несомнѣнно, бездѣйствіе партіи въ этомъ вопросѣ столь *позорно*, что двухъ мнѣній по этому поводу у всякаго демократа быть не можетъ, и это бездѣйствіе является вѣрнымъ симптомомъ для предсказанія о характерѣ всей будущей дѣятельности партіи. Своимъ поведеніемъ въ вопросѣ о займѣ партія своими руками подрубила тотъ сукъ, на которомъ хотѣла усѣсться. И не только заемъ, но избирательный законъ 11 декабря, и положеніе 20 февраля и бюджетныя правила *) все это состряпано между прочимъ благодаря кадетской тактикѣ. Манифестъ 17 октября былъ вырванъ революціоннымъ натискомъ. Послѣ этого манифеста либералы рѣшили, что все уже достигнуто, намъ нуженъ только порядокъ и стали всячески дискредитировать въ общественномъ мнѣніи тактику крайнихъ партій. Правительство вскорѣ увидѣло, что цѣль, которой оно добивалось этимъ манифестомъ достигнута: въ обществѣ посѣянъ расколъ, что его репрессіи противъ крайнихъ партій встрѣтятъ или сочувствіе или по крайней мѣрѣ не встрѣтятъ противодѣйствія со стороны либеральнаго общества, и оно было право: нашъ правый центръ рукоплескалъ усмирителямъ (вспомните благодарственныя рѣчи Гучкова и П. Н. Трубецкого обращенныя къ Дубасову); лѣвый центръ вяло протестовалъ противъ злоупотребленій при подавленіи возстанія. Они ничего не имѣли противъ самого подавленія возстанія, они, вѣдь противъ «ниспроверженія» правительства, они болѣе боятся торжествующаго народнаго движенія, чѣмъ самаго плохого правительства.

Итакъ, въ декабрѣ правительство одержало побѣду надъ народной свободой при явномъ содѣйствіи и попустительствѣ партіи «народной свободы». Послѣ «побѣды» травля революцій со стороны партіи «народ-

*) **На митингахъ въ Москвѣ г-нъ Кизеветтеръ поучалъ своихъ оппонентовъ слѣва парламентскимъ методамъ борьбы: «мы не дадимъ правительству ни копѣйки денегъ, если оно не исполнитъ нашихъ требованій». Какъ это кадеты, стоя на легальномъ пути, на основахъ россійской «конституціи» могутъ не дать денегъ правительству, въ особенности, если ихъ пресѣдуетъ призракъ финансоваго банкротства?**

ной свободы» продолжалась съ удвоенной силой, (см. особенно «Полярную Звѣзду» отъ 1-го по 14-ый №). Она много поспособствовала укрѣпленію въ народѣ вѣры въ Думу и наступленію сравнительнаго успокоенія. Правительство воспользовалось этимъ успокоеніемъ и поспѣшило издать всѣ эти «положенія» и «временныя правила» и, наконецъ, когда выяснилось, что Дума состоится, тогда у правительства появилась возможность заключить заемъ и тѣмъ обезсилить самую эту Думу. Это давно предсказывали «крайніе», защищая тактику бойкота. Теперь это поняли и кадеты и въ № 45-мъ «Рѣчи» читаемъ: «вѣдь, если правительство вообще получило деньги, хотя и на исключительно тяжелыхъ условіяхъ, то въ значительной степени потому, что побѣда к.-д. партіи дала Европѣ нѣкоторую надежду на успокоеніе Россіи, что революц. кризисъ, переживаемый нами приходитъ къ концу». Да, много поработала партія «народной свободы» для успокоенія революціи, для введенія бурнаго народнаго освободительнаго движенія въ лоно умѣренности и акуратности! Но на этомъ пути можно только погубить народную свободу, а не завоевать ее. Много еще предстоитъ борьбы, много усилій, но мы твердо увѣрены въ конечномъ торжествѣ великаго освободительнаго движенія, увѣрены, что сама жизнь выведетъ его на правильный путь, и не погубятъ его ни репрессіи его открытыхъ враговъ, ни временныя плутанія по невѣрнымъ путямъ, на которыя его привели его «друзья» изъ буржуазіи. Они эти «друзья народа» стремятся встать во главѣ народнаго движенія, чтобы воспользоваться для своего класса плодами народной побѣды, а народу *дать* новые «справедливые» выкупные платежи и *не дать* «по возможности» 8-часовой рабочій день...

Итакъ, кадетская Дума сама по себѣ не внушаетъ намъ никакихъ розовыхъ надеждъ. Будетъ она тянуть либеральную канитель, правительство не будетъ обращать вниманія на нее; вѣроятно, скоро распуститъ будетъ рѣдко созывать и продолжать хозяйничать по своему.

Кадеты будутъ успокаивать народъ, призывать его къ терпѣнію и умѣренности, будутъ совѣтовать бороться на парламентскомъ пути, не прибѣгая къ нелегальнымъ и насильственнымъ методамъ. Словомъ, будутъ всячески «заговаривать» и правительство и народъ. Но народъ, думаемъ мы, не дастъ себя усыпить кадетской болтовней и не ограничится устройствомъ «хоровъ», а опять будетъ нарушать столь любезный кадетамъ порядокъ и опять будетъ устраивать «революціи», которыя могутъ привести его къ полной побѣдѣ надъ старымъ режимомъ и къ водворенію истинныхъ началъ народной свободы.

II.

По поводу ожидаемаго созыва Думы и могущихъ послѣдовать затѣмъ событій, приведемъ здѣсь нѣкоторыя историческія справки. Прежде всего вспомнимъ Великую французскую революцію.

Въ маѣ 1789 года были созваны Генеральные Штаты, главнымъ образомъ, для того, чтобы достать деньги въ пустую королевскую казну. Немедленно же между Дворомъ и депутатами 3-го сословія произошелъ

конфликтъ. Послѣдніе не согласились голосовать по сословіямъ и объявили себя Національнымъ Собраніемъ. Когда король въ королевскомъ засѣданіи 23-го іюня приказалъ депутатамъ 3-го сословія разойтись и впредь голосовать по сословіямъ, они отказались и продолжали засѣдать и именовать себя Національнымъ Собраніемъ. Къ нимъ постепенно присоединились депутаты дворянства и духовенства

9-го іюля Нац. Собраніе объявило себя Учредительнымъ. Придворная клика, между тѣмъ, готовила контръ-революціонный переворотъ. Было рѣшено при помощи войскъ разогнать Учредительное Собраніе, были сдѣланы всѣ приготовленія, дана отставка популярному тогда министру Неккеру и заготовлена въ 40.000 экземплярахъ королевская прокламація къ народу, извѣщавшая его о переворотѣ. Переворотъ былъ назначенъ въ ночь съ 14-го на 15-го іюля. Но 14-го іюля парижскій народъ возсталъ, захватилъ арсеналы и вооружившись ружьями и пушками, взялъ приступомъ государственную тюрьму — крѣпость Бастилію. Тотчасъ же организовалась 40-тысячная національная гвардія и было заново организовано самоуправленіе Парижа. Побѣда народа была блестящая!

Король возвратилъ Неккера, надѣлъ трехцвѣтную кокарду—эмблему революціи,—утвердилъ національную гвардію. Побѣда народа въ Парижѣ была поддержана всей Франціей. Въ нѣкоторыхъ городахъ были взяты королевскія цитадели, вездѣ организована національная гвардія и реорганизовано самоуправленіе. Поднялись крестьяне, отказались платить церковную десятину, феодальные оброки и государственные налоги, жгли замки своихъ господъ и разносили таможни и казенные склады. Учредительное Собраніе, не спѣшившее было съ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, немедленно его поставило въ первую очередь и въ знаменитую ночь 4-го августа, декретировала уничтоженіе феодальныхъ повинностей, измѣнило податныя льготы дворянъ и духовенства, уничтожило церковную десятину и провозгласило равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Правда, большинство феодальныхъ повинностей было уничтожено за высокій выкупъ, и изданіе подробныхъ законовъ объ этомъ затянулось на два года, при чемъ законы оказались крайне невыгодными для крестьянъ. Крестьяне вновь поднялись, вновь запылали замки, вновь началась крестьянская война. Тогда, уже слѣдующее за Учредительнымъ, Законодательное Собраніе издало гораздо болѣе благопріятный для крестьянъ законъ въ 1792 году, — и, наконецъ, Конвентъ 17-го іюля 1793 года декретировалъ безвозмездное уничтоженіе всѣхъ феодальныхъ пошлинъ и повинностей. Возвратимся, однако, нѣсколько назадъ.

Король и придворные и послѣ взятія Бастиліи не оставили мысли о контръ-революціонномъ переворотѣ. Въ началѣ октября были стянуты войска изъ провинціи въ Версаль. Состоялся банкетъ реакціонныхъ гвардейскихъ офицеровъ въ присутствіи короля; на этомъ банкетѣ поносилась революція, бросались трехцвѣтныя кокарды и замѣнялись бѣлыми. Опять заволновался парижскій народъ и рѣшилъ пойти на Версаль.

5-го октября стотысячная толпа мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ съ національной гвардіей пришла въ Версаль и на слѣдующее утро проникла во дворецъ, захватила королевское семейство и увела его съ собой въ Парижъ. Туда же перешло изъ Версаля и Учредительное Собраніе.

Съ этихъ поръ король сдѣлался плѣнникомъ народа. Но онъ и теперь не переставалъ устраивать заговоры противъ свободы, входить въ сношенія съ эмигрировавшими аристократами и иностранными правительствами съ цѣлью помочь ихъ вторженію во Францію для возстановленія стараго порядка. Кромѣ того, онъ часто не утверждалъ законовъ принятыхъ Собраніемъ, отставлялъ популярныхъ министровъ, какъ только улучшались его виды на контръ-революцію. Народу приходилось для борьбы съ Дворомъ дѣлать все новые натиски: 20-го іюня 1792 г. произошла грандіозная демонстрація — народъ ворвался во дворецъ, на короля надѣли красный фригійскій колпакъ и заставили пить вино изъ бутылки за народъ. Вскорѣ послѣ этого главнокомандующимъ союзными войсками, идущими противъ Франціи, герцогомъ Брауншвейгскимъ, былъ изданъ манифестъ, въ которомъ онъ требовалъ отъ французовъ подчиненія ихъ королю и за ослушаніе грозилъ казнями, пожарами и разрушеніемъ Парижа. Терпѣніе народа переполнилось, онъ возсталъ, взялъ приступомъ дворецъ и захватилъ короля. Собраніе пріостановило власть короля и его самого заключило въ тюрьму. Выбранный послѣ этого конвентъ низложилъ его и провозгласилъ республику. Низвергнутый король и въ тюрьмѣ продолжалъ устраивать заговоры. Когда они раскрылись, возмущенный конвентъ судилъ его и приговорилъ къ смерти. Казнь была совершена 21-го января 1793 года.

Этотъ періодъ господства демократіи далъ Франціи полное уничтоженіе стараго феодальнаго порядка,—причемъ онъ былъ ликвидированъ на условіяхъ наиболѣе выгодныхъ для крестьянства, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Въ политическомъ отношеніи въ этотъ періодъ создались у французовъ республиканскія традиціи и традиція всеобщаго и равнаго избирательнаго права, которыя и проявлялись при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ тѣхъ поръ Франція стала революціоннымъ очагомъ Европы; революціи въ 1830 и 1848 г.г. явились сигналами для революцій въ другихъ европейскихъ странахъ, а съ 1870 г. во Франціи прочно утвердилась республика и всеобщее избирательное право, какъ въ центральныя учрежденія, такъ и въ органы самоуправленія. И чтобы не говорили о соціальномъ консерватизмѣ французской республики все же политическій строй Франціи является сравнительно (послѣ Швейцаріи) наиболѣе передовымъ и подающимъ наибольшія надежды на дальнѣйшее развитіе и побѣды демократіи.

Такъ развертывались событія во время Великой франц. революціи. Классовыя противорѣчія между буржуазіей и пролетаріатомъ еще были не такъ рѣзко выражены, какъ это было впослѣдствіи; и буржуазія и ея идеологи еще не такъ боялись народныхъ движеній и нерѣдко становились во главѣ ихъ. Еще одинъ выводъ изъ анализа исторіи французской, какъ и вообще всѣхъ революцій, мы можемъ сдѣлать: каждый успѣхъ въ борьбѣ противъ самодержавно-феодальнаго порядка народу приходилось добывать упорной борьбой и борьбой же его закрѣплять.

По мѣрѣ развитія капиталистическихъ отношеній противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ дѣлалась все рѣзче, и буржуазія при своихъ столкновеніяхъ съ самодержавно-феодальнымъ строемъ дѣйствовала уже не такъ рѣшительно, скорѣе переходила на

сторону контръ-революціи, а потому и революціи не были столь побѣдоносны и рѣшительны. Возьмемъ для примѣра австрійскую революцію 1848 года. 13-го марта въ Вѣнѣ происходили грандіозныя демонстраціи и столкновенія войскъ съ народомъ и городской милиціей. Народъ требовалъ удаленія Меттерниха и введенія конституціи. Императоръ уступилъ: далъ отставку Меттерниху, удовлетворилъ требованіе вооруженія всѣхъ гражданъ и организаціи академическаго легіона. Для этой цѣли было выдано оружіе изъ арсеналовъ. Рабочіе предмѣстій, когда узнали, что въ городѣ волненія, двинулись громадной толпой въ городъ, чтобы принять участіе въ борьбѣ, но гражданское ополченіе боялось рабочихъ не менѣе чѣмъ правительство, заперло ворота города и выставило пушки противъ рабочихъ. Въ этотъ же вечеръ вспыхнули безпорядки въ предмѣстьяхъ: подожжены были дома непопулярныхъ фабрикантовъ и казенныя таможни. Безпорядки подавляло городское ополченіе. На другой день была обнародована новая правительственная прокламація, въ которой объявлялось, что для возстановленія спокойствія императоръ рѣшилъ возложить на князя Виндишгреца всѣ необходимыя полномочія и подчинить ему всѣ гражданскія и военныя власти. Конституціонный режимъ начинался съ военный диктатуры! (все, какъ у насъ!), Вѣнцы на эту прокламацію отвѣтили приготовленіями къ вооруженному отпору. Правительство уступило и прокламаціей отъ 15-го марта объявило уничтоженіе цензуры, утвердило національную гвардію и обѣщало «созвать въ самомъ непродолжительномъ времени депутатовъ отъ всѣхъ сословій для обсужденія уже рѣшенной конституціи отечества».

Но 31-го марта былъ обнародованъ новый законъ о печати, который ничего общаго со свободой печати не имѣлъ. Опять стало расти народное движеніе, и подъ его натискомъ новый законъ палъ, и воцарилась сравнительно большая свобода печати. 26 апрѣля была обнародована конституція вопреки обѣщанію отъ 15 марта созвать депутатовъ отъ всѣхъ сословій для ея обсужденія. Въ этой конституціи была установлена аристократическая верхняя палата, абсолютное вето императора и ничего не говорилось о системѣ избирательнаго права. Правительство стало готовиться, чтобы подавить народныя движенія, которыя грозили вспыхнуть въ отвѣтъ на объявленіе конституціи: распустило центральный комитетъ національной гвардіи, назначило реакціоннаго военнаго министра и т. д. 15-го мая Вѣна заволновалась; послана депутація во дворецъ; къ дворцу подошли въ полномъ вооруженіи академическій легіонъ, національ. гвардія и многотысячныя толпы рабочихъ, вооруженныхъ ломами и топорами. Во дворѣ дворца стояли пушки и готовы были стрѣлять въ народъ. Но въ рѣшительный моментъ императоръ Фердинандъ, не отличавшійся рѣшительностью другихъ монарховъ, отдалъ приказъ: «не стрѣлять!» и уступилъ народнымъ требованіямъ. Было объявлено, что на апрѣльскую конституцію слѣдуетъ смотрѣть, какъ на проектъ, подлежащій обсужденію и утвержденію рейхстага, который будетъ созванъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Такъ закончилось безкровное возстаніе 15 мая. Но придворная клика не унималась. Императоръ былъ тайкомъ увезенъ изъ Вѣны и изданъ манифестъ, что хотя императоръ и не намѣренъ отнимать свои дары, но что впредь слѣдуетъ

предъявлять къ нему желанія въ лояльной формѣ. Послѣ этого въ Вѣнѣ со стороны демократовъ были сдѣланы попытки провозгласить республику. Тутъ опять проявился классовой антагонизмъ. Буржуазія испугалась власти народа, испугалась того, что она осталась безъ императора, и приняты были мѣры для подавленія народ. движенія: была организована особая «стража безопасности», и водворилось при поддержкѣ реакціонныхъ слоевъ національной гвардіи нѣчто вродѣ военнаго положенія: разгонялись собранія болѣе 5 человѣкъ, арестовывали агитаторовъ и высылали ихъ изъ Вѣны. Рѣшено было положить конецъ «диктатурѣ студентовъ» и «возрастающему одичанію рабочихъ», и для этой цѣли рѣшено было обезоружить студенческій легіонъ. Но демократія еще не была совсѣмъ подавлена. 26 мая рабочіе, студенты и часть національной гвардіи, не пошедшей за своими реакціонными офицерами, опять подняли возстаніе, и Вѣна въ нѣсколько часовъ покрылась баррикадами. Опять не дошло до столкновенія, опять правительство уступило и вывело войска изъ города. Послѣ этого безъ особенныхъ столкновеній былъ созванъ учредительный рейхстагъ 10-го іюля, который первымъ дѣломъ принялъ законъ объ отмѣнѣ всѣхъ феодальныхъ правъ и привиллегій, конечно, за «справедливый» выкупъ. Послѣ этого успокоилось крестьянство и оставило городскую демократію въ одиночествѣ. Въ это время возстала Венгрія. Вѣнцы были противъ посылки войскъ противъ Венгріи, и въ Вѣнѣ произошли волненія. Городъ оказался въ рукахъ революціонеровъ. Но противъ города были двинуты войска и 30-го октября Вѣна сдалась Виндишгрецу, который сурово расправился со сдавшимся городомъ. Послѣ этого реакція уже не знала удержу. Рейхстагъ былъ переведенъ въ провинцію и здѣсь выработалъ проектъ конституціи; но правительство распустило рейхстагъ и само даровало конституцію 4-го марта 1849 года, но и ее не думало примѣнять серьезно, и въ 1851 году совсѣмъ отмѣнило, «какъ несовмѣстимую съ основами устройства монархіи». Въ Австріи снова было возстановлено самодержавіе, и только въ 1859 году подъ вліяніемъ неудачной итальянской войны, финансовыхъ затрудненій и неудачи займа былъ на очередь поставленъ конституціонный вопросъ, но болѣе прочно установился конституціонный режимъ лишь въ 1867 г. подъ вліяніемъ новой неудачной войны, сильныхъ финансовыхъ затрудненій и общественнаго движенія.

Была дана жалкая конституція съ уродливымъ избирательнымъ закономъ и знаменитымъ параграфомъ 14-мъ, по которому императоръ въ промежуткахъ между сессіями могъ издавать указы.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ Австріи каждый успѣхъ демократіи былъ достигаемъ только при помощи сильнаго народнаго движенія, не останавливающагося передъ вооруженнымъ возстаніемъ; успѣхъ народныхъ требованій облегчался финансовыми затрудненіями правительства и неудачными войнами. Съ другой стороны мы видимъ, что правительство пользуется всякимъ случаемъ для возвращенія своихъ старыхъ позицій и не останавливается для этого ни передъ чѣмъ.

Вспомнимъ еще объ одномъ конфликтѣ правительства съ народнымъ представительствомъ—конфликтѣ въ 60-хъ годахъ въ Пруссіи.

Въ 1861 году въ Пруссіи послѣ 10-лѣтней реакціи 50-хъ годовъ, когда оставалась только тѣнь конституціи, началось общественное оживленіе: образовалась либеральная прогрессистская партія, которая поставила своей цѣлью добиться для Пруссіи настоящаго правового режима. Выборы 6-го декабря 1861 года, дали въ ландтагѣ прогрессистское большинство. Палата прежде всего постановила разсматривать и вотировать бюджетъ по спеціальнымъ статьямъ, а не въ общихъ суммахъ, какъ это практиковалось раньше; кромѣ того, палата отказала въ утвержденіи проэктированнаго правительствомъ увеличенія военнаго бюджета. Правительство распустило палату 16-го марта 1862 года и назначило новые выборы, причемъ широкой рукой практиковало административное давленіе на избирателей. Тѣмъ не менѣе, либеральная оппозиція вошла въ новый ландтагъ еще въ большемъ числѣ. Новая палата тоже отказала въ деньгахъ на содержаніе новыхъ полковъ. Тогда министерство Бисмарка рѣшило вносить бюджеты только на утвержденіе палаты господъ, игнорируя нижнюю палату. Палата составила адресъ къ королю, въ которомъ говорилось, что она не можетъ работать съ этимъ министерствомъ, но король отвѣтилъ, что министры, напротивъ, пользуются его полнымъ довѣріемъ и дѣйствуютъ по его указаніямъ. Сессія въ маѣ 1863 г. была закрыта, и начались репрессіи, закрывались газеты, запрещались собранія. Въ странѣ усилилось броженіе; начали писаться адресы и отправляться депутаціи. Но правительство не обращало на это вниманія, объявило палату распущенной и назначило новые выборы, которые еще усилили оппозицію. Новая палата протестовала и противъ внѣшней политики правительства—противъ войны съ Даніей и съ Австріей. Но Бисмаркъ дѣлалъ свое дѣло: взыскивалъ неутвержденные налоги, организовывалъ армію, не обращая вниманія на оппозицію. И надо сказать, что эта оппозиція отличалась большими колебаніями и двойственностью: она не пыталась поднять народное движеніе противъ правительства, подчеркивала всегда свою лояльность и вѣрность королю, была противъ возникновенія самостоятельнаго рабочаго движенія, рабочимъ совѣтовала не надѣяться на государство, а только на «самодѣятельность», на потребительныя общества, общества взаимопомощи и т. д. Однимъ словомъ, она дѣлала все, чтобы принизить народное движеніе, не дать ему высоко подняться. Вспомните, какъ Лассаль разоблачалъ двойственность, нерѣшительность и неискренность тактики прогрессистовъ. Онъ имъ совѣтовалъ уйти изъ ландтага и, такимъ образомъ, обнажить абсолютизмъ, что повлекло бы за собой, по всей вѣроятности, болѣе сильное народное движеніе.

Такъ длился конфликтъ 4 года; прогрессисты за это время ни разу не попытались поднять народъ на революц. борьбу, они не выставили даже лозунга всеобщаго избират. права. Надо сказать, что и правительство Бисмарка, съ которымъ боролись прогрессисты было не чета нашему правительству Дурново-Витте. Оно отличалось большой дальновидностью и тоже хотѣло предупредить народное революц. движеніе и для этого, ведя политику съ широкими національными цѣлями и дѣлая при необходимости уступки, стремилось сохранить возможно больше изъ стараго, что и удалось ему вполнѣ: Германія до сихъ поръ не имѣетъ

парламентскаго режима съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Власть императора, и вообще бюрократіи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ; цѣлыми остались почти всѣ мелкія государства; сохранились самыя архаическія конституціи (особенно—прусская, саксонская, мекленбугская); феодальная аристократія сохранила массу привиллегій и заставляетъ служить государство своимъ интересамъ. Большинство бывшихъ прогрессистовъ, назвавшись націоналъ-либералами изъ оппозиціонеровъ превратились въ вѣрныхъ слугъ Бисмарка послѣ того, какъ онъ возвеличилъ національное могущество Германіи и сдѣлалъ имъ небольшія уступки въ смыслѣ расширенія гражданскихъ свободъ, и безпрекословно стали вотировать исключительные законы противъ соціалъ-демократовъ во имя «свободы и порядка». Отъ старыхъ прогрессистовъ въ оппозиціи осталась только сравнительно мало вліятельная группа — «свободомыслящихъ». Нѣмецкій либерализмъ захирѣлъ, и его общенародныя задачи восприняла нѣмецкая соц.-демок. партія, которая одна только является теперь въ Германіи послѣдовательнымъ и стойкимъ борцомъ за народныя права.

Невольно напрашивается параллель между нашими кадетами и прусскими прогрессистами. Та и другая партіи были организованы «цвѣтомъ» интеллигенціи (въ Пруссіи: Вирховъ, Моммсенъ, Рихтеръ, Шульце, Деличъ, Бамбергеръ). Тамъ и здѣсь тоже подчеркиваніе лояльности и вѣрности монархіи, та же боязнь революціи и народныхъ массъ, тоже приниженіе рабочаго движенія и попытки обращенія его въ прихвостня либеральнаго движенія (вспомните, напр., попытки Струве организовать истинную рабочую партію, которая бы шла рука объ руку съ кадетами «Еженедѣльникъ нар. своб». № 4).

У кадетовъ, сообразно съ духомъ времени и болѣе сильнымъ и сознательнымъ классовымъ движеніемъ пролетаріата, болѣе демократическая программа, сравнительно съ нѣмецкими прогрессистами; теперь на либерально-манчестерскую удочку не изловишь много избирателей; демократическая декорація стала необходимостью для всякой партіи, желающей привлечь къ себѣ избирателей изъ народа. Но что касается тактики, то у нашихъ кадетовъ антиреволюціонность и наклонность къ компромиссамъ еще рѣзче выражены, чѣмъ у нѣмецкихъ либераловъ. Вспомните, хотя бы забѣганія къ Витте въ ноябрѣ, борьба съ «крайними», когда еще вся власть въ рукахъ стараго правительства и крайняя боязнь у кадетовъ передъ «финансовымъ бойкотомъ»; тогда какъ въ Пруссіи прогрессисты все же 4 года не утверждали бюджета и не боялись по мѣрѣ силъ проводить «финансовый бойкотъ». Кромѣ того реакціонность, упорство и полное игнорированіе народныхъ нуждъ и желаній у нашего правительства несравненно рѣзче выражены, чѣмъ у правительства Вильгельма-Бисмарка; а вѣдь это должно бы способствовать обострению борьбы.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что чѣмъ позднѣе развертывалась борьба противъ феодально-бюрократическаго строя, тѣмъ болѣе антиреволюціонной становилась буржуазія, тѣмъ болѣе она боялась народныхъ движеній, тѣмъ болѣе она стремилась къ соглашенію со старымъ порядкомъ, и тѣмъ менѣе революція доходила до полной побѣды, до своего логическаго развитія.

На яркую антиреволюціонность даже лѣваго крыла нашей буржуазіи и буржуазной интеллегенціи—кадетовъ мы уже указали. Не слѣдуетъ ли отсюда, что у насъ нѣтъ надеждъ на болѣе полную побѣду русской революціи, чѣмъ это имѣло мѣсто, напр., въ Пруссіи или Австріи? Мы думаемъ, что отнюдь нѣтъ. Въ развитіи нашей революціи есть особенности, которыя даютъ намъ увѣренность, что она не остановилась, что она будетъ развиваться и придетъ къ побѣдоносному концу. Во-первыхъ, у насъ есть могучій борецъ за демократію—пролетаріатъ, который уже показалъ, на что онъ способенъ, какую революціонную энергію онъ можетъ развить. Далѣе, аграрный вопросъ у насъ стоитъ гораздо серьезнѣе, и рѣшеніе его должно всколыхнуть народную жизнь гораздо глубже, чѣмъ это имѣло мѣсто на Западѣ. Тамъ дѣло шло только объ уничтоженіи крѣпостнически-феодальныхъ отношеній. У насъ крестьянскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ теперь безъ серьезнаго нарушенія принципа «неприкосновенности собственности», при томъ собственности уже буржуазной, а не феодальной. А это при тѣсномъ сплетеніи у насъ придворно-бюрократическихъ сферъ со сферами крупно-землевладѣльческими приведетъ къ тому, что сколько-нибудь удовлетворительное рѣшеніе аграрнаго вопроса можетъ быть осуществлено только вмѣстѣ съ рѣшительными демократическими измѣненіями политическихъ формъ. Крестьянство уже теперь начинаетъ понимать это, а въ дальнѣйшемъ развитіи борьбы оно это пойметъ еще лучше, лозунгъ «за свободу и землю» станетъ его боевымъ лозунгомъ, и крестьянство станетъ могучимъ союзникомъ пролетаріата въ его рѣшительной борьбѣ за демократію. Къ этому революц.-демократическому блоку («боевое соглашеніе») могутъ пристать и городская мелкая буржуазія и нѣкоторыя слои интеллигенціи.

Возвратимся же теперь еще разъ къ Думѣ. Теперь вниманіе широкихъ слоевъ населенія сконцентрировано на Думѣ, на нее возложено много надеждъ. Она этихъ надеждъ, по всей вѣроятности, не оправдаетъ отчасти благодаря неустойчивости и нерѣшительности кадетовъ. Наступитъ разочарованіе и въ Думѣ и въ кадетской тактикѣ. Народъ возложитъ всѣ надежды на непосредственную активную борьбу за полномочное Учредительное Собраніе.

Въ послѣднее время много говорятъ, что въ Думѣ организуется «крайняя лѣвая», которая будетъ лѣвѣе кадетовъ. Пока еще не ясно, что это за группа. Если судить по газетѣ «Путь», то эта группа больше всего думаетъ объ условіяхъ блока съ кадетами. Если бы въ Думѣ образовалась группа истинно демократическая, которая бы всѣ свои разсчеты возлагала не на тѣ или другія условія блока съ кадетами въ Думѣ, а только бы на ростъ народнаго движенія въ странѣ, въ которомъ бы видѣла свою единственную опору, то образованіе *такой* лѣвой можно бы только привѣтствовать. Какова же должна быть тактика этой «лѣвой», чтобы она могла сыграть извѣстную роль въ подъемѣ народной волны, въ развитіи освободительнаго движенія?

Она должна, прежде всего, потребовать преданія народному суду министерства Дурново-Витте и ихъ приспѣшниковъ (выходъ его въ отставку не избавляетъ его отъ отвѣтственности). Она должна потребовать отъ самой Думы, чтобы она декретировала немедленную амнистію, утвер-

жденія всѣхъ свободъ и организаціи выборовъ въ Учредительное Собраніе, для какой цѣли слѣдуетъ немедленно устроить выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія, которымъ и передать завѣдываніе полиціей и организацію выборовъ въ Учредит. Собраніе. Кромѣ того, она должна поставить во всей широтѣ рабочій и крестьянскій вопросы; заявить, что въ ихъ рѣшеніи полномочно только Учредительное Собраніе и потребовать отъ Думы теперь же назначенія выборовъ въ совѣты рабочихъ депутатовъ и въ крестьянскіе комитеты, которыя и подготовили бы рѣшеніе рабочаго и крестьянскаго вопроса для Учредительнаго Собранія.

На такую постановку дѣла не пойдетъ, конечно, ни кадетское большинство, ни тѣмъ болѣе правительство, и благодаря этому сдѣлается для всѣхъ яснымъ антидемократичность кадетской партіи. Тогда «крайняя лѣвая» должна выйти изъ Думы и обратиться съ манифестомъ къ народу, зовя его на борьбу за Учредительное Собраніе.

Если создастся *такая* «крайняя лѣвая», если она *такъ* будетъ дѣйствовать, то она несомнѣнно сыграетъ свою роль въ подъемѣ и расширеніи народнаго движенія. Вокругъ нея можетъ сорганизоваться истинно демократическая партія, которая будетъ въ своихъ рѣшительныхъ выступленіяхъ итти рука объ руку съ соц.-демократіей.

Созданіе *такой* демократической партіи теперь было бы крайне желательнымъ, она привлекла бы къ себѣ многіе искренно-демократическіе элементы, которые теперь примкнули къ партіи, не по праву называющей себя демократической.

Могучей и объединенной въ своихъ активныхъ выступленіяхъ демократіи не нужно было бы ставить вопросовъ о поддержкѣ кадетовъ и давать имъ «непрошенные» совѣты. Тогда бы и кадеты не были такъ смѣлы въ игнорированіи голоса слѣва и опредѣлились бы скорѣе и ярче или, какъ партія оппозиціонная, поддерживающая революц. демократію въ ея нѣкоторыхъ выступленіяхъ, или же какъ партія уже явно контръреволюціонная.

Но въ данный моментъ, можетъ быть, еще не время говорить о блокѣ лѣвыхъ партій внѣ Думы. Пусть каждая партія и направленіе работаетъ въ своей сферѣ и поднимаетъ народное движеніе. Когда оно высоко поднимется, когда создадутся и опредѣлятся партіи и организаціи, тогда и будетъ своевременно поднимать вопросъ о соглашеніяхъ.

Что касается до поддержки «крайней лѣвой» внѣ Думы, то если эта группа будетъ дѣйствовать въ вышеуказанномъ направленіи, то несомнѣнно вся демократія не откажется поддержать ее, и самой лучшей поддержкой была бы такая поддержка, какую оказала Франція въ іюлѣ и августѣ 1789 г. своему Учредительному Собранію.

С. М—ичъ.

Мицкевич, С.И.
X\

О временномъ правительствѣ и о диктатурѣ пролетаріата.

Во главѣ всего народа и въ особенности крестьянства — за полную свободу, за послѣдовательный демократическій переворотъ, за республику! Во главѣ всѣхъ трудящихся и эксплоатируемыхъ — за соціализмъ! Такова должна быть на дѣлѣ политика революціоннаго пролетаріата.

Н. Ленинъ. «Двѣ тактики».

Пролетаріи удивятъ міръ своей гуманностью. Они докажутъ, что борются не затѣмъ только, чтобы на мѣсто одного класса поставить у власти другой, но затѣмъ, чтобы положить конецъ всякаго рода классовымъ различіямъ, всякой оппозиціи, всякой соціальной ненависти, которая поддерживалась и обострялась жизнь капитализмомъ.

Поль Луи.

«Нѣтъ, соціалъ-демократовъ нельзя назвать послѣдовательными сторонниками свободы! Что такое, въ сущности ихъ диктатура пролетаріата, какъ не «положеніе о чрезвычайной охранѣ»?—«Можемъ ли мы присоединиться къ тактикѣ вооруженнаго возстанія, на знамени котораго стоитъ диктатура пролетаріата»?

Такъ разсуждали московскіе кадеты на своихъ предвыборныхъ собраніяхъ, когда говорили о программѣ и тактикѣ своихъ «противниковъ слѣва». Диктатура пролетаріата была выбрана главнымъ пунктомъ для ихъ критики, причемъ фраза о чрезвычайной охранѣ повторялась особенно охотно: очевидно она казалась ея автору верхомъ остроумія и глубокомыслія.

Несмотря на неоднократныя разъясненія оппонентовъ, тема о соціалъ-демократахъ, какъ сторонникахъ чрезвычайной охраны выдвигалась съ упорствомъ, положительно достойнымъ удивленія, и только тогда была снята съ очереди, когда въ силу быть можетъ директивъ изъ центра, нападки на «противниковъ слѣва» прекратились вообще.

Въ такомъ трактованіи кадетами вопроса о диктатурѣ пролетаріата проявилась не только ихъ неспособность возвыситься до истинно-демократическаго пониманія свободы, но и недостаточное знакомство ихъ съ программой рабочей партіи, (въ намѣренномъ ея искаженіи мы обвинять

ихъ не хотимъ). Непониманіе этой части соціалъ-демократической программы даже просвѣщенными представителями кадетской партіи заставляетъ насъ предполагать, что среди болѣе широкаго круга читателей господствуетъ въ этомъ отношеніи еще большая путаница понятій. Вотъ это, опирающееся такимъ образомъ на факты, предположеніе и оправдываетъ наше желаніе еще разъ остановиться на такой, казалось бы, избитой темѣ, какъ диктатура пролетаріата.

Что слѣдуетъ понимать подъ диктатурой пролетаріата? Въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ лозунгъ къ общимъ принципамъ соціалъ-демократической программы и къ текущей тактикѣ росс. соц.-дем. раб. партіи? Въ какой мѣрѣ осуществленіе этой цѣли въ будущемъ грозитъ принципамъ личной свободы?

Вотъ тѣ вопросы, ясный отвѣтъ на которые можетъ разсѣять существующія на этотъ счетъ недоразумѣнія. На нихъ мы и постараемся отвѣтить.

Припомнимъ прежде всего, что говорится о диктатурѣ пролетаріата въ программѣ русской соціалъ-демократіи. «Движеніе пролетаріата, читаемъ мы въ программѣ второго съѣзда, должно стать и давно уже стало международнымъ. Считая себя однимъ изъ отрядовъ *всемірной* арміи пролетаріата, Р. С.-Д. Р. П. преслѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соц.-демократы всѣхъ странъ.

Эта цѣль—«уничтоженіе дѣленія общества на классы», прекращеніе всѣхъ видовъ эксплоатаціи одной части общества другого», «освобожденіе всего угнетеннаго человѣчества».

Необходимое условіе *соціальной революціи*,—читаемъ мы дальше въ программѣ,—составляетъ диктатура пролетаріата, т.-е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплоататоровъ. Ставя себѣ задачу сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою великую историческую миссію *международная* соц.-демократія организуетъ его въ самостоятельную политическую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ» и т. д.

Кромѣ этого ничего о диктатурѣ пролетаріата въ программѣ 2-го съѣзда не говорится, но этого достаточно, чтобы для всякаго стало яснымъ, что осуществленіе диктатуры пролетаріата партія относитъ къ моменту *соціалистической* революціи и разсматриваетъ какъ задачу *международную*.

Къ переживаемой въ настоящее время Россіей политической революціи этотъ лозунгъ такимъ образомъ никакого отношенія не имѣетъ.

А, вѣдь, полемизируя съ соціалъ-демократами, кадеты могли, конечно, имѣть въ виду дѣятельность рабочей партіи, только какъ партіи демократической, т.-е. критиковать ее съ точки зрѣнія ея участія въ современной политической борьбѣ. Критиковать ее, какъ партію соціалистическую, они не могли хотя бы по тому, что по ихъ собственнымъ заявленіямъ, ихъ партія открыта передъ всѣми, принимающими ихъ политическую платформу, какихъ бы взглядовъ кто ни держался на дальнѣйшую судьбу общественнаго развитія. Среди кадетской партіи, увѣряютъ насъ, есть не мало даже соціалъ-демократовъ по убѣжденію, и никто не ставитъ имъ въ упрекъ ихъ соціалистическіе взгляды и сочувствіе пролетарской диктатурѣ.

— Но, — говорятъ намъ, — въ томъ то и дѣло, что русскіе соціалъ-демократы, не въ примѣръ западнымъ, и не взирая ни на какія программы преспокойно смѣшиваютъ моменты соціалистической и демократической диктатуры и выдвигаютъ диктатуру пролетаріата, какъ лозунгъ текущаго момента!

Это обвиненіе уже серьезное. Возводитъ его на русскихъ соц.-демократовъ г-нъ Изгоевъ, одинъ изъ тѣхъ «соціалъ-демократовъ по убѣжденію», которыми, какъ говорятъ, кишмя кишитъ партія народной свободы.

«У насъ диктатуру пролетаріата, — пишетъ онъ въ № 10 «Полярной Звѣзды», — эту предпосылку соціалистической революціи, перенесли въ революцію политическую, задумали сдѣлать переходной ступенью отъ самодержавія и конституціонно-демократическому строю. Этимъ чудовищнымъ прыжкомъ русская соціалъ-демократія совершенно отдѣлалась отъ марксистскаго пониманія и покатилась по наклонной плоскости якобинизма и бланкизма».

Прыжокъ, въ самомъ дѣлѣ, чудовищный, и если бы онъ былъ сдѣланъ въ дѣйствительности, а не въ воображеніи г-на Изгоева, то русская соц.-демократія заслуживала бы всякаго порицанія.

Но въ томъ то и бѣда, что г. Изгоевъ, выставляя противъ нея свое тяжкое обвиненіе, позабылъ объ одномъ... позабылъ его хоть чѣмъ-нибудь доказать. Онъ ссылается, правда, на статьи въ «Началѣ» и въ «Новой Жизни», говорящія о возможности, такъ называемой, «непрерывной революціи», т.-е. непосредственнаго завершенія политической революціи въ Россіи революціей соціалистической. Но, не говоря уже о томъ, что идея непрерывной революціи, дѣйствительно выдвинутая нѣкоторыми авторами, не встрѣтила въ партіи никакого сочувствія, нужно признать, что говорить о возможности непрерывной революціи, вовсе еще не значитъ смѣшивать политическую революцію съ соціальной. Такъ думаетъ между прочимъ и Плехановъ, котораго сочувственно цитируетъ далѣе г-нъ Изгоевъ. Вѣрить въ непрерывность революціи можно и не упуская изъ виду особенностей отдѣльныхъ фазисовъ процесса. «Марксъ былъ убѣжденъ, что буржуазная революція въ Германіи явится простымъ прологомъ къ соціальной революціи. И тѣмъ не менѣе онъ жестоко клеймившихъ «истинныхъ соціалистовъ», говорившихъ наканунѣ буржуазной революціи лтакимъ языкомъ, который былъ бы умѣстенъ лишь послѣ нея»*).

Вполнѣ раздѣляя поэтому негодованіе г-на Изгоева противъ «соціалъ-демократовъ», разрывающихъ связи съ марксисткимъ пониманіемъ исторіи и дѣлающихъ непростительные по своей чудовищности прыжки мы рѣшительно не понимаемъ какое отношеніе имѣетъ это къ Р. С.-Д. Р. П.?

Не думаемъ мы, чтобы разгадка заключалась въ смѣщеніи г-номъ Изгоевымъ диктатуры пролетаріата со временнымъ революціоннымъ правительствомъ, о которомъ много говорилось въ партійной прессѣ и которое, нѣкоторые по примѣру Ленина, называютъ «революціонно-демократической диктатурой пролетаріата и крестьянства».

---

*) «Дневникъ соц.-демократа» № 4.

Не думаемъ мы этого потому, что считали г-на Изгоева достаточно для этого искушеннымъ въ тактикѣ русской соціалъ-демократіи.

Къ другимъ кадетамъ это соображеніе, конечно, непримѣнимо и мы имѣемъ многіе данные подозрѣвать, что въ этомъ именно пунктѣ кроется объясненіе ихъ дышущихъ благороднымъ негодованіемъ рѣчей о вооруженномъ возстаніи, поднимаемомъ подъ знаменемъ диктатуры пролетаріата.

Быть можетъ, не лишнее будетъ поэтому сказать нѣсколько словъ и о временномъ правительствѣ.

Не дѣлаетъ ли русская соціалъ-демократія свой чудовищный прыжокъ именно въ этомъ пунктѣ? Не здѣсь ли скрыта угроза свободѣ личности г-дъ кадетовъ? Не тутъ ли спрятано положеніе о чрезвычайной охранѣ?

Всѣ подобныя предположенія должны въ сущности отпасть, какъ только мы вспомнимъ, что органомъ, осуществляющимъ демократическое переустройство Россіи, проводящимъ въ жизнь требованія, выдвинутыя революціей, должно и можетъ, по мнѣнію соціалъ-демократовъ, явиться только *всенародное учредительное собраніе*.

Что соц.-демократы думаютъ именно такъ, что они вовсе не предполагаютъ вводить демократическую республику, вооруженіе народа и осуществлять всѣ прочія требованія своей такъ называемой программы minimum по диктаторски, навязывая ихъ народу противъ его воли,—въ этомъ легко убѣдиться, стоитъ только заглянуть въ ихъ программу. Послѣ выясненія общихъ принциповъ международной соціалъ-демократіи и ея конечной цѣли, достигаемой черезъ диктатуру пролетаріата, программа эта говоритъ о ближайшихъ задачахъ россійской соціалъ-демократіи, выдвигаемыхъ для нея особенностями той соціально-политической обстановки, въ которую поставлена въ Россіи пролетарская борьба.

Самой главной изъ этихъ ближайшихъ задачъ объявляется «низверженіе царскаго самодержавія и замѣна его демократической республикой», обезпечивающей рядъ тѣхъ политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ преобразованій, которыя въ своей сложности и составляютъ программу-минимумъ. «Съ своей стороны Р. С.-Д. Р. П. твердо убѣждена,—гласитъ далѣе программа,—что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій достижимы лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва *учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ*».

Мы можемъ, слѣдовательно, успокоить свободолюбивыхъ кадетовъ. Пусть тѣ изъ нихъ, которымъ только лозунгъ диктатуры пролетаріата мѣшаетъ присоединиться къ тактикѣ вооруженнаго возстанія, смѣло идутъ на баррикады: ничто съ этой стороны не грозитъ чистотѣ ихъ либеральныхъ принциповъ. Не диктатура пролетаріата, а всенародное учредительное собраніе—вотъ что стоитъ на знамени вооруженнаго возстанія.

Или, быть можетъ, всенародное учредительное собраніе тоже напоминаетъ имъ «положеніе о чрезвычайной охранѣ»?

Что касается тактики соціалъ-демократіи въ учредительномъ собраніи, то она не будетъ отличаться отъ тактики любой политической партіи: она будетъ стоять тамъ на стражѣ интересовъ представляемаго ею класса.

Она будетъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы буржуазія не воспользовалась своимъ соціальнымъ могуществомъ и не помѣшала голосу пролетаріата свободно влиться въ общій потокъ народной воли; она постарается о томъ, чтобы былъ открытъ широкій доступъ вліянію пролетаріата на демократическіе слои народа, городскую и сельскую мелкую буржуазію; она будетъ стараться, чтобы вліяніе остатковъ сословно-крѣпостническаго государства было безсильно отвлечь народные массы отъ идеаловъ истинной демократіи.

Но зачѣмъ же, спросятъ насъ теперь, нужно въ такомъ случаѣ еще временное революціонное правительство?

Исключительно затѣмъ, чтобы созвать учредительное собраніе, отвѣтимъ мы, и собрать его такъ, чтобы оно дѣйствительно выражало свободный голосъ всѣхъ классовъ русскаго народа; оно должно, слѣдовательно, дать гарантіи полной свободы устной и письменной агитаціи, осуществить свободу собраній и союзовъ, отнять административную и судебную власть изъ рукъ враговъ народной свободы и т. п.

Временное правительство явится органомъ и естественнымъ завершеніемъ побѣдоноснаго вооруженнаго возстанія, и немедленно передастъ свои полномочія истиннымъ представителямъ народа, какъ только они соберутся.

Кто кромѣ него можетъ созвать учредительное собраніе? Не самодержавное же правительство, низверженіе котораго должно предшествовать его созыву!

А если не оно, то временное правительство; иного выхода нѣтъ.

Въ соціалъ-демократической прессѣ это временное правительство нѣкоторые называютъ также революціонно-демократической диктатурой пролетаріата и крестьянства.

Такое названіе логически вытекаетъ изъ представленія о временномъ правительствѣ, какъ органѣ побѣдоноснаго вооруженнаго возстанія, осуществленнаго силами пролетаріата и крестьянства.

Конечно, временное правительство можетъ возникнуть и не такъ— оно можетъ, слѣдовательно, и не явиться диктатурой пролетаріата и крестьянства. Но таковъ, по мнѣнію многихъ соціалъ-демократовъ, наиболѣе вѣроятный ходъ революціи; только при такомъ условіи побѣда демократіи можетъ считаться полной.

Правы ли думающіе такъ, это вопросъ для насъ въ данный моментъ посторонній, но несомнѣнно одно,—что говоря о возможности или желательности революціоно-демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства въ ближайшемъ будущемъ, русскіе соціалъ-демократы не дѣлаютъ никакого прыжка и отнюдь не переносятъ предпосылку соціалистической революціи въ революцію политическую.

Временное правительство, о которомъ они разсуждаютъ, и диктатура пролетаріата, о которой говоритъ ихъ программа, не имѣютъ между собою ничего общаго, кромѣ нѣкотораго созвучія терминовъ.

Что переживаемая нами демократическая революція не имѣетъ и не можетъ имѣть въ себѣ ничего соціалистическаго, это давно уже стало для соціалъ-демократовъ общепризнанной аксіомой. Никто изъ нихъ не сомнѣвается, что пролетаріатъ является лишь однимъ изъ участниковъ

этой революціи и что борьба съ самодержавнымъ правительствомъ является для Россіи борьбой общенародной; эта мысль нашла себѣ выраженіе въ признаваемомъ ими положеніи, что единственнымъ органомъ, могущимъ завершить политическое преобразованіе Россіи является всенародное учредительное собраніе.

И если даже положеніе пролетаріата, какъ класса наиболѣе революціоннаго и наиболѣе заинтересованнаго въ полной побѣдѣ демократіи, поставитъ его въ необходимость взять на себя руководство всѣми другими классами въ общенародной борьбѣ за демократическую свободу, если ему и придется вмѣстѣ съ крестьянствомъ вынести главную тяжесть борьбы съ умирающимъ сословно-полицейскимъ режимомъ, то отсюда далеко еще до попытки всю революцію сдѣлать пролетарской, соціалистической. Устраненіе препятствій для свободнаго развитія капитализма, благопріятныя условія для свободной классовой борьбы и для организаціи сильной и открыто выступающей рабочей партіи, вотъ что выигрываетъ пролетаріатъ при наиболѣе полной побѣдѣ демократіи.

Соціалъ-демократія такъ далека отъ мысли воспользоваться временнымъ правительствомъ въ демократической революціи, какъ органомъ господства пролетаріата, что самая возможность участія въ немъ представителей соціалъ-демократіи до послѣдняго времени оставалась въ ея средѣ спорной. Бывшіе меньшевики, напримѣръ, относились отрицательно къ мысли объ участіи соціалъ-демократіи во временномъ правительствѣ, хотя и признавали его естественнымъ завершеніемъ побѣдоноснаго вооруженнаго возстанія; ихъ резолюція о временномъ правительствѣ, принятая на первой общерусской конференціи, гласитъ, что «соціалъ-демократія не должна ставить себѣ цѣлью захватить или раздѣлить власть во временномъ правительствѣ, а должна оставаться до конца партіей крайней революціонной оппозиціи».

Что касается бывшихъ большевиковъ, то они, хотя и не отвергаютъ принципіально участія соціалъ-демократіи во временномъ правительствѣ, но и они допускаютъ его все же лишь при наличности извѣстныхъ условій. Это ясно изъ резолюціи о временномъ правительствѣ, принятой на 3-мъ партійномъ съѣздѣ.

«Необходимо,—читаемъ мы, тамъ, распространять въ рабочемъ классѣ конкретное представленіе о *наиболѣе вѣроятномъ ходѣ* революціи и о необходимости въ извѣстный моментъ появленія временнаго революціоннаго правительства... *Въ зависимости отъ соотношенія силъ и отъ другихъ факторовъ*, не поддающихся точному предварительному опредѣленію, допустимо участіе во временномъ правительствѣ уполномоченныхъ нашей партіи въ цѣляхъ безпощадной борьбы со всѣми контръ-революціонными попытками и отстаиванія самостоятельныхъ интересовъ рабочаго класса».

И здѣсь, слѣдовательно, временное правительство отнюдь не рисуется пролетарскимъ. Представители соціалъ-демократіи участвуютъ въ немъ (если участвуютъ) лишь наряду съ другими. Изъ той же резолюціи видно, что самое временное правительство рисуется соціалъ-демократамъ отнюдь не неизбѣжной стадіей революціи: **это лишь одна изъ возможностей, одинъ изъ вѣроятныхъ путей.**

Текстъ обѣихъ резолюцій устраняетъ, какъ мы видимъ, всякую тѣнь сходства временнаго революціоннаго правительства съ диктатурой пролетаріата.

Итакъ, напрасны всѣ упреки по адресу русскихъ соціалъ-демократовъ, будто они, явно отступая отъ принциповъ международной соціалъ-демократіи, хотятъ изъ диктатуры пролетаріата сдѣлать лозунгъ совершающейся въ Россіи политической революціи.

Русскіе соціалъ-демократы, какъ соціалъ-демократы всѣхъ странъ, понимаютъ диктатуру пролетаріата только какъ завоеваніе имъ политической власти для соціалистическаго преобразованія общества. Кто же не согласенъ съ самымъ принципомъ диктатуры пролетаріата, тотъ долженъ направлять свою критику не противъ тактики русскихъ соціалъ-демократовъ, а противъ соціалъ-демократіи вообще.

Пусть такъ,—могутъ все-таки сказать намъ наиболѣе упорные защитники «безусловной свободы личности», пусть диктатура пролетаріата отодвигается къ моменту соціалистической революціи, но, вѣдь, она не перестаетъ отъ этого быть диктатурой, а вы, соціалъ-демократы, оставаться ея защитниками и, слѣдовательно, врагами свободы? Чьей свободы? — спросимъ мы въ свою очередь. Мы не признаемъ «свободы вообще»: «свободы вообще» не существуетъ.

Свобода эксплоататоровъ является рабствомъ для рабочаго класса; свобода рабочаго класса кладетъ узду на господство эксплоататоровъ. Ихъ свободѣ при диктатурѣ пролетаріата дѣйствительно грозитъ серьезная опасность.

«Мнѣ кажется,—писалъ Каутскій въ одной изъ своихъ статей,—мнѣ кажется весьма сомнительнымъ, чтобы можно было освободиться отъ элементовъ, вродѣ прусскихъ юнкеровъ, разныхъ Штумовъ и Кюнемановъ, Ронфеллеровъ и Джемъ-Гульдовъ, бандитовъ высшаго и низшаго ранга, группирующихся вокругъ французскаго генеральнаго штаба и другихъ молодцовъ, жаждущихъ «политики пресѣченія» оставаясь на точкѣ зрѣнія полнаго уваженія къ ихъ личности».

Въ такомъ смыслѣ и мы готовы признать себя небезусловными сторонниками неприкосновенности правъ и свободы личности.

Понятіе соціальной революціи неразрывно связано съ понятіемъ диктатуры пролетаріата. Послѣднее вытекаетъ неизбѣжно изъ того принципа международнаго соціализма, что «освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самого рабочаго класса». По прекрасному опредѣленію Каутскаго существеннымъ признакомъ, отличающимъ соціальную революцію отъ соціальной реформы именно и является завоеваніе государственной власти угнетеннымъ до тѣхъ поръ классомъ.

«Мѣропріятія, имѣющія цѣлью провести юридическую и политическую надстройку общества въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися экономическими условіями, являются реформами, если онѣ исходятъ отъ тѣхъ же классовъ, которые и до сихъ поръ политически и экономически господствовали надъ обществомъ... Наоборотъ, такого рода мѣропріятія, суть дѣйствія революціи, если они исходятъ отъ такого класса, который до сихъ поръ былъ политически и экономически угнетеннымъ классомъ,

а теперь завоевалъ себѣ политическую власть... Завоеваніе государственной власти угнетеннымъ до тѣхъ поръ классомъ, т.-е. политическая революція, составляетъ существенный признакъ соціальной революціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ противоположность соціальной реформѣ». (*Каутскій.* Общественныя реформы. Изд. «Колоколъ», стр. 6).

Итакъ, диктатура пролетаріата является необходимой стадіей политическаго развитія въ моментъ преобразованія капиталистическаго общества въ соціалистическое.

Какъ переходъ современной Россіи отъ сословно-крѣпостническаго строя къ демократическому предполагаетъ переходъ власти отъ дворянско-чиновничьей клики къ представителямъ демократіи, такъ водвореніе соціализма въ странахъ капиталистическаго производства, предполагаетъ переходъ власти отъ буржуазіи къ пролетаріату.

Но какимъ образомъ совершится этотъ переходъ? Можно только сказать, что онъ не предполагаетъ непремѣнно со стороны пролетаріата вооруженнаго возстанія. Захватитъ ли онъ власть съ оружіемъ въ рукахъ или пролетарская диктатура явится лишь «вѣнцомъ постепеннаго проникновенія пролетаріата въ правящій механизмъ»—это будетъ зависить отъ многихъ условій, предугадывать которыя въ настоящее время было бы и невозможно, и безполезно: конкретная обстановка классовой борьбы въ свое время подскажетъ международному пролетаріату правильную тактику, подобно тому, какъ она подсказала тактику россійскому пролетаріату, въ силу своихъ классовыхъ интересовъ, стремящемуся стать во главѣ демократической революціи.

Не можемъ мы болѣе или менѣе опредѣленно представить себѣ и тѣ конкретныя формы, въ которыя выльется диктатура пролетаріата.

Намъ легче сказать, чѣмъ *не будетъ* она, чѣмъ предсказать, чѣмъ она *будетъ*.

Диктатура пролетаріата *не будетъ* насильственнымъ захватомъ власти, кучкою соціалистовъ. Она завершитъ собою длительный процессъ революціоннаго развитія.

Соціалистическій идеалъ въ моментъ перехода къ пролетаріату политической власти станетъ въ каждой странѣ такимъ же общенароднымъ, общенаціональнымъ идеаломъ, какимъ является въ современной Россіи идеалъ демократическій. Подъ руководствомъ пролетаріата всѣ промежуточные слои народа будутъ стоять тогда противъ буржуазіи.

Говоря иначе, *диктатура пролетаріата явится выраженіемъ его классоваго господства*, подобно тому какъ современное «правовое» государство есть выраженіе классоваго господства буржуазіи.

Это классовое господство пролетаріата проявится, вѣроятно, не только въ политической области: оно скажется во всѣхъ сферахъ жизни вплоть до искусства, философіи, науки....

Все умственно и нравственно цѣнное будетъ на сторонѣ пролетаріата.

Уже поэтому мы можемъ сказать, что диктатура пролетаріата *не будетъ* торжествомъ грубой массы надъ интеллигентнымъ и культурнымъ меньшинствомъ.

Диктатура пролетаріата *не будетъ* также правительствомъ насилія и террора.

Тактика насилія свойственна классамъ умирающимъ, а не торжествующимъ: она всегда служитъ признакомъ безсилія.

Положеніе класса, передъ которымъ открыто будущее и гордое сознаніе единства своихъ интересовъ съ интересами человѣчества возвыситъ пролетаріатъ надъ чувствами мелкой злобы, зависти и мстительности, типичными для классовъ реакціонныхъ и консервативныхъ.

Оттѣнокъ идеализма въ лучшемъ смыслѣ этого слова уже и въ настоящее время лежитъ на пролетарской борьбѣ. Въ краткіе моменты своего торжества пролетаріатъ уже и теперь обнаруживаетъ несомнѣнную способность, идя за лучшими элементами своего класса, ставить соціальныя побужденія выше личныхъ,—качество, которое въ будущемъ, при полномъ торжествѣ пролетарскихъ идеаловъ проявится еще болѣе ярко.

Вспомнимъ Парижъ коммуны, этотъ мирный, тихій, почти свободный отъ преступленія городъ.*)

Сравнимъ его съ Парижемъ, занятымъ Версальскими войсками, когда десятки тысячъ изуродованныхъ труповъ, городская пыль, превращенная въ красную глину, и кровавые потоки изъ водосточныхъ трубъ свидѣтельствовали о возстановленіи «диктатуры буржуазіи».

Припомнимъ факты изъ нашего недавняго прошлаго. Сравнимъ кровавыя потѣхи Мина и Дубасова съ дѣйствіями московскихъ инсургентовъ,**) дьявольскія изувѣрства Алихановыхъ и Ранненкампфовъ съ поведеніемъ революціонныхъ комитетовъ въ Сибири и на Кавказѣ: эти поразительные контрасты многое скажутъ намъ о характерѣ грядущей диктатуры пролетаріата.

Если когда-нибудь, то именно тогда, въ моментъ полнаго торжества пролетаріата, съ побѣдой послѣдняго угнетеннаго класса, осуществится въ человѣческомъ обществѣ свобода личности и уваженіе къ чужимъ правамъ,—не та свобода, которая грезится либераламъ, маскирующимъ пылкими рѣчами половинчатость своей политики, а реальная человѣческая свобода, которой какъ воздуха, жаждутъ изстрадавшіяся въ рабствѣ трудовыя массы.

«Пролетаріи, скажемъ мы словами Поля Луи,***) удивятъ міръ своей гуманностью. Они докажутъ, что борются не затѣмъ только, чтобы на мѣсто одного класса поставить у власти другой, но затѣмъ, чтобы положить конецъ всякаго рода классовымъ различіемъ, всякой оппозиціи, всякой соціальной ненависти, которая поддерживалась и обострялась лишь капитализмомъ».

Жалки тѣ сторонники «народной свободы,» которые политическое господство рабочаго класса способны мыслить лишь въ образѣ «положенія о чрезвычайной охранѣ».

Ив. Михайловъ.

---

*) «Буржуазные англичане, не сочувствовавшіе коммунѣ, были невольными свидѣтелями полной безопасности и порядка господствовавшихъ въ городѣ во все время, пока хозяйкой была революція. Кварталы, въ которыхъ при процвѣтаніи «порядка» происходили постоянные нападенія и рѣзала глаза проституція, въ это время можно было проходить безъ опаски днемъ и ночью.

Въ то время какъ Версальскія газеты ежедневно требовали чуть не поголовнаго истребленія парижанъ, въ революціонныхъ изданіяхъ нельзя было найти ни одного призыва къ кровопролитію». *Бакс.* Парижская коммуна. Изд. Д. Р. ст. 38.

**) Кромѣ казни Войлошникова да ареста нѣсколькихъ шпіоновъ и пристава привязаннаго зачѣмъ-то къ вагону («распятаго», какъ заявляли реакціонныя газеты) враги революціи при всемъ желаніи не могли привести ни одного факта въ доказательство «жестокости» дружинниковъ-рабочихъ.

***) Французскіе мыслители и дѣятели XIX в. Изд. «Молота» стр. 191.

Россійская „конституція“

(Февраль—мартъ—апрѣль).

Конституціонное творчество властвующей въ Россіи соціальной группы приняло въ послѣдніе мѣсяцы небывалые размѣры. Россійская писанная «конституція,» своеобразная и характерная, нынѣ вполнѣ закончена. Дѣло, начатое Булыгинымъ и такъ основательно сметенное революціоннымъ пролетаріатомъ, что его пришлось начинать совершенно на-ново, начинать другимъ дѣльцамъ и на нѣсколько другой ладъ, дѣло это увѣнчалось теперь вожделѣннымъ успѣхомъ. Онъ дался, конечно, не безъ труда. Изъ 87 губерній и областей Россійской Имперіи (кромѣ Финляндіи) въ концѣ марта находились на военномъ положеніи—39, на положеніи усиленной и чрезвычайной охраны—41 губ. Десятки тысячъ арестованныхъ—рабочихъ, крестьянъ, разночинцевъ—томятся въ переполненныхъ тюрьмахъ; изъ тюремъ доносятся безконечные вопли объ убійствахъ, пыткахъ, истязаніяхъ, о самомъ нагломъ издѣвательствѣ надъ человѣческой личностью; въ тюрьмахъ—безпрерывные протесты и мучительныя голодовки. Чуть ли не ежедневно цѣлые вагоны арестованныхъ отправляются на отдаленный Сѣверъ Евр. Россіи и въ Сибирь, и лишь въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ насчитывается, по послѣднимъ извѣстіямъ, до 30.000 ссыльныхъ. Карательныя экспедиціи не перестаютъ «дѣйствовать» въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Польшѣ, въ Сибири и въ разныхъ мѣстностяхъ деревенской Россіи. По далеко не полному подсчету, *военные суды* осудили на смертную казнь въ январѣ—142, въ февралѣ—174, въ мартѣ (до 20-ыхъ чиселъ)—67 человѣкъ. Тысячи сознательныхъ рабочихъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ фабричныхъ центрахъ выбрасываются на улицу и въ административномъ порядкѣ высылаются на мѣста приписки. Словомъ, азіатски-жестокія репрессіи достигли высшаго напряженія; обычная система террористическаго подавленія всѣхъ болѣе или менѣе сознательныхъ общественныхъ слоевъ проводится самымъ энергичнымъ и послѣдовательнымъ образомъ.

На ряду съ ней—и въ полномъ съ ней соотвѣтствіи—въ бюрократическихъ верхахъ расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ *конституціонное пустословіе*, какого не видывала еще Россія. Выросъ цѣлый лѣсъ самыхъ разнообразныхъ конституціонныхъ актовъ,[1]) изданныхъ съ благородной цѣлью

---

[1]) Важнѣйшіе изъ нихъ (изданные въ послѣдніе 3 мѣсяца): Высоч. манифестъ 20 февраля, Высочайшій указъ 20 февр. (о преобраз. Госуд. Совѣта), Учрежденіе Государств. Думы 20 февраля, Времен. правила о союзахъ и обществахъ 4 марта, Высочайш. указъ 18 марта

прикрыть фиговымъ листкомъ народнаго представительства позорную наготу абсолютной монархіи. Всѣмъ своимъ цѣлымъ и каждой отдѣльной черточкой эти новѣйшіе законодательные акты выдаютъ истинную цѣль своихъ творцовъ—укрѣпить расшатанное самодержавіе при посредствѣ чисто-внѣшняго, декоративнаго, лишеннаго всякаго внутренняго содержанія конституціонализма. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ законодатели изъ министерства Витте-Дурново и ихъ наемные лакеи, разбойники печати, пріютившіеся въ редакціи «Русскаго Государства,» старались изо всѣхъ силъ «заговорить» пробудившійся народъ, прельстить и соблазнить крупную и мелкую буржуазію. Подъ громъ пушечныхъ и пулеметныхъ залповъ, при яркихъ заревахъ подожженныхъ агентами самодержавія городовъ и деревень, въ министерствахъ и въ продажной прессѣ напѣвались «райскіе напѣвы» «объ истинномъ конституціонализмѣ, равно далекомъ отъ бушующаго океана революціи и застоявшагося озера реакціи, о разсѣяніи революціоннаго хаоса и расчисткѣ свободнаго для всѣхъ пути къ дверямъ Таврическаго дворца, объ устройствѣ для запруды отъ революціонныхъ теченій крѣпкой плотины въ видѣ Думы изъ народныхъ представителей» и. т. д. [2]).

Не можетъ быть ничего вреднѣй конституціонныхъ иллюзій въ революціонное время, когда развивается всенародная борьба за права и свободу, когда отъ «пораженія къ пораженію» она идетъ къ новому подъему, когда конституціи еще нѣтъ, когда ее приходится завоевывать когда слуги реакціи стараются затуманить сознаніе борцовъ взятыми на подержаніе лозунгами и знаменами. Лишь типичные «парламентскіе кретины,» какими являются въ своемъ большинствѣ главари русской либеральной оппозиціи, могутъ въ такое время уходить отъ шумной уличной жизни и отсиживаться въ дворцахъ стараго режима, гдѣ все остается по существу въ прежнемъ видѣ, и гдѣ мѣняются лишь орнаменты и разстановка мебели. Человѣкъ, вышедшій изъ самой гущи народной борьбы, человѣкъ, посланный въ такой дворецъ пробудившимися, хотя все еще полусознательными, массами, не можетъ, не долженъ надолго оставаться въ немъ. Ему тяжело дышать въ спертомъ воздухѣ, ему тѣсно въ страшно-узкихъ рамкахъ, въ предѣлахъ которыхъ возможно лишь либеральное фразерство (да и то временно), и невозможно насущное дѣло;—онъ страстно ищетъ не внѣшнихъ формъ, а внутренняго содержанія, которое оказывается все тѣмъ же ненавистнымъ самовластіемъ правящей соціальной группы; онъ вскорѣ убѣждается самъ,—и онъ долженъ, онъ можетъ убѣдить и всѣхъ, пославшихъ его, — что новыя формы оказываются лишь модификаціей давно-знакомыхъ и давно-ненавистныхъ ему, что разрушеніе всѣхъ остатковъ отжившаго режима, отнюдь не сохраненіе ихъ, является conditio sine qua non реальнаго, властнаго, всенароднаго представительства.

(дополнит. правила о повременной печати), Правила о порядкѣ разсмотр. государст. росписи 8 марта. Временныя правила 8 марта объ огражд. безпрепятств. дѣятельн. государств. установленій, Высоч. указъ объ утвержденіи основныхъ законовъ 23 апр. и Основные государственные законы 23 апрѣля, Правила о допущеніи постороннихъ лицъ и охранѣ порядка въ государств. Совѣтѣ и Государ. Думѣ 15 апрѣля и многіе другіе.

2) См. „Русское Государство" №№ 1—50, passim.

Что такое наша писанная «конституція,» повтореніе, второе изданіе Булыгинской пародіи или реальное ограниченіе самодержавнаго режима? Что такое наша Государственная Дума, декоративный придаток къ правительственнымъ канцеляріямъ стараго порядка или хотя бы самое жалкое, хотя бы классовое, но все-таки дѣйствительное народное представительство, надѣленное опредѣленной властью и опредѣленными правами? Разрѣшена ли уже хотя бы *одна* изъ задачъ великой россійской революціи,—задача политическаго обновленія страны, разрѣшена ли она хотя бы въ самой незначительной степени, или наоборотъ, разрѣшеніе и этой задачи—еще все въ будущемъ? Вотъ—важнѣйшіе вопросы, отвѣты на которые, намъ дастъ бѣглый обзоръ, «конституціоннаго» творчества послѣднихъ мѣсяцевъ.

Наши «конституціонныя» учрежденія организованы въ видѣ двухъ палатъ. Нижней палатой-является Государственная Дума. Такъ проектировалось еще Булыгинымъ; министерство Витте-Дурново не внесло сюда ни какихъ измѣненій. Но характеръ самой нижней палаты, Государственной Думы, на первый взглядъ измѣнился самымъ радикальнымъ образомъ по сравненіи съ Булыгинской. Булыгинская Дума—была законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, способствующимъ «*доведенію до Верховной власти нуждъ народныхъ* безъ посредствующаго участія класса правительственныхъ чиновниковъ.» [1]) Идея властнаго участія народа въ дѣлахъ верховнаго управленія» принципіально отрицалась, какъ «не имѣющая историческихъ корней въ условіяхъ нашей народной жизни,» какъ совершенно чуждая «подавляющей массѣ русскаго народа». [2]) Въ любопытномъ «теоретическомъ» изслѣдованіи нѣкоего Семенова, [3]) напечатанномъ съ Высочайшаго разрѣшенія безъ представленія въ цензуру и вышедшемъ въ свѣтъ въ первой половинѣ прошлаго года въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ (всѣ экземпляры занумерованы и въ продажу, конечно, не поступали), идея законосовѣщательнаго учрежденія, состоящаго изъ народныхъ «ходоковъ,» прямо противопоставляется принципамъ гнилого Запада. Самодержавіе, по справедливому мнѣнію г. Семенова, непримиримо съ народнымъ *представительствомъ*, которое угрожаетъ «расхищеніемъ» верховной власти монарха; но народное «*представительство*» признается остроумнымъ «изслѣдователемъ» вполнѣ законнымъ дополненіемъ къ учрежденіямъ стараго режима. Итакъ, не властное народное представительство, надѣленное извѣстнымъ участіемъ въ законодательствѣ, а безправное, совѣщательное народное «предстательство» — таковъ былъ основной принципъ Булыгинскаго «Учрежденія Гос. Думы» 6 августа; онъ отнюдь не скрывался его творцами, а наоборотъ, былъ самымъ категорическимъ образомъ поставленъ на заглавномъ мѣстѣ. Послѣ-октябрьская конституція, такъ невыгодно отличающаяся отъ Булыгинской своимъ лицемѣріемъ, какъ будто порываетъ радикально съ совѣщательнымъ принципомъ. Правда, нѣкоторымъ статьямъ и въ новомъ учрежденіи

[1]) Матеріалы по учрежд. Госуд. Думы. 1905, ст. 4.
[2]) Ibim, стр. 78.
[3]) «Самодержавіе и государственный строй». СПБ. 1905.

придана все еще столь двухсмысленная редакція,[1]) что невольно возникаетъ прежнее представленіе о совѣщательной Думѣ; но за то языкъ другихъ статей—принципіальнаго же характера—безукоризненный и не оставляетъ желать ничего болѣе опредѣленнаго. Такъ, согласно ст. 7, 44, 49 и 50 основныхъ госуд. законовъ, Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой; никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы; законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ этимъ положеніямъ основныхъ законовъ; до обнародованія же ихъ въ указанномъ порядкѣ правительствующимъ сенатомъ, они не приводятся въ дѣйствіе.

Итакъ, безъ Государственной Думы, безъ нижней палаты нѣтъ закона. Если *положительная* роль нижней палаты въ законодательствѣ представляется намъ еще неясной въ виду конкуренціи Государственнаго Совѣта и монарха, то *отрицательное* ея участіе,—и участіе властное,—устанавливается самое несомнѣнное; юридическое ограниченіе абсолютизма—на лицо; мы вступаемъ въ конституціонную эру. Но присмотримся ближе къ нашей «конституціи».

Въ Высочайшемъ манифестѣ 20 февраля мы наталкиваемся на первое и весьма существенное «но». *Но во время прекращенія занятія Государственной Думы*, гласитъ манифестъ, если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, *совѣтъ министровъ представляетъ о ней намъ непосредственно*. Мѣра эта однако не можетъ вносить измѣненій ни въ основные государственные законы, ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, но въ постановленіяхъ о выборахъ въ Совѣтъ и въ Думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или управляющимъ отдѣльной частью не будетъ внесено въ Госуд. Думу *втеченіе двухъ мѣсяцевъ* послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ или его не примутъ Государ. Дума или Государ. Совѣтъ.

Это положеніе останавливаетъ наше вниманіе. Мы наталкиваемся на самое грубое нарушеніе только-что провозглашеннаго принципа: «безъ Думы — нѣтъ закона». Норма эта, очевидно, заимствована изъ прусской или австрійской конституціи (см. ст. 63 первой и § 14 второй), но мы должны отдать справедливость нашимъ законодателямъ, сумѣвшимъ превзойти прусскихъ и австрійскихъ реакціонеровъ.

Если и въ Пруссіи, и въ Австріи соотвѣтствующія статьи конституціи являются худшими пережитками абсолютизма, внесенными подъ сильнѣйшимъ давленіемъ контръ-революціи въ писанныя хартіи, то въ нашей «конституціи» дѣло обстоитъ еще печальнѣй.

Ст. 63 прусской конституціи говоритъ объ изданіи распоряженій, «*не противорѣчащихъ* конституціи, *подъ отвѣтственностью всего министерства*»; конечно, при чисто-номинальной отвѣтственности министерства въ Пруссіи, эти ограниченія большого значенія не имѣютъ, но характерно, что

[1]) Напр., ст. 1 и 31 „Учрежд. Госуд. Думы“ 20

у насъ предпочли одно изъ нихъ вовсе опустить, другое — сильнѣшимъ образомъ ослабить. Австрійскій § 14 также говоритъ о коллективной отвѣтственности всего министерства; кромѣ того, чрезвычайныя законоположенія не должны заключать въ себѣ «измѣненій въ основныхъ законахъ, *долговременнаго обремененія государственной казны или отчужденія государственныхъ имуществъ*». И если, тѣмъ не менѣе, въ Пруссіи, благодаря 63 ст., уже въ 1850 году распоряженіями короны были введены ограниченія установленной конституціей свободы печати, были установлены внѣпарламентскимъ путемъ новые налоги и заключены займы; если въ Австріи корона до самаго послѣдняго времени систематически пользовалась въ теченіе годовъ и десятилѣтій параграфомъ 14-мъ для внѣпарламентскаго законодательства, то какое еще болѣе широкое поприще открывается для «чрезвычайныхъ законодательныхъ мѣръ» у насъ въ Россіи, гдѣ «конституція» является въ этомъ отношеніи даже болѣе «либеральной», чѣмъ австрійская и прусская? «Чрезвычайныя обстоятельства», о которыхъ говоритъ манифестъ, намъ слишкомъ хорошо знакомы изъ прошлой практики самодержавнаго правительства. Развѣ усиленная и чрезвычайная охраны не должны были вводиться лишь въ силу «чрезвычайныхъ обстоятельствъ», и развѣ послѣднее ограниченіе помѣшало тому, чтобы охранное положеніе стало изъ исключительнаго закона—закономъ, общимъ для всей страны, изъ чисто-временныхъ правилъ, дѣйствіе которыхъ въ каждой мѣстности устанавливалось на годъ, — въ постоянную «декларацію правъ и обязанностей» обывателей въ тѣхъ многочисленныхъ россійскихъ городахъ, гдѣ это положеніе дѣйствуетъ безпрерывно въ теченіе десятилѣтій, чуть ли не съ самаго обнародованія ихъ?

Здѣсь слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что по 63 ст. прус. конст. такія распоряженія должны быть предложены палатамъ на утвержденіе *въ ближайшую сессію*; а согласно нашей конституціи, они дѣйствуютъ еще въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и послѣ начала сессіи. Зачѣмъ понадобился этотъ двухмѣсячный срокъ? Отвѣтъ мы найдемъ въ статьяхъ 3 и 4 Учрежд. Гос. Думы 2 февр.

Государственная Дума можетъ быть, до истеченія пятилѣтняго срока полномочій ея членовъ, распущена указомъ Императорскаго Величества. Тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы въ Думу и время ея созыва.

Продолжительность ежегодныхъ занятій Государственной Думы и сроки ихъ перерыва въ теченіе года опредѣляются указами Императорскаго Величества.

Мы видимъ, что «время прекращенія занятій Госуд. Думы» совершенно не зависитъ отъ нея самой. Въ любой моментъ, когда это угодно будетъ коронѣ, Дума можетъ быть распущена, или занятія ея—прерваны, притомъ на совершенно неопредѣленный срокъ. Въ результатѣ, «время занятій Думы» можетъ быть установлено самое краткое, даже менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца (единственное ограниченіе, юридически обязательное для монарха, заключается въ *ежегодныхъ* занятіяхъ Думы); остальные 10 мѣсяцевъ въ году — будутъ «временемъ прекращенія занятій Думы», въ теченіе котораго — въ полномъ ходу законодательная машина стараго режима; «чрезвычайныя» обстоятельства всегда легко подыскать, а дѣйствіе этихъ «чрезвычайныхъ» внѣпарламентскихъ мѣръ будетъ продолжаться и во время краткаго двухмѣсячнаго періода засѣданій Думы.

При извѣстной смѣтливости и сноровкѣ, которыхъ, надо надѣяться, не будутъ лишены слуги короны, Дума всегда можетъ быть т. о. превращена, на вполнѣ конституціонномъ основаніи, въ чистѣйшую декорацію, украшающую порядки самаго неподдѣльнаго абсолютизма. «Какъ солнце въ малой каплѣ воды», въ этихъ нормахъ отражается весь характеръ законодательства послѣдняго времени: его «конституціонное» лицемѣріе и абсолютистское внутреннее содержаніе.

Любопытно, что совѣщаніе графа Сольскаго, обсуждавшее Учрежд. Госуд. Думы 20 февр., считало необходимымъ ввести въ него оговорку, что въ случаѣ досрочнаго распущенія Думы, она созывается въ новомъ составѣ втеченіе *шести* мѣсяцевъ со дня ея распущенія. Такую оговорку ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ считать особенно либеральной, по сравненію съ западно-европейскими конституціонными монархіями, признающими за короной право распущенія палатъ. Почти вездѣ въ такихъ случаяхъ устанавливается гораздо меньшій срокъ для созыва новыхъ палатъ. Такъ, въ Бельгіи, Голландіи, Даніи и т. д., онъ не можетъ превосходить двухъ мѣсяцевъ, въ Германской имперіи — 90 дней (перерывъ засѣданій рейхстага не можетъ быть сдѣланъ болѣе чѣмъ на 30 дней; болѣе одного раза въ сессію онъ не долженъ повторяться), въ Венгріи, Испаніи, Португаліи, Швеціи—3 мѣсяцевъ, въ Италіи—4 мѣсяцевъ, и *шесть* мѣсяцевъ мы можемъ найти развѣ только въ наполеоновскихъ конституціяхъ *). И тѣмъ не менѣе, при окончальной редакціи Учрежд. Государ. Думы, и эта оговорка о шестимѣсячномъ срокѣ пропала, абсолютная монархія сознательно не пожелала связать себѣ рукъ и упустить такое превосходное оружіе для борьбы съ народнымъ представительствомъ, какъ право распущенія палатъ; мало того, эти «спасительныя» нормы (какъ и нормы о чрезвычайномъ законодательствѣ) были повторены и въ осн. госуд. зак. (ст. 15, 56, 57, 63).

Такъ, конституціонное творчество нашихъ законодателей подошло въ концѣ-концовъ вплотную къ знаменитому отвѣту французскаго короля 16 в., въ которомъ онъ объявлялъ генеральнымъ штатамъ о своемъ правѣ «отсылать по домамъ депутатовъ, когда благоугодно будетъ ему, королю, верховному судьѣ надъ ихъ ходатайствами и жалобами». Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи всякихъ ограниченій для монарха, какъ это узаконено нашей «конституціей», мы, въ сущности говоря, имѣемъ дѣло ужъ не съ конституціоннымъ принципомъ «распущенія», а съ вполнѣ абсолютистскимъ принципомъ «разгона». И въ данныхъ соціально-политическихъ условіяхъ иначе и быть не могло. Необходимо обладать необычайнымъ либеральнымъ утопизмомъ и соціально-юридическимъ невѣжествомъ «освобожденцевъ», чтобы, по ихъ примѣру, вести среди русскаго «общества» усиленную пропаганду права монарха распускать палаты. Если конституціоналисты-демократы такъ сильно выражаютъ теперь свое неудовольствіе по поводу ст. 3 и 4 Учр. Госуд. Думы, то пусть они вспомнятъ, какъ они сами въ своемъ «проектѣ основного закона» установили позорную 32 статью, по которой «Императоръ созываетъ Государственную Думу и закрываетъ ея сессіи. Онъ можетъ распустить палату представи-

*) См., напр., Constitution du 14 janvier 1852, titre V art. 46.

телей съ тѣмъ, чтобы выборы были произведены въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, и палата въ новомъ составѣ была созвана не позднѣе, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ со дня распущенія» *).

Мы нисколько не преувеличиваемъ опасности, создаваемой подобными нормами для *россійскаго* конституціонализма. Финляндцы, несмотря на то, что находятся въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, хорошо знакомы съ ней, благодаря опыту прошлаго, и какъ видно изъ недавно опубликованнаго новаго проекта устава сейма, финляндская буржуазная интеллигенція возвращается теперь въ этомъ пунктѣ къ лучшимъ традиціямъ великой французской революціи.

Во Франціи уже монархическая конституція 1791 года (національнаго собранія) предоставила вопросы о перерывѣ занятій народнаго представительства на автономное рѣшеніе самого же законодательнаго собранія; ст. 1 и 5 гл. I отд. III гласятъ, что законодательное собраніе—учрежденіе постоянное, перманентное, что оно не можетъ быть распущено королемъ.

Мы можемъ также привести мнѣніе одного изъ новѣйшихъ теоретиковъ государственнаго права, который указываетъ, что «въ рукахъ абсолютнаго монарха, ведущаго борьбу съ народнымъ представительствомъ—право распущенія явится боевымъ оружіемъ; въ рукахъ суверена, связаннаго конституціей, которую удалось вырвать у него народному движенію,—это право является превосходнымъ средствомъ для «разгона» упрямыхъ депутатовъ, для освобожденія отъ ихъ контроля».

«Онъ разсчитываетъ добиться болѣе послушнаго собранія, когда вниманіе политическихъ партій будетъ ослаблено, когда ему удастся оказать энергичное давленіе на избирателей. Многочисленныя распущенія этого рода происходили въ Испаніи, Португаліи, Даніи и т. д.... Яковъ II (въ Англіи) прибѣгалъ къ этому средству, чтобы сдѣлать совершенно иллюзорными права общинъ, чтобы править самому страной при помощи чиновничества и арміи. Даже монархи, добровольно (?) даровавшіе своимъ народамъ представительныя учрежденія и не встрѣчавшіе въ депутатахъ достаточно послушныхъ исполнителей своихъ желаній, пользовались своей прерогативой для образованія болѣе сговорчивой палаты. Многочисленныя распущенія германскаго рейхстага не преслѣдовали никакой иной задачи, кромѣ ясно-выраженнаго желанія добиться отъ народа большинства, готоваго одобрить планы имперскаго канцлера»...

Мы видимъ, на какихъ прочныхъ основахъ покоится нашъ «конституціонализмъ»: на «чрезвычайномъ» внѣпарламентскомъ законодательствѣ монарха и на его же неограниченномъ и безконтрольномъ правѣ распускать Думу и прерывать ея занятія.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ бюджетнымъ правомъ Думы, этимъ, по выраженію Іеллинека, «исходнымъ пунктомъ и политическимъ центромъ тяжести парламентскихъ правъ». Въ ст. 31 Учрежд. Госуд. Думы 20 февр. мы читаемъ, что вѣдѣнію Думы подлежатъ, между прочимъ, государственная роспись доходовъ и расходовъ вмѣстѣ съ финансовыми смѣтами министерствъ и главныхъ управленій, равно какъ денежныя изъ

*) Сборникъ: «Конституціонное государство», ПБ. 1905, стр. 348.

казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя, на основаніи установленныхъ правилъ. На первый взглядъ, здѣсь какъ будто полное признаніе власти Думы во всѣхъ бюджетно-финансовыхъ вопросахъ, хотя двухсмысленная редакція статьи, цѣликомъ заимствованная изъ Булыгинскаго Учрежд. Госуд. Думы, и ссылка на «установленныя правила»—уже наводятъ насъ на не совсѣмъ веселыя размышленія. Но всю прелесть и пикантность нашего «бюджетнаго права» мы познаемъ только по ознакомленіи съ этими «установленными правилами», т.-е. съ прав. 8 марта о порядкѣ разсмотрѣнія росписей и съ Высоч. указ. 18 марта о предметахъ вѣдѣнія комитета финансовъ. *Цѣлый рядъ важнѣйшихъ кредитовъ оказывается совершенно изъятымъ изъ вѣдѣнія Думы.* Кредиты на расходы министва императорскаго двора и подвѣдомственныхъ ему учрежденій, собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и канцеляріи Е. И. В. для принятія прошеній, кредиты на расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, на экстренныя въ теченіе года надобности,— всѣ эти кредиты не подлежатъ обсужденію Думы, если они испрашиваются въ суммахъ, не превышающихъ ассигнованій послѣдней росписи (за 1906 г.). Равнымъ образомъ не подлежатъ обсужденію Думы такія измѣненія кредитовъ, которыя обусловливаются нормами Учрежденія объ императорской фамиліи, соотвѣтственно происшедшимъ въ ней перемѣнамъ. А Учрежденіе объ императорской фамиліи, входящее, какъ составная часть, въ основныя государств. законы, весьма предусмотрительно на счетъ этихъ самыхъ семейныхъ «перемѣнъ».

Такъ, мы находимъ въ немъ — на случай выхода замужъ Великихъ Княженъ Императорской крови, дочерей и внукъ Императора, кредитъ на приданое для нихъ въ размѣрѣ 1 милліона рублей для каждой; на содержаніе супруги наслѣдника—50.000 р., вдовѣ его—100.000 р., кромѣ средствъ, необходимыхъ для содержанія ея двора; дѣтямъ наслѣдника до ихъ совершеннолѣтія—по 20.000 р. и т. д. Всѣ эти кредиты должны утверждаться Думой, «соотвѣтственно происшедшимъ перемѣнамъ»—безпрекословно, безъ обсужденія, чисто-автоматическимъ манеромъ. Далѣе, не подлежатъ сокращенію назначенія на платежи по всѣмъ долгамъ, взятымъ на себя самодержавнымъ правительствомъ, слѣдоват., и по послѣднему займу, заключенному съ спеціальной цѣлью раздобыть денегъ для борьбы съ народнымъ представительствомъ. И характерно, что эта (16-ая) ст. правилъ 8 марта успѣла уже оказать сильнѣйшее «воздѣйствіе» на нѣкоего парламентскаго кретина изъ кадетской партіи, заявившаго въ передовой статьѣ въ «Рѣчи», что Государств. Думѣ придется считаться съ послѣднимъ займомъ, какъ съ совершившимся фактомъ... Но все это еще только цвѣточки нашего бюджетнаго права; «ягодкой» является ст. 10, устанавливающая самымъ категорическимъ образомъ, что при обсужденіи проекта росписи Дума не имѣетъ права исключать или измѣнять такіе доходы или расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ. Такъ какъ, несомнѣнно, огромнѣйшая и существеннѣйшая часть нашего двухмилліарднаго бюджета основывается на всякаго рода законахъ, положеніяхъ, штатахъ и т. д., такъ какъ и будущемъ спасительный источ-

никъ Высоч. повелѣній, издаваемыхъ въ порядкѣ верховнаго управленія, отнюдь не изсякнетъ (см. объ этомъ ниже),—то, въ результатѣ, Дума совершенно лишается всякой легальной возможности при обсужденіи бюджета что-либо въ немъ измѣнить, исключить, дополнить и т. д. Для такого рода дѣйствій указывается обыкновенный законодательный порядокъ (одобреніе Думой, Государств. Совѣтомъ и монархомъ), т.-е. предварительно должны быть измѣнены всѣ тѣ законы, расписанія, штаты и т. д., на которыхъ основаны бюджетныя ставки. Продѣлать все это въ тотъ незначительный промежутокъ времени (2 мѣсяца, съ 1 октября по 1 декабря),—который предусмотрительно установленъ для обсужденія росписи тѣми же Правилами 8 марта,—совершенно невозможно, въ особенности, если одно изготовленіе законопроекта, составляющагося по ходатайству Думы, можетъ быть затянуто министерствомъ на цѣлые годы (см. объ этомъ ниже). Смыслъ ст. 10 становится т. о. совершенно яснымъ; она превращаетъ все обсужденіе бюджета въ Думѣ въ совершенно безрезультатное дѣло, въ смыслѣ измѣненія росписи; она обезпечиваетъ полную неприкосновенность и нерушимость—при вотированіи росписи—всей финансовой политики самодержавія, ужасной налоговой системы и не менѣе ужасной системы расходованія народныхъ денегъ, характерныхъ для стараго режима. Говорятъ, что эти нормы внесены въ нашу «конституцію» по примѣру классической страны народнаго представительства—Англіи,—гдѣ, дескать, бюджетъ также состоитъ изъ двухъ частей: *постоянной*, основанной на постоянныхъ законахъ и не нуждающейся въ періодическомъ утвержденіи нижней палатой при обсужденіи бюджета, и *временной*, которая собственно и составляетъ предметъ бюджетнаго обсужденія. Но такая аналогія, конечно, совершенно софистична. Въ Англіи дѣйствуетъ и другой правовой принципъ, по которому «всѣ налоги назначаются статутами, и никого нельзя заставить заплатить въ видѣ налога хотя бы одинъ шиллингъ, если судьямъ не будетъ удовлетворительно доказано, что онъ требуется согласно съ парламентскимъ актомъ... и точно также, ни одинъ пенни изъ государственнаго дохода не можетъ быть израсходованъ безъ разрѣшенія, даннаго какимъ-либо парламентскимъ актомъ» (Дайси). Въ Англіи, слѣдоват., и постоянная часть бюджета основана на *парламентскомъ* утвержденіи; у насъ же т. н. постоянная часть, или вѣрнѣе говоря, почти весь нашъ бюджетъ, основанъ на «законодательствѣ» самодержавнаго правительства.

Въ этой самой Англіи, на которую ссылаются, наемные лакеи русскаго правительства (см. «Русское Государство»), стали переходить къ постояннымъ фондамъ лишь въ 18 вѣкѣ, когда власть народнаго представительства—послѣ долгой и упорной борьбы съ абсолютизмомъ, которая велась также и на основѣ бюджетнаго права парламента,—уже была упрочена самымъ солиднымъ образомъ, когда все финансовое хозяйство страны было совершенно преобразовано согласно требованіямъ классоваго парламента; до этого же времени, англійскій парламентъ отнюдь не сужалъ, а, наоборотъ, всячески расширялъ свое непосредственно-бюджетное вмѣшательство въ государственные финансы. Характерно, что въ Англіи даже теперь такіе расходы, какъ на армію и флотъ, подлежатъ періодическому одобренію парламента, и изъ общей суммы еже-

годныхъ расходовъ въ 70 милл. ф. ст. все еще около 40 милліоновъ одобряются лишь при самомъ вотированіи бюджета. Ясное дѣло, что у насъ, при всѣхъ прочихъ прелестяхъ нашей иллюзорной конституціи, ст. 10 Правилъ 8 марта означаетъ ничто иное, какъ полное лишеніе народнаго представительства его исконнаго оружія въ борьбѣ съ абсолютизмомъ, его цѣлесообразнѣйшаго орудія для радикальнаго преобразованія финансовой системы, — а вѣдь это преобразованіе является настоятельной экономической необходимостью, отъ котораго зависитъ развитіе производительныхъ силъ страны! У насъ, при *дѣйствительномъ* конституціонализмѣ, возможно лишь бюджетное право, подобное современному французскому: *всѣ* доходы и расходы зависятъ отъ періодическаго (ежегоднаго) утвержденія бюджета палатой. Когда французская революція устанавливала этотъ принципъ, она руководствовалась не однимъ только желаніемъ—вполнѣ, конечно, законнымъ — сохранить въ своихъ рукахъ «центръ тяжести» парламентскихъ правъ и власти; по справедливому замѣчанію Іеллинека (Gesetzu. Budget), и во Франціи это было продиктовано ужаснымъ состояніемъ государственныхъ финансовъ, унаслѣдованныхъ революціей отъ стараго режима. Что любопытнѣе всего,—и во Франціи абсолютная монархія въ лицѣ Неккера защищала при открытіи генеральныхъ штатовъ ту же точку зрѣнія, что и наши Правила 8 марта. Обращаясь къ штатамъ, Неккеръ говорилъ: «Доходы и расходы вовсе не относятся къ какому-либо отдѣльному году; они остаются тѣми же самыми пока они не измѣнены новыми постановленіями. Король будетъ взимать ту же сумму налоговъ, пока законы, устанавливающіе эти налоги, не будутъ отмѣнены»... (Seidle). Извѣстно, какая судьба постигла короля, Неккера, и ихъ «неизмѣнные» налоги...

Но вернемся къ правиламъ 8 марта. Обезпечивъ неприкосновенность двухмилліарднаго бюджета стараго режима, старой податной системы и прежнихъ огромныхъ расходовъ на дворъ, на войско, на чиновничество, на жандармерію и полицію *), на субсидіи паразитамъ-дворянамъ и промышленникамъ и т. д., наша «конституція» закрѣпляетъ достигнутые ею успѣхи цѣлымъ рядомъ новыхъ нормъ аналогичнаго же характера. Въ случаѣ неустранимаго разногласія между Думой и Госуд. Совѣтомъ (оплотомъ реакціи), вызвавшій разногласіе кредитъ вносится въ роспись въ размѣрѣ послѣдней росписи (т.-е. 1906 года). Если государственная роспись не будетъ утверждена къ налогу смѣтнаго года, то остается въ силѣ послѣдняя утвержденная роспись. Послѣдная статья, очевидно, предназначается спеціально для будущихъ обструкціонистовъ въ Думѣ... Но всего этого оказывается мало. Если путемъ внѣпарламентскаго «чрезвычайнаго» законодательства можно такъ удачно уничтожить основной конституціонный принципъ—мы объ этомъ говорили выше,—то почему бы не продѣлать того же и съ бюджетнымъ правомъ Думы: «овчинка»,

*) Ужъ послѣ открытія Думы опубликовано три „постоянныхъ“ закона, увеличивающихъ полицейскіе штаты и оклады и предоставляющихъ правящей группѣ на этотъ предметъ до 5 милліоновъ изъ народныхъ денегъ. Только страстной любовью къ полиціи можно объяснить эту непонятную поспѣшность законодателей, ибо кто и что можетъ помѣшать имъ законодательствовать въ томъ же духѣ и впредь, не опереточное же бюджетное право Думы?

несомнѣнно, «стоитъ выдѣлки». И вотъ вводится цѣлый рядъ статей о «чрезвычайныхъ» и «неотложныхъ» ассигнованіяхъ. Здѣсь «конституціонное» творчество властвующей группы достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, и комментировать эти статьи намъ нѣтъ надобности: достаточно изложить ихъ. Когда вслѣдствіе неутвержденія къ сроку росписи, остается въ силѣ прежняя, то впредь до обнародованія новой, совѣтъ министровъ, своей собственной властью открываетъ въ распоряженіе отдѣльныхъ министерствъ кредиты, соотвѣтственно потребностямъ, не превышающіе въ мѣсяцъ $^1/_{12}$ общей суммы расходовъ росписи.

И точно также, совѣтъ министровъ открываетъ кредиты на неотложные расходы, на которые, *по краткости времени*, нельзя испросить утвержденія въ законод. порядкѣ, (т.-е. черезъ Думу). Въ этихъ случаяхъ министры должны вносить затѣмъ въ Думу представленія въ оправданіе расходовъ; но торопиться имъ нечего: они должны это сдѣлать, *по возможности*, во время сессіи, а то—въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ новой сессіи, причемъ «допускаются изъятія лишь въ отношеніи кредитовъ, требующихъ тайны, *о коихъ представленія вносятся въ Думу по миновании необходимости въ сохраненіи тайны*». Послѣдняя норма является, несомнѣнно, шедевромъ нашей «конституціи», и остается удивляться лишь тому, почему аналогичное положеніе не введено также относительно законовъ; извѣстно, что у насъ всегда имѣлись тайные, не подлежавшіе опубликованію законы и Высоч. повелѣнія, содержаніе которыхъ было извѣстно однимъ лишь министрамъ или придворнымъ; неужели въ будущемъ мы ихъ вовсе лишимся? — Относительно военныхъ расходовъ мы имѣемъ въ нашей «конституціи» особое правило, которое является достойнымъ завершеніемъ правилъ 8 марта:

ст. 17. *Чрезвычайные сверхсмѣтные кредиты на потребности военнаго времени и на особыя приготовленія, предшествующія войнѣ, открываются по всѣмъ вѣдомствамъ порядкомъ, установленнымъ Высочайше утвержденными 26-го февраля 1890 года правилами*, другими словами, внѣ всякаго вмѣшательства Думы, совершенно такимъ же образомъ, какъ это дѣлалось хотя бы во время приготовленій къ позорной русско-японской войнѣ и во время веденія ея...

Мы должны еще коснуться вопроса о заключеніи займовъ. Какъ извѣстно, Булыгинская «конституція» не успѣла дать намъ въ этомъ вопросѣ чего-либо цѣльнаго и законченнаго. Но изъ соотвѣтственной меморіи совѣта министровъ видно, что ужъ тогда были установлены основные принципы. Во-первыхъ, было признано, что «разсмотрѣніе займовъ въ отношеніи порядка и условій ихъ совершенія, по самой сущности кредитныхъ операцій, не можетъ быть возлагаемо на выборное многолюдное собраніе». Во-вторыхъ, «финансовыя мѣры, именуемыя чрезвычайными, когда онѣ относятся къ области дѣйствій распорядительнаго, а не законодательнаго характера, не могутъ войти... въ компетенцію Думы». Наконецъ, въ третьихъ, «при случаяхъ включенія займовъ въ роспись (напримѣръ, при сведеніи ея съ дефицитомъ), Дума, при разсмотрѣніи послѣдней, будемъ имѣть случай высказаться по существу этого предмета» *). Эти основные принципы, которые Булыгину,

*) Всѣ цитаты изъ «Матеріаловъ по учрежденію Госуд. Думы», 1905, стр. 15—16.

благодаря октябрьскимъ событіямъ, не удалось развить въ систему нормъ, въ сущности означаютъ почти полное устраненіе Думы отъ всѣхъ «чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ», въ томъ числѣ и займовъ. Дѣло въ томъ, что въ наши росписи большая часть займовъ, какъ таковыхъ, не включается, заключеніе ихъ въ большинствѣ случаевъ вовсе не связано съ бюджетнымъ годомъ, а наличные остатки отъ заключенныхъ займовъ фигурируютъ обыкновенно въ росписяхъ уже подъ другими названіями. Слѣдовательно, всѣ такіе займы, которые не включены въ роспись — (а ихъ большинство),—совершенно не подлежатъ обсужденію Думы; относительно же тѣхъ немногихъ, которые окажутся въ роспись включенными, Дума можетъ «высказываться» лишь по существу, не касаясь столь важной, въ дѣлѣ займовъ «техники», т.-е. «условій и порядка» ихъ заключенія. И ничто, м. б., въ послѣ-октябрьской «конституціи» не доказываетъ такъ ярко ея сродство съ Булыгинской, какъ то обстоятельство, что всѣ указанные нами выше «принципы» чуть ли не дословно проведены и въ новѣйшемъ Высоч. указѣ 18 марта, предоставляющемъ Думѣ право «*въ предѣлахъ правилъ 8 марта обсуждать* дѣла о покрытіи смѣтныхъ или сверхсмѣтныхъ расходовъ обыкновенными поступленіями или изъ чрезвычайныхъ источниковъ, въ частности, изъ государственныхъ займовъ». При этомъ, обсужденіе въ Думѣ можетъ быть лишь по существу, а такіе важные вопросы, какъ вопросы о времени производствъ операціи, рынкѣ, характерѣ займа, размѣрѣ роста, эмиссіоной цѣнѣ, способахъ реализаціи, совершенно изъяты изъ вѣдѣнія Думы, и наряду съ вопросами о выкупѣ, конверсіи, консолидаціи займовъ, наряду съ вопросами денежнаго обращенія и кредитной политики (разсмотрѣніе отчетовъ государст. банка, государст. сберегат. кассъ, крестьянскаго и дворянскаго поземельнаго банковъ и т. д.)—переданы въ вѣдѣніе комитета финансовъ, состоящаго изъ испытанныхъ чиновниковъ (во главѣ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ) и дѣйствующаго у насъ въ вполнѣ опредѣленномъ «направленіи» чуть ли не сначала прошлаго вѣка (1806 г.). Даже аргументація—остается Булыгинская: «невозможность обсужденія въ многолюдномъ, выборномъ собраніи» *). Аргументація, конечно, совершенно вздорная, но далеко не вздорнымъ является тотъ фактъ, что заключеніе займовъ на такихъ ростовщичьихъ условіяхъ, какъ, наприм., условія послѣдняго займа (1906 г.), вполнѣ возможно и въ будущемъ, и въ «конституціонной» Россіи. Далеко не вздорнымъ является, конечно, и то *ограниченіе* думской компетенціи въ обсужденіи займовъ хотя бы только по ихъ существу, то ограниченіе, которое выражаетъ словами: «въ предѣлахъ правилъ 8 марта». Мы уже разобрали выше эти правила, и видѣли, какой просторъ они даютъ «неотложнымъ» и «чрезвычайнымъ» ассигнованіямъ, расходуемымъ, безъ согласія Думы; о многихъ изъ нихъ она можетъ быть не освѣдомлена даже по истеченіи весьма продолжительнаго срока, ибо расходы властвующей въ Россіи соціальной группы могутъ быть разные, могутъ быть и такіе, для которыхъ «необходимость въ сохраненіи тайны» никогда не «минуетъ». Всѣ займы, которые будутъ заключаться при подобныхъ внѣпарламентскихъ ассигнованіяхъ, не под-

*) См. Русское Государство, № 99, оффиц. передовая.

лежатъ т. о. даже принципіальному обсужденію въ Думѣ.—Мы пришли къ концу бюджетнаго права Думы, и любопытно въ заключеніе сравнить эти запутанныя нормы,—спеціальной цѣлью которыхъ является прикрыть парой конституціонныхъ фразъ безконтрольное распоряженіе народными деньгами стараго режима, — съ ясными и категорическими постановленіями, наприм., германской конституціи: «Въ случаяхъ чрезвычайной необходимости путемъ имперскаго законодательства (т.-е. съ одобренія рейхстага) можетъ быть разрѣшено заключеніе займа или установленіе гарантіи». Во всякой дѣйствительной конституціи бюджетное право народнаго представительства является совершенно опредѣленной величиной, реальнымъ правомъ, энергичное пользованіе которымъ расширяетъ фактическую власть парламентовъ далеко за предѣлы юридическихъ нормъ. Въ нашей же, съ позволенія сказать, «конституціи»—бюджетное право Думы носитъ чисто-опереточный характеръ. Впрочемъ, даже въ современныхъ оперетках «богатыя невѣсты» начинаютъ отказываться отъ чести «быть мѣшками при мужѣ» и убѣдительно просятъ претендентовъ «уволить ихъ отъ нѣжностей» и «дозволить имъ быть свободными»...

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ правъ *законодательнаго* учрежденія, въ отличіе отъ *законо-совѣщательнаго*, является его право законодательной иниціативы. Во всѣхъ современныхъ конституціонныхъ государствахъ Запада парламентская законодательная иниціатива является однимъ изъ самыхъ прочныхъ завоеваній народнаго представительства; «безумный» годъ покончилъ навсегда съ посягательствами абсолютизма въ этой области. Правда, въ законодательной *практикѣ* современныхъ парламентовъ иниціатива народныхъ представителей играетъ сравнительно не особенно крупную роль, и изготовленіе законопроектовъ, въ особенности, въ странахъ съ парламентарными конституціями, все болѣе и болѣе становится почти монополіей министерствъ. Но принципіальное ея значеніе, тѣмъ не менѣе, остается огромнымъ; оно цѣнится, какъ боевое оружіе, которое, за временной ненадобностью, почти сдано въ архивъ, но которое въ каждый моментъ можетъ быть извлечено оттуда — для борьбы съ правительствомъ реакціи и застоя. Кромѣ того, огромно также агитаціонно-пропагандистское значеніе парламентской законодательной иниціативы. Часто законопроектъ вносится той или иной фракціей, хотя послѣдняя и увѣрена въ отрицательномъ пріемѣ, который онъ встрѣтитъ у парламентскаго большинства; но при посредствѣ своего законопроекта, фракція вовсе и не думаетъ разговаривать съ депутатами, а черезъ головы депутатовъ — съ самимъ народомъ. Главнымъ образомъ, съ этими именно цѣлями былъ, напримѣръ, внесенъ германской соціалъ-демократіей въ сессію 1904—1905 года законопроектъ объ организаціи имперскаго и мѣстныхъ управленій (Amt) труда и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій, необходимыхъ для дѣйствительнаго проведенія въ жизнь и дальнѣйшаго развитія соціально-политическаго законодательства. И въ отчетѣ с. д. парламентской фракціи мы читаемъ, что при внесеніи законопроекта «не было никакой надежды, чтобы онъ, дѣйствительно, былъ разсмотрѣнъ рейхстагомъ»; тѣмъ не менѣе «наши ораторы сумѣли ярко изложить исторію законопроекта, изъ которой видно, что это требованіе

было предъявлено нами болѣе 20 лѣтъ тому назадъ и что темпъ развитія нашего соціально-политическаго законодательства» является въ высшей степени вялымъ... Цѣли пропаганды и агитаціи были т. о. достигнуты, но германской соціалъ-демократіи удалось также добиться отъ буржуазнаго большинства—передачи законопроекта «къ вниманію правительства», чѣмъ было оказано извѣстное давленіе на министерство, совершенно забросившее въ послѣдніе годы рабочее законодательство.

Если, какъ мы видимъ, законодательная инициатива народнаго представительства имѣетъ такое важное значеніе на Западѣ, то у насъ при сколько-нибудь реальномъ конституціонализмѣ она должна была бы теперь получить еще болѣе крупное. У насъ, вѣдь, рѣчь идетъ объ обширнѣйшихъ законодательныхъ преобразованіяхъ, которыя настоятельно диктуются революціей! Должно быть, въ силу этихъ самыхъ соображеній, наша современная «конституція» расправляется съ законодательной инициативой Думы не менѣе жестоко, чѣмъ съ законодательной властью ея вообще или съ бюджетнымъ правомъ. Какъ извѣстно, Булыгинское Учрежд. Госуд. Думы 6 авг. придерживались такого же образа дѣйствій, нисколько не скрывая его,—что и было вполнѣ логично, разъ рѣчь шла объ организаціи совѣщательнаго «предстательства». Но характерно, что законодательная инициатива новой Думы *почти нигдѣ* не отличается отъ инициативы Булыгинской Думы, другими словами, новое учрежденіе 20 февраля такъ же лишаетъ народное представительство права законодательной инициативы, какъ и старое 6 августа, замѣняя его маргариновымъ суррогатомъ «возбужденія ходатайствъ объ измѣненіи существующихъ и изданіи новыхъ законовъ». Принципіальная статья новаго Учрежд. Госуд., гласящая, что Государственная Дума можетъ *возбуждать предположенія* объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданій новыхъ законовъ, *за исключеніемъ основныхъ государственныхъ законовъ*, даже по своему стилю является повтореніемъ булыгинскихъ нормъ.[1]) На практикѣ это право «инициативы» Думы обставлено слѣдующимъ образомъ:

Объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданія новаго закона члены Государственной Думы подаютъ письменное заявленіе ея предсѣдателю. Къ заявленію долженъ быть приложенъ *проектъ основныхъ положеній* предлагаемаго измѣненія въ законѣ или новаго закона, *съ объяснительною къ проекту запискою. Если заявленіе это подписано не менѣе чѣмъ тридцатью членами,* то предсѣдатель вноситъ его на разсмотрѣніе Думы. О днѣ слушанія въ Государственной Думѣ заявленія извѣщаются министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, къ предметамъ вѣдомства которыхъ заявленіе относится, съ сообщеніемъ имъ копіи съ заявленія и относящихся къ нему приложеній, *не позднѣе, какъ за мѣсяцъ до дня слушанія.* Если Государственная Дума раздѣляетъ изложенныя въ заявленіи *соображенія, то соотвѣтствующій законопроектъ вырабатывается и вносится въ Думу подлежащимъ министромъ, либо главноуправляющимъ отдѣльною частью. Въ случаѣ отказа министра или главноуправляющаго отъ составленія такого законопроекта. Думою можетъ быть образована для его выработки коммиссія изъ своей среды.*

---

[1]) Сравни напр., ст. 64 *прусской* «конституціи»: «Королю и *каждой палатѣ* принадлежитъ право *предлагать законы.*» Законопроекты отвергнутые палатой или королемъ, не могутъ быть вновь внесены въ теченіи той же сессіи. Относительно послѣдняго пункта, у насъ принципъ также совершенно не выдержанъ: законопроекты, предначертанные по новому Гос. Сов. или Гос. Думы и неудостоившіеся Высоч. утвержд., не могутъ быть внесены въ ту же сессію; если же они отклонены изъ одной изъ палатъ, то они снова могутъ быть внесены на законодат. разсмотрѣніе въ теченіе той же сессіи, если послѣдуетъ Высочайшее на то повелѣніе.» (См. Учрежд. Госуд. Думы 20 февраля).

Не менѣе, чѣмъ тридцать членовъ Думы должны подать заявленіе; не раньше, чѣмъ черезъ тридцать дней оно можетъ быть заслушано Думой; и когда послѣ этого окажется, что Дума «раздѣляетъ соображенія о желательности отмѣны или изданіи закона,» то законопроектъ все-таки изготовляется министромъ въ срокъ, какой ему будетъ угодно. Ясно, что зак. инициатива Думы отдана всецѣло на потокъ и разграбленіе гг. министрамъ, и лишь если они соблаговолятъ отказаться отъ *своего* права, Дума сама можетъ начать вырабатывать желательный для нея законопроектъ. Итакъ, намъ совершенно не приходится говорить о законод. иниц. Думы, а лишь о «ходатайствахъ» ея, которыя всегдамогутъ быть отложены любымъ министромъ въ долгій ящикъ.

Но характерно, что и это право ходатайствъ Думы ограничено; въ своихъ «соображеніяхъ» она совершенно не можетъ касаться «основныхъ государственныхъ законовъ». «Единственно по почину Государя Императора основные государственные законы подлежатъ пересмотру въ Госуд. Совѣтѣ и въ Госуд. Думѣ.» Ни въ одной изъ современныхъ западноевропейскихъ конституцій мы не найдемъ предоставленія права учредительной инициативы исключительно монарху; наоборотъ въ очень многихъ конституціонныхъ монархіяхъ, корона совершенно лишена ея, и учред. инициатива, въ отличіе отъ законодательной, представлена исключительно народному представительству. Понятно, чѣмъ вызвана эта норма. Современныя конституціи завоеваны народами, вырваны у монарховъ; въ нихъ подробно оговорены и утверждены права народовъ, ихъ побѣдоносныя требованія. Если многія изъ нихъ отнюдь не вылились изъ одного источника—народнаго суверенитета, если многія изъ нихъ ставятъ наряду съ властью народнаго представительства власть монарха, то все-таки всѣ онѣ, безъ исключеній, означаютъ побѣду—хотя бы и минимальную—народа надъ абсолютизмомъ. Предоставлять право предлагать пересмотръ конституціи,—этого договора, обозначающаго минимумъ народныхъ правъ,—злѣйшему врагу ихъ — монарху, — несомнѣнно, слишкомъ опасно и политически-неразумно. Не во всѣхъ конституціонныхъ монархіяхъ монархъ пользуется даже правомъ veto по вопросамъ учредительнаго характера (см. конституціи Норвегіи, Греціи).

У насъ, конечно, совершенно другое. У насъ основн. государств. законы 23 апрѣля гарантируютъ не права народа, а абсолютную власть монарха. У насъ вся «конституція» по существу своему чисто абсолютистская, лишь плохо замаскированная не совсѣмъ удачнымъ фразерствомъ.

У насъ вполнѣ логичнымъ является лишеніе Думы права «ходатайствъ» по учредительнымъ вопросамъ. Что наши основные госуд. законы 23 апрѣля носятъ именно такой характеръ, качественно совершенно не сходный съ «основами» западно-европейскихъ конституцій, въ этомъ теперь никто не можетъ сомнѣваться. Даже октябристы заявили объ этомъ во всеуслышаніе. Въ самомъ дѣлѣ, каково существенное содержаніе этихъ 82 статей, составляющихъ основн. госуд. законы 23 апрѣля? Глава первая посвящена «верховной самодержавной власти,» и мы узнаемъ изъ нея, что абсолютизмъ у насъ остается неизмѣннымъ.

„Императору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ."

„Особа Государя Императора священна и неприкосновенна."

„Государь Императоръ утверждаетъ законы и безъ Его утвержденія никакой законъ не можетъ имѣть своего совершенія."

„Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору въ предѣлахъ всего Государства Россійскаго."

„Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ, *въ соотвѣтствіи съ законами*, Указы для устройства и приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей государственнаго управленія, а равно повелѣнія, необходимыя для исполненія законовъ."

Если мы вспомнимъ, что особа Государя священна и неприкосновенна, и что за указы и повелѣнія, издаваемые въ порядкѣ верховнаго управленія и скрѣпляемые, согласно ст. 26, кѣмъ либо изъ министровъ,—эти самые министры «отвѣтствуютъ (лишь) передъ Государемъ Императоромъ» (ст. 81), то мы поймемъ, что требованіе отъ указовъ и повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія издаваемыхъ, «соотвѣтствія съ законами» является чисто-платоническимъ и не представляетъ собой никакой юридической гарантіи. Въ будущемъ насъ, слѣдоват., ожидаетъ дореформенное смѣшеніе законовъ и высоч. указовъ, и послѣдніе будутъ по-прежнему измѣнять, отмѣнять и дополнять т. н. «законы.» Вернемся однако къ дальнѣйшимъ правамъ монарха:

„Государь Императоръ есть Верховный Руководитель всѣхъ внѣшнихъ сношеній Россійскаго Государства съ иностранными державами. Имъ же опредѣляется направленіе международной политики Россійскаго Государства."

„Государь Императоръ объявляетъ войну и заключаетъ миръ, а равно договоры съ иностранными государствами.

„Государь Императоръ есть Державный Вождь россійской арміи и флота. Ему принадлежитъ верховное начальствованіе надъ всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами Россійскаго Государства. Онъ опредѣляетъ устройство арміи и флота и издаетъ указы и повелѣнія относительно: дислокаціи войскъ, приведенія ихъ на военное положеніе, обученія ихъ, прохожденія службы чинами арміи и флота и всего вообще относящагося до устройства вооруженныхъ силъ и обороны Россійскаго Государства.

Еще Лассаль говорилъ, что тотъ, кому повинуется войско и пушки, составляетъ часть конституціи. У насъ, «основные госуд. законы» обезпечиваютъ въ самомъ лучшемъ видѣ *монарху* безконтрольное распоряженіе и войскомъ, и флотомъ, и дипломатіей, и войной, и миромъ.

Далѣе,

«Государь Императоръ назначаетъ и увольняетъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министровъ и Главноуправляющихъ отдѣльными частями, а также прочихъ должностныхъ лицъ, если для послѣднихъ не установлено закономъ иного порядка назначенія и увольненія».

«Государь Императоръ объявляетъ мѣстности на военномъ или исключительномъ положеніи».

Эта послѣдняя статья лишаетъ, конечно, всякаго значенія вторую главу основн. госуд. законовъ, трактующую «о правахъ и обязанностяхъ россійскихъ подданныхъ» *); *декларацією правъ человѣка и гражданина у насъ*

*) Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности въ настоящей статьѣ охарактеризовать «конституціон.» свободы, дарованныя самодержавнымъ правительствомъ въ цѣломъ рядѣ законовъ о печати, вѣротерпимости, союзахъ и обществахъ, стачкахъ и т. д.

остается по прежнему военное и охранное положеніе, введеніе котораго въ странѣ всецѣло зависитъ отъ короны.

Мы вынуждены отослать къ самому тексту основн. госуд. закон. читателя, желающаго ознакомиться со всѣми другими не столь важными правами монарха, которыхъ наша «конституція» сумѣла насчитать еще въ весьма большомъ числѣ. Мы должны, кромѣ того, указать, что главнѣйшія и значительнѣйшія статьи третьей, четвертой и пятой главъ, въ сущности говоря, занимаются тѣмъ же дѣломъ установленія и упроченія власти монарха. Хотя эти главы якобы трактуютъ о законахъ, о Госуд. Совѣт. и Госуд. Думѣ, о совѣтѣ министровъ—но кромѣ нѣсколькихъ, ни къ чему не обязывающихъ, принципіальныхъ заявленій (нѣтъ закона безъ Думы и т. п.), все остальное въ нихъ носитъ абсолютистскій характеръ: здѣсь нашли себѣ мѣсто и право распущенія палатъ и перерыва ихъ занятій, и «чрезвычайныя» права короны въ законодательствѣ, — обыкновенномъ, учредительномъ, бюджетномъ, военнымъ и военно-судебномъ,— и право монарха назначать половину членовъ верхней палаты, и право короны разрѣшать займы (ст. 76), и право монарха «призывать на военную службу необходимое число людей не свыше означеннаго въ предшествующемъ году (ст. 77) и т. д.

Основные государ. законы 28 апрѣля поставили точку надъ іотой; они явились достойнымъ завершеніемъ конституціоннаго творчества министерства Витте-Дурново; лучшаго средства для разсѣянія конституціонныхъ иллюзій нельзя было и ожидать, и если эти иллюзіи все еще живы среди многихъ нашихъ соотечественниковъ, если среди извѣстныхъ группъ онѣ, несомнѣнно, никогда не исчезнутъ—то «виной» этому не основн. госуд. законы, а самое классовое строеніе этихъ группъ. Конституціонныя иллюзіи объясняются не только логической или психологической аберраціей; ихъ основы нерѣдко гораздо глубже, онѣ коренятся въ самыхъ условіяхъ существованія данной общественной группы, въ ея положеніи въ производствѣ...

При разборѣ основн. госуд. закон. 23 апрѣля мы уже видѣли, что вся т. н. исполнительная власть (управленіе верховное и подчиненное) предоставлена коронѣ и ея агентамъ. Наша «конституція» въ этомъ вопросѣ придерживается самымъ строгимъ образомъ теоріи Монтескье объ абсолютномъ раздѣленіи и обособленіи властей. Нѣтъ нужды, что эта теорія — въ ея абсолютной формѣ — давнымъ-давно осуждена наукой и жизнью; нѣтъ нужды что характернѣйшей чертой западно-еврепейскаго (и даже сѣверо-американскаго) конституціонализма (практики и теоріи) является его тенденція подчинить исполнительную власть руководству законодательной, что, конечно, ни сколько не препятствуетъ извѣстному обособленію различныхъ функцій. Наша «конституція» не хочетъ считаться съ западно-европейскимъ опытомъ, и это съ ея стороны — вполнѣ послѣдовательный и логичный образъ дѣйствій, ибо «что ей Гекуба?» По справедливому замѣчанію Булыгина, въ силу нашей «конституціи», по которой «назначеніе и увольненіе отъ должности имѣютъ мѣсто по непосредственному Высочайшему усмотрѣнію, и надзоръ за цѣлесообразностью дѣйствій административныхъ властей принадлежитъ одному только Государю Императору,—Дума въ этомъ дѣлѣ участія не должна имѣть».

У насъ не можетъ быть и рѣчи о «заимствованіи существующаго въ западно-еврепейскихъ государствахъ правъ интерпелляціи и запроса... которая является... средствомъ надзора за исполнительной властью не только съ точки зрѣнія законности, но и цѣлесообразности ихъ дѣйствій». Максимумъ того, что можетъ быть поэтому предоставлено Думѣ—это «право *просить министровъ о доставленіи разъясненій относительно законности* дѣйствій въ кругѣ ихъ вѣдомствъ», при чемъ и это полномочіе должно быть обусловлено извѣстными ограничительными условіями; кромѣ того, въ законѣ должно быть упомянуто «*о возможности отказа министра въ просимыхъ свѣдѣніяхъ*, по причинѣ государственной тайны» и о правѣ Думы въ данномъ случаѣ представлять такіе отказы на усмотрѣніе Е. И. В. *).

Мы видимъ, Булыгинская аргументація лицемѣріемъ не отличалась; самодержавное правительство еще не видѣло нужды въ нагломъ маскированіи своихъ затаенныхъ намѣреній. Но кого можетъ обмануть новѣйшее конституціонное пустословіе, если всѣ нормы объ отношеніи Думы къ министрамъ сохранены г. Витте въ ихъ первоначальной, Булыгинской редакціи, въ которой не произведено даже чисто словесныхъ измѣненій. Правительственные «конституціоналисты» очевидно, инстинктивно чувствовали, что здѣсь одинъ изъ самыхъ опасныхъ и скользкихъ пунктовъ ихъ творчества, и они съ истинно-героической твердостью остановились на разъ избранномъ г. Булыгинымъ предѣлѣ. Объ отвѣтственности министровъ—политической или судебной—нѣтъ и рѣчи; право интерпелляцій и запросовъ вырождается въ право Думы «просить разъясненій, непосредственно касающихся разсматриваемыхъ его дѣлъ», или вызываемыхъ незакономѣрными дѣйствіями правительственныхъ учрежденій, «подчиненныхъ по закону Правительствующему Сенату» (ст. 66 Основ. Госуд. Зак. — предусмотрительно исключаются т. о. всякіе запросы относительно дѣйствій министерства Двора, Канцелярій Е. И. В. и нѣкот. другихъ учрежденій, надзору Сената не подчиненныхъ). Само собой разумѣется, что просьба Думы можетъ быть и не удовлетворена министромъ, м. б. удовлетворена и тѣмъ, что министръ пришлетъ своего столоначальника для объясненій съ Думой, м. б., наконецъ, отклонена и короной, къ которой, какъ къ верховному судьѣ надъ ходатайствами и жалобами» Думы, поступаютъ (черезъ назначемаго короной же предсѣдателя *Государственнаго Совѣта*) всѣ запросы въ случаѣ конфликта между министрами и народными представитемями**) (см. ст. 40, 41, 58, 59, 60 Учр. Госуд. 20 февр.).

Мы совершенно отказываемся понимать, о какомъ вліяніи Думы на дѣйствія исполнительной власти, о какомъ надзорѣ ея за ихъ законностью (мы ужъ не говоримъ—за ихъ цѣлесообразностью, хотя опытъ Запада ясно показалъ, что одно совершенно неотдѣлимо отъ другого, и что народное представительство не можетъ не распространить своихъ правъ,—если оно обладаетъ реальными правами — по надзору за законномѣрностью также и на контроль за цѣлесообразностью), о какой подзаконности администраціи, о какомъ «конституціонномъ принципѣ» —

*) Матеріалы по Учрежд. Государ. Думы, ПБ., стр. 121—2, см. также „меморію Совѣта министровъ“

**) И то только въ томъ случаѣ, если „Дума большинствомъ *двухъ третей* голосовъ ея членовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться соображеніемъ министра“.

можетъ итти рѣчь при такихъ нормахъ, какія мы приводили выше. Сравните съ ними хотя бы зачаточныя нормы англійскаго обычнаго права, и вы убѣдитесь въ ихъ существенномъ и качественномъ отличіи. Ужъ въ концѣ 14 вѣка (въ 1376 г.) имѣлъ мѣсто первый процессъ противъ совѣтниковъ короны—лордовъ Латимера, Невилля и нѣкоторыхъ другихъ по обвиненію ихъ въ незаконномъ расходованіи государственныхъ средствъ. Палата общинъ явилась обвинительницей, палата лордовъ—верховнымъ судомъ; такіе же или аналогичные процессы происходили въ 1386 г. (противъ Michael de la Pale), въ 1388—противъ приверженцевъ Ричарда II, въ 1397 г. и т. д. Въ 1672 году въ процессѣ противъ Эдуарда Гербера было впервые установлено, что обвиняемые совѣтники короны не могутъ ссылаться на повелѣніе короля. «Незаконныя повелѣнія монарха—ничтожны ipso iure... и совѣтникъ короны обязанъ былъ отстраниться отъ нихъ и тѣмъ не дать совершиться злу». Еще замѣчательнѣй былъ процессъ министра Карла I, графа Страффорда, котораго парламентское большинство считало необходимымъ во что бы то ни стало убрать съ его поста. Его дѣйствія трудно было подвести подъ нормы уголовныхъ законовъ, и тѣмъ не менѣе онъ былъ осужденъ путемъ изданія соотвѣтствующаго особаго закона (Billof attainder). 12 мая 1644 г. Страффордъ былъ казненъ. Въ процессѣ 1678 г. противъ графа Денби палата единогласно признала, что королевское помилованіе не можетъ имѣть мѣсто въ случаѣ привлеченія совѣтниковъ короны къ суду палатъ, что въ этомъ случаѣ парламентъ не можетъ быть распущенъ короной, что министры отвѣчаютъ не только за законномѣрность, но и цѣлесообразность своихъ дѣйствій (hnesty, juostice andutility) *). Изъ этихъ нѣсколькихъ фактовъ, взятыхъ изъ исторіи impeachement'a въ Англіи, мы видимъ все отличіе даже первыхъ, робкихъ шаговъ дѣйствительнаго парламентаризма—отъ абсолютистской опредѣленности нашей «самодержавной конституціи».

Чтобы закончить характеристику нашей Государственной Думы, намъ необходимо остановиться еще на одной серіи нормъ Учрежденія 20 февраля.

Если наша «конституція», какъ мы видѣли, исходитъ изъ совершенно другихъ принциповъ и цѣлей, чѣмъ современныя западноевропейскія или американскія, если она въ такой же мѣрѣ является оплотомъ, воздвигнутымъ реакціей противъ натиска народныхъ массъ, въ какой западноевропейскія являются плодомъ побѣды—большой или меньшей—этихъ самыхъ народныхъ массъ надъ абсолютизмомъ,—то насъ, конечно, не можетъ удивить упорное стремленіе нашей «конституціи» отрѣзать Государственную Думу отъ улицы, отъ народа.

Несомнѣнно, и современная буржуазія на Западѣ больше всего страшится непосредственнаго, *физическаго*, соприкосновенія уличной жизни съ парламентской законодательной властью; призраки якобинскихъ клубовъ и революціонныхъ коммунъ эпохи великой французской революціи ставятъ извѣстные предѣлы «связи народа съ его представителями». Но о совершенномъ, по возможности, изолированіи парламента, о прегражденіи до-

*) Hans v. Frisch Die Verantrvortlich heit der Monarchen nnd höchsten Mögistrate, 1904, d. 445.

ступа къ нему вліятельныхъ общественныхъ группъ—хотя бы въ формѣ реальнаго осуществленія ими избирательнаго права, отчета передъ ними народныхъ представителей*), подачи самыхъ разнообразныхъ петицій, въ болѣе передовыхъ странахъ — народной законодат. иниціативы и референдума,—о такомъ «нигилизмѣ», конечно, нѣтъ и не можетъ быть рѣчи ни въ какой западно-европейской конституціи. У насъ—другое дѣло. У насъ избирательная система, какъ намъ приходилось указывать въ другомъ мѣстѣ, вся проникнута одной мыслью, какъ бы осуществленіе даже правоспособными избирателями ихъ избирательнаго права превратить въ пустой и чисто-формальный актъ подачи голосовъ. У насъ вполнѣ логичнымъ является и ст. 61 Учрежд. Госуд. Думы 20 февр., по которой:

„въ Государственную Думу воспрещается являться депутаціямъ, а также представлять словесныя и письменныя заявленія и просьбы".

Эта норма тѣмъ болѣе характерна, что правящая группа вполнѣ сознательно выбросила въ послѣдней фразѣ слово «лично», которое проектировалось совѣщаніемъ графа Сольскаго и которое придавало ей совершенно другой смыслъ; характерна даже нелѣпость подобнаго законодательства въ теперешнее революціонное время, вся вздорная претенціозность—воспрепятствовать чисто-бумажнымъ постановленіемъ обращеніямъ народныхъ массъ. Не могла же въ самомъ дѣлѣ правящая группа ничего не слышать, ничего не знать о милліонахъ подписей, собиравшихся чартистами подъ ихъ требованіями къ парламенту, или хотя бы о петиціонномъ движеніи, которое не разъ организовывалось германской соціалъ-демократіей даже въ мирное время обычной, парламентской работы?

Статьи 42—45 Учрежд. 20 февраля исходятъ изъ аналогичныхъ же побужденій: «въ засѣданія отдѣловъ и комиссій ни постороннія лица, ни представители печати не допускаются», какъ и въ закрытыя засѣданія самой Думы. Закрытыя же собранія Думы назначаются не только по рѣшенію ея общаго собранія (въ западноевропейскихъ конституціяхъ не вездѣ допускается и такое ограниченіе гласности, и даже въ германскомъ рейхстагѣ, напр., такія закрытыя собранія за все время его дѣятельности являлись во-истину «бѣлыми воротами»), но также и по единоличному распоряженію предсѣдателя Думы, или по безапеляціонному требованію министра, ссылающагося «на соображенія государственнаго порядка». Здѣсь мы, очевидно, будемъ имѣть нѣчто весьма сходное съ «закрытіемъ дверей» судовъ — по ордерамъ г. министра юстиціи, и всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ самодержавное правительство использовало это право! Но и въ тѣ засѣданія Думы, которыя, милостью предсѣдателя и министра будутъ вестись открыто, представители печати допускаются въ числѣ, не превышающемъ количества отведенныхъ для нихъ мѣстъ, но не болѣе

---

*) Ссылаясь на ст. 14 Учрежд. 20 февр. (члены Думы не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями), „Русское Государство" считаетъ требованіе выборщиковъ отъ депутата, чтобы онъ „обязался не разрѣшать новыхъ налоговъ и не соглашаться на новыя займы, пока министерство не будетъ пользоваться довѣріемъ большинства въ Думѣ" — „неуваженіемъ къ закону", „непростительнымъ поступкомъ", „нарушеніемъ долга честнаго человѣка". Такъ „честные люди" изъ „Руск. Госуд." учатъ добродѣтели русскій народъ.

одного отъ отдѣльнаго изданія». Мѣстъ, какъ извѣстно, оказалось весьма мало; на первое собраніе представителей печати для распредѣленія между собой мѣстъ явилось 150—200 голосовъ отъ ста слишкомъ періодическихъ изданій, которыя и должны были удовлетвориться 30—35 мѣстами. Если на Западѣ въ трибунахъ журналистовъ можно видѣть сотни репортеровъ, передовиковъ, фельетонистовъ, фотографовъ и т. д., если на Западѣ всякая крупная газета командируетъ большую часть своихъ литературныхъ силъ для присутствія при парламентскихъ дебатахъ, если на Западѣ самая широкая и разносторонняя освѣдомленность населенія путемъ печати—считается conditio sine qua non существованія народнаго представительства, то у насъ при нашей «конституціи», ничего подобнаго не должно быть; у насъ—допустимы лишь непріятныя и досадливыя отступленія отъ основного принципа изолированія Думы, лишь жалкія подачки печати—въ видѣ допущенія нѣсколькихъ представителей «съ разрѣшенія предсѣдателя Думы».

О допущеніи въ засѣданія Думы «постороннихъ лицъ»—изданы даже особыя Правила 17 апрѣля, подробно трактующія объ «именныхъ безъ права передачи билетахъ» для входа на засѣданіе Думы; отъ неизвѣстныхъ лицъ можетъ быть потребовано «удостовѣреніе личности», если объявленіе желающаго попасть въ Думу о своемъ имени, отчествѣ, фамиліи, званіи и мѣстѣ жительствѣ въ Петербургѣ—не удовлетворитъ думскую канцелярію. Далѣе, новый рядъ детальныхъ нормъ: пальто обязательно снимается при входѣ въ помѣщеніе Думы; запрещается «имѣть при себѣ головной уборъ, бинокли (?), трости, палки, оружіе, и всякіе иные тому подобные предметы. Отъ посѣтителей, само собой разумѣется, требуется строгое соблюденіе «благопристойности и порядка» — иначе посторон. лица «немедленно удаляются помощниками пристава Государственной Думы. Общій же надзоръ «за порядкомъ и безопасностью» въ Таврическомъ дворцѣ возложенъ на особое лицо — «завѣдующаго охраной», назначаемаго министр. внутр. дѣлъ по соглашенію съ министр. импер. двора и дѣйствующаго подъ «руководствомъ» министра внутрен. дѣлъ; въ его распоряженіи—особый штатъ полиціи (городовые и околоточные) и воинская команда; онъ долженъ наблюдать, чтобы постороннія лица «не допускались въ помѣщенія дворца безъ установленнаго разрѣшенія». Само собой понятно, что мы напрасно стали бы искать въ западноевропейскихъ конституціяхъ фигуру, аналогичную мрачному «завѣдующему охраной» Таврическаго дворца съ его городовиками и околоточными, ровно какъ столь подробно разработанную систему нормъ, смыслъ которыхъ для насъ такъ понятенъ и милъ. Нѣкоторыя формы бойкота внутри Думы карается особенно тяжкими наказаніями; согласно ст. 9 Высоч. указа 8 марта,

„виновный въ воспрепятствованіи занятіямъ Государственнаго Совѣта или Государственной Думы угрозою, насиліемъ надъ личностью или поврежденіемъ помѣщенія сихъ установленій, *а также искусственнымъ зараженіемъ сего помѣщенія воздуха*, наказывается:

лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія отъ пяти до шести лѣтъ.

«Порядокъ и благопристойность, конечно, обязательны и для самихъ народныхъ избранниковъ». Такъ, при самомъ вступленіи въ Думу, они должны «дать торжественное обѣщаніе передъ Всемогущимъ Богомъ...— хранить вѣрность Е. И. В. Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому»... Такъ гласитъ законъ, а «конституціонная» практика русскаго правительства уже присоединила спеціально для крестьянскихъ депутатовъ—настойчивыя приглашенія губернаторовъ селиться всѣмъ этимъ депутатамъ подъ заботливымъ крылышкомъ г. Ерогина. Далѣе, въ случаѣ привлеченія къ слѣдствію или суду по обвиненіи въ преступныхъ дѣйствіяхъ, особо перечисленныхъ, или объявленія несостоятельнымъ должникомъ,—членъ Госуд. Думы временно устраняется отъ участія въ засѣданіяхъ; при помощи этой нормы, угодливый слѣдователь или прокуроръ по приказу свыше—можетъ въ любой моментъ лишить Думу ея самыхъ талантливыхъ членовъ. Но лишеніе или ограниченіе свободы членовъ Госуд. Думы *во время ея сессіи* не допустимо безъ разрѣшенія Думы, за исключеніемъ самыхъ важныхъ случаевъ, когда

члены государственной думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности *въ порядкѣ* и на основаніяхъ, *установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности высшихъ чиновъ государственнаго управленія.*

Этотъ «порядокъ» состоитъ въ томъ, что преданіе суду зависитъ отъ короны, а судьями являются назначенные короной же чиновники. Такая «неприкосновенность личности» народныхъ представителей, являющаяся, вообще говоря, краеугольнымъ камнемъ всякаго дѣйствительнаго парламентаризма,—ни что иное какъ самая грубая поддѣлка, самая жалкая пародія, каковой впрочемъ, «должна почитаться» вся наша «конституція». Развѣ не характерно въ этомъ отношеніи, что наша «конституція» какъ разъ особенно-либеральна въ томъ самомъ пунктѣ, который сильнѣйшимъ образомъ ограничивается на Западѣ. Такъ, во многихъ конституц. государствахъ депутатъ безъ разрѣшенія палаты не можетъ выходить въ отставку; норма издана во избѣжаніе давленія на депутата вліятельныхъ общественныхъ группъ или правительственныхъ сферъ. Въ Англіи конституц. право и вовсе запрещаетъ депутату выходить въ отставку, и практика выработала длинный обходный путь на случай крайней необходимости. У насъ депутатъ въ этомъ отношеніи свободенъ, какъ птица: въ любой моментъ «членъ Госуд. Думы можетъ отказаться отъ этого званія, заявивъ о семъ письменно предсѣдателю».

Для завершенія характеристики нашего «народнаго представительства», намъ слѣдуетъ еще остановиться на организаціи верхней палаты. На Западѣ верхнія палаты — принадлежатъ къ двумъ типамъ; это—*всегда представительство привиллегированныхъ группъ*, но въ однихъ государствахъ верхняя палата досталась на долю силамъ средневѣковаго прошлаго, династамъ, чиновничеству и феодальному дворянству; въ другихъ—она является доменой торгово-промышленной и землевладѣльческой буржуазіи*).

*) Подробнѣй объ этомъ см. мою книгу: «Учредительныя и законодательныя собранія» (Спб. 1905, Обществ. польза).

Въ нашей конституціи верхней палатой является преобразованный Госуд. Совѣтъ, приближающійся къ первому типу, но представляющій собою еще худшій пережитокъ абсолютизма, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ. У насъ, для верхней палаты, повидимому, готовится правящей соціальной группой не только роль тормаза прогрессивнаго законодательства Думы, не только роль могилы «безпочвенныхъ мечтаній» выборныхъ отъ народа; мы уже видѣли, что въ самомъ Учрежд. Госуд. Думы предусмотрѣно достаточное количество тормазовъ и могильныхъ камней, лишающихъ нижнюю палату всякой власти, всякихъ правъ. У насъ, правящія сферы, очевидно, предназначаютъ Госуд. Совѣтъ для болѣе высокой цѣли; когда настанетъ моментъ для освобожденія отъ либеральнаго фразерства нижней палаты, правящая группа надѣется заново преобразовать наше народное представительство на основѣ soi disant однопалатной системы, при чемъ единственной палатой будетъ не нижняя, а верхняя—Госуд. Совѣтъ. *Такая* однопалатная система, конечно, невиданная еще вещь въ конституціонныхъ государствахъ Запада (кромѣ развѣ мелкихъ княжествъ Германіи), но у насъ—она вовсе не явится противорѣчіемъ всему остальному «конституціонному» праву. Что планы абсолютной монархіи таковы—показываетъ, напр., то обстоятельство, что вопреки многимъ западно-европейскимъ примѣрамъ, у насъ право распущенія и перерыва занятія палатъ, принадлежащее монарху, отнюдь не должно быть осуществляемо имъ одновременно по отношенію къ верхней и къ нижней палатѣ. Распустивъ на неопредѣленный срокъ Думу, монархъ остается у кормила правленія — совмѣстно съ Совѣтомъ, который и долженъ явиться суррагатомъ «народнаго представительства». Если это предположеніе и не оправдается, то во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ фактомъ остается тормозящая роль Совѣта, поставленнаго въ смыслѣ участія въ законодательствѣ, въ осуществленіи бюджетнаго права и т. д. въ совершенно равноправное положеніе по сравненію съ Думой (ст. 1—21 II отд. Выс. указа 20 фев., перечисляющія права Совѣта и устанавливающія порядокъ его занятій, почти дословно повторяютъ аналогичныя статьи Учрежд. Госуд. Думы). Такой равноправной роли верхняя палата не играетъ ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ, кромѣ Сѣв. Амер. Соединен. Штатовъ; слѣдовательно, ни въ одномъ конституціонномъ государствѣ значеніе нижней палаты не сведено къ такому минимуму,—благодаря конкурренціи другой палаты,—какъ у насъ въ Россіи.

Но обратимся къ составу нашей верхней палаты. Она состоитъ, во-первыхъ, изъ членовъ по высочайшему назначенію, причемъ число членовъ, призываемыхъ на *годичный срокъ* высочайшей властью «къ присутствованію» въ Совѣтѣ (имѣются также члены неприсутствующіе), не должно превышать половины общаго числа членовъ Совѣта. Такъ какъ предсѣдатель (и вице-предсѣдатель) назначаются Верховной властью также изъ членовъ по назначенію, и его голосъ, при равенствѣ, голосовъ, даетъ перевѣсъ, то ясно, что большинство въ Совѣтѣ всегда будетъ за членами по назначенію—въ случаѣ ихъ единогласія. Въ настоящее время мы уже имѣемъ списокъ этихъ членовъ по назначенію, которые оказываются нашими старыми знакомыми, членами прежняго Госуд. Совѣта, уничтожающую характеристику которыхъ далъ еще Плеве. Нашъ прежній Государств.

Совѣтъ, составлявшійся изъ престарѣлыхъ бюрократовъ, выслужившихся въ центральномъ и мѣстномъ управленіи, во время долговременной службы растерявшихъ и здоровье, и умъ, и совѣсть,—прославился своимъ угодничествомъ и сервилизмомъ; за все время существованія Совѣта мы не встрѣтимъ ни одного почти независимаго и самостоятельнаго мнѣнія, ни одного протеста противъ позорнаго режима, разорявшаго и губившаго страну. Изъ каждой страницы «всеподданнѣйшихъ отчетовъ» предсѣдат. Госуд. Совѣт. проглядываетъ полнѣйшій политическій маразмъ учрежденія, мирно сочетающійся съ беззастѣнчивымъ классовымъ субсидированіемъ паразитискаго дворянства и чиновничества. И вотъ огромное большинство стараго Совѣта должно составить руководящее ядро въ новомъ. Мы встрѣчаемъ въ новомъ Совѣтѣ и вѣшателей изъ только что вышедшаго въ отставку «конституціоннаго министерства: г.г. Витте, Дурново, Акимова, Ламздорфа, Редигера, Бирелева, и бывшихъ сатраповъ: Дурново—Московскаго, ф. Валя—Петербургскаго и Виленскаго, Кутаисова—Иркутскаго (подстрекательство котораго вызвало недавно новую «якутскую исторію въ Сибири), Сухотина-Омскаго, и бывшихъ шефовъ жандармовъ: Пантелеева, и Горемыкина, и славныхъ сподвижниковъ покойнаго Плеве: Зиновьева, Штюрмера, Стишинскаго, Дейтриха, и героя русско-японской войны адмирала Алексѣева—все типичнѣйшія фигуры властвующей клики. Таково-большинство верхней палаты. Мы напрасно стали бы искать подобную вернюю палату. въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Ближе всѣхъ итальянскій сенатъ, но въ немъ чиновниковъ по назначенію всего $^1/_3$, (другія двѣ трети—бывшіе депутаты и представители буржуазной собственности); кромѣ того, они назначаются тамъ пожизненно, что, конечно, не можетъ измѣнить ихъ классоваго пристрастія, но все-таки ставитъ ихъ въ нѣсколько болѣе независимое положеніе по отношенію къ коронѣ. Даже сенатъ Наполеона III, заслужившій такую позорную память и состоявшій изъ чиновниковъ второй имперіи и всякаго рода бонапартистовъ sans foi sans oi, была организованъ на началахъ пожизненности и несмѣняемости (ст. 21 конст. 1852 г. les senateurs sont inamovibles á vie). Впрочемъ суть, конечно, не въ томъ, пожизненно или на годичный срокъ назначаются члены Госуд. Совѣта; это лишь деталь, еще болѣе рельефно рисующая истинный характеръ нашей верхней палаты. И приходится удивляться такимъ, съ позволенія сказать, либераламъ, какъ г. Брунъ, который находитъ, что въ нашей верхней палатѣ «наполовину будутъ сидѣть назначенные старые бюрократы; но необходимость говорить громко, во всеуслышаніе для всей страны, то, о чемъ раньше можно было шептаться келейно, переродить всю природу этихъ старыхъ чиновниковъ и заставить ихъ сознавать себя сынами своего народа и отнынѣ считаться съ общественнымъ настроеніемъ страны». Г. Брунъ, очевидно, шутникъ большой руки, но кого онъ хочетъ удивить своими благоглупостями? Съ гласностью въ Госуд. Совѣтѣ дѣло обстоитъ гораздо хуже, чѣмъ въ Думѣ, и съ самаго же открытія своихъ засѣданій Госуд. Совѣтъ сталъ назначать гораздо чаще закрытыя засѣданія, чѣмъ открытыя. А затѣмъ эта вѣра въ нравственное перерожденіе подъ чудотворнымъ вліяніемъ гласности гг. Акимовыхъ, Витте, Дурново, ф. Валей, имъ же числа нѣтъ.

Мы переживаемъ нынѣ время, когда гласность дѣлаетъ большіе успѣхи; но развѣ самое рѣзкое разоблаченіе въ печати ихъ дѣйствій въ сколько-нибудь значительной степени препятствовало гг. Витте, Дурново, Акимову—недавнимъ министрамъ и теперешнимъ членамъ Государств. Совѣта—разстрѣливать, арестовывать, ссылать, грабить, насиловать самымъ ужаснымъ, самымъ возмутительнымъ образомъ? Развѣ послѣднимъ актомъ прежняго Государственнаго Совѣта, относящимся къ совсѣмъ недавнему времени почти—полной гласности, не явилось ассигнованіе 7½ милліоновъ рублей въ безотчетное распоряженіе правительства для организаціи новыхъ карательныхъ экспедицій?[1])

Перейдемъ теперь къ другой (выборной) половинѣ членовъ Госуд. Совѣта. Здѣсь мы встрѣчаемъ вопервыхъ, членовъ отъ духовенства православной россійской церкви, «избираемыхъ» св. синодомъ въ числѣ шести человѣкъ, трехъ—отъ бѣлаго и трехъ отъ монашествующаго духовенства. Для православной церкви создано т. о. привиллегированное представительство въ Госуд. Совѣтѣ, отличающее ее отъ всѣхъ другихъ — христіанскихъ и нехристіанскихъ—вѣроисповѣданій. Г. Тернавцевъ объяснялъ въ «Словѣ» такую привиллегію православн. духовенства—исторической его ролью «въ устроеніи и умиротвореніи государства»; другія же вѣроисповѣданія «не только не принимали никакого участія въ созиданіи этого государства, а дѣйствовали на него прямо въ противоположномъ смыслѣ». Если къ этому восторженному отзыву октябристскаго «Слова» присоединить еще радостныя статьи литературныхъ лакеевъ русскаго самодержавія въ «Русскомъ Государствѣ» — при извѣстіяхъ объ избраніи въ число выборщиковъ многихъ представителей православнаго духовенства,—то истинная подоплека привеллигированнаго представительства становится весьма прозрачной. Русское православное духовенство—не въ примѣръ прочимъ—пожаловано новымъ даромъ за свой серви-

---

[1]) Вотъ еще кандидатъ въ члены Гос. Совѣта—эстляндскій генералъ губернаторъ Сарычовъ, который пока еще „дѣлаетъ“ карьеру въ Прибалтійскомъ краѣ; изданная имъ инструкція недавно *обошла всѣ газеты.*

„Объявляю къ неуклонному и точному исполненію начальникамъ отрядовъ нижеслѣдующее: 1) Виновные въ насильственномъ посягательствѣ въ формѣ подстрекательства отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ группъ населенія на измѣненіе въ Россіи образа правленія, 2) виновные въ подговорѣ другихъ къ вооруженному возстанію противъ правительства, въ особенности имѣвшіе въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или склады оружія, 3) виновные въ подговорѣ и подстрекательствѣ другихъ къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя, 4) виновные въ умышленномъ истребленіи, поврежденіи, умышленномъ зажигательствѣ и вообще вооруженномъ нападеніи на недвижимое имущество частныхъ лицъ а главнымъ образомъ подговорщики и подстрекатели къ перечисленнымъ преступленіямъ, 5) виновные въ вооруженномъ нападеніи на законныхъ должностныхъ лицъ края съ цѣлью принудить ихъ, подъ угрозой смерти, отказаться отъ своихъ правъ и обязанностей, въ особенности если дѣйствія эти сопровождались нанесеніемъ ранъ и тяжкихъ побоевъ и т. д.,—во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ, при несомнѣнной доказанности виновности обвиняемыхъ со стороны мѣстныхъ гражданскихъ властей, вмѣняется въ обязанность военному начальству, руководившему вооруженной силой, подвергать виновныхъ *немедленному разстрѣлянію*, донося мнѣ какъ о лицахъ, доказавшихъ виновность подвергнутаго *экзекуціи*, такъ и о личности послѣдняго».

Военный Голосъ дополняетъ, что на основаніи этой инструкціи въ Эстляндской губерніи разстрѣляно по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 214 человѣкъ.

лизмъ, за постоянное послушаніе и безропотное подчиненіе самодержавному правительству, за всегдашнее его содѣйствіе и соучастіе въ подавленіи освободительныхъ теченій («умиротвореніи страны»). Что это такъ—видно и изъ того, что избирательное право массоваго духовенства является чисто-номинальнымъ; согласно правиламъ 7 марта, епархіальное духовенство на благочинническихъ съѣздахъ намѣчаетъ лишь кандидатовъ; намѣченный большинствомъ голосовъ въ епархіи кандидатъ, по провѣркѣ всѣхъ голосовъ мѣстнымъ преосвященнымъ, представляется въ Петербургъ въ Св. Синодъ; изъ всѣхъ кандидатовъ россійскихъ епархій синодъ и назначаетъ въ Гос. Сов. трехъ представителей отъ бѣлаго духовенства. Т. о. избирательное право принадлежитъ здѣсь въ концѣ концовъ *девяти* высшимъ іерархамъ, составляющимъ синодъ, вѣрнѣй говоря,—*одному* оберъ-прокурору св. синода, пользующемуся въ немъ, какъ извѣстно, огромнымъ вліяніемъ. Въ выборахъ же остальныхъ трехъ членовъ отъ монашествующаго духовенства, монастыри вовсе никакого участія—даже въ выставленіи кандидатовъ—не принимаютъ; кандидатовъ предлагаютъ епархіальные преосвященные, синодъ же окончательно назначаетъ трехъ лицъ изъ всѣхъ этихъ кандидатовъ. Т. о. представительство духовенства оказывается представительствомъ немногихъ высшихъ іерарховъ церкви, находящихся подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ свѣтскаго «слуги короны»; иначе говоря, это такое же, въ концѣ-концовъ, назначеніе Высочайшей властью, какое мы встрѣчали въ первой половинѣ Государств. Совѣта.

Далѣе идутъ представители отъ дворянскихъ обществъ, которыя по всѣмъ губер. и област., гдѣ производятся дворянскіе выборы, выбираютъ изъ своей среды по 2 выборщика. Съѣздъ выборщиковъ собирается въ Петербургѣ и выбираетъ изъ своей среды — 18 членовъ Госуд. Совѣта. Это—представительство того крупнаго дворянскаго землевладѣнія, которое наиболѣе тѣсно связано съ самодержавнымъ правительствомъ, которое, подъ теплымъ крылышкомъ послѣдняго, расхищаетъ народныя деньги на свои паразитическія нужды; это — дѣйствительно, «наиболѣе устойчивый по взглядамъ и направленію слой населенія», какъ выразилось совѣщаніе графа Сольскаго. На недавнемъ съѣздѣ дворянскихъ выборщиковъ въ Пб. прошли въ Государ. Совѣтъ злѣйшіе реакціонеры во главѣ съ Самаринымъ, которые успѣли удивить своей «непримиримостью» даже членовъ Совѣта по назначенію; вообще же, они превосходно сошлись съ ними, какъ съ людьми одной соціальной группы—съ одними и тѣми же интересами и взглядами. И то же самое въ нѣсколько болѣе слабой степени, приходится сказать о тѣхъ членахъ изъ «праваго центра» (кн. Трубецкой и др.), которые также прошли въ извѣстномъ количествѣ на дворянскомъ съѣздѣ. Изъ «либеральнаго центра» былъ выбранъ въ Госуд. Совѣтъ лишь одинъ представитель, да и то навязанный благородному россійскому дворянству грузинскими коллегами.

Къ 18 представителямъ феодальнаго крупнаго землевладѣнія слѣдуетъ присоединить «того же поля ягоды»—34 членовъ Госуд. Совѣта, избираемыхъ губернскими земскими собраніями (по одному на губернію) изъ лицъ, владѣющихъ въ губерніи не менѣе 3 лѣтъ земельнымъ цензомъ, въ три раза превышающимъ цензъ, дающій право на непосред-

ственное участіе въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, или прослужившихъ не менѣе 2 выборныхъ сроковъ въ нѣкоторыхъ должностяхъ, перечисленныхъ въ законѣ. Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили о томъ, что *крупное землевладѣніе* является у насъ въ огромной степени *землевладѣніемъ высшей бюрократіи*; если вспомнить, какъ сильно потускнѣлъ за послѣднее время либерализмъ даже среднихъ землевладѣльцевъ, играющихъ виднѣйшую роль въ современномъ земствѣ, то ясно будетъ значеніе пассивнаго избирательнаго права, устанавливаемаго выс. указ. 20 февраля; это—все та же идея Булыгина, которую онъ хотѣлъ выдвинуть еще въ избирательной системѣ, проектировавшейся имъ для выборовъ въ Гос. Думу; тамъ она не прошла, здѣсь она снова воскресла нѣсколько въ иномъ видѣ. (См. ст. «Государственная Дума» въ сборникѣ «Текущій моментъ»). Въ результатѣ, и на земскихъ собраніяхъ въ члены Госуд. Сов. прошли въ большинствѣ случаевъ или злые реакціонеры въ родѣ кн. Касаткина-Ростовскаго, — который, по газетнымъ свѣдѣніямъ, уже успѣлъ отличиться въ закрытыхъ засѣданіяхъ верхней палаты, одного изъ членовъ которой—бывшаго московскаго генералъ-губернатора Дурново—онъ аффишировалъ, какъ «революціонера»,—или правые октябристы въ родѣ Корфа (Петербургъ). Умѣреннѣйшіе кадеты являются «бѣлыми воронами» среди трехъ десятковъ земскихъ избранниковъ. Далѣе, 22 представителя отъ неземскихъ губерніяхъ — такіе же крупные землевладѣльцы, какъ и представители земской Россіи. Отмѣтимъ здѣсь лишь то, что Архангельская губернія, какъ таковая, вовсе лишена представительства въ Госуд. Совѣтѣ, а губерніи Царства Польскаго выбираютъ совмѣстно на общемъ съѣздѣ выборщиковъ въ Варшавѣ—только 6 членовъ Госуд. Совѣта, хотя губерній польскихъ всѣхъ—10. Причины умаленія правъ этой окраины — вполнѣ понятны; здѣшнее дворянство не является тѣмъ «устойчивымъ по своему направленію» землевладѣльческимъ классомъ, который требуется для Совѣта.

Итакъ, 74 члена Госуд. Совѣта являются представителями дворянско-чиновничьяго землевладѣнія, за которымъ такимъ образомъ, обезпечено большинство среди выборныхъ членовъ; вмѣстѣ съ членами по назначенію, столь близкими имъ по интересамъ, они составятъ *однородную* дворянско-чиновничью палату, которая будетъ упорнѣйшимъ образомъ отстаивать свои классовые интересы и препятствовать раскрѣпощенію народныхъ массъ.

Г. Брунъ этимъ также не смущается. Изъ брошюры г. Милюкова: «Демократизмъ и вторая палата» онъ вынесъ впечатлѣніе, что отъ «представительства классовыхъ интересовъ мы не уйдемъ; вопросъ только въ томъ, больше или меньше». Отсюда слѣдуетъ блестящій выводъ, что вопросъ объ организаціи Госуд. Сов.—совершенно второстепенный; притомъ неизвѣстно еще, «насколько вѣренъ разсчетъ, что всѣ дворяне, теперь войдутъ въ верхнюю палату, всѣ сплошь окажутся измѣнниками тѣмъ традиціямъ русской интеллигенціи, которыя завѣщаны дворянамъ Радищевымъ, Рылѣевымъ, Герценомъ и Тургеневымъ». Далѣе слѣдуетъ столь же солидная аргументація, но она въ высокой степени любопытна какъ характерная для мягкотѣлаго и половинчатаго россійскаго либерализма, безъ боя уступающаго врагу позицію за позиціей, согла

снаго выставить свою кандидатуру въ какую угодно Думу и въ какой угодно Совѣтъ.

Среди подавляющаго дворянско-чиновничьяго большинства совершенно теряются 12 членовъ отъ торговли и промышленности и 6 членовъ отъ академіи наукъ и университетовъ. Только *восемнадцать* мѣстъ сочла возможнымъ правящая группа представить буржуазному обществу новой Россіи. Городскія думы совершенно обойдены, и на настойчивыя домогательства торговопромышленной буржазіи объ увеличеніи числа ея представителей—послѣдовалъ категорическій отказъ. Много горькихъ словъ наговорили при этомъ наемные лакеи изъ «Русскаго Государства» по адресу россійскаго купечества. Отсутствіе патріотизма,—что въ особенности проявляется въ постоянныхъ отказахъ россійскихъ капиталистовъ. реализировать государственные займы,—поголовное невѣжество, отсутствіе иниціативы, хищничество и т. д. выставлялись здѣсь характерными чертами промышленпаго класса въ отличіе отъ патріотичнаго, образованнаго и безкорыстнаго дворянства. Послѣ выборовъ, принесшихъ побѣду отсталой и реакціонной части промышленниковъ во главѣ съ Крестовниковымъ (Москва), Ханенко (предсѣдат. кіевскаго отдѣленія партіи правого порядка) и пр., наступилъ, конечно, миръ между «патріотами» и «врагами отечества», и газеты отмѣчаютъ дружную «работу» верхней палаты; небольшимъ диссонансомъ являются лишь рѣчи нѣсколькихъ умѣреннѣйшихъ кадетовъ, проскользнувшихъ въ земской и университетской куріи.

Организація верхней палаты является шедевромъ нашей «конституціи». Безъ согласія Совѣта ни одинъ законъ, принятый Думой, не можетъ получить силы. Безъ сдѣлокъ съ этимъ средоточіемъ угодливаго чиновничества и дворянской реакціи—невозможна никакая положительная законодательная работа Думы. Абсолютизмъ организовалъ подъ облыжнымъ ярлыкомъ народнаго представительства черносотенное учрежденіе худшаго калибра, правительственный органъ sans phrases, о которомъ, перефразируя слова Наполеона I, можно безошибочно предсказать, что правительству никогда не придется *принуждать* почтенное собраніе къ исполненію его воли, что, наоборотъ, оно всегда *пойдетъ добровольно еще дальше правительства*, изо всѣхъ силъ прислуживаясь своему кормильцу-поильцу.

Плоть отъ плоти и кость отъ кости самодержавнаго режима, Государственный Совѣтъ вполнѣ гармонируетъ со всѣми остальными институтами нашей писанной конституціи. И если находятся публицисты, которые въ учрежденіи Госуд. Совѣта видятъ coup d'état, то они свою собственную безпринципность переносятъ на правящую въ Россіи соціальную группу!.. Нельзя отрицать своеобразной принципіальности и послѣдовательности въ конституціонномъ творчествѣ бюрократическихъ верховъ, упорно преслѣдующихъ съ самаго 17 октября одну и ту же цѣль!.. Еще Лассаль любилъ говорить, что слуги монархіи — практическіе люди, а не краснобаи; такихъ практическихъ людей онъ желалъ и рабочимъ массамъ...

6 мая.

С. Цейтлинъ.

---

1) Для пассивнаго избират. права въ Госуд. Совѣтѣ установленъ образовательный цензъ (оконч. курса среднеучебнаго завед. кромѣ него также и возрастный, который опредѣленъ въ 40 лѣтъ. Выбираются члены Госуд. Сов. на 9 лѣтъ.

Вопросъ о свободѣ совѣсти въ партійныхъ программахъ.

Буржуазное общество считаетъ религію одною изъ своихъ основъ. Собственность, семья и религія—вотъ три «священныя» основы современнаго общества; всякую критику этихъ основъ, не говоря уже о посягательствѣ на нихъ, буржуазія считаетъ преступленіемъ, не менѣе тяжкимъ, чѣмъ въ самомъ близкомъ отъ насъ прошломъ считалось посягательство на «самодержавіе, православіе и народность». Нужды нѣтъ, что тѣ же самые защитники и даже «дѣлатели» трехъ основъ буржуазнаго общества сплошь и рядомъ нарушаютъ ихъ. Собственность священна—но грабить ближняго посредствомъ присвоенія прибавочной стоимости, роста и всякихъ иныхъ нетрудовыхъ доходовъ, наконецъ просто посредствомъ «выжиманія пота», сжигать и отдавать въ жертву громиламъ имущество всяческихъ «крамольниковъ», тратить деньги, выжимаемыя съ нищенствующаго народа на ссуды, субсидіи, прогоны, аренды, подарки и просто на содержаніе танцовщицъ—вполнѣ законно и честно. Когда же соціалисты объявляютъ, что слово «собственность» стоитъ въ вязи съ эпитетомъ «священный» по недоразумѣнію, и правильнѣе было бы превратить вышеозначенный догматъ въ такой «кража священна», то поднимается вопль, крики негодованія летятъ къ небу... то бишь, къ трону и къ опричникамъ трона—и вся машина предупрежденія и пресѣченія начинаетъ работать самымъ энергичнымъ образомъ... Семья священна—но изъ этой «священной» семьи юноши идутъ въ дома разврата, въ которые защитники «священной» собственности толкнули ограбленныя ими жертвы. Бракъ въ буржуазномъ обществѣ только въ видѣ исключенія является свободнымъ союзомъ любви; въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ превратился только въ денежную сдѣлку, формальнымъ образомъ закрѣпленную. И когда соціалисты заявляютъ, что слово «семья» опять-таки стоитъ въ сочетаніи съ эпитетомъ «священной» по недоразумѣнію, снова начинаетъ работать машина предупрежденія и пресѣченія.

«Религія священна» — вотъ третій догматъ, который выставляется буржуазнымъ обществомъ. Но тутъ мы вдругъ встрѣчаемъ возраженія. Прямо заявить такъ буржуазія совѣстится передъ нѣкоторыми изъ своихъ же собратьевъ, очень хорошо понимающихъ, что религія есть просто продуктъ фантазіи невѣжественнаго дикаря, въ качествѣ пере-

житка живущій до сихъ поръ въ сознаніи малообразованной народной массы. Поэтому различные круги буржуазіи по разному формулируютъ этотъ лозунгъ. Крупная буржуазія, столпъ капитализма, не имѣетъ никакого стыда и совѣсти; она прямо такъ и заявляетъ, прибавивъ только словечко «христіанская». Средняя буржуазія, въ рядахъ которой находится такъ называемая интеллигенція, выставляетъ лозунгъ, звучащій совершенно иначе: свобода совѣсти есть священное право человѣка, но на практикѣ готова подвергнуть это священное право цѣлому ряду ограниченій. Мелкая буржуазія — та не выставляетъ одного опредѣленнаго лозунга. Ея реакціонные слои, живущіе мелкимъ производствомъ, гибнущимъ безповоротно передъ напоромъ капитализма, являются наиболѣе коснымъ и невѣжественнымъ элементомъ. Они еще не избавились отъ средневѣковыхъ суевѣрій и потому всегда спѣшитъ на помощь защитникамъ религіи. Полупролетарская масса мелкой буржазіи стонетъ подъ эксплоатаціей капитала; это—переходный мостъ къ настоящему пролетаріату. Она все болѣе и болѣе проникается духомъ соціализма; но пока еще капитализмъ не обнаружилъ признаковъ окончательнаго разложенія, она качается между двумя опредѣлившимися ясно врагами, буржуазіей и пролетаріатомъ, склоняясь то въ одну, то въ другую сторону. Она понимаетъ лозунгъ о свободѣ совѣсти, выбрасываемый средней буржуазіей, въ его дѣйствительномъ смыслѣ. Разсмотримъ по порядку религіозные лозунги буржуазіи.

Прежде всего, нѣтъ надобности доказывать, почему буржуазія начинаетъ тревожиться каждый разъ, когда замѣчаетъ, что религіозное вольнодумство начинаетъ распространяться въ рабочей массѣ. Религіозныя иллюзіи представляютъ изъ себя чрезвычайно благопріятное явленіе аъ точки зрѣнія буржуазіи. Пользуясь религіознымъ атавизмомъ, буржуазія эксплоатируетъ это чувство въ своихъ личныхъ интересахъ. Изъ религіи она сдѣлала превосходно дѣйствующее орудіе классоваго угнетенія. Не вдаваясь далеко вглубь исторіи, оставаясь въ предѣлахъ современнаго намъ міра, мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ этимъ орудіемъ. Посмотримъ, какъ оно употребляется, и что изъ этого выходитъ.

«Христіанская религія священна»,—провозглашаетъ крупная буржуазія. Мы уже видѣли, что буржуазія стѣсняется провозгласить этотъ догматъ въ болѣе общей формѣ; но та форма, въ которой онъ провозглашается, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Христіанство господствуетъ въ капиталистическихъ странахъ; разныя его вѣроисповѣданія, несмотря на всѣ различія между собою, являются историческими религіями, т.-е. выросшими въ классовомъ обществѣ и значитъ приспособленными къ его нуждамъ.

Буржуазія, приходящая въ лицемѣрный ужасъ отъ всякаго религіознаго вольтерьянства, сама по себѣ молится одному богу—проценту; но для эксплоатируемой ею массы она считаетъ полезнымъ обаяніе религіознаго обмана, проповѣдующаго покорность, смиреніе и терпѣніе. Заставляя церковь служить своимъ интересамъ, капиталистическое общество, однако, исполняетъ свое роковое предначертаніе: по мѣрѣ своего развитія уничтожать свои собственныя опоры. Религія, служащая капиталу, слуги церкви, толкующіе сегодня такъ, а завтра иначе церковное уче-

ніе,—все это роняетъ всякій авторитетъ церкви и религіи. Истинный характеръ религіознаго обмана выступаетъ наружу, и его жрецы становятся такими же врагами рабочаго люда, какъ и капиталисты. Примѣры—на нашихъ глазахъ.

Все то, что было до сего сказано объ отношеніи буржуазіи къ религіи, относится къ крупной буржуазіи, представителями которой у насъ являются союзъ 17 октября и близкія къ нему партіи. Чрезвычайно характерно, что союзный блокъ въ своихъ заявленіяхъ не распространяется много на темы о религіи, ссылаясь только на манифестъ 17 октября и глухо говоря что-то о свободѣ вѣроисповѣданія. Но его тактика вскрываетъ его истинное отношеніе къ вопросу о религіи и церкви. Въ настоящій моментъ, когда происходитъ буржуазная революція, на очередь поставлена и реформа церкви. «Черный» соборъ уже объявленъ, и въ СПБ засѣдаетъ подготовительная къ нему комиссія. Въ комиссіи, кромѣ черной братіи, засѣдаютъ свѣтскіе люди, чиновники и общественные дѣятели; большинство ихъ—октябристы, но, что всего характернѣе, еще два лица не октябриста: проф. Ключевскій, кадетъ, и проф. Е. Н. Трубецкой, «дикій», ех-кадетъ. Образовалось, такимъ образомъ, по религіозно-церковному вопросу возможность сотрудничества, правда можетъ быть случайная и не санціонированная партійными комитетами. Политическіе противники превращаются въ союзниковъ, когда дѣло идетъ о религіи. Послушаемъ, что тамъ говорили (по передачѣ газеты «Рѣчь»). Оберъ-прокуроръ указывалъ на наличность въ нашемъ обществѣ религіозныхъ теченій, часто выходящихъ изъ сферъ церковности, и выразилъ пожеланіе, чтобы въ комиссіи было достигнуто соглашеніе, и чтобы отдѣльные ручьи слились въ общій потокъ церковнаго единенія. Кн. Е. Н. Трубецкой взывалъ къ крайнему смиренію передъ церковью и предлагалъ работы комиссіи передать на епархіальные съѣзды духовенства и лучшихъ, наиболѣе преданныхъ церкви мірянъ. Съ нимъ согласился Н. П. Аксаковъ, призывавшій также къ смиренію передъ св. преданіемъ; Ѳ. Д. Самаринъ указывалъ, что для полнаго обновленія церкви нужно не одинъ соборъ, а нѣсколько. Что говорилось въ комиссіи далѣе, неизвѣстно; въ свѣтскія газеты не попало ни одной строки. Но рѣчи въ первомъ засѣданіи очень ясны: «обновленіе» должно вестись въ полномъ смиреніи передъ церковной организаціей и ученіемъ; оно должно свестись, повидимому, лишь къ устраненію разлада между церковью и буржуазіей, должно сгладить недоразумѣнія между ними къ вящей славѣ обоихъ достойныхъ союзниковъ.

Программа кадетской партіи, провозглашая въ числѣ другихъ правъ и право свободы совѣсти, показываетъ, что средняя буржуазія хорошо понимаетъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести открытый и прямолинейный союзъ буржуазіи съ религіей. Наличность ферментовъ разложенія, которые роковымъ образомъ создаются и ростутъ с мѣрѣ роста капиталистическаго общества и которые неизбѣжно кончатся приведеніемъ къ абсурду, самоотрицаніемъ буржуазнаго строя, хорошо чувствуется кадетами. Ихъ программа, поэтому, есть программа сидѣнія между двухъ стульевъ. Они не могутъ стать въ ряды враговъ буржуазнаго строя, такъ какъ все ихъ благополучіе на немъ основано; но они понимаютъ

крайній вредъ для дѣла буржуазіи самоубійственной политики крупной буржуазіи. Она идетъ прямой дорогой, которая всего короче къ конечному пункту, соціальной революціи; средняя буржуазія принуждена лавировать, старается смягчить и примирить классовыя противорѣчія, старается усыпить врага, и въ тоже время укрѣпить свою позицію.

Прямой результатъ этого—недоговоренность программы, обиліе примѣчаній; все это даетъ пищу для критики и лѣвымъ и правымъ. Посмотримъ, что говоритъ кадетская программа о свободѣ совѣсти.

«Каждому гражданину обезпечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. Никакія преслѣдованія за исповѣдуемыя вѣрованія и убѣжденія, за перемѣну или отказъ отъ вѣроученія не допускаются». Сказано какъ будто ясно; но не яснѣе ли было бы сказать: каждому гражданину обезпечивается свобода вѣры и невѣрія? Коротко и ясно, и никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій не требуется. Однако, кадеты предпочли растянуть этотъ тезисъ, тщательно избѣгая слова «невѣріе». Они скажутъ, что implicite это заключается въ терминѣ «свобода совѣсти» и въ терминѣ «отказъ отъ вѣроученія». Но имъ хорошо должно быть извѣстно, что у насъ въ Россіи содержаніе термина «свобода совѣсти» далеко не всѣмъ понятно и не установилось въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ его слѣдуетъ понимать. Имъ жонглируетъ и наше правительство и октябристы; поэтому слѣдовало бы точно и ясно опредѣлить его содержаніе. Далѣе «отказъ отъ вѣроученія» вовсе не равнозначущъ «невѣрію». Отказъ отъ вѣроученія есть первое условіе для перемѣны вѣроученія или для перехода въ невѣріе. Послѣ отказа отъ вѣроученія открываются двѣ дороги; кадетская программа ясно указываетъ лишь на одну. Такая же недоговоренность сквозитъ и въ заключительномъ пунктѣ параграфа о свободѣ совѣсти. «Православная церковь и другія исповѣданія должны быть освобождены отъ государственной опеки». Т.-е. отъ чего? Отъ вліянія оберъ-прокурора и департамента инославныхъ вѣроисповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ? Но почему же тогда прямо не сказать: церковь должна быть отдѣлена отъ государства? Вѣдь освободить церковь отъ оффиціальной опеки не значитъ еще отдѣлить ее отъ государства. Во Франціи не было никакой оффиціальной опеки государства надъ церковью, но церковные іерархи получали изъ французскаго казначейства жалованье, и этого было довольно. Освобожденіе церкви отъ государственной опеки означаетъ ли превращеніе всякихъ выдачъ изъ казны на церковныя нужды?

Мы сейчасъ укажемъ, что всѣ эти замѣчанія вовсе не редакціонныя. Редакціонныя неясности кадетской программы вовсе не случайны; за ними кроется опредѣленная цѣль: скрыть истинный, чисто буржуазный характеръ кадетской программы. Намъ говорятъ, что «невѣріе» само собою разумѣется. Но гдѣ тогда необходимые аттрибуты полной свободы совѣсти, гражданскій бракъ, гражданское погребеніе, отдѣленіе школы отъ церкви? Кадетская программа объ этомъ всемъ умалчиваетъ, оставляя своимъ избирателямъ и членамъ здѣсь полный просторъ для сужденій. А когда дѣло дойдетъ до осуществленія кадетской программы на дѣлѣ, мы услышимъ отъ кадетскихъ генераловъ такія рѣчи, которыя весьма придутся не по вкусу даже ихъ мелкобуржуазнымъ избирателямъ. Про-

образъ кадетской конституціи напечатанъ въ сборникѣ «Конституціонное государство» (изд. Каминки и Гессена). §§ 18 и 19 этого проекта звучатъ нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ соотвѣтствующій имъ параграфъ кадетской программы, но зато ничего не говорятъ объ освобожденіи церкви отъ государственной опеки. А по § 25 синодъ, наряду съ верховнымъ судомъ, совѣтомъ министровъ, сенатомъ и государственной думой, если оно находится въ сборѣ (NB. З. А.), присутствуетъ при принесеніи императоромъ присяги на вѣрность конституціи. Такимъ образомъ, синодъ eo ipso причисляется къ разряду верховныхъ государственныхъ установленій, и его присутствіе при присягѣ императора считается болѣе важнымъ, чѣмъ присутствіе государственной думы.

Опять прицѣпка, прицѣпка къ техническому вопросу, да еще изъ документа, оффиціально не признаннаго партійнымъ! заворчатъ кадеты. Но вотъ лейбъ-органъ кадетовъ, «Рѣчь», въ № 17 даетъ нѣкоторыя очень опредѣленныя указанія на то, что если когда-либо къ кадетамъ перейдетъ власть, они будутъ вести опредѣленную церковную политику, отнюдь не въ духѣ невѣрія. Въ СПБ. образовался союзъ церковнаго обновленія; «Рѣчь» напечатала записку, излагающую программу этого союза и посвятила ему первую передовую статью.

Статья заканчивается слѣдующими словами: «отъ всей души желаемъ самаго широкаго успѣха симпатичному и важному начинанію, и надѣемся, что въ основныхъ вопросахъ служенія родинѣ наши дороги не разойдутся съ союзомъ церковнаго обновленія. Пока союзъ будетъ вѣренъ принципамъ, положеннымъ въ основаніе печатаемой нынѣ записки, онъ встрѣтитъ въ насъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ, и мы всегда будемъ рады оказать ему посильную поддержку». Итакъ, о невѣріи въ туманной терминологіи разобраннаго выше пункта кадетской программы не можетъ быть рѣчи. Партія, для которой безразличны вѣра или невѣріе, которая, слѣдовательно, считаетъ религіозные вопросы частнымъ дѣломъ человѣческой совѣсти, не можетъ вступать въ союзъ съ какой бы то нибыло церковной организаціей. «Ты сказалъ»,—и самъ истолковалъ свою программу. Могутъ ли быть возраженія противъ автентичнаго толкованія?

Однако, пойдемъ дальше и посмотримъ, что такое хочетъ сдѣлать пріятнаго кадетамъ союзъ церковнаго обновленія. Записка союза церковнаго обновленія составлена группой молодыхъ петербургскихъ священниковъ; изъ нея видно, что ея составители не принадлежатъ къ числу рядовыхъ невѣжественныхъ поповъ, обратившихъ церковное служеніе въ простую продажу благодати оптомъ и въ розницу. Записка исходитъ изъ того, что современное положеніе церкви, какъ служанки государства, привело ее на край гибели: на церковь смотрятъ, какъ на источникъ мрака и вражды ко всякому свѣтлому и свободному движенію. Всѣ живыя силы страны организовались внѣ церкви, вырабатывая новые политическіе и общественные идеалы и проповѣдуя свои системы атеистическаго гуманизма и матеріализма. *А между тѣмъ церковь, вѣра Христова, имѣетъ своимъ прямымъ назначеніемъ оказывать постоянное воздѣйствіе на ходъ жизни народа, вливать животворныя начала вѣчной правды и любви во всѣ стороны народной жизни, преобразуя общественныя условія жизни.* (Курсивъ мой. З. А.)

Поэтому, записка рекомендуетъ церковнымъ дѣятелямъ выйти изъ апатіи и принять самое дѣятельное участіе въ общественной жизни, стараясь очистить, возвысить, придать истинную цѣнность всѣмъ новымъ исканіямъ людей и направить ихъ къ нормамъ, которыя ближе всего соотвѣтствуютъ духу ученія Христова. «Мы должны, говоритъ записка, поддерживать въ народѣ вѣру въ лучшее и болѣе свѣтлое будущее, требуя отъ него только одного — оставивъ всякое насиліе, идти путемъ мира, добраго соглашенія, взаимной уступчивости и уваженія другъ къ другу, однимъ словомъ, любви Христовой». Детально записка касается только трехъ вопросовъ: государственнаго строя, рабочаго и крестьянскаго вопросовъ. Установленіе правового государства желательно, такъ какъ съ его установленіемъ будетъ уничтоженъ произволъ и утверждена законность; а такой строй «самъ по себѣ силенъ поддерживать въ гражданахъ убѣжденіе, что есть правда Божія на землѣ, что она могущественнѣе всего въ мірѣ». Продолжительность рабочаго времени должна быть регулирована безобидно (для кого?); рабочее движеніе надо организовать, направивъ его въ сторону кооперації. Относительно крестьянъ нѣтъ конкретныхъ указаній, но лишь жалостныя, елейныя причитанія о ихъ бѣдственномъ положеніи.

Итакъ, вотъ чьими сторонниками будутъ кадеты, вотъ кому они обѣщаютъ свою посильную поддержку. Группа союза церковнаго обновленія собирается не болѣе не менѣе взять въ свои руки все соціальное движеніе, стремясь ввести его въ русло примиренія и взаимопомощи, т.-е., по-просту говоря, произвести самостоятельно ту самую работу, которую износившаяся церковная организація уже неспособна выполнять, несмотря на постоянную поддержку государства. Союзъ церковнаго обновленія, однако, не можетъ остаться внѣ союза съ государствомъ, такъ какъ союзъ государства съ церковью необходимо диктуется всею природою отношеній церкви и классового государства. И завтрашніе министры уже предупредительно протягиваютъ «обновителямъ» руки. Раньше церковь провозглашала божественнымъ установленіемъ крѣпостное право. Теперь церковь, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе просвѣщенные ея дѣятели займутся освященіемъ профессіональныхъ союзовъ и проповѣдью любви между хозяевами и рабочими. Всякому овощу свое время! Но мы теперь знаемъ, что кадетскіе овощи только по внѣшнему виду красная сладкая морковь, а въ дѣйствительности бѣлая горькая рѣдька.

Оповѣстивъ urri et orbi о предстоящемъ своемъ союзѣ съ группою церковнаго обновленія, «Рѣчь» не остановилась на этомъ. Лейбъ органъ кадетовъ во что бы то ни стало хочетъ доказать всѣмъ благонадежнымъ и умѣреннымъ элементамъ, что к. д. партія самая что ни на есть подходящая для всѣхъ благонадежныхъ и умѣренныхъ людей. Въ собраніяхъ, гдѣ оратора часто противъ желанія его самого поднимаетъ повышенная атмосфера, ораторы кадетовъ говорятъ даже и зажигательныя рѣчи, доходя даже до открытыхъ изъявленій предпочтенія лѣвыхъ передъ правыми. Но въ «Рѣчи» каждая строчка продумана и взвѣшена. И вотъ въ № 43, отъ 9 апрѣля, еще во время избирательной компаніи «Рѣчь» съ особымъ удовольствіемъ помѣстила отзывы церковной печати о партіи «народной свободы». Оказывается, что старые враги народной свободы хвалятъ

партію «народной свободы,» и всякому умѣренному и благочестивому человѣку становится ясно, что голосуя за партію кадетовъ, онъ не совершитъ никакого грѣха, а напротивъ, дѣлаетъ богоугодное дѣло. Кадетская партія—необыкновенная партія! Чего хочешь—того просишь! Она зоветъ въ свое лоно соціалистовъ, а органъ синода «Церковныя Вѣдомости» предупреждаетъ выборщиковъ—пастырей, что все, что распространяютъ про кадетовъ ихъ враги, это гнусная клевета, и что нѣкоторыя болѣе воображаемыя крайности партіи, несомнѣнно, сгладятся, когда дѣло дойдетъ до дѣйствительной государственной работы; поэтому выборщикамъ—пастырямъ предоставляется выбирать кандидатовъ любой партіи, лишь бы люди были хорошіе. Приведя эту цитату безъ замѣчаній, «Рѣчь» не сообразила, что этимъ самымъ она открываетъ полную возможность и право для «друзей» слѣва заявить, что въ этомъ они видятъ косвенное подтвержденіе, помѣщенное при томъ въ партійномъ органѣ, справедливости подозрѣній по адресу кадетовъ въ томъ, что они продадутъ и народныя права и свободу, какъ только получатъ власть. Еще болѣе, чѣмъ «Церковнымъ Вѣдомостямъ» нравятся кадеты «Богословскому Вѣстнику.» Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести аттестацію «Богословскаго Вѣстника» in extenso: «Въ программѣ этой партіи нѣтъ мѣста узкимъ, классовымъ интересамъ. Она запечатлѣна, какъ справедливо замѣтилъ проф. Милюковъ, характеромъ внѣклассоваго идейнаго движенія и потому можетъ служить для нашего духовенства хорошимъ руководствомъ въ его общественной и политической дѣятельности». Итакъ, наканунѣ выборовъ второй очереди партія зоветъ къ себѣ, «вся христіаны.» Когда эта христіаннѣйшая партія («въ основѣ ея положена вполнѣ христіанская идея»—Богослов. Вѣстникъ) начнетъ проводить свою программу въ жизнь, пунктъ ея программы о свободѣ совѣсти подвергнется жестокой атакѣ съ двухъ фронтовъ. Радикальная мелкая буржуазія, даровавшая кадетамъ побѣду на выборахъ, пожелаетъ осуществленія пункта о свободѣ совѣсти въ серьезъ; духовенство, съ которымъ «Рѣчь» обмѣнивалась подъ шумокъ такими любезностями, пожелаетъ не разводить невѣрія. Куда склонятся вѣсы? Авансы даны не налѣво, а направо.....

Такимъ образомъ, буржуазная свобода совѣсти, провозглашаемая программою средней буржуазіи, оказывается весьма ограниченною. Лейбъ-органъ кадетовъ «Рѣчь» любитъ говорить, что конституціонно-демократическая партія есть партія «реформы,» а не «ниспроверженія.» Кадеты не хотятъ ниспровергать тронъ; еще менѣе желаютъ они ниспровергать алтарь, ибо и тотъ и другой являются превосходными орудіями буржуазнаго господства. Поэтому, если программа кадетовъ умалчиваетъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, это значитъ, что кадеты готовы оставить въ силѣ многіе институты, являющіеся прямымъ результатомъ союза государства съ церковью. На первомъ планѣ, конечно, здѣсь будетъ религіозное обученіе въ школѣ. Всякому очень хорошо извѣстно, что такое это обученіе, и нельзя представлять себѣ дѣло такъ, что послѣ прекращенія религіозныхъ преслѣдованій и установленія свободы конкуренціи между отдѣльными вѣроисповѣданіями обученіе закону Божію въ школѣ станетъ лучше, чѣмъ теперь. Современные уроки

закона Божія—непроизводительная трата времени. Легенды ветхаго и новаго завѣта, сказочныя чудеса, долбленіе малопонятныхъ молитвъ и символа вѣры въ младшихъ классахъ, средневѣковая схоластика въ старшихъ—все это отнимаетъ массу времени, которое могло бы быть затрачено болѣе производительно на изученіе естествовѣдѣнія и исторіи.

Программа и рѣчи кадетовъ не даютъ основанія надѣяться, чтобы они желали пожертвовать сказками и схоластикой въ пользу исторіи и природовѣдѣнія. Свободу конкуренціи между религіями они допустить готовы; но ввести свѣтскую школу и отдѣлить церковь отъ государства—это значитъ отдать древо познанія добра и зла въ пользованіе эксплоатируемой массы. Буржуазія знаетъ, къ чему это поведетъ.

Горькій овощъ кадетской программы еще не раскусила малосознательная масса мелкой радикальной буржуазіи. Она дала кадетамъ большинство на выборахъ, но это не значитъ, чтобы наиболѣе сознательные слои мелкой буржуазіи, притянутой временно въ кадетской платформѣ, долго остались въ союзѣ съ чистокровными кадетами. Мелкая радикальная буржуазія содержитъ въ своей средѣ много полупролетарскихъ элементовъ; въ силу этого она съ охотою присоединяется къ соціалъ-демократіи, если ей не удается основать собственной партіи, на манеръ радикаловъ-соціалистовъ во Франціи. Во всякомъ случаѣ, передовые и наиболѣе сознательные элементы мелкой буржуазіи выставляютъ своимъ лозунгомъ чисто демократическія требованія, соотвѣтствующія политической платформѣ соціалъ-демократіи. И соціалисты-революціонеры и радикалы стоятъ за республику, съ однопалатнымъ представительствомъ, за полную свободу совѣсти и за полное отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви. Эти требованія чисто-демократическія, какъ и партіи, ихъ выставляющія. Мелкая радикальная буржуазія зависитъ отъ капиталистическаго общества, которому она служитъ; но не будучи занята непосредственно производствомъ хозяйственныхъ благъ, она въ своей массѣ готова всегда сочувствовать соціалистическимъ лозунгамъ, выставляемымъ рабочимъ пролетаріатомъ, но не всегда проникается ими и работаетъ для ихъ осуществленія. Самое для нея важное—создать такія политическія условія, которыя свели бы эксплоатацію до минимума. Лишь отдѣльные слои и лица изъ среды мелкой буржуазіи сознательно вступаютъ въ ряды соціалъ-демократіи; по мѣрѣ разложенія капитализма численность ихъ будетъ увеличиваться, пока вся мелкая буржуазія не станетъ окончательно подъ знамя соціализма. Тогда онъ проникнется всецѣло соціалистическими идеалами и пойметъ глубокій смыслъ требованій соціалъ-демократіи.

Требованія свободы совѣсти, отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви суть требованія нашей программы—минимумъ. Но это не значитъ, чтобы по смыслу они были вполнѣ тождественны съ тождественными по формулѣ требованіями мелкой буржуазіи. Наши требованія не ставятъ своею цѣлью только достиженіе болѣе благопріятныхъ условій для борьбы за соціализмъ; нѣтъ, проведеніе программы минимумъ уже закладываетъ первый камень будущаго соціалистическаго строя. По отношенію къ требованію свободы совѣсти соціалъ-демокра-

тическая программа также смотритъ въ будущее. Полное проведеніе принципа свободы совѣсти, со свѣтскимъ обученіемъ, гражданскимъ бракомъ и т. д. нетолько наноситъ тяжелый ударъ церкви, какъ орудію классового угнетенія, но и разрушаетъ обаяніе всяческихъ религіозныхъ мечтаній. Между тѣмъ цѣль соціалъ-демократіи состоитъ въ томъ, чтобы освободить человѣка всецѣло, и отъ экономической зависимости, и отъ путъ мрака и невѣжества. Съ разрушеніемъ капитализма погибнетъ и церковь, дѣтище классового государства; религія станетъ въ тѣ же условія, въ какихъ она была въ эпоху, предшествовавшую появленію частной собственности. Но тогда религіозныя воззрѣнія возникали на почвѣ борьбы человѣка съ подавлявшей его природой; когда же придетъ конецъ классовой борьбѣ, религія, потерявъ точку опоры въ церковныхъ организаціяхъ, не найдетъ ея уже и въ невѣжествѣ человѣка. Такимъ образомъ, требованіе соціалъ-демократической программы о проведеніи полной свободы совѣсти стремится не только разрушить узы матеріальной зависимости, но подготовить почву для уничтоженія всякихъ суевѣрій, предразсудковъ, самообмановъ и проложить путь для конечнаго торжества человѣческаго разума,

З. Антоновъ.

Два проекта соціалъ-демократической аграрной программы. Аграрная программа IV съѣзда.

I.

Едва ли нужно доказывать, насколько опасной для соціалъ-демократической партіи является «аграрная разноголосица», существующая въ настоящее время среди громаднаго большинства ея членовъ. Необходимо такъ или иначе покончить съ ней, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—иначе она можетъ вылиться въ свободу отъ всякой аграрной программы,—и тогда каждый пропагандистъ, каждый агитаторъ будетъ говорить то, что «Богъ на душу положитъ», смотря по настроенію. Настоятельная потребность притти къ тому или иному, опредѣленному рѣшенію аграрнаго вопроса,—выработать партійную аграрную программу, усиливается несомнѣнно еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что *принципіально* различная точка зрѣнія въ аграрномъ вопросѣ *главнымъ образомъ* отдѣляетъ насъ отъ соціалъ-народниковъ. Отсутствіе точно формулированной аграрной программы легко можетъ увлечь многихъ товарищей на скользкій путь с—эровскаго прожектерства. Аграрная программа, принятая на 2-мъ съѣздѣ, между прочимъ, потому и пришлось къ сердцу многихъ партійныхъ товарищей, что она проводила рѣзкую грань между соціалъ-демократами и соціалистами революціонерами, которые мечтали и, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ мечтаютъ не «допустить» развитіе капитализма въ русской деревнѣ тамъ, гдѣ капитализмъ находится еще въ первоначальной стадіи зарожденія и «уничтожить» это развитіе тамъ, гдѣ уже вполнѣ господствуетъ капиталъ. Аграрная программа 2 съѣзда несомнѣнно составлена подъ вліяніемъ идейной борьбы марксизма съ шумно выступившимъ къ концу 90-хъ годовъ на полит. сцену новымъ теченіемъ народничества, представлявшимъ своеобразную смѣсь старыхъ «самобытныхъ теорій г.г. В. Воронцова, Николай—она и К° съ послѣдними, выводами «моднаго» въ то время въ западно-европейской марксистской литературѣ направленія, извѣстнаго подъ именемъ «ревизіонизма».

Авторъ программы Н. Ленинъ въ свое время (въ № 4 «Зари») подробно указывалъ, именно, на эту сторону дѣла. Выставленіе лозунга экспропріаціи всей земли въ то время, когда еще живы были традиціи чернаго передѣла, признавалось не желательнымъ: онъ легко могъ быть истол-

кованъ какъ соціалистическій лозунгъ, во всякомъ случаѣ какъ лозунгъ, содержащій въ себѣ кое-что «соціалистическое».

Помимо этого, какъ говоритъ Г. В. Плехановъ въ № 5 своего «дневника», высказывалось опасеніе и по части «судебъ капитализма» въ Россіи. Но уже тогда, когда составлялся проектъ программы, имѣлось въ виду, что «отрѣзки» не есть предѣлъ, «его-же не прейдеши». Плехановъ въ той же книжкѣ «Зари» говорилъ, что со временемъ придется несомнѣнно поставить вопросъ объ экспропріаціи *всѣхъ* земель *крупныхъ собственниковъ*. Тоже самое говорилъ Н. Ленинъ («Къ деревенской бѣднотѣ» 68 стр.). Слѣдовательно, тактическія резолюціи 3 съѣзда и конференціи «меньшинства» не были чѣмъ-то неожиданнымъ, логически недопустимымъ съ точки зрѣнія составителей программы, принятой на 2-мъ съѣздѣ[1]). Это не мѣшаетъ запомнить тѣмъ, кто торжественно заявляетъ теперь, что соціалъ-демократія, якобы отказалась отъ своей аграрной программы, какъ совершенно *ошибочной*.

Тѣмъ не менѣе резолюціи 3 съѣзда и конференціи вызвали немало сомнѣній въ головахъ многихъ сторонниковъ старой программы съ «отрѣзками», не понявшихъ однако настоящаго характера программы. Они были сильно смущены «новой», якобы, позиціей соціалъ-демократіи занятой ею по отношенію къ крестьянству на 3 съѣздѣ партіи, и хотя оффиціально не отрицали необходимости тактической резолюціи, то все-же продолжали относиться къ ней очень скептически и недовѣрчиво, комментируя ее всякій по своему. Для нихъ, какъ это показываютъ протоколы съѣзда и конференціи, возникалъ даже вопросъ о томъ, *можетъ-ли* соціалъ-демократія *поддерживать* крестьянское движеніе вплоть до конфискаціи всѣхъ земель. . . не будетъ-ли такой шагъ съ ея стороны демагогіей и нѣкоторой приспособляемостью къ крестьянству, въ массѣ мелко буржуазнымъ элементамъ.

Наиболѣе ярые изъ нихъ сторонники «своего рода» артодоксіи считали необходимымъ лишь подчеркнуть, что соціалъ демократія *не должна* «останавливать» крестьянское движеніе, препятствовать его развитію—какъ будто это могло быть еще подъ какимъ нибудь сомнѣніемъ!

Не раздѣляя вполнѣ необходимости *поддерживать* крестьянское движеніе вплоть до конфискаціи всѣхъ земель и чувствуя въ то-же время, что въ *данный моментъ* «отрѣзки» не удовлетворятъ крестьянъ, они пытаются расширить понятіе «отрѣзковъ», комментируя ихъ въ смыслѣ всѣхъ земель, которыя служатъ орудіемъ хозяйственнаго закабаленія крестьянъ. Эту точку зрѣнія защищаетъ конференція сѣверныхъ комитетовъ, происходившая въ Москвѣ 21—23 Ноября (отчетъ въ № 3 «Борьбы»). Она постановила:

«*принципіальную часть* аграрной программы *оставить безъ измѣненія*, пунктъ объ «отрѣзкахъ» замѣнить пунктомъ о возвращеніи всѣхъ тѣхъ земель, которыя служатъ въ рукахъ землевладѣльца орудіемъ закабаленія крестьянъ, опредѣливъ точно, что это за земля; пункта съ требованіемъ всей земли крестьянству (?) ни въ коемъ случаѣ не вносить въ программу».

---

[1]) *Примѣчаніе.* Хотя проектъ аграрной программы составленъ Н. Ленинымъ, но онъ былъ представленъ на утвержденіе съѣзда отъ имени всей редакціонной коллегіи „Искры".

Конференція тѣхъ-же комитетовъ, бывшая въ февралѣ 1906 г. приняла ту-же резолюцію, опредѣливъ конкретно, какія именно земли подлежатъ отчужденію. Въ марксисткой литературѣ эту точку зрѣнія на аграрный вопросъ защищаетъ Н. А. Рожковъ. Въ сборникѣ «Текущій моментъ», какъ одинъ изъ пунктовъ соц.-дем. аграрной программы, онъ выставляетъ передачу крестьянамъ безъ выкупа всѣхъ тѣхъ земель, которыя служатъ орудіемъ для ихъ хозяйственнаго закабаленія; по его мнѣнію «это требованіе въ сущности уже и стоитъ въ аграрной программѣ, принятой на 2 съѣздѣ, и только выражено тамъ въ конкретной формѣ возвращенія отрѣзковъ.»

Желая «принципіальную часть программы оставить безъ измѣненія», тов. конференты и тов. Н. Рожковъ вносятъ въ программу такія существенныя поправки, какъ наприм., «отрѣзки» «не in concreto», которыя совершенно измѣняютъ именно ея принципіальный характеръ.

Въ программѣ 2 съѣзда имѣлись въ виду «отрѣзки» in concreto, именно, тѣ земли, которыя были отрѣзаны въ 1861 году въ пользу помѣщиковъ и служатъ теперь въ ихъ рукахъ орудіемъ закабаленія крестьянъ. Отрѣзныя земли были *органически* связаны со всѣмъ строемъ крестьянскаго хозяйства, какъ оно сложилось въ эпоху крѣпостного права. Поэтому крестьяне испытываютъ особенную нужду именно въ *этихъ* земельныхъ участкахъ. Напримѣръ, они имѣютъ пахотную землю, но не имѣютъ выгона, водопоя, выпаса, которые отошли при реформѣ къ помѣщику. Ясное дѣло, что крестьяне вынуждены арендовать эти участки земли у помѣщика, который является въ данномъ случаѣ господиномъ положенія и сдаетъ ихъ въ аренду на кабальныхъ условіяхъ. Въ иныхъ случаяхъ, крестьяне фактически лишены были права пользоваться своей землей, такъ какъ размежеваніе земли помѣщиками произведено было съ явнымъ расчетомъ поставить крестьянъ въ такія условія, чтобы они постоянно нуждались въ своемъ бывшемъ баринѣ-помѣщикѣ. Очень часто можно наблюдать въ настоящее время такое явленіе. Помѣщичья земля входитъ клиномъ въ крестьянскую землю, и крестьяне принуждены арендовать именно *этотъ участокъ помѣщичьей земли*, даже въ томъ случаѣ, если земли у нихъ болѣе или менѣе достаточно.

Слѣдовательно, программа 2 съѣзда имѣла въ виду уничтожить тѣ кабальныя отношенія, которыя возникаютъ лишь на почвѣ уцѣлѣвшихъ отъ добраго, стараго времени крѣпостническихъ порядковъ въ деревнѣ, которыя не являются неизбѣжнымъ спутникомъ развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ и *вполнѣ* устранимы въ настоящее время.

Уничтоженіе «отрѣзковъ», какъ *особаго вида* кабалы, конечно, не исключаетъ возможности существованія и появленія вновь кабальныхъ отношеній въ той или другой формѣ, но программа 2 съѣзда и не претендовала на то, чтобы уничтожить всѣ виды кабальныхъ отношеній въ деревнѣ.

5 пунктъ программы требуетъ «предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ».

Но соціалъ-демократія и *не можетъ* теперь уничтожить всѣ виды кабальныхъ отношеній въ деревнѣ, поскольку они неразрывно связаны съ самымъ процессомъ развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ

обществѣ и будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ вообще буржуазный строй.[1]) А посему она и *не должна* выставлять это требованіе на своемъ партійномъ знамени, если не хочетъ отказаться отъ идей научнаго соціализма и опуститься до уровня буржуазнаго соціаль-реформаторства и всевозможныхъ реакціонно-утопическихъ экспериментовъ, вродѣ наприм. тѣхъ, которые проектируютъ «демонстрировать» на русскомъ крестьянинѣ наши соціалъ-народники.

Послѣдніе, между прочимъ, предлагаютъ въ настоящее время, при капиталистическомъ строѣ уничтожить не только кабальныя отношенія, но даже и наемный трудъ въ деревнѣ. Для этого, по ихъ мнѣнію, достаточно, чтобы земля сдавалась государствомъ въ аренду тому, кто ее самъ обрабатываетъ безъ помощи наемныхъ рабочихъ.

Возможно ли это при капиталистическомъ строѣ — этотъ вопросъ ихъ мало или совсѣмъ не интересуетъ; разъ это *справедливо*, говорятъ они, слѣдовательно, и *должно* быть, по ихъ мнѣнію, на самомъ дѣлѣ. Имъ и въ голову не приходитъ, что въ буржуазномъ обществѣ земля *всегда* будетъ эксплуатироваться въ интересахъ капитала, и никакія «кооперації», «уравнительныя землепользованія» и всякаго рода «передачи» земли въ распоряженіе государства или общинъ, крестьянскихъ или областныхъ—все равно, нисколько не помогутъ имъ осуществить ихъ «благія намѣренія».

Но вѣдь такъ думаютъ соціалисты-*реакціонеры*, и соціалъ-демократамъ, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ литературное наслѣдство К. Маркса и Энгельса, заниматься подобнымъ прожектерствомъ совершенно не къ лицу.

Соц.-демокр. справедливо могутъ гордиться тѣмъ, что имъ одинаково чуждъ какъ безпочвенный, утопическій соціальный романтизмъ, такъ и каррикатурный, опошленный, постепеновскій соціализмъ буржуазныхъ соціалъ-реформистовъ; они одинако враждебно относятся, какъ къ революціонному авантюризму, такъ и къ эволюціонному оппортюнизму. Соціалъ-демократія можетъ и должна ставить себѣ лишь такія задачи, которыя она въ состояніи выполнить. Практически это значитъ, что она можетъ выставить только тѣ требованія, которыя не идутъ въ разрѣзъ съ объективнымъ ходомъ общественнаго развитія. А посему она не можетъ ставить себѣ цѣлью теперь же при буржуазномъ строѣ уничтожить всѣ и всяческія формы кабалы въ деревнѣ. Она можетъ уничтожить только «крѣпостническую» кабалу, и лишь ослабить вредныя послѣдствія кабалы, неизбѣжно возникающей въ самомъ процессѣ развитія производительныхъ силъ въ *рамкахъ* буржуазнаго общества. Уничтожить же кабалу окончательно она не можетъ, какъ не можетъ уничтожить кризисы и безработицу при буржуазномъ строѣ. Такимъ образомъ, только въ смыслѣ уничтоженія «крѣпостнической» кабалы, т.-е. кабалы возникающей на почвѣ пережитковъ крѣпостничества въ деревнѣ въ сферѣ спеціально поземельныхъ отношеній, «отрѣзки» и могли имѣть смыслъ въ соц.-демокр. программѣ.

---

1) *Примѣчаніе.* Подъ кабалой вообще мы разумѣемъ не только эксплуатацію труда соединенную съ личной зависимостью отъ эксплуататора, но и всякую чрезмѣрную эксплуатацію выше нормы, общественно-необходимой при *данныхъ* соціально-эконом. условіяхъ.

И если наши политическіе противники изъ лагеря соціалъ-народниковъ, а вслѣдъ за ними и нѣкоторыя отдѣльныя лица изъ марксистскаго лагеря, указывали намъ на то, что аграрная программа 2 съѣзда не идетъ дальше какихъ-то несчастныхъ «отрѣзковъ», — что даже либеральные земцы обѣщаютъ крестьянамъ «прирѣзки», количественно большіе «отрѣзковъ»,—то соціалъ-демократы совершенно правильно имъ указывали на то, что возвращеніемъ «отрѣзковъ» они не обѣщаютъ теперь же избавить крестьянство отъ эксплуатаціи и всяческихъ формъ кабалы, такъ какъ соц.-дем., какъ и всякая другая партія, не въ состояніи это сдѣлать, не выходя изъ рамокъ буржуазнаго строя. Исходя изъ этого, соціалъ-демократія постоянно указываетъ и будетъ указывать такъ наз. «трудовому» крестьянству, что *дѣйствительное*, а не призрачное улучшеніе его экономическаго положенія возможно *только* при соціализмѣ. Она никогда не станетъ возбуждать въ немъ несбыточныхъ надеждъ теперь же при буржуазномъ строѣ улучшить его положеніе, поддержать и укрѣпить его падающее хозяйство, избавить его отъ всяческихъ формъ кабалы и эксплуатаціи, какъ это обѣщаютъ сдѣлать крестьянству представители буржуазныхъ классовъ, одни изъ нихъ, какъ наприм. соціалъ-народники, совершенно искренно, другіе—какъ наприм. «кадеты» въ силу эгоистическихъ классовыхъ побужденій. Но чѣмъ больше обѣщаній даютъ они крестьянину, чѣмъ больше возбуждаютъ въ немъ несбыточныхъ надеждъ улучшить его матеріальное положеніе, тѣмъ сильнѣе пробуждается въ немъ желаніе поднять свой жизненный уровень, и тѣмъ сильнѣе будетъ у него разочарованіе, когда онъ въ результатѣ увидитъ себя обманутымъ, когда для него ясно будетъ, что всѣ результаты практическаго выполненія обѣщаній пошли на пользу *только* буржуазіи, хотя бы и «крестьянской»,—тѣмъ больше будетъ шансовъ на то, что соціалъ-демократія пополнитъ свои ряды новыми элементами, привлечетъ на свою сторону мелкихъ крестьянъ, но привлечетъ ихъ не измѣняя своей пролетарской точкѣ зрѣнія, не приспосабливаясь къ интересамъ мелко-буржуазныхъ, собственническихъ элементовъ, а напротивъ, возвышая ихъ до своей пролетарской позиціи. Обманутые крестьяне поймутъ, наконецъ, что освобожденіе ихъ отъ эксплуатаціи и кабалы возможно лишь путемъ борьбы за пролетарскіе идеалы соціализма.

Можно, конечно, упрекать авторовъ аграрной программы 2 съѣзда въ излишнемъ доктринерствѣ и узости, но имъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать въ извѣстной послѣдовательности и принципіальной выдержанности марксистской точки зрѣнія. Разъ задача соц.-демократіи въ деревнѣ сводится къ уничтоженію пережитковъ крѣпостничества, къ расчищенію пути для свободнаго развитія классовой борьбы, слѣдов., къ введенію деревни въ условія свободнаго, буржуазнаго строя—и только,—всякое-же реформаторство въ смыслѣ заложенія теперь-же фундамента для соціализма отрицается,—аграрная программа съ «отрѣзками» вполнѣ послѣдовательна и логична. Въ частности «отрѣзки» какъ нельзя лучше иллюстрировали на конкретномъ примѣрѣ общій, основной принципъ, положенный въ основу программы. Они давали опредѣленный, классовый лозунгъ въ борьбѣ, разграничивая пролетарскую позицію отъ позиціи мелко-буржуазной, крестьянской. Уничтожьте «конкретный» ха-

рактеръ «отрѣзковъ», комментируя ихъ въ смыслѣ всѣхъ земель, которыя служатъ орудіемъ хозяйственнаго закабаленія крестьянъ, — и программа съ «отрѣзками» теряетъ всякій смыслъ, являясь программой умѣреннаго либерализма.

Все, что было сказано относительно «отрѣзковъ» in concreto ни въ какомъ случаѣ не примѣнимо къ «отрѣзкамъ» въ расширяемъ толкованіи. Послѣдніе не только не даютъ классового лозунга въ борьбѣ, напротивъ, способны затемнить классовое самосознаніе пролетаріата, затушевать классовую пролетарскую позицію, такъ какъ они укрѣпляютъ въ немъ мысль, что можно въ данный моментъ, моментъ полной ликвидаціи самодержавнаго строя уничтожить всѣ виды кабальныхъ отношеній въ деревнѣ, а слѣдовательно и кабалу, неизбѣжно возникающую при капиталистическомъ строѣ на почвѣ *малоземелья*.

Правда, намъ могутъ возразить, что актомъ «передачи крестьянамъ безъ выкупа всѣхъ земель, которые служатъ орудіемъ для ихъ *хозяйственнаго закабаленія*» совсѣмъ не имѣется въ виду уничтожить теперь же *навсегда* всѣ виды кабалы,—и сохраненіе въ программѣ съ «прирѣзками» 5 пункта программы 2 съѣзда повидимому вполнѣ подтверждаетъ это,— что «прирѣзки» уничтожатъ кабальныя отношенія, возникшія не на почвѣ буржуазныхъ производственныхъ отношеній, а на почвѣ именно крѣпостническихъ порядковъ, такъ какъ *современное* малоземелье крестьянъ обусловливается именно существованіемъ этихъ послѣднихъ.

Что крестьянское малоземелье въ *данный моментъ* стоитъ въ связи съ существующими пережитками крѣпостничества въ деревнѣ, какъ въ сферѣ спеціально поземельныхъ, такъ и въ сферѣ гражданскихъ и политическихъ отношеній крестьянства, это вѣрно. Болѣе того. Оно коренится въ общей политической атмосферѣ, въ которой вращается теперь *все* народное хозяйство страны въ цѣломъ. Эта атмосфера можетъ быть охарактеризована [illegible] несоотвѣтствіе политической и правовой надстройки существующимъ экономическимъ отношеніямъ, противорѣчіе между ростомъ производительныхъ силъ и тѣми формами производственныхъ отношеній (въ широкомъ смыслѣ этого слова), въ рамкахъ которыхъ происходитъ этотъ ростъ, которыя поэтому сдавливаютъ, калѣчатъ нормальное развитіе всего общественнаго хозяйства, крестьянскаго въ частности. Отсюда нищета, пауперизмъ и всѣ прочія «прелести» крестьянскаго существованія.

Крестьянское малоземелье, конечно, лишь относительное явленіе: его нельзя понимать въ смыслѣ абсолютнаго перенаселенія. Современное малоземелье вызвано относительнымъ избыткомъ земледѣльческаго населенія на *данной* территоріи, при *данныхъ* соціально-экономическихъ условіяхъ, при *данномъ* уровнѣ техники въ крестьянскомъ хозяйствѣ[1]). Но прямой

---

[1]) *Примѣчаніе.* По свѣдѣніямъ, приводимымъ П. Лахтинымъ, Россія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ странъ по количеству удобной для земледѣлія земли, приходящейся на одного человѣка *всего* населенія, именно: Канада и Соединенные Штаты по 2,2; Россія — 2,01; Франція—0,82; Германія—0,62; Бельгія—0,28; количество земли, приходящейся на одного человѣка *только земледѣльческаго* населенія въ Россіи значительно меньше, именно: Канада и Соединенные Штаты 4,40; Россія—2,59; Франція—1,81; Германія—1,75; Бельгія—1,31. Число малоземельныхъ хозяйствъ ниже 5 десятинъ въ Россіи только 10,6% всѣхъ *крестьян-*

выводъ отсюда тотъ, что необходимо освободить крестьянское хозяйство отъ тѣхъ сословно-крѣпостническихъ путъ, которые задерживаютъ его развитіе,— нужно освободить все народное хозяйство отъ опеки бюрократіи, на почвѣ которой создался типъ реакціонной, *паразитарной* буржуазіи, питающейся казенными заказами и «подачками» всякаго рода, сумѣвшей примирить свой профитъ съ интересами самодержавія.— И тогда острая нужда крестьянъ въ землѣ, несомнѣнно, исчезнетъ, избыточное населеніе будетъ отливать въ города и другіе промышленные центры, гдѣ пышно расцвѣтетъ капитализмъ, поставленный на свои собственныя ноги, освобожденный отъ излишней заботливости бюрократическихъ нянекъ, интенсивность обработки земли повысится и т. д.

Если у крестьянъ существуетъ въ настоящее время малоземелье, на почвѣ котораго они закабаляются, то для уничтоженія этой кабалы необходимо устранить причину, вызывающую это малоземелье. т.-е. феодально-крѣпостническій строй. Надѣленіе крестьянъ «прирѣзками» безъ устраненія главной причины малоземелья, а слѣдов. и кабалы, нисколько не поможетъ дѣлу, что едва-ли кто будетъ оспаривать; при устраненіи же этой причины надѣленіе «прирѣзками» вовсе не необходимо[1]).

Итакъ, «прирѣзки» не есть conditio sine qua non дальнѣйшаго развитія капитализма въ Россіи. И если въ настоящее время передовые элементы буржуазіи, гг. кадеты, выставляютъ въ своей аграрной программѣ требованіе «прирѣзковъ» земли, отчуждаемыхъ въ пользу малоземельныхъ крестьянъ по «справедливой (!) оцѣнкѣ»,—то они выставляютъ это требованіе въ силу не экономическихъ, а *политическихъ* соображеній. Они хотятъ потушить во что-бы то ни стало революціонный пожаръ въ деревнѣ и обезпечить себѣ хотя-бы нѣкоторое сочувствіе со стороны крестьянскаго населенія, они, дальновидные политики, готовы пожертвовать частичными интересами отдѣльныхъ слоевъ буржуазіи, впользу буржуазіи какъ *класса* въ цѣломъ. Ихъ отсталые товарищи, группирующіеся около торговопромышленной партіи, не выставляютъ въ своей программѣ никакихъ «прирѣзковъ» земли. Они въ силу своей политической невинности еще не успѣли въ достаточной мѣрѣ освоиться съ необходимостью считаться съ «справедливыми» требованіями рабочаго класса и крестьянства, они, воспитанные въ вѣрѣ въ чудодѣйственную силу *одной* лишь нагайки и пулеметовъ, не допускаютъ даже и мысли о томъ, что современное революціонное движеніе можетъ грозить самымъ основамъ буржуазнаго строя. А посему они лишь по недоразумѣнію ведутъ борьбу съ «кадетами», которые лучше ихъ оцѣниваютъ съ точки зрѣнія буржуазіи всю серьезность настоящаго момента и готовы въ интересахъ «соціальнаго мира» разстаться съ пулеметами (на время, конечно,) и попытаться войти въ

скихъ хозяйствъ,— тогда какъ, наприм., во Франціи—71,4; въ Германіи—76,5; въ Бельгіи—90,1— *всѣхъ* хозяйствъ вообще, не только крестьянскихъ. По степени урожайности хлѣбовъ Россія занимаетъ послѣднее мѣсто. Съ одной десятины получается пшеницы въ Англіи 124 пуда; во Франціи—70,5: въ Германіи—77; въ Россіи же только 28,2. Мѣсто-ли послѣ этого говорить объ абсолютномъ малоземельи въ Россіи! Цитир. по Маслову. П. Масловъ: «Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи». 219, 224 стр.

[1]) *Примѣчаніе.* Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь лишь о томъ, *необходимо-ли надѣленіе крестьянъ „прирѣзками" для того, чтобы капиталистическій строй развивался безпрепятственно.*

сдѣлку съ умѣренными несознательными элементами пролетаріата и крестьянства, чтобы тѣмъ легче предупредить или, если нужно будетъ, то и раздавить революцію.

Разумѣется, надѣленіе крестьянъ «прирѣзками» не задержитъ ростъ капитализма, напротивъ, въ извѣстной мѣрѣ послужитъ толчкомъ для его развитія. Но это еще не является достаточнымъ основаніемъ, чтобы соц.-дем. выставила это требованіе въ своей программѣ. Не дѣло соц.-дем. «развивать» капитализмъ,—это является исторической миссіей буржуазіи, и только буржуазіи.

Можно было-бы до извѣстной степени понимать сторонниковъ программы съ «прирѣзками», если-бы они *поддерживали* крестьянское движеніе вплоть до... «прирѣзковъ», т.-е. смотрѣли на «прирѣзки» не какъ на *программное*, а какъ на *тактическое* требованіе. Но соц.-дем. поддерживаетъ крестьянское движеніе во всемъ его объемѣ вплоть до конфискаціи всѣхъ земель... и поддерживаетъ по *политическимъ* соображеніямъ.

Итакъ, по нашему мнѣнію, программа съ «прирѣзками» не можетъ быть *программой* соціалъ-демократіи.

II

Другой проектъ с.-д. аграрной программы, извѣстный въ широкихъ кругахъ читателей подъ именемъ проекта муниципализаціи земли, принадлежитъ тов. П. Маслову.

Первоначально этотъ проектъ появился въ печати 2 года тому назадъ въ нелегальномъ изданіи. [1]) Въ настоящее время онъ вышелъ вторымъ изданіемъ съ нѣкоторыми, впрочемъ незначительными поправками.

Обыкновенно, когда приходится говорить о муниципализаціи земли, почему-то имѣется въ виду именно проектъ аграрной программы тов. П. Маслова,—и всякій, кто является сторонникомъ муниципализаціи, независимо отъ того, какъ онъ ее понимаетъ, считается уже тѣмъ самымъ сторонникомъ его проекта программы.

Такая постановка вопроса, намъ кажется, не совсѣмъ правильна.

Правда, П. Масловъ первый выдвинулъ и популяризировалъ въ марксистской литературѣ идею муниципализаціи, и въ этомъ его несомнѣнная заслуга. Но можно быть сторонникомъ муниципализаціи земли при *извѣстныхъ* условіяхъ и въ *извѣстной* формѣ,—и быть въ тоже самое время рѣшительнымъ противникомъ его проекта аграрной программы.

Націонализацію земли, сдаваемую въ аренду крестьянскимъ общинамъ на началахъ «уравнительнаго» землепользованія защищаютъ, какъ извѣстно, соціалъ-народники; націонализацію же земли, а именно націонализацію крупныхъ *капиталистическихъ* имѣній при *извѣстныхъ* условіяхъ считаютъ допустимой и нѣкоторые очень видные теоретики марксизма (см. № 16 Пролетарія; статья Н. Ленина.)—отсюда, конечно, нельзя еще сдѣлать вывода, что между ними нѣтъ никакого различія,—напротивъ

[1]) См. брошюру X „Объ аграрной программѣ“ Женева. 1903 г.

въ пониманіи націонализаціи, а также въ условіяхъ и результатахъ ея практическаго проведенія въ жизнь они держатся діаметрально противоположныхъ взглядовъ.

Поэтому, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ проекту программы тов. Маслова, необходимо подвергнуть критическому анализу исходные принципіальные пункты его программы, являющіеся основаніемъ для выставленія извѣстныхъ программныхъ требованій, необходимо провѣрить возможность полученія тѣхъ объективно-вѣроятныхъ результатовъ, которые связываются съ проведеніемъ въ жизнь его программы и которые служатъ аргументомъ въ пользу именно этой, а не какой-либо другой программы.

Но прежде чѣмъ приступить къ разбору принципіальной стороны программы, не лишне будетъ отмѣтить нѣкоторые «маленькіе недостатки механизма», нѣкоторую противорѣчивость и непослѣдовательность въ программѣ, которая, если она не случайна, болѣе рѣзко и рельефно иллюстрируетъ принципіальную позицію, отстаиваемую тов. Масловымъ въ вопросѣ о формахъ земле-*владѣнія* и земле-*пользованія*.

5 пунктъ проекта программы требуетъ «передачи частно-владѣльческихъ земель (крупное землевладѣніе) во владѣніе самоуправляющихся крупныхъ *областныхъ организацій* (муниципализація),—въ пунктѣ-же 3-мъ выставляется требованіе, передачи конфискованныхъ монастырскихъ, церковныхъ и удѣльныхъ земель во владѣніе демократическаго *государства* (курсивъ нашъ. И. Н.). Если принять во вниманіе отрицательное отношеніе автора проекта программы къ націонализаціи частно-владѣльческихъ земель въ силу тѣхъ соображеній, что она усилитъ «бюрократію и чиновничество, которое существуетъ и въ демократическомъ государствѣ», являющемся «организаціей классоваго господства буржуазіи»—то вѣдь передача монастырскихъ, церковныхъ и удѣльныхъ земель во владѣніе демократическаго *государства тоже* усилитъ власть бюрократіи и буржуазіи въ буржуазномъ государствѣ. Чѣмъ руководился въ данномъ случаѣ тов. П. Масловъ, допуская исключеніе для извѣстной категоріи земель въ пользу ихъ націонализаціи,—остается совершенно неизвѣстнымъ.

Далѣе. Намъ кажется непонятнымъ, почему сторонники «муниципализаціи» не идутъ дальше и не требуютъ «муниципализаціи» крупной ренты въ городахъ, вѣдь существованіе ея *тоже* является тормазомъ для «развитія демократическаго строя», и въ пользу этой реформы можно было-бы привести гораздо болѣе агрументовъ, чѣмъ въ пользу муниципализаціи крупнаго землевладѣнія. Между прочимъ, тотъ-же самый К. Каутскій, котораго сторонники муниципализаціи по какому-то странному недоразумѣнію считаютъ своимъ единомышленникомъ въ данномъ вопросѣ,[1]) говоритъ слѣдующее. «Въ городѣ земельная рента растетъ; ре-

[1]) *Примѣчаніе.* Въ письмѣ къ товарищу, опубликованному въ № 4 книжки «Правды» Каутскій изложилъ свой взглядъ на муниципализацію земли въ Россіи въ данный моментъ. Для всякаго болѣе или менѣе безпристрастнаго читателя, который прочтетъ это письмо и сравнитъ его съ тѣмъ, что говоритъ Каутскій въ своей брошюрѣ „Аграрный вопросъ въ Россіи“, ясно, что только съ большою натяжкой Каутскаго можно зачислить въ число сторонниковъ проекта программы тов. П. Маслова; нужно быть „влюбленнымъ“ въ „муниципализацію“ чтобы въ этомъ письмѣ найти аргументъ въ ея пользу.

зультаты этого прироста тамъ, гдѣ земля является собственностью общины, выпадаютъ на долю послѣдней и служатъ въ ея рукахъ, при самостоятельности коммуны, всеобщемъ избирательнымъ правѣ и извѣстной высотѣ пролетарскаго развитія не для того, чтобы увеличивать орудія власти господствующихъ классовъ, но для того, чтобы способствовать благосостоянію и просвѣщенію въ общинѣ. Коммунализація земли является также средствомъ радикально реформировать устройство квартиръ для населенія при помощи постройки коммунальныхъ жилищъ, въ то время какъ одни строительные уставы, обязательныя распоряженія, строительная и квартирная инспекція могутъ устранить лишь наиболѣе вредные недостатки, но они не въ состояніи въ корнѣ убить квартирное ростовщичество земельныхъ монополистовъ.[1])

При муниципализаціи земельной ренты въ городахъ существуетъ несравненно больше шансовъ на то, что выгоды отъ подобной операціи могутъ быть использованы наиболѣе продуктивно съ точки зрѣнія пролетарскихъ интересовъ. Въ городахъ имѣются на лицо уже въ настоящее время значительные кадры пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы и организованнаго въ самостоятельную, политическую партію подъ знаменемъ соціалъ-демократіи. И это послѣднее обстоятельство дастъ дѣйствительную возможность, конечно, при всеобщемъ избирательномъ правѣ, вести коммунальную политику въ интересахъ рабочаго класса, правильно понятыхъ интересахъ всего городского населенія. Не нужно при этомъ забывать, что въ буржуазномъ обществѣ пролетаріатъ *и только онъ одинъ* является дѣйствительнымъ защитникомъ и послѣдовательнымъ борцомъ за интересы демократіи, за идеалы прогресса.

Не то мы видимъ въ деревнѣ. Ограниченный, невѣжественный, мелкій буржуа, будь—то ремесленникъ или мелкій крестьянинъ,—въ массѣ не способенъ понимать ничего, что такъ или иначе выходитъ за предѣлы его собственнаго хозяйства, за предѣлы его мѣщанскаго кругозора, поэтому неохотно даетъ общественныя средства на культурныя и просвѣтительныя нужды деревни, прямо и непосредственно не идущія на пользу его хозяйства. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ соціальномъ смыслѣ онъ является вполнѣ консервативнымъ и въ состояніи проявить не меньшій, а иногда и большій пылъ и энергію въ борьбѣ съ чисто пролетарскими интересами. Равнодушный, когда дѣло идетъ о какихъ-либо культурныхъ и просвѣтительныхъ предпріятіяхъ, не затрагивающихъ интересовъ его кошелька, не способныхъ нарушить его мѣщанскаго счастья, онъ становится рѣзко опозиціоннымъ, когда заходитъ рѣчь объ ограниченіи эксплуатаціи наемнаго труда, который эксплуатируется имъ не меньше чѣмъ всякимъ другимъ предпринимателемъ.

Нисколько поэтому не удивительно, если въ областныхъ, муниципальныхъ организаціяхъ, гдѣ городской пролетаріатъ будетъ представленъ относительно весьма слабо, деревенскій-же пролетаріатъ имѣется въ настоящее время въ небольшомъ сравнительно количествѣ, къ тому же мало сознателенъ и слабо организованъ и вообще туго поддается организаціи,—расходованіе общественныхъ средствъ будетъ производиться всецѣло и

[1]) K. Kautsky Agrarfrage 327.

желанію мелко-буржуазныхъ элементовъ крестьянства, которые не перестанутъ, конечно, быть предпринимателями только потому, что сдѣлаются арендаторами общественной земли.

Эти соображенія для сторонниковъ муниципализаціи, очевидно, не имѣютъ значенія. Они молчаливо обходятъ вопросъ объ экспропріаціи крупной земельной ренты въ городахъ. И мы думаемъ, что это далеко не случайно.

Если они настаиваютъ на необходимости экспропріаціи крупнаго землевладѣнія въ пользу областныхъ организацій (муниципализація),—то причина этого кроется не въ томъ, что они желаютъ увеличить такимъ путемъ общественныя средства за счетъ земельной ренты. Нѣтъ. Здѣсь фигурируютъ соображенія иного рода.

Правда, они иногда говорятъ, что «для пролетаріата не безразлично, кто будетъ получать ренту, частные собственники-землевладѣльцы, или же муниципальныя организаціи»,- но все это дѣлается какъ-то мимоходомъ и, очевидно, какъ это только что было выяснено, мало ихъ интересуетъ, иначе непонятно, почему же они не требуютъ экспропріаціи земельной ренты въ городахъ?

Да и странно, наконецъ, выставлять «въ серьезъ» такого рода аргументъ въ пользу муниципализаціи.

Вѣдь ни одинъ соц.-демократъ или даже просто демократъ никогда и не думалъ отрицать, что экспропріація ренты землевладѣльцевъ въ пользу общества вообще нежелательна или безразлична съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата и вообще демократіи.—И не въ этомъ, конечно, гвоздь аграрной программы тов. П. Маслова и источникъ его разногласій съ противниками.

Его аграрная программа стоитъ въ неразрывной связи съ его теоріей аграрнаго вопроса. И въ своей книгѣ «Аграрный вопросъ въ Россіи», и въ журнальныхъ статьяхъ, напр., въ статьѣ, помѣщенной въ сборникѣ «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія», и въ брошюрочной литературѣ Масловъ постоянно оперируетъ съ понятіемъ *землевладѣнія* и *землепользованія*. Онъ желаетъ уничтожить частное *землевладѣніе* и замѣнить его общественнымъ, муниципальнымъ.—Исходнымъ пунктомъ его разсужденій въ данномъ случаѣ является не желаніе ввести единый налогъ за счетъ экспропріируемой ренты. Нѣтъ. Частная собственность на землю, по его мнѣнію, задерживаетъ ростъ производительныхъ силъ, препятствуетъ развитію технически-раціональнаго, крупнаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ, является источникомъ кабалы, которая должна исчезнуть при муниципальной собственности. Центръ тяжести аграрной проблемы для него въ реформѣ *землевладѣнія*,—въ реформѣ поземельной *собственности*. Въ этомъ отношеніи тов. П. Масловъ и его сторонники близко подходятъ къ соціалъ-народникамъ и буржуазнымъ реформаторамъ a la Г. Джорджъ, хотя, необходимо это подчеркнуть, *исходные* пункты и ожидаемыя отсюда послѣдствія діаметрально противоположны.

Соціалъ-народники надѣются посредствомъ «соціализаціи земли» задержать развитіе капитализма въ русской деревнѣ и тѣмъ самымъ способствовать скорѣйшему введенію соціалистическаго производства. Г. Джорджъ и его послѣдователи въ реформѣ землевладѣнія (національ-

лизація) также видятъ средство разрѣшить соціальный вопросъ. Для него «антагонизмъ интересовъ существуетъ не между трудомъ и капиталомъ, а между *трудомъ и капиталомъ* съ одной стороны и *землевладѣніемъ*—съ другой» (Прогрессъ и бѣдность). Сторонники муниципализаціи, напротивъ, въ обобществленіи землевладѣнія видятъ средство «обнажить классовую борьбу, скрытую теперь сословными отношеніями»,—они выставляютъ это требованіе «для уничтоженія кабальныхъ, крѣпостническихъ отношеній» (см. проектъ аграрной программы П. Маслова). Земельная рента для нихъ есть ни болѣе ни менѣе, какъ одинъ изъ остатковъ феодально-крѣпостническаго строя[1]). «*Частное*, крупное *землевладѣніе*, говоритъ тов. П. Масловъ,—является основой сословнаго, феодальнаго строя»[2]).

Неправильность послѣдняго утвержденія очевидна.

Частное крупное землевладѣніе можетъ и не быть сословнымъ. Если же въ настоящее время въ Россіи частное крупное землевладѣніе является *главнымъ образомъ* (есть крупное землевладѣніе—не дворянское) сословнымъ, дворянскимъ, то это объясняется сохраненіемъ пережитковъ крѣпостного, феодальнаго строя во всей соціально-экономической структурѣ современной Россіи. Съ полнымъ уничтоженіемъ этихъ пережитковъ, съ уничтоженіемъ всѣхъ сословныхъ, дворянскихъ привилегій,—для чего муниципализація земли вовсе не есть conditio sine qua non—разрушается главная жизненная артерія крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія. Внѣ этихъ привилегій, поставленное въ открытомъ полѣ свободной конкуренціи буржуазнаго строя, помѣщичье землевладѣніе чахнетъ и въ концѣ-концовъ, какъ таковое, умираетъ естественной смертью, окончательно ликвидируя свои дѣла путемъ продажи имѣнія съ торговъ или же путемъ приспособленія къ новымъ условіямъ жизни въ буржуазномъ обществѣ. Помѣщикъ-землевладѣлецъ становится тогда аграріемъ-буржуа. Условія общественно-экономическаго развитія Россіи въ пореформенное время, въ общемъ далеко неблагопріятныя раскрытію и обнаруженію всѣхъ сторонъ буржуазнаго строя, наложили уже печать смерти на помѣщичье землевладѣніе и заставили многихъ изъ его представителей порвать связи съ *дворянствомъ, какъ сословіемъ*, и вступить въ ряды земельной *буржуазіи*. Вѣдь далеко не случайно, что въ рядахъ к.-д. партіи, являющейся партіей крупной буржуазіи par excellence, или вѣрнѣе сказать, партіей буржуазіи, какъ класса въ цѣломъ, очень видную роль играетъ значительное число крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ. Послѣдніе прекрасно сознаютъ теперь, что интересы ихъ, какъ землевладѣльцевъ, солидарны въ настоящее время не съ интересами дворянъ-помѣщиковъ, группирующихся около «союза русскаго народа» и родственныхъ ему политическихъ организацій,—а съ интересами буржуазіи вообще и земельной буржуазіи, не изъ дворянъ, въ особенности. Они вполнѣ сознательно пришли къ тому, можетъ быть, печальному для нихъ выводу, что пѣсенка ихъ, какъ землевладѣльцевъ *особаго* ранга, имѣющихъ свои сословныя привилегіи, спѣта и что для нихъ, если они желаютъ остаться землевладѣльцами и получать ренту, остается одинъ выходъ,—окончательно порвать съ прош-

---

[1]) Н. Валентиновъ. „Аграрный вопросъ и рабочая партія". „Правда", 1906 г., II, 42 стр.
[2]) П. Масловъ. „Къ вопросу объ аграрной программѣ", 13 стр.

лымъ, обреченнымъ къ тому-же на гибель и вступить на новый путь эксплуатаціи населенія на началахъ свободной конкуренціи. И они теперь опредѣленно стали на этотъ, послѣдній путь, рѣзко и безповоротно порвавъ связи съ консервативнымъ дворянствомъ и заключивъ самый тѣсный союзъ съ либеральной, промышленной буржуазіей. Тѣмъ самымъ имъ удалось, какъ говорится, и «невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти»,—либерализмъ сохранить и ренту спасти!

Пусть читатель великодушно проститъ сдѣланное нами отступленіе въ сторону помѣщиковъ-«кадетовъ». Отысканіе и выясненіе корней «кадетской» идеологіи въ экономической дѣйствительности даннаго момента вообще небезполезно и имѣетъ прямое отношеніе къ разбираемому вопросу. Оно на практикѣ, на конкретныхъ проявленіяхъ противорѣчій и проистекающаго отсюда антагонизма иллюстрируетъ вѣрность теоретическаго положенія, что *частное* крупное землевладѣніе можетъ не только не совпадать съ *сословнымъ, дворянскимъ* землевладѣніемъ, но даже находиться въ антагонизмѣ съ нимъ.—Но вѣдь это, въ сущности, общее мѣсто въ политической экономіи, которое какъ-то неловко доказывать въ виду его очевидности, но что-жъ дѣлать, если находятся люди, которые это отрицаютъ, и это отрицаніе служитъ однимъ изъ основаній «проекта программы», претендующаго быть къ тому-же «единственно правильнымъ» съ точки зрѣнія пролетарскихъ интересовъ!

Главный, основной пунктъ въ разсужденіяхъ сторонниковъ муниципализаціи,—а именно, взглядъ ихъ на *частное* землевладѣніе вообще, крупное въ особенности, какъ на источникъ всѣхъ бѣдъ и золъ современной деревни, особенно рѣзко выступаетъ въ аргументаціи тов. Н. Валентинова въ его статьѣ «Аграрный вопросъ и рабочая партія», помѣщенной въ II книжкѣ «Правды» за 1906 г.

«*При господствѣ буржазно-капиталистическихъ* отношеній, говоритъ онъ, *собственность, какъ таковая* (курсивъ нашъ. И. Н.) является однимъ изъ главныхъ источниковъ бѣдствія крестьянина и эксплоатаціи его крупнымъ землевладѣніемъ» (cit. op. 57—58 стр.).

Какъ-бы предчувствуя что-то неладное, Валентиновъ спѣшитъ укрѣпить и научно обставить это дѣйствительно *смѣлое* утвержденіе ссылкой на слѣдующее мѣсто изъ Маркса: ...«Французскій крестьянинъ гибнетъ теперь отъ хутора своего, отъ дробности земли, отъ той формы поземельной собственности, которую утверждалъ во Франціи Наполеонъ»... Въ хуторской *собственности,* (курсивъ Валентинова) а не «*идѣ-то внѣ ея*» слѣдуетъ «искать причину раззоренія крестьянъ» (cit. op. 57—58). Эти слова Маркса какъ будто вполнѣ подтверждаютъ взглядъ Н. Валентинова на мелкую, поземельную собственность. Но дѣло въ томъ, что эта выдержка приведена въ совершенно извращенномъ видѣ,—въ чемъ вина падаетъ на переводчика «18-е Брюмера Луи-Бонапартъ» (изданіе не помѣчено), переводомъ котораго пользовался Н. Валентиновъ.

Въ нѣмецкомъ оригиналѣ значится: «Der französische Bauer jetzt untergeht, es ist seine Parzelle selbst, die Theilung des Grund und Bodens, die Eigentumform, die Napoleon in Francreich konsolidirte... Wenn er (Napoleon) mit den Bauern noch die Illusion theilt, nicht im Parzelleneigentum selbst, sondern ausserhalb... die Ursache ihres Ruins zu suchen»... (100—101 s.)

Ошибка въ сущности ничтожная—одно слово,—но оно совершенно искажаетъ общій смыслъ рѣчи Маркса. «Parzelleneigentum»—значитъ—*парцеллярная* собственность — переведено почему-то словомъ *хуторская* собственность. Но хуторъ и парцелла далеко не одно и тоже. Марксъ видитъ причину раззоренія французскаго крестьянина въ дробности, парцеллярности земельныхъ участковъ; по словамъ Н. Валентинова выходитъ, что въ «хуторской *собственности*», слѣдовательно, въ *частной собственности* на землю.

Выводъ отсюда для него ясенъ. Необходимо стремиться къ замѣнѣ частной—(хуторской) собственности общественной, муниципальной.

Взгляды Маркса на мелкую поземельную собственность извѣстны. Его отношеніе къ ней безусловно отрицательное. «Она,—говоритъ Марксъ, исключаетъ развитіе общественной производительной силы труда, общественныя формы труда, общественное сосредоточеніе капитала, скотоводство въ крупныхъ размѣрахъ, прогрессивное приложеніе науки» (Капиталъ III т. 667 стр.)

Но этими словами Марксъ характеризуетъ здѣсь не столько *мелкую* крестьянскую *собственность*, сколько *мелкое* крестьянское *хозяйство* вообще, независимо отъ того, ведется ли оно на своей собственной, или арендованной землѣ.

Тов. Н. Валентиновъ однако очень храбрый человѣкъ. Въ своихъ утвержденіяхъ онъ идетъ дальше и окончательно раскрываетъ карты своего учителя тов. П. Маслова.

«*Земельная рента*, — говоритъ онъ, — *есть явный пережитокъ феодально-крѣпостническаго строя*». И «партія, выставляющая на своемъ знамени требованіе немедленнаго устраненія всѣхъ остатковъ крѣпостного права должна вписать въ свою программу экспропріацію земельной ренты» *).

Послѣднее положеніе логически вытекаетъ изъ перваго, и его правильность всецѣло обусловливается правильностью первой посылки.

Но вопросъ въ томъ, есть ли хотя какой-нибудь смыслъ, хотя нѣкоторая доля правды въ положеніи, что «земельная рента есть явный пережитокъ феодальнаго, крѣпостническаго строя»?!

Мы думаемъ, что ни одинъ марксистъ не рѣшится утверждать что-либо подобное!—это очевидный lapsus linguae со стороны тов. Н. Валентинова, lapsus, объясняемый благороднымъ желаніемъ доказать во что бы то ни стало необходимость муниципализаціи земли.

Бѣды особенной, конечно, еще нѣтъ въ томъ, если тов. Н. Валентиновъ сдѣлалъ промахъ,—съ кѣмъ грѣха не бываетъ! Но онъ хочетъ опереться въ данномъ случаѣ на Маркса. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ слѣдующую цитату изъ его «Нищеты философіи».

Земельная рента есть результатъ «*феодальной собственности* (курсивъ Н. Валент.) подчиненной условіямъ буржуазнаго производства».

У читателя въ результатѣ получается впечатлѣніе, что Н. Валентиновъ разсуждаетъ въ данномъ случаѣ какъ-будто «строго» по Марксу.

Авторъ этихъ строкъ тоже имѣетъ нѣкоторую слабость къ Марксу и полагаетъ, что Марксъ говоритъ здѣсь какъ разъ *обратное* тому, что хочетъ ему навязать Н. Валентиновъ.

---

*) Н. Валентиновъ. II книжка „Правды“, 1906 г. 42 стр.

Для разрѣшенія спора обратимся къ Марксу.

Выясняя въ полемикѣ съ Прудономъ истинный смыслъ и значеніе ренты Рикардо, совершенно извращенной Прудономъ, Марксъ говоритъ: «Рента, въ смыслѣ Рикардо, есть *поземельная собственность* въ ея *буржуазной формѣ*, т.-е. феодальная собственность, подчинившаяся условіямъ буржуазнаго производства». (К. Марксъ. Нищета философіи 148—149 стр.)

Ясно, что земельная рента является результатомъ *буржуазной* поземельной собственности, что она появляется лишь тогда, когда феодальная поземельная собственность становится буржуазной, или какъ сказано у Маркса, «подчиняется условіямъ буржуазнаго производства».

Да иначе и быть не можетъ. Рента по существу есть экономическая категорія капиталистическаго строя; она появляется вмѣстѣ съ нимъ, въ процессѣ его развитія облекается въ плоть и кровь, въ немъ и чрезъ него получаетъ свои специфическія особенности, характеризующія ее, какъ особую экономическую категорію буржуазнаго порядка. И Марксъ далѣе подробно выясняетъ экономическую природу земельной ренты.

«Рента, въ смыслѣ Рикардо,—говоритъ онъ,—знаменуетъ превращеніе патріархальнаго земледѣлія въ индустріальное, приложеніе индустріальнаго капитала къ землѣ, перемѣщеніе буржуазіи городовъ въ деревню... Она возможна лишь съ того момента, когда развитіе городской индустріи и созданная имъ соціальная организація принуждаютъ землевладѣльца обращать вниманіе лишь на торговую прибыль, на денежную выручку отъ сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и видѣть въ землевладѣніи только машину, выдѣлывающую деньги»... (cit op. 151—152).

...«Можно сказать, что рента стала той движущей силой, которая забросила идиллію (т.-е. идиллію феодальнаго строя. И. Н.) въ бурно-текущій потокъ исторіи».

Излагая ученіе о рентѣ Рикардо, Марксъ въ заключеніе говоритъ: «Рикардо, по предположенію котораго буржуазное производство необходимо для опредѣленія ренты, тѣмъ не менѣе прилагаетъ представленіе земельной ренты къ землевладѣнію всѣхъ временъ и странъ. Но таково ужъ заблужденіе всѣхъ экономистовъ, которые считаютъ отношенія буржуазнаго производства вѣчными».

Пусть читатель самъ теперь судитъ, насколько правъ Н. Валентиновъ, когда онъ говоритъ, что «земельная рента есть явный пережитокъ феодально-крѣпостническаго (!) строя». А вѣдь онъ желаетъ опереться въ данномъ случаѣ на Маркса.—Нечего сказать, хорошъ комментаторъ Маркса!

Но предположимъ, что проектъ муниципализаціи земли будетъ проведенъ въ жизнь. Какіе будутъ результаты подобной реформы?

Тов. П. Масловъ утверждаетъ, что этимъ будетъ въ корнѣ уничтоженъ сословный, феодальный строй. Это вѣрно, но не совсѣмъ точно. Феодально-сословный, крѣпостническій строй можетъ быть уничтоженъ не только муниципализаціей, а и раздѣломъ земли, продажей конфискованныхъ земель съ публичнаго торга и даже просто полнымъ уничтоженіемъ *сословныхъ привиллегій* крупнаго землевладѣнія.

Далѣе. Онъ говоритъ, что муниципализація уничтожитъ кабалу; но это еще вопросъ, который нужно доказать.

Не только частичное уничтоженіе частной собственности на землю, но даже полная ея замѣна муниципальной, при сохраненіи частной собственности на капиталъ, не уничтожитъ эксплуатаціи труда капиталомъ, не уничтожитъ, конечно, и кабалы, какъ особаго вида эксплуатаціи, и въ частности кабалы, неизбѣжно возникающей въ буржуазномъ обществѣ на почвѣ такъ назыв. малоземелья.

Въ настоящее время у крестьянъ существуетъ малоземелье. Какъ это нужно понимать, — объ этомъ уже говорилось выше. Уничтоженіе феодально-крѣпостническаго строя, устраненіе всѣхъ вообще препятствій для развитія капитализма уничтожитъ и современное малоземелье крестьянъ,—но уничтожитъ, конечно, лишь на время. Съ теченіемъ времени у крестьянъ вновь появится нужда въ землѣ. Обобществленіе земли (муниципализація) не даетъ никакихъ гарантій противъ появленія малоземелья, потому что послѣднее обусловливается существованіемъ частной собственности не только на землю, но и на капиталъ,—уничтоженіе первой вопроса нисколько не разрѣшаетъ.

Въ буржуазномъ обществѣ и при муниципальной собственности на землю, послѣдняя все же будетъ эксплуатироваться въ интересахъ капитала. Цѣлью сельско-хозяйственнаго производства, какъ и всякаго другого *капиталистическаго* производства, и тогда будетъ не удовлетвореніе общественныхъ потребностей, а исключительно полученіе прибавочной стоимости. И разъ *кабальная* эксплуатація труда *экономически* является для капиталиста выгодной,—то она и будетъ процвѣтать. При муниципальной собственности возможны напр. такія формы кабалы, какъ наемъ зимой на лѣтнія сельско-хозяйственныя работы, ссуда хлѣбомъ за отработки, испольная аренда и т. д.

Правда, намъ могутъ возразить, что программа муниципализаціи совсѣмъ не имѣетъ въ виду уничтожить всѣ виды кабалы (въ программѣ сказано... для уничтоженія крѣпостническихъ, кабальныхъ отношеній...) а только одну форму закабаленія крестьянъ—кабальную, продовольственную аренду. Но опять-таки источникъ продовольственной аренды не въ *частной* собственности на землю, а въ той общей соціально-экономической атмосферѣ, въ которой вращается все современное сельское хозяйство Россіи, крестьянское въ частности. А посему необходимо уничтожить не *частную* собственность на землю, а *феодально-крѣпостническій характеръ поземельной собственности*,—для чего муниципализація земли, какъ это было замѣчено выше, совсѣмъ не необходима. Конечно, если считать земельную ренту а слѣдов. и частную поземельную собственность однимъ изъ «явныхъ пережитковъ феодально-крѣпостническаго строя», какъ это утверждаетъ Валентиновъ,—то ее нужно уничтожить и замѣнить муниципальной собственностью. Но подобное утвержденіе, какъ мы уже видѣли, ни на чемъ не основано.

Но можетъ быть частная собственность на землю все-таки задерживаетъ развитіе производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ и, какъ таковая, должна быть уничтожена и замѣнена общественной, муниципальной въ интересахъ пролетаріата, какъ класса, идеалы котораго сов-

падаютъ съ объективнымъ ходомъ этого развитія. Сторонники муниципализаціи приводятъ и этотъ аргументъ, и въ данномъ случаѣ они хотятъ опереться на Маркса и Каутскаго.

Въ 3 томѣ «Капитала» Марксъ дѣйствительно говоритъ, что «поземельная собственность отличается отъ всѣхъ другихъ формъ собственности тѣмъ, что на *извѣстной* (курсивъ нашъ И. Н.) ступени развитія *капиталистическаго производства* является излишней и вредной съ точки зрѣнія самого этого производства». [1]) Тоже самое говоритъ и Каутскій. [2]).

Все это совершенно вѣрно. Но не менѣе вѣрно, и вѣрно именно по Марксу, что частная собственность на землю является необходимой предпосылкой капиталистическаго способа производства при его первоначальномъ возникновеніи. На извѣстной ступени развитія производительныхъ силъ общества примитивная общинная собственность должна была уступить мѣсто частной собственности на землю,—и это несомнѣнно былъ шагъ впередъ въ смыслѣ экономическаго прогресса. Слѣдовательно, если частная собственность на землю и является тормазомъ для соціально-экономическаго развитія,—то это вѣрно лишь постольку, поскольку имѣется въ виду конкретная, историческая обстановка. Марксъ указываетъ эту обстановку такимъ образомъ: «на извѣстной ступени развитія капиталистическаго производства».—Это конечно очень растяжимое понятіе. Во всякомъ случаѣ здѣсь у Маркса предполагается болѣе или менѣе развитой капиталистическій строй.

Наступилъ-ли такой моментъ у насъ въ Россіи?

Мы отвѣтимъ на это словами самого Маркса, сказанными имъ по отношенію къ Германіи 1848 года: въ настоящее время Россія страдаетъ не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ недостатка этого развитія, не только отъ живыхъ, но и отъ мертвецовъ.

Этотъ перифразъ словъ Маркса болѣе всего приложимъ къ русской деревнѣ.

Такимъ образомъ, задача русской соціалъ-демократіи въ данный моментъ сводится къ тому, чтобы окончательно убить этихъ живыхъ мертвецовъ, разрушить соціально-экономическія формаціи, образовавшіяся на почвѣ стараго дворянско-крѣпостническаго хозяйства и тѣмъ самымъ расчистить путь для дальнѣйшаго развитія общественнаго хозяйства, которое въ силу историческихъ условій можетъ развиваться теперь лишь въ рамкахъ буржуазнаго строя.

Но если частная поземельная собственность въ ея *буржуазной формѣ* въ данный моментъ не является еще тормазомъ для развитія общественнаго хозяйства съ *точки зрѣнія капиталистическаго способа производства*, то съ другой стороны, муниципализація или національзація земли не можетъ теперь сыграть роль рычага для поддержанія старыхъ, докапиталистическихъ порядковъ. Капитализмъ можетъ одинаково развиваться въ настоящее время въ Россіи при частной и при общественной собственности на землю. Необходимо уничтожить лишь феодально-крѣпостническій характеръ поземельной собственности.

---

1) Марксъ. Капиталъ 3 т. 513 стр.
2) Kautsky Agrartrage 324 s.

Но сторонники муниципализаціи могутъ намъ все-таки возразить, что конкретныя условія даннаго историческаго момента, момента полной ликвидаціи феодально-крѣпостническаго строя, таковы, что утвердится именно *мелкая* частная собственность, что нежелательно. Муниципализація даетъ выходъ изъ этого положенія, удовлетворяя земельный голодъ крестьянъ путемъ расширенія площади крестьянскаго землепользованія и сохраняя въ то-же время крупныя капиталистическія хозяйства.

«Можно легко доказать, говоритъ тов. П. Масловъ, что раздѣлъ земли, создавая мелкихъ земельныхъ собственниковъ создаетъ не только реакціонную массу мелкихъ мѣщанъ, но кромѣ того создаетъ *огромное препятствіе для хозяйственнаго развитія страны* (курсивъ П. Маслова); на мелкихъ земельныхъ участкахъ, находящихся въ *наслѣдственномъ владѣніи*, не создать болѣе крупнаго раціональнаго хозяйства, округленіе же участковъ процессъ крайне медленный».

Реакціоность раздѣла земли въ *данный моментъ* въ Россіи защищается въ марксисткой литературѣ однимъ только Масловымъ. И. Каутскій въ своей брощюрѣ «Аграрный вопросъ въ Россіи» и Г. В. Плехановъ въ № 1 своего «Дневника» категорически высказались, что раздѣлъ земли, если онъ произойдетъ, при современныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ Россіи не будетъ реакціоннымъ, антикапиталистическимъ актомъ. Ничего реакціоннаго въ раздѣлѣ не видитъ «Начало» и «Пролетарій». Конечно, здѣсь нѣтъ ничего прогрессивнаго въ *соціалистическомъ* смыслѣ, какъ это думаютъ соціалъ-народники.

Мы не будемъ доказывать правильность этой мысли, это завело-бы насъ слишкомъ далеко. Для насъ болѣе интереснымъ представляется анализъ тѣхъ соціально-экономическихъ перспективъ, которыя связываются въ данномъ случаѣ съ муниципализаціей земли. Раздѣлъ земли между крестьянами создаетъ, по словамъ Маслова, «огромное препятствіе для хозяйственнаго развитія страны». Переходъ земли въ распоряженіе «областныхъ организацій», очевидно, не влечетъ за собой этихъ неблагопріятныхъ послѣдствій. Почему?—сіе неизвѣстно.

Но вѣдь въ послѣднемъ случаѣ расширеніе крестьянскаго землепользованія неизбѣжно, это признаетъ и Масловъ. Неизбѣжно не только потому, что крестьяне нуждаются въ землѣ, но еще и потому, что въ областныхъ организаціяхъ по крайней мѣрѣ на первое время, преобладающимъ элементомъ будутъ мелко-буржуазные слои того-же крестьянства, послѣдніе примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы земля сдавалась въ *мелкую* аренду. Слѣдовательно, весь вопросъ здѣсь сводится къ тому, какая форма *собственности* на землю: частная или муниципальная (областныя организаціи) сравнительно является большимъ тормазомъ для хозяйственнаго развитія въ Россіи въ *данный моментъ*? Признавая въ полной силѣ положеніе, что въ конечномъ счетѣ формы хозяйства опредѣляются не формами собственности, а развитіемъ техники и потребностями экономическаго прогресса, слѣдуетъ признать, что при современныхъ общественно-экономическихъ условіяхъ Россіи частная крестьянская собственность на землю окажется не бо́льшимъ, если не меньшимъ тормазомъ для организаціи крупнаго, капиталистическаго производства, чѣмъ муниципальная собственность. И вотъ почему.

Разъ крестьянинъ будетъ *свободнымъ* частнымъ собственникомъ, будетъ *свободно* распоряжаться своимъ земельнымъ участкомъ, можетъ его продать, заложить, сдать въ аренду и т. д., то фактически переходъ его участка въ руки крупнаго капитала будетъ обусловливаться личнымъ желаніемъ крестьянина, будетъ зависѣть исключительно отъ него. Совершенно иначе обстоитъ дѣло при муниципальной собственности.

Если крестьянинъ почему-либо желаетъ отказаться отъ арендуемаго имъ земельнаго участка, то переходъ послѣдняго во владѣніе крупнаго капитала будетъ зависѣть не отъ него, а отъ муниципальной организаціи, которая, поскольку въ ней будутъ господствовать мелко-буржуазные элементы, конечно позаботится о томъ, чтобы сдать свободный участокъ земли снова въ *мелкую* аренду. Эта тенденція будетъ проводиться тѣмъ болѣе послѣдовательно, чѣмъ болѣе сознательной будетъ мелкая буржуазія, чѣмъ болѣе она проникнется своими классовыми интересами, чѣмъ болѣе она будетъ сознавать необходимость борьбы съ капитализмомъ (крупнымъ капиталомъ) съ одной стороны и съ коллективизмомъ съ другой. Мелкій крестьянинъ арендаторъ такой же мелкій буржуа-предприниматель, какъ и мелкій собственникъ. Его интересы, какъ *предпринимателя и продавца жизненныхъ продуктовъ на рынокъ* точно также находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ пролетарскими интересами. Не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, если мелкая, крестьянская буржуазія будетъ стремиться *юридически* закрѣпить свое вліяніе въ «областныхъ организаціяхъ», будетъ пытаться *искусственно* укрѣпить мелкое хозяйство.

На первомъ крестьянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ многіе делегаты высказывались за необходимость *обязательной* сдачи земли въ *мелкую* аренду, установивъ извѣстный максимальный размѣръ арендуемыхъ участковъ.

Если это пожеланіе крестьянскихъ делегатовъ будетъ проведено въ жизнь въ муниципальныхъ организаціяхъ, а въ этомъ ничего невозможнаго нѣтъ, то оно едва-ли будетъ *способствовать* «хозяйственному развитію страны».

Ошибка тов. П. Маслова заключается несомнѣнно въ томъ, что онъ хочетъ рѣшать аграрный вопросъ, игнорируя конкретную, историческую обстановку. Для него раздѣлъ земли экономически *всегда* реакціоненъ, муниципализація всегда прогрессивна. Но, именно такой методъ разсужденія и не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія діалектическаго марксизма.

Раздѣлъ земли можетъ быть реакціоннымъ и прогрессивнымъ въ зависимости отъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ совершается. Раздѣлъ крупныхъ *капиталистическихъ* хозяйствъ, конечно, реакціоненъ, раздѣлъ крупной *феодальной* собственности прогрессивенъ, поскольку онъ создаетъ *буржуазную* поземельную собственность взамѣнъ *феодальной*.

Въ настоящее время въ Россіи преобладающей формой собственности является именно полуфеодальная, полукрѣпостническая собственность. Мы этимъ не хотимъ конечно сказать, что муниципализація въ настоящее время является мѣрой реакціонной, она прогрессивна, но не имѣетъ никакихъ *преимуществъ* предъ раздѣломъ въ смыслѣ содѣйствія *экономическому* прогрессу.

Признаніе прогрессивности раздѣла земли при современныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ Россіи, является несомнѣнно исходнымъ пунктомъ резолюцій 3 съѣзда и конференціи меньшинства, обѣщающихъ поддержку революціонному крестьянству вплоть до конфискаціи всѣхъ земель.... Въ резолюціи ничего не сказано, что соціалъ-демократія стоитъ за раздѣлъ. Въ ней говорится что соц.-демократія поддерживаетъ крестьянское движеніе вплоть до конфискаціи.... Помимо раздѣла земли между крестьянами возможны и *наиболѣе желательны* съ пролетарской точки зрѣнія другіе способы использованія конфискованныхъ земель, и соціалъ-демократія не отказывается теперь отъ борьбы за лучшее съ ея точки зрѣнія использованіе этихъ земель. Но она считается съ возможностью раздѣла земли, поскольку на этомъ будутъ настаивать крестьяне, и, не считая его реакціоннымъ, обѣщаетъ крестьянамъ поддержку въ ихъ стремленіи добиться «земли и воли». Иначе соц.-демократія должна была-бы отказаться отъ поддержки крестьянства вплоть до конфискаціи, такъ какъ она не можетъ прямо или косвенно защищать ни одной мѣры, идущей въ разрѣзъ съ ходомъ общественнаго развитія.

Считая раздѣлъ земли реакціоннымъ при *всякихъ* условіяхъ и признавая въ тоже время необходимымъ поддерживать всѣ революціонно-демократическія мѣропріятія крестьянства вплоть до захвата всѣхъ земель, тов. Масловъ долженъ былъ, доказать, что муниципализація земли будетъ непремѣнно принята крестьянами, а раздѣлъ земли будетъ отвергнутъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть, если крестьяне не послушаются тов. Маслова и все-таки подѣлятъ землю. Вѣдь тогда окажется, что соціалъ-демократія, хотя и косвенно, поддерживала реакціонную мѣру—раздѣлъ земли.

Въ такое противорѣчіе тов. Масловъ неизбѣжно долженъ попадать, разъ онъ хочетъ доказать недоказуемое. Чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ-бы заявить, что соціалъ-демократія можетъ поддерживать крестьянство лишь подъ условіемъ принятія послѣднимъ программы муниципализаціи.

Итакъ, подводя итоги сказанному, слѣдуетъ признать, что мотивировка программы тов. Маслова, ея исходные пункты совершенно непріемлемы, ожидаемые результаты отъ проведенія муниципализаціи частью, какъ наприм. уничтоженіе кабалы, организація крупнаго, раціональнаго, капиталистическаго хозяйства, проблематичны, частью, уничтоженіе феодально-крѣпостническаго строя не неразрывно съ ней связаны.

Помимо этого, самая постановка вопроса о муниципализаціи въ программѣ невѣрна. Масловъ, какъ правильно замѣтилъ Н. Ленинъ, «хочетъ дать простое для всѣхъ комбинацій одинаковое рѣшеніе аграрнаго вопроса (Впередъ № 11). Его программа напередъ связываетъ соц.-демократію опредѣленнымъ рѣшеніемъ, которое можно защищать лишь при *извѣстныхъ* условіяхъ, при извѣстномъ, опредѣленномъ соотношеніи общественныхъ силъ, въ то-же время она ничего не говоритъ, какъ нужно поступать при всякихъ другихъ, возможныхъ комбинаціяхъ, она не даетъ классовыхъ лозунговъ въ борьбѣ, не только не даетъ классоваго анализа существующихъ въ настоящее время общественныхъ группъ

въ деревнѣ, напротивъ искусственно затѣняетъ этотъ анализъ, покрывая скрывающуюся теперь въ нѣдрахъ самаго «крестьянства» классовую борьбу одной общей вуалью демократизма.

Но для соц.-демократіи важно различать два момента въ крестьянскомъ движеніи: движеніе *всего* крестьянства противъ всѣхъ остатковъ крѣпостничества въ деревнѣ и классовую борьбу внутри самаго «крестьянства». Соціалъ-демократія поддерживаетъ революціонное крестьянство вплоть до конфискаціи и въ тоже время мобилизуетъ пролетарскіе элементы деревни въ особые кадры, готовясь къ борьбѣ съ крестьянской буржуазіей на другой же день послѣ побѣды революціи. Какъ использовать конфискованныя земли—это должны рѣшить сами крестьяне, и соц.-демократія выставляетъ лозунгъ организаціи *крестьянскихъ* комитетовъ*) въ цѣляхъ проведенія «всѣхъ революціонно-демократическихъ преобразованій въ интересахъ избавленія крестьянства отъ полицейски-чиновничьяго, помѣщичьяго гнета».

Но это, конечно, не значитъ, что соціалъ-демократія не будетъ отстаивать своей точки зрѣнія въ крестьянскихъ комитетахъ, не будетъ проводить здѣсь своей, пролетарской политики. Вездѣ и всюду и всегда она будетъ защищать интересы рабочаго класса. Какую конкретную позицію займетъ соціалъ-демократія въ данномъ случаѣ—это *теперь* опредѣлить нельзя. Все будетъ зависѣть отъ различныхъ условій, отъ конкретнаго соотношенія общественныхъ силъ, отъ размаха революціонной волны, что учесть теперь-же никакъ невозможно. Правда, намъ могутъ возразить, что конфискація земель крупныхъ собственниковъ, а также земель монастырскихъ, удѣльныхъ и т. д. предполагаетъ уже опредѣленную политическую ситуацію, а именно побѣду революціонной демократіи.

Совершенно вѣрно. Но ненужно забывать и того, что первый день-побѣды не предрѣшаетъ еще соотношеніе общественныхъ силъ на будущее ближайшее время. Крестьянину нужна земля, и къ политической свободѣ онъ относится довольно-таки равнодушно. Ловкіе авантюристы a la Наполеонъ III легко могутъ воспользоваться темнотой и невѣжествомъ крестьянства въ своихъ цѣляхъ. Соціалъ-демократія должна это имѣть въ виду и употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы предупредить реакцію. Разъ предъ ней будетъ стоять дилемма: или отстаивать свою точку зрѣнія, наприм., стоять за націонализацію или муниципализацію, и тѣмъ самымъ отколоть отъ себя крестьянъ, готовыхъ броситься въ объятія реакціи, или же уступить мелко-буржуазно настроенному крестьянству въ его желаніи подѣлить между собой всю землю, соціалъ-демократія

*) *Примѣчаніе.* Тов. Масловъ высказываетъ недоумѣніе по поводу того, что „соц. дем. партія въ одномъ мѣстѣ выставляетъ требованіе уничтоженія сословій и полной гражданской равноправности, но на ряду съ этимъ требуетъ учрежденія „крестьянскихъ комитетовъ“ т. е. сословныхъ (?) *Дворянскіе* комитеты были въ сословномъ государствѣ, а задача с.-дем. смести сословныя перегородки“. Совершенно вѣрно. Соц.-демократія стремится къ уничтоженію сословій и установленію гражданскаго равенства, но *сословныя* привилегіи и гражданское неравенство могутъ быть уничтожены только возставшимъ угнетеннымъ *сословіемъ*. Точно также, *только* пролетаріатъ, какъ угнетенный *классъ* въ *буржуазномъ* обществѣ, можетъ и долженъ уничтожить классовое неравенство. Послѣднее будетъ уничтожено *только* путемъ диктатуры пролетаріата.

не колеблясь станетъ на его сторону. Тѣмъ болѣе, что раздѣлъ земли не задержитъ развитія производительныхъ силъ, и если задержитъ, то лишь на время, послѣ чего наступитъ періодъ пышнаго расцвѣта капитализма.

Наконецъ, самый актъ конфискаціи земель, хотя и предполагаетъ побѣду революціи, не даетъ еще никакихъ гарантій *полнаго* успѣха революціонной демократіи. Первый шагъ революціи не предрѣшаетъ еще ея дальнѣйшихъ шаговъ на пути революціонно демократическихъ преобразованій. При рѣшеніи же вопроса о формахъ использованія конфискованнаго земельнаго фонда конкретное содержаніе революціонно-демократическихъ завоеваній имѣетъ громадное значеніе. *Полная* побѣда революціи, т. е. полное проведеніе въ жизнь программы minimum соц.-демократіи даетъ возможность поставить вопросъ о націонализаціи конфискованныхъ земель.

Полная побѣда демократіи несомнѣнно нанесетъ сильный ударъ государству, какъ политической организаціи классоваго господства, она уничтожитъ по крайней мѣрѣ главные органы этого господства—церковь, армію, дворъ,—она положитъ предѣлъ развитію милитаризма, создастъ свободную школу, проведетъ выборность чиновниковъ и т. д. однимъ словомъ, она уничтожитъ формы *внѣэкономическаго* принужденія и создастъ такія формы государственнаго устройства, которыя послужатъ не къ порабощенію, а къ эмансипаціи пролетаріата*). Далѣе. Если націонализація конфискованныхъ земель можетъ быть желательна только при условіи *полной* побѣды революціи, то эта послѣдняя возможна лишь въ томъ случаѣ, если пролетаріатъ будетъ играть въ ней первенствующую роль, будетъ идти въ авангардѣ революціонныхъ силъ, а слѣдовательно будетъ въ состояніи оказывать извѣстное давленіе на буржуазные элементы демократическаго государства въ своихъ, собственныхъ интересахъ.

При полной побѣдѣ революціи соц.-демократія должна отстаивать именно націонализацію, а не муниципализацію, потому что нельзя идти въ разрѣзъ съ тенденціями экономическаго развитія, которое стремится создать *національное* хозяйство т. е. хозяйство въ предѣлахъ даннаго исторически и географически сложившагося политическаго организма. Защищать муниципализацію это значитъ создавать матеріальную основу для обособленности, федерализма, областного сепаратизма, это значитъ далѣе, закрѣплять національный антагонизмъ, (областныя организаціи будутъ несомнѣнно совпадать съ національными областями), дробить силы пролетаріата, воспитывать и поощрять въ немъ націонализмъ и т. д.

Если тов. П. Масловъ выставляетъ въ качествѣ аргумента противъ націонализаціи указаніе на то, что это требованіе противорѣчитъ 7 пункту соц.-дем. программы minimum, по которому каждая нація имѣетъ право на самоопредѣленіе, и что «демократическіе элементы Польши, Литвы, Прибалт. края, Закавказья на націонализацію посмотрятъ, какъ на поощрительство на національность»—то его возраженіе въ значительной мѣрѣ основано на недоразумѣніи.

---

*) Ср. Каутскій. Республика и соц.-демократія во Франціи. 128 стр.

Если націи, пользуясь правомъ самоопредѣленія, пожелаютъ образовать отдѣльныя государства, то этимъ самъ собою рѣшается и вопросъ зо націонализаціи. «Націи» сами тогда рѣшатъ, какъ поступить имъ съ конфискованными землями, и навязывать имъ муниципализацію, какъ это дѣлаете Вы, тов. Масловъ, является вѣдь тоже посягательствомъ на ихъ право самоопредѣленія.

Но дѣло не въ томъ. Соц.-демократія должна считаться не съ «націями», а съ пролетаріатомъ этихъ націй и формулировать свои требованія, исходя изъ общихъ интересовъ *всего* Россійскаго пролетаріата.

Если стать на точку зрѣнія Маслова, то самая постановка вопроса объ образованіи *единой Россійской* соц.-демокр. партіи и въ частности позиція партіи, занятая ею на 2 съѣздѣ по отношенію къ «Бунду» неправильна. Говарищи изъ «Бунда» дѣйствительно увидѣли здѣсь посягательство на «самостоятельное» движеніе еврейскаго пролетаріата, или вѣрнѣе, посягательство на «ихъ націю». Мы думаемъ, что 2-й съѣздъ по отношенію къ «Бунду» поступилъ совершенно правильно.

Итакъ въ *настоящее время* соціалъ-демократія на нашъ взглядъ не можетъ опредѣленно заявить, что она будетъ отстаивать извѣстный способъ использованія конфискованныхъ земель при *всякихъ* условіяхъ. Но не въ этомъ въ данный моментъ и центръ тяжести аграрной проблемы. На первый планъ выдвигается теперь революціонный характеръ крестьянскаго движенія, которое находится въ первой стадіи своего развитія, когда пролетаріатъ идетъ *вмѣстѣ*, или вѣрнѣе, *рядомъ* съ крестьянствомъ противъ всѣхъ остатковъ феодально-крѣпостническаго строя.

Исходя изъ этого, аграрная программа соціалъ-демократіи должна опредѣлить лишь общіе основные, руководящіе принципы, которые могли-бы быть путеводной звѣздой для разрѣшенія современнаго аграрнаго вопроса при *всякой данной* ситуаціи. Въ этомъ смыслѣ и должна быть измѣнена программа 2 съѣзда. Подробная детализація требованій необходима лишь въ области гражданскихъ, правовыхъ отношеній крестьянства, поскольку эти требованія не входятъ въ общую программу—minimum. Соц.-демократія будетъ отстаивать эти требованія при *всякой* политической ситуаціи. Что же касается спеціально земельнаго вопроса, то соціалъ-демократія должна формулировать въ программѣ лишь общіе руководящіе директивы по данному вопросу;—она должна опредѣленно заявить о своей *поддержкѣ* революціоннаго крестьянства вплоть до конфискаціи...

И. Наумовъ.

13 апрѣля 1906 г.

Статья была уже набрана, когда намъ стала извѣстной аграрная программа, принятая на 4 объединительномъ съѣздѣ Р. С. Д. Р. П. Приводимъ полный текстъ программы:

«Въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка, которые тяжелымъ гнетомъ лежатъ непосредственно на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, Р. С. Д. Р. П. требуетъ:

1) Отмѣны всѣхъ сословныхъ стѣсненій личности и собственности крестьянъ.

2) Отмѣны всѣхъ платежей и повинностей, связанныхъ съ сословной обособленностью крестьянъ, и уничтоженія долговыхъ обязательствъ, имѣющихъ кабальный характеръ.

3) Конфискаціи церковныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель и передачи ихъ, а равно и казенныхъ земель крупнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія, объединяющимъ городскіе и сельскіе округа, причемъ земли, необходимыя для переселенческаго фонда, а также лѣса и воды, имѣющіе обще-государственное значеніе, передаются во владѣніе демократическаго государства.

4) Конфискаціи частновладѣльческихъ земель, кромѣ мелкаго землевладѣнія, и передачи ихъ въ распоряженіе выбранныхъ на демократическихъ началахъ крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, причемъ минимальный размѣръ подлежащихъ конфискаціи земельныхъ участковъ опредѣляется крупными органами мѣстнаго самоуправленія.

Поддерживая революціонныя выступленія крестьянства вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ земель, Р. С. Д. Р. П. всегда и неизмѣнно будетъ противодѣйствовать всякимъ попыткамъ задерживать ходъ экономическаго развитія. Стремясь при побѣдоносномъ развитіи революціи передать конфискованныя земли во владѣніе демократическихъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія, Р С. Д. Р. П. въ случаѣ неблагопріятныхъ для этого условій, выскажется за раздѣлъ между крестьянами тѣхъ помѣщичьихъ земель, на которыхъ фактически ведется мелкое хозяйство или которыя составляютъ необходимыя для его округленія угодія. При этомъ партія во всѣхъ случаяхъ и при всякомъ положеніи демократически - аграрныхъ преобразованій ставитъ своей задачей неуклонно стремиться къ самостоятельной классовой организаціи сельскаго пролетаріата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересовъ интересамъ крестьянской буржуазіи, предостерегать его отъ обольщенія системой мелкаго хозяйства, которая никогда при существованіи товарнаго производства не въ состояніи уничтожить нищеты массъ, и наконецъ указывать на необходимость полнаго соціалистическаго переворота, какъ единственнаго средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплоатацію.

Трудно было ожидать, чтобы аграрный вопросъ — вопросъ *программный* могъ сдѣлаться полемъ для сраженія двухъ *тактическихъ* платформъ, рѣзко обозначившихся въ соціалъ-демократической партіи въ данный моментъ,—и тѣмъ не менѣе, аграрная программа 4 съѣзда носитъ на себѣ явный отпечатокъ фракціонной борьбы, что особенно ярко обнаружилось въ ходѣ съѣздовскихъ дебатовъ, насколько послѣднія намъ извѣстны изъ устныхъ отчетовъ делегатовъ и краткихъ газетныхъ замѣтокъ по поводу съѣзда (офиціальные протоколы съѣзда еще не вышли).

Что касается критикуемыхъ нами проектовъ аграрной программы, то первый проектъ тов. Н Рожкова совсѣмъ не имѣлъ на съѣздѣ сторонниковъ, если не считать выступленіе въ защиту его одного тов. съ большими, впрочемъ, оговорками и примѣчаніями, — другой проектъ тов. П. Маслова въ томъ видѣ, какъ онъ отстаивается авторомъ его, также потерпѣлъ неудачу. Программа муниципализаціи земли, принятая на съѣздѣ, поскольку она предусматриваетъ возможность раздѣла, цѣликомъ уничтожаетъ исходные пункты проекта тов. Маслова и можетъ удовлетворить его менѣе, чѣмъ кого бы то ни было: по его мнѣнію раздѣлъ земли можетъ «гораздо болѣе затормозить хозяйственное развитіе страны, чѣмъ даже уравнительное землепользованіе» *). Помимо муниципализаціи и раздѣла въ программу включена и націонализація (переселенческій фондъ, а также лѣса и воды, имѣющіе общегосударственное значеніе). Въ результатѣ получается программа муниципализаціи—націонализаціи—раздѣла. Но это уже не программное заявленіе основныхъ принциповъ соц.-демократіи въ земельномъ вопросѣ, а какая-то смѣсь, способная совершенно сбить съ толку партійныхъ работниковъ, не давая имъ опредѣленныхъ директивъ.

Не отличается программа и ясной, точной формулировкой, что даетъ полный просторъ для различныхъ толкованій. Въ пунктѣ 3 ска-

*) П. Масловъ. Къ вопросу объ аграрной программѣ, 11 стр.

зано. «земли, необходимыя для переселенческаго фонда, а также лѣса и воды, имѣющіе общегосударственное значеніе передаются во владѣніе демократическаго государства». Прежде всего возникаетъ вопросъ, какія земли нужно считать *необходимыми* для переселенческаго фонда? Каковъ долженъ быть критерій для зачисленія земель въ означенный фондъ? Это совершенно неясно, какъ неясно и то, какія лѣса имѣютъ «общегосударственное значеніе», тѣ-ли, сохраненіе которыхъ необходимо по климатическимъ соображеніямъ, или же всѣ лѣса не эксплоатируемые въ настоящее время. Если принять послѣднее толкованіе, а къ числу земель, *необходимыхъ* для переселенческаго фонда отнести не только незаселенныя земли, а вообще всѣ земли, не необходимыя для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ *мѣстнаго* населенія (такихъ земель найдется немало въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, особенно же въ Сибири), то во владѣніе государства переходитъ значительный земельный фондъ, почти всѣ земли, принадлежащія теперь казнѣ, а они составляютъ 38,5% всѣхъ земель. Тогда какой же смыслъ было противопоставлять на съѣздѣ муниципализацію націонализаціи, способной якобы усилить классовое господство буржуазіи и власть бюрократіи, вѣдь при такихъ условіяхъ во владѣніе крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія переходитъ незначительный, во всякомъ случаѣ не бо́льшій земельный фондъ въ сравненіи съ государствомъ. (Число земель, неподлежащихъ конфискаціи, если къ нимъ отнести всѣ земли, крестьянскихъ обществъ — мелкое землевладѣніе—составляетъ 33,5%).

Далѣе. Программа различаетъ «побѣдоносное развитіе революціи» и «неблагопріятныя условія»—въ первомъ случаѣ партія будетъ отстаивать «передачу конфискованныхъ земель во владѣніе демократическихъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія»,—во второмъ, она «выскажется за раздѣлъ между крестьянами тѣхъ помѣщичьихъ земель, на которыхъ фактически ведется мелкое хозяйство, или которыя составляютъ необходимыя для его округленія угодія».

Что такое «неблагопріятныя условія»—здѣсь не совсѣмъ ясно. Ихъ можно понимать и въ смыслѣ недоведенія революціи до конца и въ смыслѣ несочувствія муниципализаціи со стороны крестьянскаго населенія, которое можетъ высказаться за раздѣлъ.

По аналогіи съ побѣдоноснымъ развитіемъ революціи скорѣе всего можно было-бы видѣть здѣсь первый случай, но тогда непонятно, зачѣмъ въ программѣ говорится о конфискаціи и *раздѣлѣ* помѣщичьихъ земель. Разъ революція будетъ подавлена, о какой конфискаціи и раздѣлѣ можетъ быть рѣчь? Тогда можно говорить только о «прирѣзкахъ» или о чемъ-либо въ этомъ родѣ.

Внесеніе въ программу «раздѣла помѣщичьихъ земель» въ случаѣ «неблагопріятныхъ условій» уничтожаетъ *программный* характеръ ея требованій въ области спеціально земельнаго вопроса и придаетъ ей рѣзко выраженный тактическій характеръ.

Очевидно, для авторовъ программы муниципализація земли не является средствомъ реформировать землевладѣніе, т.-е. уничтожить частную собственность на землю и замѣнить ее муниципальной, не является вопросомъ самостоятельной пролетарской политики, которую партія пролетаріата будетъ проводить, не считаясь съ тѣмъ, желаютъ этого крестьяне

или нѣтъ; въ противномъ случаѣ, зачѣмъ-же говорить въ программѣ о раздѣлѣ земель, вѣдь послѣдній является мѣрой укрѣпляющей мелкую *частную* собственность. Разъ существованіе частной собственности на землю въ *настоящее время* признается вредной и въ «интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостного порядка» необходимо ее замѣнить общественной (муниципальной), сохранивъ частную собственность на капиталъ, тогда зачѣмъ-же предлагать въ программѣ мѣру діаметрально ей противоположную,— именно раздѣлъ. Это значило-бы заранѣе отказаться отъ борьбы за одно изъ пролетарскихъ *требованій* программы-minimum. Тогда почему не отказаться отъ демократической республики, 8-часового рабочаго дня и т. д., заявивъ, что «въ случаѣ неблагопріятныхъ условій» соц.-демократія «выскажется» за конституціонную монархію, 10-часовой рабочій день и т. д.

Въ пользу такого пониманія программы 4 съѣзда, а именно ея тактическаго характера, говоритъ и то обстоятельство, что она стоитъ за конфискацію только *крупныхъ* земель частныхъ собственниковъ. Если-бы программа ставила цѣлью уничтожить вообще частную собственность на землю, тогда она не должна была-бы ограничиваться конфискаціей только *крупнаго* землевладѣнія. Ссылка на то, что земли мелкаго землевладѣнія потому не конфискуются, что противъ этого были-бы крестьяне, неосновательна. Крестьяне выскажутся и противъ муниципализаціи, такъ какъ раздѣлъ земли въ собственность въ ихъ непосредственныхъ интересахъ, и наивно ихъ убѣждать въ томъ, что для нихъ выгоднѣе передать конфискованныя земли во владѣніе крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и послѣ за деньги арендовать эти земли, чѣмъ раздѣлить ихъ въ собственность.

Въ виду этого и формулировка аграрной программы, какъ намъ кажется, должна носить нѣсколько иной характеръ, именно въ той ея части, гдѣ выставляются требованія въ области спеціально *земельныхъ* отношеній. Программа должна формулировать общіе основные взгляды соціалъ-демократіи на земельный вопросъ въ Россіи въ *данный моментъ;* она должна указать директивы для рѣшенія вопроса при *всякой* комбинаціи общественныхъ силъ, при *всякой* политической ситуаціи, а не давать конкретное рѣшеніе его, пріемлемое лишь при наличности *извѣстныхъ* условій. Она должна опредѣленно заявить, что партія поддерживаетъ революціонное выступленіе крестьянства противъ всѣхъ остатковъ крѣпостничества въ деревнѣ вплоть до конфискаціи... и поддерживаетъ именно по *политическимъ* соображеніямъ. Это, конечно, еще не значитъ, что для партіи пролетаріата безразлично, какъ будутъ использованы конфискованныя земли, и она должна теперь-же заявить, что она не отказывается отъ борьбы за лучшее использованіе земельнаго фонда съ точки зрѣнія пролетарскихъ интересовъ. Предлагать-же теперь какое-нибудь одно рѣшеніе, расчитанное на *извѣстное* соотношеніе общественныхъ силъ, нецѣлесообразно не только потому, что возможны и мыслимы не одна и не двѣ комбинаціи общественныхъ силъ, а нѣсколько, но также и потому, что эти комбинаціи можно теперь характеризовать лишь въ общихъ чертахъ такими неопредѣленными терминами, какъ «побѣдоносное развитіе революціи» и «неблагопріятныя условія».

10 мая 1906 г. **И. Н.**